

ЧЕРНЫЙ АРХЕОЛОГ

ЛЕОНИД СМИРНОВ

ЗОНА
ПОРАЖЕНИЯ

Леонид Эллиевич Смирнов
Зона поражения
Серия «Черный археолог»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127784

Смирнов Л. Зона поражения: АСТ; М.; 2002

ISBN 5-17-011404-4

Аннотация

Он – черный археолог космической эры. «Индиана Джонс» эпохи, когда грандиозный технологический скачок вынес корабли землян в открытый космос. «Расхититель гробниц», при одном упоминании имени которого обитатели десятков планет скрежещут зубами, жвалами, роговыми пластинами и всем прочим! Он – гроза космических сфинксов. Джентльмен в белом смокинге с тросточкой в руке, цветком кактуса – в петлице, громадным багажом знаний – в голове и нежной любовью к текиле – в сердце. Он – человек, способный проникнуть – и проникающий – в сокровищницы древних цивилизаций любого мира. Он – профессор Платон Рассольников по прозвищу Атлантида. Авантюрист и герой от космической археологии!..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	58
Глава 4	73
Глава 5	84
Глава 6	103
Глава 7	114
Глава 8	130
Глава 9	151
Глава 10	172
Глава 11	190
Глава 12	208
Глава 13	225
Глава 14	247
Глава 15	274
Глава 16	309
Глава 17	347
Глава 18	371
Глава 19	393
Глава 20	408
Глава 21	426
Глава 22	443
Глава 23	463

Леонид СМИРНОВ

ЗОНА ПОРАЖЕНИЯ

Глава 1

Право на отдых

«Планета Гея-Квадрус – ни то ни се. Она не настолько экзотична, чтобы привлечь любителей острых ощущений. Но при этом не настолько похожа на Старую Землю, чтобы стать прибежищем ностальгирующих личностей, которые по разным причинам не могут поселиться на прародине. Третьестепенный курорт, безнадежно претендующий на что-то большее. Место промежуточной посадки для тех, кто лезет в гору или катится вниз. Бывает и хуже...»

Документ 1 (отрывок из Путевого дневника)

Прижимая к груди сумку с драгоценными свитками из библиотеки фараона Урурха-Роа, археолог Платон Рассольников все еще не верил своему счастью. Охранители гробницы, несмотря на преклонный возраст, были проворны, и лишь считанные секунды отделили археолога от мучительной смерти.

Мумии еще долго разевали беззубые щели ртов и метали в воздух каменные обломки, хотя глайдер Платона был уже

далеко. Платон наблюдал за этим спектаклем на экране заднего обзора, пока фотоумножитель позволял получить мало-мальски четкое изображение.

Автопилот уверенной мозгой вел двухместную машину по направлению к городу. В городе Платон рассчитывал сесть на орбитальный шаттл, подняться на пересадочную станцию – и тогда ищи ветра в поле... Археолог сидел, откинувшись на мягкую спинку кресла, обшитого настоящим кожзаменителем. Внизу проносились безжизненные бурые холмы, изрытые непонятными норами, корявые рощи похожих на саксаул растений-мертвецов, высохшие русла рек, называемые на Земле «вади», «крик» или «узбой». С высоты эти снулые пейзажи казались пыльной декорацией безнадежно скучной пьесы и ни 272 чуточки не пугали.

Скоро, очень скоро Платон утрет нос жалким скептикам, кабинетным крысам, которые боятся нос высунуть на яркое солнце, но берутся судить об истории другого конца Галактики. Их академический гонор и фантастическая твердолобость бесили Платона, и он давно мечтал поставить их на место. Отныне он ногой будет распахивать двери земных университетов, и ни одна тля не осмелится с ним спорить...

Это случилось, когда, казалось, все опасности уже позади, когда до городского аэродрома оставалось каких-то двадцать километров. Глайдер на полном ходу провалился в воздушную яму, и ровное, едва ощутимое гудение двигателя смолкло. Замедляя падение, оглушительно захлопали тормозные

патроны.

– Нас сбили. Падаем, – сказал автопилот флегматичным голосом. – Достукались.

Глайдер завибрировал. Сейчас он рассыплется. Платон даже испугаться не успел – кресло вцепилось в него подголовником, подлокотниками и подножками, оглушительно взвизгнуло и катапультировалось.

– П-пож-жинай-те п-плод-ды... – были последние слова автопилота.

Выпущенный парашют лопнул, второй парашют повторил судьбу первого, третий – второго. Затем под креслом возникла воздушная подушка, и его седок был спасен.

«У меня всегда мягкая посадка», – подумал Платон Рас-сольников, лежа на горячем песке. Вставать не хотелось, но никуда не денешься.

Из песка высунулась рыжая клешня на длинном стебле и ухватила его за штанину. Тр-р-р! – полбрючины исчезли без следа.

Клешня появилась снова, нацелилась на ногу и сделала бросок... Платон выстрелил. Луч карманного бластера знаменитой фирмы «Магnum» перебил стебель. Тот забился на песке, но клешня успела защелкнуться на лодыжке и пыталась перекусить ногу. Археолога обожгло болью, но, совладав с собой, он докромсал клешню лучом и осторожно освободил ногу. Кожа была содрана до голого мяса. Вот черт!..

Сделав себе обезболивание, Платон собрал с земли высы-

павшиеся из сумки свитки с криптограммами и сунул за пазуху. Затем определил по компасу направление и, чуть прихрамывая, пошагал к заветному городу.

Главным богатством Платона был лучевой пистолет «магнум», рассчитанный на десять минут непрерывной стрельбы. В народе его называют бластером. Запасная батарея к «магнуму» висела на поясе рядом с флягой текилы, на плече висел подсумок с парализующими гранатами. Не так и мало, на первый взгляд. Но не на второй...

Отдельные хищники не пугали Платона. Подстреленные, они тут же становились добычей более удачливых собратьев. До поры До времени его марш-бросок через пустыню был легкой прогулкой: за спиной оставались песчаные дюны, каменистые лощины и глиняные поля. Но потом, отрезая от города, навстречу археологу устремились бродячие джунгли.

Тонкая темная полоска на горизонте в считанные минуты превратилась в клубящуюся зеленую пену, а затем ошетибилась корявыми ветвями. Джунгли ползли, ковыляли, скакали, прыгали, спеша ему наперерез. Авангард, состоящий из самых быстрых животных и растений, делал тридцать километров в час. Они пищали, рычали, шипели в тысячу глоток, и хор их был устрашающ.

Бродячие джунгли явно хотели испробовать на Платоне все доступные им способы убийства. Они клацали зубами, щелкали клювами, тянули удавки змеиных лиан, щупальца древесных осьминогов, клешни ракокрабов. Чудища разева-

ли зубастые пасти, слизистые провалы ртов, выворачивали внешние, истекающие кислотой желудки.

Тут не было ни одного нормального животного или растения – только жуткие монстры, хищники-мутанты. Они давным-давно перестали пожирать друг друга, наладили симбиоз и теперь выискивали какую-нибудь приبلудную жертву. Самый безобидный кустик норовил выхлестать ветками глаза или с ног до головы забрызгать ядом.

Обогнать джунгли Платон не мог при всем желании. Надо было идти на прорыв, пока к авангарду не присоединились основные силы противника. И с хриплым криком «ура» он бросился на врага.

Это был не легкий бой, а тяжелая битва. Археолог старался экономить заряды – стрелял наверняка. А потому и сам получал рану за раной: то кровавые следы от когтей прочертят бок, то выскочит на макушке здоровенная шишка после удара суком, то на коже вздуются и лопнут пузыри от «поцелуя» жгучей лианы.

Платону приходилось пробивать себе путь, лупя направо и налево сначала чей-то оторванной когтистой лапой, потом в ход пошел крепкий ствол прыгуна. Матерясь и охая для большего размаха, он изо всех сил гвоздил зеленых чудищ по головам, лапам, хребтинам, ветвям. И, не выдержав бешеного напора, они отступали. Легкой добычи тут не сыщешь. Но на их место тут же приходили другие твари.

Когда голову Платона облепила пленка летучего мха, он

ослеп на один глаз. Мох пытался внедриться под кожу, подключиться к сосудам мозга, приобретя разом носильщика и кормильца, а затем перейти к стадии размножения.

Теперь археолог уже не продвигался вперед, а только отбивал атаки. По мере того, как на поле боя подтягивались более медлительные организмы, бродячие джунгли обрушивали на него все новые свои отряды. Там была и «тяжелая артиллерия», поразить которую можно лишь из дезинтегратора.

Огромные деревья, переваливаясь с боку на бок, шли на гибких корнях. Толстые стволы, покрытые броней коры. Могучие ветви, одним ударом переламывающие хребет верблюду. Справиться с ним Рассольников не мог.

Используя последний заряд «магнума», Платон пробил гигантский желудок псевдоэвкалипта. На землю хлынул поток дымящейся зеленой жидкости. А потом еще одно хищное дерево набросилось на археолога и, вывернув свой желудок, накрыло его с головой...

Проклятые хищники орали над ухом, ревели, как аварийные сирены, трясли за плечи, кусали за ухо. Не-на-ви-жу!

* * *

– Тоша! Проснись! Тоша! Проснись сейчас же! – повторяли они снова и снова.

Кошмар оборвался на самом страшном месте, но Платон

еще не осознал этого. По-прежнему не открывая глаз, он из последних сил боролся с опутавшим его одеялом, стонал, кряхтел, сипел.

Его спасительница третий раз подряд получила локтем в бок, рассвирепела, залезла на Платона и стала не разбирая дубасить его маленькими твердыми кулачками. Тщетно. Археолог ушел в глухую защиту и отвечал редкими, но весьма болезненными ударами по корпусу.

– Про-оснись! Ма-а-моч-ка! – завывала девушка от боли и беспомощности.

Слезы потекли из глаз, размывая остатки сверхмодной нестойкой косметики. Закапали на бесценный пододеяльник из настоящего хлопка, оставляя безобразные красно-сине-черные пятна.

Наконец Платон капитулировал и, приоткрыв очи, выглянул из-под одеяла. Выглянул совсем не там, где ожидалось, – он ведь мастер нестандартных ходов и смелых решений. В поле его зрения сразу попала голая женская ножка соблазнительных очертаний. И то, что повыше. И поаппетитней. Но, как говорится, не сексом единым. Хотя это, несомненно, сняло бы дипломатическую напряженность.

– Извини, если ушиб. Приснилось, что меня грызут зеленые проглы. – Вряд ли девушка его слышала.

Платон Рассольников осторожно выполз из-под своей наездницы. Был он по-юношески гибок и потому не только не уронил, но даже не качнул страдалицу.

– Как тебя зовут? – машинально произнес он севшим со сна голосом и потянулся к бутылке с текилой. Она должна была терпеливо дожидаться его у ножки кровати. Увы. Там была только местная минералка с привкусом серы. Да и та успела выдохнуться.

– Ты спрашиваешь?.. – продолжая всхлипывать, попыталась засмеяться девушка. Ничегошеньки у нее не вышло. – Это ты меня?.. —Ей хватало воздуха самое большее на три слова. – Каждое утро!.. Уже не смешно.

* * *

Девушка была ну совершенно не одета. И, надо сказать, это ей весьма шло. По крайней мере, Платон лишний раз отметил безукоризненность собственного вкуса. Это если не смотреть на ее измурзанную мордашку. Была в фигуре его гостьи этакая детская беззащитность и одновременно плавность линий – как у Афродиты, если бы, конечно, Зевс заставил ее месяцок покрутить педали велотренажера.

– Агнесса? – Даже ради сокровищ царицы Савской Платон не отказался бы от своей вредной привычки. Он должен перебирать женские имена, пока не угадает.

Девушка не стала отвечать, включаясь в игру, – на сегодня с нее было довольно. Шмыгнув носом, она поднялась на ноги, грациозно спрыгнула с постели – острые грудки даже не качнулись. Уселась перед большущим зеркалом, которое

одновременно могло служить и компьютерным экраном, и молча стала приводить в порядок чумазое, зареванное личико.

– Адель? – требовательно осведомился он.

В ответ – тишина. Вернее, шуршание, звяканье и шелест. Девушка выверенными движениями убрала со щек, губ, носа и век следы рыданий, получив в сухом остатке неподвижное, кукольно ровное, гладкое, как у робота, лицо. Пропали слезы, обиженная гримаса – пропала и всякая живинка. Теперь Платону с трудом верилось, что это существо могло завладеть его сердцем хотя бы на один-единственный вечер.

– Алиса?

– Амелия?

– Анна?

– Анфиса?

Утомившись от расспросов, археолог решил заняться собой. Он был покрыт липким потом с головы до ног и отправился под ионно-гравитационно-контрастный душ. Три эти программы, понятное дело, включались последовательно, а не одновременно. Сначала Платона «приласкали» особым образом приготовленные струи воздуха, потом измолотили гравикулаки и наконец попеременно шпарило и леденило по старинному земному рецепту.

Через пять минут посвежевший, но еще не до конца очухавшийся, Платон вывалился в коридор и вернулся в спальню. Ниже пояса он был замотан в махровое полотенце и

потому совершенно благопристоен. Атлетический, не знавший пластической хирургии (а это сразу подмечает наметанный глаз) торс его непременно привлекает внимание «слабого» пола. Но здесь и сейчас им некому было восхищаться. Девушка всеми фибрами души демонстрировала глубокую, неизгладимую обиду, и игра ее казалась весьма убедительной.

Оставляя мокрые следы на антикварном пластиковом паркете «под дуб», Платон прошлепал босиком к туалетному столику.

Увидев, что гостья за это время успела раскраситься, превратив свою физиономию в лубочную картинку, он поморщился и хотел было спросить: «Что будешь есть на завтрак?» Но с губ против воли слетело:

– Белла? – Самое смешное: он ничуть не раскисался.

Девушка промолчала – лишь зубы стиснула до скрипа. Она ожесточенно расчесывала электрогребешком спутанные космы медных с золотистыми проблесками волос. Только искры летели в сторону!

– Вожена?

Впереди был еще весь алфавит, но девушка не стала дожидаться, когда Платон пройдет путь от «альфы» до «омеги». Она вынула из пластиковой сумочки пульверизатор и побрызгала на свои соски и лоно, в одно мгновение покрыв их пеной нежнейших голубых кружев. Археолог огляделся, но при всем желании и профессиональном умении не смог

обнаружить в спальне никакой женской одежды. Очевидно, она бесследно растворилась при вчерашнем купании. Весь вопрос: а где они купались?

Затем девушка достала из старинной тумбочки еще одну дорожную хлопчатобумажную простыню и обернулась в нее, как римский патриций – в тогу. У Платона язык прирос к гортани. Ступни сунула в коллекционные тапочки с помпонами, которые, согласно дворцовому ритуалу империи Ринь, украшали верхнюю из обязательной пирамиды подушек. Теперь ее туалет был завершен.

– Чао, амиго! – цитируя чей-то дурной сон, игриво произнесла гостя и, помахивая сумочкой в такт колебаниям бедер, покинула его апартаменты.

Платон не пытался ее остановить. «Все, что ни происходит, – к лучшему», – подумал он как истинный мудрец. Сейчас было время завтракать, да вот расхотелось. Перекусит в баре – все равно без стаканчика текилы работа не пойдет. Зато у него появилось время подумать.

Вспомнив ночной кошмар, Платон поежился. Он редко видел столь убедительные сны и считал их вещими. Если сегодня его жрали самоходные джунгли, это явно не к добру. Опасная экспедиция замаячила на горизонте – это самое малое. А может, и вовсе кто-то сожрать решил – в фигуральном или буквальном смысле. Значит, надо быть начеку.

Платон неспешно прошествовал в гардеробную и экипировался должным образом: белая рубашка с расстегну-

тым воротом, белоснежный летний костюм, невесомая белая шляпа с размещенным в тулье вентилятором, белые носки-непотейки и белые дырчатые туфли. Оставалось приколоть в петлицу алый цветок кактуса, взять любимую бамбуковую тросточку и хоть сейчас – на бал.

На бал археолог, понятное дело, не собирался. А вот в ближайший бар – всенепременно. Позавтракать текилой и прийти в рабочее состояние – вот первейшая задача. И нет во Вселенной силы, способной его остановить.

Уже на пороге Платона остановил голос домашнего компьютера по кличке «Колобок». Сейчас это был отлично поставленный оперный баритон. Через пару недель он наверняка станет басом или контральто.

– Остановись, хозяин быстроногий! Есть почта для тебя во чреве электронном. Наисрочнейшая – под грифом «ОуджиЮ». – На Гомера или Овидия старина Колобок явно не тянул, однако упорно пытался разговаривать с Платоном «высоким штилем», то бишь не по-человечески. И тот до поры до времени терпел.

– Тьфу ты, – ответил «быстроногий» и по ажурной лесенке поднялся на второй этаж. Там был рабочий кабинет, куда Платон ни под каким видом не пускал не только своих подруг, но и приятелей, не говоря уже о коллегах-конкурентах.

«ОуджиЮ» означало Оксфордский Галактический Университет, один из его главных работодателей. Организация,

для которой археология действительно была наукой, а не средством обогащения. Вдобавок он располагался на Старой Земле и уже поэтому обладал в глазах Платона неким сакральным авторитетом.

Усевшись в черное рабочее кресло с антигравитатором под сиденьем (при необходимости на нем можно было летать), Платон Рассольников мысленно приказал Колобку вывести изображение на экран.

– Не торопись, умнейший из плеябоев! Твой адресат просил тебя поставить защиту многослойную повсюду и просканировать эфиры над планетой.

– А сразу ты не мог это сказать?! – начал свирепеть Платон. – И сам защиту ты не мог поставить? О сканере уж я не говорю... – Против воли он тоже начал выражать свои мысли каким-то странным слогом.

– Усе у порядке, шеф! – почувствовав перемену настроения у хозяина, компьютер поспешил сменить тональность. – Будь спок! – Натужная бодрость его голоса не могла обмануть Платона. Он чувствовал: Колобок испуган. Только не им, своим хозяином, а самой ситуацией.

Чуть слышно загудел зуммер, стены дома задрожали, утреннее естественное освещение мигнуло, как ископаемая лампочка при скачке напряжения, и кабинет словно начал погружаться под воду, в зеленоватый сумрак заросшего тиной пруда.

– Посторонняя активность не наблюдается. Коды не взло-

маны, – теперь компьютер был деловит и краток.

Стенной экран вспыхнул, открыв взору развалившегося в силовом кресле профессора Биттнера. Недавно омолодившийся, потерявший прежнюю внушительность и приобретенный с годами аристократизм, профессор тянул разве что на магистра. При виде его Платону почему-то хотелось пустить какую-нибудь «шпильку».

– Звякни мне как можно скорее, – приказным тоном произнес Биттнер. – Я у себя дома. Зарезервировал для тебя закрытый канал. Счетчик щелкает, так что, пожалуйста, не испытывай мое терпение. – Оба они, как всякие уважающие себя историки и археологи, использовали в разговорной речи массу давным-давно отмерших терминов и понятий.

Экран опустел. Вместо объемной физиономии Биттнера он давал теперь заставку – стереографию настоящих русских березок, позолоченных бабьим летом. Изображение жило: птицы перелетали с ветки на ветку, ветер раскачивал верхушки, белые облака неслись по небу.

Платон поцокал языком. «Вот бедняга!.. Не дай мне бог вляпаться так сильно, – в который раз подумал он. – В любом деле самое главное – чувство меры». Он знал, что причина столь решительной перемены в жизни профессора – его молодая жена. По крайней мере, с виду ей не дашь больше двадцати биологических лет. Однажды этой шоколадной красотке надоело выметать из брачной постели песок, сыплющийся из ее знаменитого супруга, а мадам Биттнер, как вид-

но, умела добиться своего.

Платон вышел на коммутатор трансгалактической связи. Ему улыбнулось прекрасное личико виртуальной операторши.

– Здравствуйте, мистер Рассольников. Мы ждали вашего звонка. Вас устраивает стандартный набор защитных программ, которые мы обновляем ежечасно, или вы располагаете чем-нибудь особенным? – Сногшибательная красотка была сама любезность. Хотя сейчас копируй в буфер «киберсекса». Но Платон с упорством, достойным лучшего применения, интересовался лишь абсолютно натуральными девицами.

Археолог почесал затылок и отчеканил:

– Вполне устраивает.

Виртуальная девушка подарила ему новую обворожительную улыбку.

– Соединяю. Приятного разговора. – Иссякла наконец.

После десятисекундной паузы на экране возникла та же самая комната. И профессор Биттнер по-прежнему сидел в своем любимом кресле.

– Зачем весь этот цирк? – буркнул Платон вместо «здрасьте». – Что за шпионские страсти?

– Таковы условия заказчика, мой юный друг. – Биттнер пыжился изо всех сил, пытаясь придать своему звонкому голосу снисходительно-покровительственную интонацию. Смех один: щенки рычат страшнее.

– И что на сей раз? – Платону не терпелось оказаться в любезном его сердцу баре «Голубой трилобит», – Здорово приспичило?

Профессор как-то странно усмехнулся и спросил негромко, словно боялся, что и сейчас подслушают:

– Что ты знаешь о культуре Тиугальба?

В голове Платона точно вынули печную заслонку, и из залежей долговременной, генетически уплотненной памяти потянуло «дымком»:

– Только общеизвестные факты. Планета Тиугальба в системе Ро Центавра испокон веку закрыта на карантин. Аборигены вымерли около десяти тысяч стандартных лет назад. Однако время от времени туда пытаются просочиться черные археологи. В частности, там вел раскопки легендарный Фрик Ассе. Он разрыл погребенные лавой руины древних поселений и, скорей всего, нашел там что-то интересное. На полпути к дому его корабль исчез.

Платон перевел дух. Начав говорить, он внимательно следил за реакцией Биттнера. Профессорская выдержка оставляла желать лучшего: то глаза закатит, то рот скривит, то губу закусит. Что-то тут не так.

– Лет через сто несколько артефактов обнаружались на сетевом аукционе Крабовидной туманности, – продолжал Рассольников. – Тамошний представитель «Сотбис» купил один предмет. Его заинтересовали причудливые письмена, по спирали опоясывающие некую медную штукювину.

Остальные вещицы были приобретены анонимами и сгинули без следа. Экспертиза «Сотбис» показала, что покупка представляет собой обыкновенный чайник. Его выставили на торги, но лот не был куплен. В конце концов чайник подарили уходящему на пенсию вице-президенту фирмы. Однажды шутки ради старикан решил использовать артефакт по прямому назначению. Вот тут-то и выяснилось, что вскипятить воду в этом чайнике невозможно. Сколько бы его ни грели, температура застревала на отметке семьдесят семь градусов. Избыточное тепло куда-то незаметно выводилось – то ли в иное измерение, то ли в другое время. Физики так и не поняли, в чем загвоздка. Они начали облучать чайник высокочастотным рентгеном, и он вдруг исчез, с испытательного стенда.

– Как всегда, ты знаешь слишком много. Раньше я сомневался, уж не киборг ли ты... – Биттнер сделал паузу, подпустил на лицо я мрачности. – Сегодня я залез в архивы Оксфорда и обнаружил, что вся информация по Тиугальбе стерта. В Кембридже и Итоне – то же самое. В Интернете больше нет такого сайта. Чистили мощно, со знанием дела, но ведь наверняка что-нибудь прозева...

– Я уже понял: ты хочешь, чтобы я искал вслепую, – бесцеремонно перебил его Платон. – А в затылок мне будет дышать целая свора чистильщиков. При всем уважении к тебе, я в такие игры не играю. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Привет жене.

Он прервал тахионную связь, позволяющую разговаривать с противоположным краем Галактики. Если, конечно, на пути сигнала нет тахионной бури. «Любопытно, сколько стоил этот закрытый канал?» – подумал Платон.

Он ничуть не раскаивался, что прежде времени оборвал связь, так и не узнав, что именно следовало искать на Тигальбе. «Стоит услышать что-нибудь интересное, и тогда уже не смогу отказаться. Надо знать свои слабости и уметь с ними бороться», – подумал археолог и сразу ощутил приступ самоуважения.

«Рискуя жизнью и кое-чем еще, я добыл ментальную корону Суэца. А ведь это оказалось не по силам целому флоту масисских гробокопателей. – Платон ласково погладил раненую во время экспедиции ногу – дырка была залечена, но чесалась к перемене погоды. – Я работал за „спасибо“ и теперь заслужил отдых. И будь я проклят, если поддамся на уговоры до сезона дождей!»

Археолог вышел из дома и мысленным приказом задействовал охранную автоматику. Посвистывая, он обошел кругом свою «фазенду», но не заметил ничего подозрительного. Густой колючий кустарник, растущий по границе участка, был напичкан всевозможными датчиками. Багряные цветы его были яркие, мясисты и пахучи, а плоды ядовиты. Посаженная прежним хозяином роща апельмонов разрослась, сплелась верхушками, ее увили тонкие кишки лианы, и теперь она напоминала тропический лес.

Двухэтажный дом стоял на крутом обрыве, открытый всем ветрам. Почти прозрачный из-за обилия силиконовых конструкций, он казался удивительно легким, почти невесомым, но при этом мог выдержать и торнадо, и землетрясение. Пологая двускатная крыша с башенкой обсерватории и уступом посадочной площадки делала его похожим на старинные земные фазенды— так, по крайней мере, казалось Платону, когда он вкладывал в покупку дома все свои тогдашние капиталы,

У подножия обрыва голубела полоска пустынного пляжа с мельчайшим и потому нежнейшим песком. Здешняя звезда, чуть более крупная и горячая, чем земное Солнце, висела в зените и безуспешно пыталась испепелить на суше все живое. И растения, и животные, и люди благополучно приспособились к сорокаградусной жаре. Но сейчас, в часы сиесты, никто не пытался загорать, рискуя заживо поджариться. Волны цвета грязного изумруда лениво накатывались на берег, оставляя на мокром песке то извивающиеся восьмилучевые звезды, то ракушки, формой напоминающие круассаны. От воды на восходе и закате пахло свежескошенной травой и озоном. А сейчас пляж имел запах горячего асфальта.

После особо удачных экспедиций Платон переселялся на очередную планету — все ближе и ближе к Старой Земле. Он подыскивал себе дом в таких местах, которые хоть немного напоминали бы ему вождеделенную и пока недостижимую прародину. Цены на недвижимость в метрополии были аст-

рономическими, и даже миллионеры из колоний могли рассчитывать лишь на покупку собачьей конуры где-нибудь на Аляске или землянки в зоне Сахеля. Что уж тут говорить о благородном исследователе старины...

Нынешнее жильё Платона Рассольникова находилось на южном берегу материка Пелопоннес планеты Гея-Квадрус. Местные жители звали этот материк просто «Пела». Само собой, аборигены-ууоси – не в счет. Они никогда не выходят из леса, считая его опушку границей обитаемого мира, и даже не знают, что такое материк. Людей и других разумных они принимают за души умерших и время от времени оставляют им дары – дырявые шкурки грызунов, мешочки с сушеными ягодами и вываренные черепа ящериц.

До Звездного Порта по прямой каких-то сто тридцать километров. Пять минут лета на глайдере. До ближайшего бара «Голубой трилобит» гораздо ближе – триста метров по стеклолитовой дорожке, которая вьется среди истекающих белым соком молочных пальм и выращенных из семечек земных сосен.

Господин археолог только что прошествовал мимо. Постоял, правда, минутки две, наблюдая за вышедшими на поверхность муравьями. На лице его явственно читалось умиление: «Ну, совсем как на Земле». Любовь к прародине – трогательное чувство до тех пор, пока не становится манией. Эта странность, как и многие другие странности Платона Рассольникова, была хорошо известна и его соседям, и всем

заинтересованным лицам, готовым выложить за информацию несколько галактических кредитов.

Двунадесятый Дом Непейвода расположился на пригорке у корней посаженной колонистами сосны. Тысячи отдельных организмов семи разных видов рассыпались и копошились поверх настоящего муравейника. Сначала они, понятное дело, успокоили перепуганных мурашей. Припекало солнце, и живительная энергия вливалась в разделенную на клеточки плоть Двунадесятого Дома.

Каждая его клеточка-симбионт наряду с нервным узелком, работающим в унисон и образующим единый разум Дома, имеет независимую нервную систему и определенную свободу воли.

Пока опасности не было, но уже через минуту все может перемениться. Чем сильнее давление окружающей среды, тем больше перевозбуждается центральная нервная система. А значит, тем вероятнее внутренний раздрай. Клеточки начнут совершать самостоятельные, нескоординированные действия, возникнет анархия, грозящая Дому Симбионтов полным распадом. Трудно воевать, имея такое тело.

Опустевшая одежда Непейводы была спрятана в норе, которую он выкопал под корнями старого дерева. Пуговицы и ремень застегнуты, ботинки зашнурованы, ведь он проникал в одежду изнутри, моментально наполнял ее, тем самым создавая видимость человеческого тела, возникшего как бы из ничего.

Сейчас клеточки были бодры и готовы к бою, и все же Двунадесятый Дом обурежала грусть. Хоть его недаром считали скользким, как купольная пиявка, на сей раз попался, который кусался. Несмотря на все его отговорки, уловки и увертки, Совет Домов Симбионтов фффукуараби припер скромного поедателя гусениц к стенке и под угрозой изгнания заставил покинуть любимую планету и отправиться в дальний путь.

Чужая планета слегка напоминала его родину – если, конечно, не смотреть на этот жуткий океан. Раскаленный песок меж корней был почти такой же, только там он серый, а здесь – голубой.

«фффукуараби, ФФФукуараби... Вернусь ли я когда-нибудь на твои каменистые поля, увижу ли песчаные холмы, увенчанные белесыми куполами полуразрушенных древних Убежищ? Обоняю ли пряные, переменчивые запахи пищевых полей?..» – Непейводе было тоскливо и одиноко, будто он попал в Лабиринт Муравьеда, из которого нет выхода.

«Лычки да мочала – начинай сначала, – думал он, продолжая греть клеточки. – Первая вербовка провалилась, а ведь была почти беспроигрышной. Резидент уверял, что самое трудное-уговорить профессора Биттнера, а дальше – дело техники. Он, как обычно запутался в трех феромонах, а мне – отдуваться...»

Профессор оказался неуступчив – слишком дорожил своим именем. Пришлось вышедшему на него секретарю фф-

фукуарского посольства пустить в ход главный козырь. Он вынул из кармана перстень царицы Памары и повертел его в руке. Это был редкий экземпляр, датированный трехсотым годом Космической Эры. Биттнер охнул и по привычке схватился за молодое и здоровое сердце. Секретарь посольства, он же резидент разведки, с удовлетворением констатировал, что клиент созрел... И вот теперь полный облом. Как говорят эти несносные двуногие: нашла коса на карму.

«Конечно, я – не промах: придумал многоходовку, которая доконает любого упрянца. Но ведь она требует больших денег и еще больше драгоценного времени. Если враги пронюхают о нашем интересе, счет пойдет не на часы, а на минуты».

Самое страшное Непейводе предстояло сделать потом, когда главная цель будет достигнута. «Свидетелей секретной операции остаться не должно», – приказал Совет, и послушаться его невозможно. Один ядовитый укус – и мгновенная смерть от паралича дыхания. Гуманный исход – так, по крайней мере, считают старые, многоопытные Дома. Наименьшее зло... А потом до конца дней будешь чувствовать на жвалах вкус человеческой крови, видеть перед собой стекленеющие глаза и побелевшие губы... Бр-р-р!!!

Непейвода не мог убивать. Всю стадию Общего Воспитания ему вбивали в «голову» прекрасные мысли о ценности любой жизни. И он, будучи от природы хищником, хоть и не сразу, но поверил своим учителям. А потом оказалось:

из любого правила есть исключения. И теперь эти проклятые исключения случаются все чаще и чаще, так что и самих правил уже не разглядеть...

За этими мыслями Дванадесятый Дом едва не пропустил смутно различимое движение меж сосновых стволов: в воздух взметывалась и тут же оседала прошлогодняя бурая хвоя. Отдав клеточкам приказ собраться, Непейвода одновременно задействовал портативный интроскоп, способный заглянуть сквозь визуальный блок. И тотчас похолодел... Шесть термопсисов, вытянувшись в редкую цепь, беззвучно догоняли археолога. Шесть сгустков мрака, надежно скрывающих их уродливые тела. А он ничего не замечал – шел себе по дорожке, посвистывая и помахивая тросточкой. Еще минута и...

«Ищейки вышли на след. Медлить нельзя!»— Нервные цепочки затрепетали, прошитые электрическим разрядом. Непейвода пришел в боевой экстаз и, стелясь над землей, бросился следом за термопсисами. Охотники в один миг сами стали дичью.

– Боевая готовность! Шесть силовых пушек! – мысленно приказал он сидящим на деревьях и замаскированным под чешуйки коры кибермухам. Техника на ФФФукураби тоже строилась на принципе коллективного организма и симбиоза.

Кибермухи вспорхнули и соединились, образовав над вершинами сосен полдюжины коротких черных стволов. Тер-

мопсисы заметили противника, но было поздно'.

– Огонь! – мысленно закричал Непейвода, и стволы ударили залпом. Отрицательно раскрученные энергетические вихри обрушились на защитные поля неприятеля и как бы съели, занулили их. Оказавшиеся беззащитными термопсисы стали легкой добычей для ринувшихся с небес кибермух. Хищные стаи облепили врагов с головы до пят, и не было им пощады.

* * *

А Платон Рассольников так и не узнал, что в рукотворной сосновой роще была предотвращена первая по счету попытка отнять его драгоценную жизнь. Первая, но далеко не последняя. Считанные секунды отделили его от быстрой и легкой смерти. Всему свое время.

Глава 2

Осада

*Строго секретно. Лично в щупальца
Начальнику Главной Информационной
Палаты Старшему Сыну-церемониймейстеру
Царственной Матери Империи Термонсис*

ШИФРОГРАММА

Нижайше докладываю Вашему Старшинству, что ликвидация Объекта сорвана происками врага. Группа была внезапно атакована превосходящими огневыми силами и в ходе боестолкновения понесла потери. Объект находится под усиленной охраной. Повторение хирургической акции невозможно из-за истощения бойцовых особей. Вся переданная в мое распоряжение энергия исчерпана, что в условиях низких температур привело личный состав в заторможенное состояние. Нижайше напоминаю об обещании Вашего Сиятельного Старшинства обеспечить группу всем необходимым для работы в экстремальных условиях холодной планеты.

Командир специальной бойцовой группы Малый Шлем 66

Документ 2 (перехват тахионной депеши)

Платон Рассольников посвистывал и играл тросточкой не оттого, что душа пела. Просто имидж у него был такой: аристократически-хулиганский. Еще на пятом курсе Маханского университета он получил кличку Атлантида. То ли редкое имя виновато, то ли тяга к авантюрам, но кличка приклеилась намертво и словно бы задавала тон всей его дальнейшей жизни. Вместо того, чтобы стать преподавателем, нудно вещать с кафедры или годами сравнивать два фарфоровых черепка, найденных в культурном слое, и высасывать из пальца диссертацию, Платон стал вольным охотником. В поисках ценнейших артефактов он обшарил больше ста планет и прослыл самым удачливым кладоискателем в радиусе тысячи парсеков от Земли.

Бар «Голубой трилобит» был построен в виде гигантской раковины морского моллюска-ухове́рта заезжим коммерсантом сто лет назад. С тех пор в нем почти ничего не изменилось. Отсутствие перемен в стремительно меняющемся мире – немаловажное достоинство для любого питейного или едального заведения. Именно это, а вовсе не близость к дому, привлекало сюда Платона.

Завсегдатаев в «Трилобите» привечали. А некоторых даже любили. Ибо всем здесь заправляют женщины. А женщины, как известно, боготворят постоянство – по крайней мере, геянки.

Пока археолог добирался до стойки, он пожал две дюжины загорелых рук и поцеловал десяток нежных щечек.

Он никогда не делил людей на хороших и плохих, а только на приятных и противных. Поэтому и разбитные девочки по вызову, и целомудренные священники, и даже ярые полицейские могли оказаться среди его приятелей. «Чувства должны быть или раскаленными, или леденящими, но никогда теплыми», – сказал кто-то из древних, и Платон вполне разделял эту идею.

Барменша знала свое дело. Сейчас от нее не требовалось точить лясы или исполнять танец живота. Она молча выставила Платону стопку текилы и солонку. Опрокинув в глотку первую порцию своего обычного завтрака, он с силой выдохнул пары алкоголя. Спичку поднеси – запольхает. Выпучил глаза, зажмурился, и когда снова их открыл, был уже в полном порядке. Теперь можно начинать представление.

– Рада тебя видеть, красавчик, – промурлыкала барменша. Звали ее Ньянгантуале Бандаргасила, а если короче, Нья. Черная ее кожа сверкала в свете ламп как обломок антрацита, а усеянные красными прожилками белки глаз, казалось, принадлежали погребальной маске фараона.

– Ты сегодня обворожительна, крошка, – в тон ей заговорил Платон. Нельзя нарушать правила игры. – Кабы не работа, мы могли бы славно провести время...

– Сегодня я вся горю. Не боишься обжечься, умник?

– Шрамы красят мужчину...

Нья была одета в красное трико из змеиной кожи. И была она ловка, как обезьяна, и быстра, как кобра. Она все успе-

вала: и потрепаться с клиентом, и повилиять бедрами, и споро обслужить всех страждущих.

Вторая стопка уже была наполнена и, получив толчок, заскользила по отполированной тысячами рук стойке к археологу. Он наблюдал, как она подплывает к «причалу». Промежуток между первой и второй не должен быть ни слишком длинен, ни слишком короток.

И в этот самый момент к Платону подвалил изрядно выпивший турист. В руке он держал стакан с коктейлем под романтическим названием «Визг на пляже».

Жара в сочетании с крепкими напитками обеспечила разрушительный эффект. И теперь этот багровый детина в клетчатых шортах и полосатой панаме явно нарывался на неприятности: сначала приставал к официанткам, не обращая внимания на протесты завсегдатаев, и пытался подставить ножку всем проходившим мимо. А теперь вот заинтересовался археологом.

– Подвинься, – буркнул детина, подойдя к стойке, и двинул Платона локтем.

Любой другой летел бы вдоль стойки, считая табуреты. Но Платона Рассольникова так просто не отшвырнешь от текилы.

Он успел вцепиться обеими руками в русалочьи головы, украшавшие стойку. Слава богу, его стопка не пострадала.

Археолог выразительно поглядел на хама, но ничего не сказал. Сегодня его терпение было безгранично. Бармен-

ша замерла, следя, за развитием событий. Хлебу она всегда предпочитала зрелища. Тут главное: не пропустить самое интересное.

Детина несказанно удивился. Измерив Платона взглядом, он с натугой произвел простой арифметический расчет: если этот хлыщ не упал сейчас, то не упадет и потом – когда начнется драка. Платон буквально слышал, как скрипят натруженные извилины туриста. В конце концов тот решил с ним не связываться. Археолог с долей сожаления проводил его взглядом. Нья тоже была разочарована. Она-то надеялась, что Платон захочет размять застоявшиеся без дела мускулы.

Утолив жажду и голод бутылкой хорошей текилы (стопка следовала за стопкой в полном соответствии с графиком) и понюхав нетронутый сэндвич, он окончательно протрезвел – главное: вовремя похмелиться. Теперь археолог был способен действовать. То ли добропорядочно сесть за компьютер и готовиться к экспедиции на Белую Мальту, то ли поупражняться тросточкой, лишний раз показав снулой обществу, кто есть кто.

Но сначала надо было выбраться из двух удовольствий большее, и потому Платон сел за свой любимый столик, который никто не занимает в его присутствии. Официантка Розита, жизнерадостный кудрявый колобок на пухлых ножках, тотчас прикатилась к нему, надеясь принять заказ, и вдруг оказалась сидящей на коленях у Платона. Мини-юбочка ее, понятное дело, задралась, обнажив чудную попку в бело-

снежных «коралловых» трусиках. Розита чмокнула Платона в щеку и укололась – за всеми утренними событиями он совершенно забыл о бритве.

– Ой! – пискнула официантка. – Ёжик. – И поерзала чуток на его коленях, чтобы снять неловкость.

– Извини, – виновато улыбнулся Платон. – Как дела у мужа? Как дети?

– Пауль в запое, и мальчиков пришлось отправить к бабушке, – пожаловалась она.

Археологу захотелось приободрить Розиту, и он легонько куснул ее за ухо. Она хихикнула и соскочила на пол. Нельзя слишком много времени уделять одному клиенту.

– Хочешь свежих устриц? Только что привезли.

Устрицами на Гее-Квадрус называли говорящих трепангов, которые бездумно повторяли услышанные от туристов фразы. А вообще всякого рода моллюски были фирменным блюдом «Голубого трилобита» – тут уж никуда не денешься...

* * *

– Они слишком громко болтают... Принеси-ка мне лучше томатного сока. Только не из концентрата, пожалуйста.

– Ну что ты... – обиделась официантка. – Сама выдавлю.

И, подхватив поднос с грязной посудой, Розита «покатилась» на кухню. Она, как всегда, выбрала кратчайший путь и

очутилась рядом с громоздящимся над столиком пьяным де-тиной. Рассольников отвлекся, поглядев на входящего в бар посетителя, и потому пропустил самое начало.

Казалось, что в конец расклеившийся турист дремлет, ни на кого не обращая внимания, и вдруг он очнулся. Стремительно выкинул вбок руку и больно ущипнул Розиту за эту самую – умопомрачительно притягательную – попку. Ухватил и потянул к себе. От неожиданности у официантки от-нялся язык. Она рванулась, но высвободиться не сумела – захват был стальной.

Розита взмахнула подносом, пытаясь ударить наглеца по голове, на пол полетели небьющиеся стаканы и чашки. Но тут пошла в ход вторая ручища детины. Выбитый из рук официантки поднос улетел к стойке, и вот уже турист лапал соблазнительную грудь Розиты.

– Отпусти! – задушенно пискнула официантка, но он только ухмыльнулся.

– Утихомирьте его! – воскликнула выскочившая из каби-нета владелица бара Эсмеральда Папазян. Она была одета в совершенно прозрачный пеньюар, который не мешал во всех деталях разглядеть ее совершенно непрозрачное бикини. А бикини для курортной планеты – все равно что вечернее пла-тье.

Турист сделал вид, что ничего не слышит. А может, Рози-та действительно затмила для него весь белый свет. Он шум-но сопел, и здоровенные его ручищи не знали покоя. Офи-

циантка теперь жалобно визжала и, казалось, это мучают ребенка.

– Оставь девушку в покое! – гаркнул Платон так, что все в баре вздрогнули. Вскакивая на ноги, археолог скинул белоснежный пиджак с закапсулированным цветком кактуса в петлице. Хоть крыша рухни и море хлынь на берег, а талисман должен быть неприкосновенен.

Несколько посетителей тоже поднялись, с шумом двигая стульями. Правда, бросаться на детину они не спешили. Из двери в дальнем конце зала возникла квадратная фигура кемарившего в холодке вышибалы. Кличка у него была соответствующая: Бульдозер. Он оценил ситуацию и, отшвыривая стулья, как ураган – лодочки, устремился вперед. Расправив пиджак на спинке стула, археолог замер в ожидании развязки.

Заметив накатывающегося на него вышибалу, здоровяк сунул официантку под мышку – чтоб не мешалась под ногами, и пошел наперехват. Они встретились в самом центре зала, и схватка оказалась короткой. Турист одной рукой схватил пластиковый столик и с размаху опустил его на голову Бульдозеру. Раздался нехороший хруст. Вышибала с удивлением поглядел на обидчика и начал цепляться за воздух. Пропитанный парами алкоголя, тропический воздух сегодня не держал. Пришлось падать. Рухнув на пол, Бульдозер вызвал легкое землетрясение.

Это был прямой вызов Платону. Вне всяких сомнений. Он

легко перепрыгнул через пару пустых столиков. Один взмах тросточкой, и детина, ойкнув, выпустил Розиту. Она упала на колени, тотчас вскочила на ноги и стремглав понеслась на кухню. Еще один взмах, и детине пришлось вскинуть руки, защищая свою голову.

Лишившись законной добычи, детина заревел, как разъяренный быкомедведь и, опрокинув столик, ринулся... нет, не на Платона, а следом за Розитой. Пришлось Рассольникову его притормозить.

Последняя битва произошла у стойки бара. Окруженные десятком возбужденных зрителей, бойцы замерли друг против друга. Турист попытался принять борцовскую стойку, а когда не хватило равновесия, устрашающе замолотил по воздуху кулаками. Воздушная волна сдула со стойки вазочки и бокалы. Платон стоял со скупающим лицом. Протяжно зевнул, деликатно прикрыв рот рукой. Он даже не смотрел на противника.

Детина был оскорблен до глубины души и с хриплым ревом ринулся в атаку. Через мгновение он рухнул как подкошенный, хрюкнул, ударившись мордой о край стойки, и почему-то не пожелал вставать.

Платон Рассольников подождал немного, обтирая кружевным платком влагу с тросточки, потом наклонился к поверженному противнику. Батюшки-светы!.. Этот недоумок со снайперской точностью впился виском в одну из русалочьих голов, которые наряду с другими морскими персона-

жами украшали стойку бара – подлинное произведение искусства. Здешние резчики по дереву – настоящие виртуозы.

Детина упорно не дышал и, как видно, не собирался что-то менять в своей судьбе. По сервисному браслету Платон вызвал «скорую». Но этого было мало: пришлось – тьфу ты пропасть! – делать ему искусственное дыхание. Потом ведь будет не отплеваться...

Кто-то позвонил в полицию. Через пять минут, завывая сиреной и вспыхивая мигалкой, на поляну перед баром опустился черно-белый глайдер. Из него выбрался двухметровый атлет с лицом ангела. Поступая работать в здешнюю полицию, каждый обязан пройти стандартную биопластическую обработку. И потому копы похожи как две капли воды и все одинаково сильны. Хорошо хоть имя написано на спине и груди комбинезона. При увольнении им вернут индивидуальность, если, конечно, к тому времени от нее что-нибудь останется.

Полицейский Вуди Майер, хорошо знавший и самого Платона, и его среднего брата-космолетчика, тяжело вздыхал и сочувственно качал головой.

* * *

– Боюсь, вам придется оплатить его реанимацию и полный курс биоскульптуры. Едва очнувшись, он наверняка заявит, что лишился всей своей красоты, и ни один адвокат не до-

кажет, что это вранье. За сотню-другую кредитов можно получить липовую справку в любом скульптурном агентстве.

Археолог громко скреб щетину на подбородке, прикидывая, во сколько же ему обойдется это недолгое приключение.

– Тони, ты не заглянешь ко мне? – подмигнула Платону хозяйка бара, новодельная красавица Эсмеральда Папазян. Только она звала его так.

Он пожал плечами.

– Ладно. – Сразу сообразил, что женщина решила немедленно вознаградить героя.

Призывно качая бедрами, владелица «Голубого трилобита» двинулась вперед. Бедра были хороши – нет слов. Вот только Платону сейчас было не до развлечений. Он надел пиджак, вернул в петлицу цветок кактуса и, не забыв свою тросточку, пошел следом. Кабинет Эсмеральды больше напоминал будуар, а не место деловых встреч. Платон Рассольников закрыл за собой дверь, и в это мгновение свет погас.

– Ты где? – спросил он, не трогаясь с места.

Хозяйка не ответила, а потом свет возник снова. Теперь зажегся не плафон из горного хрусталя, висевший под потолком, и несколько настольных ламп-домиков, а лишь одно бра красноватого стекла. Оно горело над диваном – в дальнем конце кабинета. Платон сделал три шага вперед, и бра высветило плечи и обнаженную женскую грудь.

– Иди сюда, – призывно прошептала красавица.

Археолог подошел к дивану. Его шею обвили руки гибкие,

как лоза. Хозяйка была до того настойчива, что он раздумал сопротивляться. В конце концов, иногда необходимо отступить от своих, слишком жестких правил: «до обеда ни-ни, с обслугой ни-ни, пока не отработал дневную норму раскопок, ни-ни». А не то ведь и заболеть можно...

Сказать, что Эсмеральда была женщиной горячей, это значит ничего не сказать. От нее волнами исходил раскаленный воздух. На взгляд Платона, тут явный перебор, но сейчас было самое время попробовать горячительного. Добавим, что мадам недавно стала жгучей блондинкой с ослепительно голубыми глазами и с расстояния в пять метров казалась чистокровной арийской фроляйн. Но если сделать еще пару шагов...

Оживленного покойника забрал медицинский глайдер, перепуганную Розиту увезли домой, все понимающий Вуди Майер при помощи киберассистентов начал съем свидетельских показаний, а Платон и Эсмеральда целый час не выходили из ее кабинета. Полиция не стала им мешать.

«Р-работать! Р-работать! Р-работать!» – напевал Платон, вышагивая к дому. Эсмеральда сегодня была выше всяких похвал и изрядно взбодрила его, помогая отвлечься от неприятных мыслей. Он решил до самого вечера вкалывать не покладая головы. Сегодня ему предстояло закончить список необходимых покупок для экспедиции на Белую Мальту и еще раз пройти в компьютере весь маршрут.

Колобок с порога доложил хозяину о приходе галактиче-

ской почты. Одно из сообщений было из Гарварда – от декана исторического факультета доктора Юджина Пеньковски. Обычно за короткой весточкой следовал долгий и обоюдointересный разговор старых приятелей, собаку съевших на археологии. Хотя лично они не встречались ни разу, двести парсеков, разделявших Старую Землю и Гею-Квадрус, ничуть не мешали их виртуальной дружбе.

Археолог поудобней разместился на гравикомпенсирующем диване, не забыв взять пивную кружку, сделанную из настоящей речной глины. Из нее так приятно прихлебывать ледяной апельмоновый сок. «Сейчас обменяемся новостями,-подумал он. – „Пенек“, как всегда, сыпанет на меня россыпью свежих анекдотов, которые стаями слетаются в метрополию со всей Галактики».

На стенном экране возникло хмурое лицо замордованного работой, заезженного стрессами, отравленного экологией землянина. Плечи поникли, глаза бегают, губы дрожат, и даже упругие толстые щеки обвисли, как паруса в мертвый штиль. Весельчака Юджина было не узнать.

– Привет, старина, – первым поздоровался Платон. Юджин Пеньковски молчал. – Что с тобой стряслось?

– Ты вот что, Атлантида... Ты это... – декан никак не мог начать. – Честное слово, я тут ни при чем! – почти выкрикнул он.

Настроение у Платона моментально испортилось. Не будет приятного разговора, на который он так рассчитывал.

– Ректор отменил курс твоих виртуальных лекций, – наконец решился Юджин.

Бамс! Пыльным мешком по голове. Одно за другим... Пошла черная полоса. Чернее не бывает. Ну, точно: вещей был кошмар. Только в жизни твой враг слишком часто неосязаем, недосязаем и неуязвим – в него не выпалишь из бластера и не отхлещешь тросточкой по морде. Это мелкие пакости недоброжелателей, досадные случайности, да и простое невезение. В бою гораздо проще и легче...

Платон поставил кружку с соком на тумбочку и закручинился. Пеньковски нервно тер кончик носа-брюквины. Он очень гордился своей нестандартной внешностью и не собирался что-нибудь в себе менять. В эру поголовной биопластики такая позиция вполне понятна и весьма уважаема.

– В чем я теперь провинился? – после паузы кислым голосом спросил Платон. – Или нашелся более достойный кандидат?

Он очень рассчитывал на этот заработок, а главное, это был чрезвычайно престижный курс лекций: «Археологические основы сравнительной истории колонизации обитаемых планет». Или, говоря языком ксенологов, истории «Большого Надругательства».

Причудливое взаимопроникновение культур, войны землян и ксенов, ископаемые свидетельства разумности аборигенов, стертых с лица планеты или усопших по естественным причинам. Платон Рассольников откопал великое мно-

жество интересных, порой уникальных сведений. Ведь некоторые войны Второй Конкисты, по официальной версии, вообще не имели места, а миллионы оставленных инопланетянами артефактов были засекречены.

– Не знаю, дружище, – ответил Пеньковски. – Понятия не имею. Ректор наорал на меня так, будто я прогулял две недели или завалил на экзамене сына Генерального Президента ООН.

– И что ты ему ответил?

– Когда я попытался возразить, он включил акустическую защиту и силовой барьер. Меня просто-напросто вышвырнуло в коридор. Единственное, что я смог сделать, это попинать ногами дверь его кабинета. Студенты были в восторге...

– Тебе надо напиться до поросычьего визга– и все как рукой снимет, – посоветовал Платон. Он уже оклемался и готов был поддержать павшего духом приятеля. – Хочешь, анекдот расскажу? Летит на охоту харкавец, а жена звонит ему из дома...

– ...зачем только штаны надевал? – перебив археолога, декан закончил за него анекдот. Глаза его чуток заблестели. – Борода до колен. В твоём захолустье никогда не бывает свежатины. Такой, наверное, там покой и тишина...– произнес мечтательно. – Хотел бы провести отпуск в глуши, и Гретхен бы уговорил, да девочки не позволят. Они из меня веревки выют.

– Опять заставят вместе с яхтой исчезать в Бермудском

треугольнике?

– В нем, проклятом... С прошлого раза холку ломит.

Пеньковски клятвенно пообещал держать Рассольшкова в курсе. На том и распрощались. А потом компьютер, с трудом дождавшийся окончания беседы, пробасил:

– Пока вы тут трепались, пришло сообщение под грифом «срочно».

– Ну так что же ты тянешь? – не преминул ущипнуть его Платон.

– Я?! – Колобок от обиды подавился словами.

На сей раз на его имя поступило официальное сообщение банка «Лионский межпланетный кредит». Уже много лет Платон хранил в этом старинном и весьма уважаемом учреждении большую часть своих капиталов. Принтер выплюнул казенный бланк.

Господин Рассольников!

К великому сожалению, мы вынуждены с сегодняшнего дня закрыть Вашу кредитную линию. Основание-рекомендация наших аналитиков. В связи с утратой постоянного источника доходов ваша платежеспособность оказалась ниже критической черты. Будем рады возобновить наше плодотворное сотрудничество в случае благоприятного изменения Ваших финансовых обстоятельств.

Управляющий банком господин Лернье-Фукумура

Да, вторая новость была не лучше первой. Вернее сказать, много хуже.

«Как они узнали?! – недоумевал Платон. – Мой отказ от контракта с Оксфордом – дело сугубо приватное. А курс лекций отменили только-только. Выходит, управляющему банком все было известно заранее. Значит, налицо межпланетный заговор против скромного археолога-одиночки. Большой глупости отродясь не слыхал!

Конечно, банкиры не знают о моих вложениях в акции и недвижимость. Под их залог они были бы обязаны вновь открыть мне кредит. Но... – Он ткнул в небо корявым археологическим пальцем. – Но! Если это сговор, то засвечивать мой последний резерв никак нельзя. И продавать акции очень не хотелось бы. Ну, и как мне прикажете финансировать экспедицию? Не обращаться же к старшему брату...»

С горя пришлось слетать в Пуэрто-Лагуна и купить ящик настоящей нью-мексиканской текилы. Еще одно священное правило: когда денег мало – глупо экономить.

На планете Нью-Мексико жили теперь в основном выходцы из Китая, но рецепты приготовления «кактусовой» водки утрачены не были. Миллионы квадратных километров пустынь, превращенные в плантации агавы, не могли не повлиять на азиатский менталитет. Тамошние китайцы, хоть и оставались в душе приверженцами Конфуция, любили корриду и карнавалы и не представляли себе жизнь без сиесты.

На посадочной площадке у супермаркета произошло досадное недоразумение. Около своего полосатого, как зебра, глайдера Платон обнаружил полицейский наряд с соба-

кой-ищейкой. Ангелолицыцы полисмены отдали честь и вежливо попросили открыть багажник. Ему предъявили отлично выполненный ордер на обыск.

Едва археолог поднял крышку, шестипалый пес сунул в багажник длинную, словно у муравьеда, морду, а потом запрыгнул внутрь, расположившись там как дома.

* * *

– Чего ищете, ребята? – бодро осведомился Платон, достав настоящий командирский портсигар а-ля краском РК-КА и зажигалку «Зиппо» двухсотлетней давности, выдержанную в стиле «крутое ретро».

– «Белый хлеб», мистер.

Ищейка взвизгнула, услышав знакомые слова.

– Вот мой хлеб. – Археолог легонько стукнул носком туфли о пластиковый ящик с текилой. Бутылки звякнули. Он был прав: текила очень сытна. Ею вполне можно питаться, если приспичит. Главное, чтоб организм умел переваривать алкоголь.

И тут шестиногая псина твякнула особенным образом. В руках полицейских очутились автоматические иглометы. И стволы всех трех смертельных машинок почему-то смотрели в лицо Платону Рассольникову.

Ищейка выпрыгнула из багажника, держа в зубах прозрачный пакет, туго набитый белым порошком. Платон ви-

дел его впервые в жизни.

– Если вы хотите сделать признание, сейчас самое время, – сказал полицейский с сержантскими нашивками. Глаза его были отнюдь не ангельские.

«Наркотики! Только этого мне не хватало!» У археолога схватило живот. Он не показал виду – был непоколебим, как скала.

– Это провокация. Мне его подбросили.

– Вот как!.. – усмехнулся сержант. – Вы задержаны.

И одним выверенным движением припечатал археолога к дверце глайдера. А потом забарабанил привычное:

– Руки за голову! К машине! Ноги расставь!

Платона профессионально обыскали, но оружия не нашли. Отобрали музейные портсигар и зажигалку, а также сервисный браслет, без которого в современном мире не может обойтись ни один сапиенс.

– Мирко, зачитай ему его права, – приказал сержант одному из подчиненных.

И тут из кнопочки передатчика, прикрепленной к вороту кителя, рванулся наружу чей-то пронзительный голос:

– Кто разрешил?! Козлы!.. Вы у меня попляшете! Это спецоперация. Вы чуть все не испортили. Немедленно извинитесь и отпустите его.

На сержанта было жалко смотреть. Он в миг спал с лица и вытянулся в струнку.

– Слушаюсь, господин капитан! Мы не знали, господин

капитан! А с пакетом что делать?

– Полож-жи на место! – Передатчик смолк.

Сержант извинился вяло и без выражения. Ищейка никак не могла понять, почему заветная штуковина, которую она только что отыскала, возвращается на прежнее место. Псина заскулила и начала рваться с поводка, упираясь в землю шестью мускулистыми ногами. Ее с трудом оттащили от глайдера.

Платон ничего не понимал. Полицейские бросили пакет к нему в багажник. Он хотел было вернуть пакет, но опомнился и промолчал. Машинально убрал туда же ящик текилы и захлопнул крышку. Можно было лететь домой.

Археолог плюхнулся на сиденье, с полминуты просидел неподвижно, ч тупо уставившись на растерянных, злых полицейских. «И чего я жду? – спросил себя Платон. – Особого приглашения? Надо сваливать, пока они не очухались или еще раз все не переиграли». Машина плавно пошла вверх.

На обратном пути происходили не менее странные события. Внезапно прямо по курсу в воздухе материализовался какой-то предмет, похожий на металлическую бочку. Автопилот перехватил у Платона управление и едва успел вильнуть. Археолога швырнуло на левую дверцу, и лишь силовые ремни спасли его лицо. Ну а бочка, в соответствии с законами физики, тут же устремилась к земле.

Избежав столкновения, глайдер вернулся на прежний курс. Платон достал батистовый платок и элегантно движе-

нием (жаль, никто не видел) вытер пот со лба. «Кто-то пульнул в меня бочкой и чуток промахнулся. Или это всего лишь сбой в системе нуль-транспортировки? Какой-нибудь мастер спьяну нажал не ту кнопку, и вместо покрасочного цеха... Версию надо выбирать, как бабы – цвет волос: строго под настроение». А настроение у него сейчас было хуже некуда.

Когда до дома оставалось пять минут лета, на экранчике заднего локатора возникли две зеленые точки. Кто-то несся, стремительно нагоняя глайдер. Летуны со свистом промчатся мимо или врежутся ему в корму, раскидав обломки вдоль побережья. А может, просто изрешетят, как дробь куропатку.

– Скорость обоих глайдеров тысяча двести километров в час, предупредил автопилот. – Предлагаю спуститься пониже.

– Снижайся!-крикнул Платон.

Преследователи снизились тоже. Археолог похолодел.

– Тысяча пятьсот... Две тысячи... Осталось десять секунд.

И вдруг зеленые точки метнулись к центру экранчика. Бумс! Экран снова был девственно чист. «Хорошо то, что хорошо кончается», – подумал Платон и, вытерев испарину, спросил автопилота:

– Что это было?

– Понятия не имею. Сообщить в полицию?

«Если какие-то дурики столкнулись в воздухе, то почему

не было ни взрыва, ни обломков?»— Археолог энергично почесал затылок, но в башке ничуть не прояснилось.

* * *

— Не надо полиции, — сказал он. — У меня и без того проблем хватает.

Посадив машину на лужайке, Платон удостоверился, что в небе над участком чисто. Выбравшись из кабины, он внимательно огляделся. Ничего подозрительного. «Прозвонил» с помощью браслета датчики слежения — и тут все в порядке. Тогда он решил идти в дом.

«Пуганая ворона куста боится, — подумал археолог. — Надо бы встряхнуться».

— Хозяин, для вас срочное сообщение, — встретил его на пороге «фазенды» вибрирующий голос компьютера.

«Ну что там опять стряслось?!» — мысленно содрогнулся Платон.

— От кого?

— От вашего брокера на Токийской бирже. Курс акций «Футура индустрия» посыпался. Он предлагает продавать, пока не поздно.

— Скажи ему, пусть лежат. Эта истерика долго не продлится.

— Акции «Спецнультранса» и «Тахион Коммуникейшн» тоже пошли вниз, — Колобок вколачивал гвоздь за гвоздем в

крышку его гроба.

Земля качалась под ногами, свет помутнел, а в ушах загудели колокола. Его кошмарный сон по сравнению с этими новостями был рождественской сказочкой. Три надежнейших компании с великолепными инвестиционными проектами разом пошли ко дну. Или делают вид, что пошли.

– Ничего не трогать. Подождем, – выдавил археолог. – Пойду приму душ.

– У нас гость, – с непонятым выражением объявил компьютер, как только Платон вылез из ванной комнаты. Он изрядно распарился телом и малость отмяк душой.

– А именно? – буркнул Рассольников. Сейчас ему было не до гостей.

– Крупный мужчина со следами побоев на лице, – вкрадчиво ответил Колобок.

«Начинается!.. – мысленно простонал археолог. – Иск предьявить пришел или судебное постановление? Суды здесь работают слишком быстро. Не успеешь клювом щелкнуть, а уже ножницы несут».

– Так я не понял: впускать его или пусть еще помаринуется? – подал голос компьютер.

– Впускай, вредитель, – с чувством сказал Платон. – Раньше сядем – раньше выйдем.

– Хм. – Что-что, а хмыкать компьютер умел с большим артистизмом.

Гость переступил порог и остановился посреди зала – он

же спальня и гостиная. Поозирался, кашлянул для порядка, а потом спросил:

– Есть тут кто-нибудь?

Платон неожиданно возник у него за спиной, перекрыв путь к отступлению. Надо отдать туристу должное: он не растерялся и даже вроде обрадовался. Был он сейчас абсолютно трезв, изысканно одет и благоухал дорожным одеколоном.

– Ба! Какими судьбами? – воскликнул археолог, и у него в руках, словно из воздуха, возникла все та же смертоубийственная бамбуковая тросточка – любимое оружие Атлантиды. Впрочем, она не произвела на гостя должного впечатления.

– Я, собственно говоря, пришел к вам попросить прощения. Весь тот спектакль был затеян, чтобы удостовериться, что вы – это вы.

– Чудесно! – в восторге воскликнул Платон и метнул в гостя чистильщиком – тем, что под руку попало. Это такая автоматическая штуковина, которая вылизывает ботинки и выпаривает пятна с брюк.

Детина увернулся. Чистильщик хряпнулся о безграничную постель, застеленную пенистым покрывалом, упал на пол и с обиженным шипением пополз обратно к двери. А Платон осведомился невинным голосом:

– Я тоже решил вас проверить. Вы не в обиде?

– Ничуть.

– Считайте, я принял ваши извинения. Что вам от меня

нужно? – посерьезнел археолог. – Говорите быстрее и проваливайте. У меня полно работы.

– Нет у вас никакой работы, – с веселой злостью произнес детина. – Не прикидывайтесь дурачком! Вы – нищий. Я же пришел предложить вам работу. Десять тысяч кредитов авансом, а при успешном завершении дела – двадцать процентов прибыли от торгов.

«Откуда он-то знает о моих финансовых проблемах? – удивился Платон. – Неужто слухи летят быстрее света? Уж не он ли сам все устроил?»

– Я принципиально не работаю на торгашей. Кстати, вы из «Сотбис» или «Кристи»? А может, из «Археоптерикса»?

– Меня зовут Адриан Папаиоану. Я возглавляю представительство корпорации «Кристи-Гэлакси» на Гее-Квадрус. И у меня официальное предложение от Совета Директоров. Нас интересуют... – Детина замолк, обвел глазами стены комнаты. – Вы уверены, что здесь нет «жучков»?

– Только фомальгаутские тараканы. Да и те – в спирту.

– Тут главное – не передержать. Иначе настойка станет горькой, – с видом знатока изрек Папаиоану и, не спросив разрешения, уселся на стул. – Ладно: рискнем. Вам же будет хуже, если идет прослушка...

Платон тоже сел, закинул ногу на ногу, достал из кармана пиджака антикварный портсигар, вытащил из-под желтой резинки сигарету, пахнущую Вечностью. Потом убрал портсигар, вынул столь же антикварную зажигалку, и долго

крутил колесико, выбивая искры из кремня. Наконец закурил, пуская к потолку аккуратные кольца ароматного дыма.

Гость неторопливо разглядывал убранство дома и, судя по кислому виду, остался недоволен. Ни стеллажей с древней керамикой, ни старинного оружия на стенах, ни бронированных сейфов, которые набиты драгоценностями из найденных археологом кладов. Много современной деревянной скульптуры, которой полны геянские базары, шкаф с уникальными пластиковыми книгами времен Второй Конкисты, а вместо картин – планы древних городов и объемные фотографии с раскопок.

– Итак, чем обязан? – заговорил Платон.

– Нас интересуют любые артефакты культуры Тиугальба...

Археолога передернуло. «Они что, сговорились?! На эту треклятую Тиугальбу веками всем было плевать. Крупным плевом. И вот на тебе: вынь да положь то, что тыщи лет назад утопло в песках».

– В гробу я видел эту поганую пустыню! – вырвалось у него.

– Там давно уже не пустыня, – поспешил успокоить хозяина Папаиоану. – Колонисты засадили ее лесом.

– Что?! – Глаза у Платона полезли на лоб. – Кретины! Там ведь была взорвана мутационная бомба! В зоне поражения должны объявить карантин на тыщу лет и уничтожить все живое. Они же...

– Не волнуйтесь, господин Рассольников. Наша десантная экипировка защитит вас от любых опасностей внешней среды. Лишь бы дух был крепок...

– Для укрепления духа надо есть горох с хлебом, – пробормотал археолог. А сам подумал: «Иди ты со своими проповедями!»

– Я не понял?..

– Особенности русской кухни, – пробурчал Платон.

– А-аа...

– Значит, вы оплачиваете все затраты на экспедицию, выдаете мне авансом сто тысяч и страхуете мою жизнь на один миллион кредитов, который получит моя семья в случае моей смерти от любых причин, – проникновенным голосом заговорил Рассольников. – А при частичном повреждении здоровья...

– Стоп! – воскликнул Папаиоану. Вскинул руки, то ли сдаваясь, то ли желая прихлопнуть муху. – В любом деле главное – чувство меры. Не правда ли?.. Я вижу: аппетит приходит во время еды. Через минуту вы скажете о пятидесяти процентах прибыли, а через две захотите виллу на Старой Земле.

– Вы проницательны.

– Умерьте свои аппетиты, господин Рассольников, а не то не получите ничего. Кроме вас, есть и другие кандидаты... – Голос детины был полон праведного гнева.

– Я не привык ни в чем себя ограничивать! – сверкнув

глазами, выпалил Платон и вскочил со стула. Поглядел на дверь, недвусмысленно намекая, что аудиенция закончена.

– Потом вы сами ко мне прибежите, – прошипел Папаиоану. – А я еще подумаю, давать ли вам хотя бы пять процентов. – И быстрыми шагами направился к выходу.

– И что ты на все это скажешь? – Платон спросил у компьютера, когда за гостем захлопнулась дверь, заходила ходунком, и его глайдер поднялся над верхушками апельмонов.

– Он такой же торговец древностями, как вы – балерина, – отбарабанил Колобок, а потом произнес глубокомысленно: – Я думаю, он либо из контрразведки, либо... – Компьютер запнулся.

– Либо из разведки, – с готовностью подхватил Платон. – Одно другого лучше. Весь вопрос: из чьей? Хотя какая, в сущности, разница?..

Дело окончательно приняло хреновый оборот.

Глава 3

Последний полет «фазенды»

*Конфиденциально Совету Домов Симбионтов
ФФФукураби*

ШИФРОГРАММА

В связи с появлением на Гее-Квадрус наших исконных врагов считаю своим долгом проинформировать Высокий Совет: возникла реальная угроза срыва операции. Промедление смерти подобно. Настоятельно прошу Высокий Совет передать в мое подчинение группу прикрытия, без чего невозможна третья фаза вербовки. В противном случае буду вынужден снять с себя ответственность за судьбу операции и начну подготовку к эвакуации.

Кроме того, позволю себе напомнить: задержка с присылкой ферментов и клеточек вызывает прогрессирующее ослабление моего фальшьтеля. Порог активности будет достигнут в течение пяти местных суток.

Двунадесятый Дам Непейвода
Документ 3 (перехват тахионной депеши)

Любопытство душило Платона, но он не позволял себе задохнуться. «Что такое ценное они ищут на Тиугальбе? Все

как с цепи сорвались. Можно подумать, кто первый съест – тот кум королю. Что там может быть: магический кристалл, философский камень, эликсир бессмертия или абсолютное оружие? Или всего-навсего старинная бирюлька ценной в миллиард кредитов?»

Ни к какой экспедиции на Белую Мальту он уже не готовился, а вместо этого решил в лепешку разбиться, но раскопать что-нибудь про эту самую Тиугальбу. У него были свои источники информации, которыми не пользовался ни Биттнер, ни Пеньковски.

Нужные ему сайты были действительно закрыты. Но ведь остаются фундаментальные «Археология Внеземелья» и «История Второй Конкисты»... Странички, посвященные Тиугальбе, оказались вырваны. Биттнер не врал. А «Тайны кладов» и «Галактические древности»? Кукиш. Да, кто-то очень постарался.

Тогда Платон решил связаться с Олдуваем. Этой кличкой когда-то наградили начинающего копателя архивов Ван Сяо-линя. Теперь он стал крупнейшим авторитетом в окрестностях Земли. Но его имя вряд ли прогремит в освоенной части Галактики наряду с именами знатных звездoproходцев или звезд виртуала. «Бумажные черви», как называют себя черные архивисты, больше всего на свете не любят огласки.

Олдуваем Ван Сяо-линя назвали после истории с найденным в Африке первопредком человека. Ватикан засекретил любые сведения о нем. Китаец вышел на электронную

тюрьму, где был заперт информационный слепок археантропа Миши, взломал хитроумную защиту и выпустил его в Интернет. Поднялся страшный шум, и юристы отговорили папу римского судиться с хакером, тем самым превращая его в мученика.

Об удивительной способности Олдувая находить спрятанные сведения и восстанавливать уничтоженные файлы ходили легенды. Его наверняка устраивала роль чудотворца, почти мифической личности.

Платон знал пароль «Фонда бумажных червей»— чего-то вроде межпланетного союза черных архивистов. Установив максимально доступную ему защиту, археолог вошел в сеть «Фонда» и отправил на имя Цзян-Тайгун (один из сетевых псевдонимов Олдувая) краткую зашифрованную записку. Этот простой, но эффективный код знали только выпускники истфака Маханского университета.

Олдувай связался с Рассольниковым через два часа по обычной тахионной линии.

– Привет тебе, наидостойнейший из гробокопателей. Давненько мы не шептались. Вот решил звякнуть тебе, пока рис тушится на плите.

Китаец, сидя по-турецки, парил над грядками с проклюнувшимся чесноком. Он любил надевать антигравитационный пояс. Поза и хитрая улыбка Ван Сяо-линя свидетельствовали: он вполне доволен собой и, значит, сделал все, что мог. – Рад тебя видеть, Олдувай.

Далее последовал шуточный разговор о погоде в обоих мирах, обмен кулинарными рецептами и смешными историями из жизни черных археологов и черных архивистов. В конце беседы Олдувай сказал:

– С okazji я отправил тебе посылочку. Там немного свежих грибов и овощей с моего огорода.

– Ты слишком добр ко мне, – ответил Платон Рассольников условной фразой. Она означала: «Скажи свою цену».

Олдувай зажмурился, как мечтающий о сметане кот, а потом промурлыкал:

– Ты вот что, Атлантида... Привези мне какой-нибудь сувенирчик.

* * *

Невесть откуда налетевшая тучка выдавила из себя сотню жиденьких капель. Никто из людей даже не заметил этой жалкой пародии на дождь. Зато Непейвода был возмущен до глубины души. «И это называется „сухой сезон"! Ни за что бы не отправился сюда, знай о таких сюрпризах!» Он едва успел вытащить из походного уплотнителя плащ и избежать неприятностей. Уплотнитель материи, плывущий на антигравитационной подушке, мог вместить тонны полезных вещей, упрессованных до плотности атомных ядер.

Тучка, остудившая на несколько минут воздух, напомнила Платону о Старой Земле. И он пустился вприпрыжку по

тротуару, не пропуская ни одной лужицы. Нужно соблюдать священную традицию: чем тебе хреновей, тем веселее надо казаться.

«Эти мясистые, громоздкие существа, больше похожие на тупых пожирателей листьев, чем на разумных, топают прямо по лужам, впуская разбрызгивая драгоценную влагу, – мысленно ворчал Дванадесятый Дом. – Никак не привыкну, что воды может быть так много».

Непейвода встряхнулся, подтянул грудь и живот. Несколько сотен его клеточек начали было расползаться по рукаву плаща – пришлось прикрикнуть на них. Чертовски трудно сохранять видимость такого крупного тела. Слишком много точек соединения – никак не избежать рыхлости.

Особая нагрузка, конечно, ложится на ноги-столбы. И слишком толстыми их не сделаешь – в штанины не влезут, а тонкие не выдержат веса симбионтов. И уж не дай Дом попасть в толчею, в гущу этих двуногих!.. Растянут, разорвут плоть, и тогда затопчут наверняка. Только одежда останется лежать на земле – остро пахнущие муравьиной кислотой тряпки.

Непейвода бодро вышагивал по каменным плитам, на порядочном расстоянии следуя за Платоном Рассольниковым. Пах господин археолог сейчас нейтрально, как и положено обычному двуногому, – деловитостью, готовностью к работе. «Аромат» слезки (охотничьего азарта и напряжения) издавали трое людей и пятеро термопсисов, которые тоже вели

Платона. Он стал опасно популярен. Термопсисы одновременно воняли тревогой – боялись нового нападения.

А затем Платон повстречал странное создание под не менее странным названием «бар-боз». Из его тела растет еще больше нитей, чем из двуногих, бар-боз весь ими покрыт. Противно смотреть, как они шевелятся на ветру... «Опасность! Опасность!» – беззвучно завопили мирмики-нервус, самые пугливые из клеточек Дома. Сцепка начала слабеть, Непейвода покачнулся, как пьяный.

«Цыц! – рывкнул он на клеточки. – А не то покусую!» Кусаться обожали несколько его симбиотических видов – только дай волю. Мирмики-нервус тут же заглохли.

Шпики по-прежнему не обращали на Дванадесятый Дом внимания, принимая его за обычного туриста.

Археолог коснулся бар-боза рукой. Тот стал издавать странные звуки и вертеть задним отростком. Дом эти звуки не понимал, но он явственно чувствовал запах удовольствия. Он слышал выражение «вилять хвостом» – вероятно, речь идет как раз об этом кусочке плоти. А звуки? Как же они называются? «Скулить», «визжать», «тявкать»? Не слишком ли много для одного уродца? Поди разберись...

– Пёсик!.. Какой хороший песик... – приговаривал Платон, ублажая пса. Чесал ему за ушами, шею, холку. Потом бар-боз повалился на спину, раздвинул лапы, обнажив все свои прелести, и археолог стал начесывать поросшее светлой шерстью пузо.

«Мое терпение безгранично, – уговаривал себя Двуннадцатый Дом. – Просто безгранично... Но когда же это кончится?!»

Теперь Непейвода всюду сопровождал Платона. События, произошедшие за время недолгой поездки археолога в Пуэрто-Лагуна, напугали обоих. Платон Рассольников теперь то и дело озирался, ожидая новых неприятностей, а может, искал слежку.

Дом клял себя последними словами, что отпустил его тогда одного. Но как раз в это время к Непейводе прибыл связник из ФФФукураби. Двуннадцатый Дом, конечно, послал следом за глайдером два роя кибермух, которые непрерывно держали его в курсе событий. И когда к Платону прискрипались полицейские вместе с ужасным волосатым существом о шести ногах, Непейвода напустил на людей морок. Это он разговаривал с копами голосом разгневанного капитана.

А когда прямо перед носом Платонова глайдера возникла бочка и едва не угробила его, Дом на мгновение впал в ступор. Он понял, что не владеет ситуацией. Операция оказалась на грани срыва. Непейвода приказал кибермухам, которые держали дистанцию, немедленно догнать археолога. Отсюда погоня и последующее исчезновение с экрана двух зеленых точек. Рассыпавшись по небосклону, рои образовали защитный кокон, незаметный человеческому глазу и локатору. Он летел с той же скоростью, что и глайдер, прикрывая его со всех сторон.

Из привезенных связником биокамер вышли расpiraемые энергией клеточки. Они истосковались по компании за время полета и с радостью влились в не очень большой, но выполняющий важную миссию Дом. Став частью Непейгоды, «мураши» враз омолодили его лет на десять. Теперь у него опять был полный комплект клеточек, образовался даже небольшой запасец.

«До чего приятно снова ощутить себя полным сил! „Хочется петь и смеяться“, – сказали бы люди. Хочется распадаться и собираться вновь. Облеплять собой дорожку, валуны, стволы деревьев и тут же опять превращаться в человека, – думал он, вышагивая по поселку. – Я чувствую себя всесильным!..

Как хорошо быть Домом-Симбионтом! По-своему мы бессмертны – если регулярно восполнять выходящие из строя клеточки. Ведь как только их число станет меньше порога, моя личность мгновенно распадется. И тогда клеточки разбегутся кто куда, подобно диким насекомым. Впрочем, вряд ли им удастся выжить в первобытной среде обитания – тем более, на чужой планете. В лучшем случае, они станут частью другого Дома, правда, ничего не привнеся в его личность от меня, любимого. Поначалу замороженные элементы моей памяти сохранятся в клеточках, но очень скоро будут замещены свежей информацией, ведь объем их памяти ограничен».

Платон наконец избавился от чудовищного бар-боза и, по-

свистывая, вальжной походкой двинулся дальше. Настрое- ние у него явно поднялось. Он шел на почту, куда только что переслали для него посылку со Старой Земли. Она при- шла на Главпочтамт, где имелся единственный на Гее-Квад- рус нуль-транспортёр. Подобного рода услуги стоили басно- словно дорого. Значит, и гостинец Олдуваю придется искать самый крутой.

И тут Непейвода впервые столкнулся с Адрианом Папа- иоану. Столкнулся в буквальном, а не фигуральном смысле. Бывший пьяный турист, а ныне представитель корпорации «Кристи-Гэлакси» вылетел из-за деревьев и врезался в нето- ропливо следующего за Платоном агента.

«Сто двадцать килограммов умножить на двадцать кило- метров в час...» – Дом не успел сосчитать кинетическую энергию противника. Он потерял равновесие и рухнул на землю. Папаиоану споткнулся о его ноги и, упав на колени, проехался по тротуару.

Когда детина вскочил, развернулся и хотел снова кинуть- ся на Непейводу, тот уже был на ногах. Двенадесятый Дом насрал на своего обидчика морок средней тяжести. Этот тип должен был позабыть о своем задании, о Рассольникове, помнить только одно: он случайно столкнулся с прохожим, уронил его на землю и должен немедленно извиниться.

Непейвода усилил давление. Сконцентрированная воля тысяч клеточек, с рождения и до смерти связанных между собой исключительно телепатически (если не считать слабо-

го касания лапками), на очень короткое время могла убедить кого угодно и в чем угодно. Перед здоровяком стоял, покачиваясь на странно изогнутых ногах, жалкий тип в бурой фетровой шляпе с шелковой лентой, в сером плаще с узким кушаком, в мятых парусиновых брюках и сандалиях. Лицо Двенадесятого Дома сморщилось, готовое заплакать. Его нужно было пожалеть. Немедленно. Искренне. Пожалеть и раскаяться в содеянном.

Однако случилось страшное: морок не сработал. Папаиоану потоптался на месте, будто раздумывая, что предпринять, а затем его правая рука поползла к карману шорт.

– Не балуй! Руки за голову! – рявкнул Дом, нацелив на здоровяка некое подобие карманного бластера. Оружие за долю секунды сложили из себя, будто из детского конструктора, послушные кибер-мухи. – Стой, где стоишь!

Остальные пять роев тем временем сообщили Непейводе, что другие шпики как ни в чем не бывало продолжают вести Платона. Детине никто не собирался ни помогать, ни мешать.

– Ты кто такой?! – воскликнул здоровяк, став как вкопанный. Жизнь ему была дорога.

– А ты?

– Я первым спросил!-с задором воскликнул Папаиоану.

– Это просто смешно...

Двенадесятый Дом лишь на секунду ослабил бдительность, и детина вдруг очутился у него за спиной. Самые

совершенные клеточки прозевали этот скачок. Похоже, у Непейводы оказался серьезный противник.

Один из роев кибермух выстрелился в детину сверхпрочной сетью. Сеть обрушилась на него с небес и опутала с ног до головы. Лазерный кинжал заметался в прижатой к туловищу руке Папаиоану, полосуя сеть, да не тут-то было. Сотни мух сгорали, но их тут же заменяли соседние. Сеть непрерывно самовосстанавливалась. Надолго ее не хватит, но выигрыш времени достаточен, чтобы Непейвода успел закончить дело.

Двунадесятый Дом выпустил на Папаиоану облако сонного газа.

Ему позарез надо было допросить этого типа. Одно дело термопсисы – вековечные враги ФФФукуараби, и совсем другое – люди, с какой бы планеты они ни происходили. Зачем понадобились двуногим клады Тиугальбы? Или люди не хотят, чтобы они попали кому-либо в руки?

Вместо того, чтобы упасть замертво, человек только еще яростнее задвигал лазерным кинжалом. Тут к нему подлетел второй рой и опустилась еще одна сеть, туго, в несколько слоев запеленав Адриана Папаиоану. Он пыхтел, матерился, скрежетал зубами, но больше ничего сделать не мог.

– Я давно сообщил своим, – перестав дергаться, сменил тактику Папаиоану. Пытался придать своему голосу спокойствие и властность – почти получилось. – Через несколько секунд здесь будет ударный отряд. Пока не поздно, предлага-

гаю тебе сдать в плен. Жизнь и цивилизованное обращение гарантирую.

– А я уже успел перехватить твоих ударников, – невозмутимо отвечивал Непейвода, хоть на самом деле даже не знал, о ком идет речь. Двенадесятый Дом надеялся, что вралишился связи, ведь кибер-мухи старательно наводили радиопомехи. Выходит, блефовали они оба.

Потом Дом приказал роям кибермух перенести пленника в свое ближайшее тайное убежище. При этом один рой превратится в сферу, искажающую лучи света, и Непейвода надеялся, что перелет останется незамеченным.

Пока Платон ходил за «гостинцами» Ван Сяо-линя, а Непейвода и Папаиоану демонстрировали друг дружке боевые искусства, кто-то подпалил «фазенду» господина Расольникова. Сделано это было по всем правилам.

Злоумышленники даже не пытались проникнуть в дом. Они бросили в бой тучу наномашин, которая просочилась внутрь через вентиляцию. Это такие микроскопические механизмы размером всего в несколько молекул. Пожар вспыхнул на кухне, хотя гореть там было почти нечему – пицца готовится в ультраволновой печи, а стены облицованы плитами из твердой воды. Языки пламени вскинулись аж до потолка, пожирая скатерть и маленькие фигурки богинь плодородия, выставленные на буфете.

Компьютер в тот же миг включил систему пожаротушения. Но ни мгновенная вакуумизация помещения, ни сило-

вая утюжка, ни углекислотная атака пламя не сбили. Любые зажигательные средства прошлого – термитные снаряды, бочки с напалмом, фосфорные гранаты – не смогли бы выдержать такого натиска. Здесь был особенный огонь. Он поддерживал себя сам, выкачивая энергию из электронных оболочек атомов.

Колобок связался через браслет с хозяином и в трех словах обрисовал ситуацию. Платон был уже готов к любым неприятностям. Не охая и не ахая, он тотчас отдал боевой приказ. И компьютер использовал последнее средство: отправил киберуборщика в оружейную комнату. Многоножка взял фризерную гранату, и, выдернув чеку, влетел с ней в охваченную огнем кухню. Запал сработал, и температура в радиусе десяти метров вмиг упала на сотню градусов. На кухне теперь находился полюс холода, и горение стало невозможно.

– Ура! – вскричал Колобок.

Платон слышал его вопль из динамика сервисного браслета. Сердце отпустило.

– Ой!-через пару секунд пискнул компьютер. – Опять!..

– Что там такое?!

– Течет...

Дом Платона погибал. Теперь это был уже не пожар, а молекулярный распад вещества. Мебель, бытовые приборы, посуда, одежда, книги теряли свою структуру, превращаясь в разливающуюся по полу жижу.

– Все распадается, хозяин! Мне конец!

Археолог отдал еще один приказ. Компьютер врубил аварийный генератор, стремительно размонтировал крепления, до предела увеличил нагрузку на общественное энергополе, и могучим рывком поднял в воздух пока еще не тронутый распадом второй этаж дома. С хрустом и скрежетом, скрывшись в облаке пыли, верхняя часть «фазенды» поднималась в небеса к восторгу нескольких зевак.

Первый этаж скоро полностью растекся, залив бурой пакостью зеленые газоны и рощу апельмонов. Жижа несколькими потоками стекала по склону холма к голубому пляжу. Слетевшиеся на участок пожарные автоматы дела себе не нашли. Они гудели и завывали, снуя взад-вперед над испоганенной землей. Наперебой обсуждали случившееся в ожидании, когда приедет господин пожарный инспектор.

Прижимая к груди коробку с «гостинцами», Платон бесильно опустил на ближайший пень и стал горевать. Погибла ничем не примечательная кухня, спальня со знаменитой кроватью Атлантиды, с его гардеробом, бесценными книгами и кучей статуэток, ванная комната с бассейном, подвал с мастерской, полной инструментов, оружейной комнатой, аварийным генератором и неприкосновенным запасом консервов. А также пал жертвой ящик драгоценной текилы.

Компьютер опустил спасенный второй этаж на соседнем участке. При посадке перекрытия треснули, не выдержав на-

грузки. Теперь кабинет Рассольникова придется перетаскивать по частям. Пожарные обещали смыть жижу с травы и деревьев и вывезти ее на мусорный завод.

«Фазенда» была столь надежно защищена от всех опасностей, что Платон до сих пор так и не удосужился ее застраховать. Отныне ему негде будет принимать безымянных подруг, принимать ванну и готовить экзотические блюда по рецептам ста планет. Так что в ближайшей перспективе ему придется и спать, и есть, и даже облегчаться прямо на рабочем месте.

Шумел ветер, раскачивая вершины сосен и похожие на вороньи гнезда соцветия шаролистников. Щebetали, свистели и каркали прилетевшие с севера птицы. Археолог и знать не знал, что в этот самый момент три роя кибермух сражаются в вышине с эскадрилей боевх роботов неизвестной принадлежности. А виной тому маленькая коробочка с грибами и овощами, которые своими руками вырастил черный архивист Ван Сяо-линь по кличке Олдувай. Кто-то слишком хотел заглянуть внутрь...

Глава 4

Последний штрих

«Тиугальба хранит неопиcуемые сокровища. По одной простой причине: ее высокоразвитая цивилизация погибла не в далекой древности – это миф, а через полтораcта лет после начала Второй Конкиcты. Погибла по таинственным причинам, так что настойчивый копатель может наткнуться в глубине песков на нечто смертоубийcтвенное. Это была cамодостаточная цивилизация, но только до тех пор, пока не cтолкнулась с нашей экспансией. Аборигены ведь понятия не имели о cуcтcтвовании иных миров. И тогда они в одночасье превратились в cобирателей редкостей. Начало тиугальбской коллекции положила, разумеется, земная техника.

Возможно, ты не знаешь, что первая волна колонистов, хлынувшая на эту планету, была уничтожена хозяевами. Но так хитро, что это не вызвало войны с Лигой Миров. А когда через пару веков пришел новый караван транспортов с Земли, аборигены уже были мертвы.

Для гиперcветовых перелетов тиугальбцы могли использовать земные корабли. Что они и делали долгих двести лет.

Жители Тиугальбы лучше кого бы то ни было умели

находить редкости и, прежде чем исчезнуть, успели собрать тысячи удивительных приборов, механизмов и приспособлений с разных концов Галактики. Предметы искусства их не интересовали, но часто они просто не могли отличить одно от другого. Получивший известность некипятильник – детская игрушка по сравнению с другими артефактами, сокрытыми в недрах планеты...»

Документ 4 (отрывок из записки Олдувая)

Адриан Папаиоану изнывал в своей темнице. Под темницу его враг приспособил небольшой грузовой контейнер. Он хранился в огромной норе, вырытой в песчаном обрыве. Даже отлично тренированное тело Адриана затекло в такой тесноте. Но сильнее всего его угнетало чувство собственной беспомощности. Он вышел из игры, а проклятый археолог в любой момент может слинять с Геи-Квадрус. Разумеется, конечный пункт его маршрута известен заранее, но путей, ведущих туда, прорва адава. Все не перекроешь.

В контейнере чем-то воняло. На свое счастье, Папаиоану не знал, что совсем недавно тот был битком набит личинками гусениц. Вскоре он привык к гнусно-сладковатому запаху. В разведшколе заставляли сутками сидеть по уши в дерьме и жрать дохлых кузнечиков, так что ничего принципиально нового.

Время от времени Адриан с невероятным трудом менял позу, буквально втискивая руки-ноги себе в живот или за спину. Каждый раз то одно ухо, то другое оказывалось при-

плюснутым к новому участку гладкой стенки контейнера. Металл холодил голову. Не было слышно ни единого звука. Но однажды Папаиоану холода не почувствовал, а потом услышал тихие шаги и вздрогнул от неожиданности. Эта часть контейнера была сделана из другого материала и проводила звуки.

Больше Адриан не шевелился. Теперь у него появилось занятие: он подслушивал. Папаиоану обладал вполне подходящим инструментом для этого: его уши, как и все тело, были генетически реконструированы и приобрели множество новых, интересных качеств. Некоторые из них он уже продемонстрировал ходячему муравейнику.

Зачем разведчику информация, если ее невозможно передать своим? Так уж его выдрессировали: никогда не сдаваться и в самой губительной ситуации готовиться к продолжению борьбы. По крайней мере, теперь жизнь Адриана снова наполнилась смыслом.

Время шло. Ничего не происходило. Значит, враг ушел следить за археологом. Встроенные в мозг Папаиоану часы монотонно отмеряли минуты и часы. Он почувствовал отчаяние. Ничего не выйдет. Этот монстр вернется, допросит его с пристрастием, а затем убьет.

Внезапно тюрьма наполнилась звуками. Зашуршал песок, что-то зашелестело, потом раздалось шарканье ног.

– На связи агент Непейвода, – забубнил голос на кимбальском наречии. – Объект завербован и готов к отправке.

Срочно нужен челнок. Посадочная площадка номер три.... Слушаюсь. Для подготовки отвлекающего маневра нужно время... Отправляюсь немедленно.

В разведшколе в Папаиоану вбили знание двух сотен языков, и он уловил смысл сказанного. Сами кимбальцы теперь говорили на стандартном космолингве, но их тарабарщину успели перенять несколько негуманоидных рас и никак не желают с ней расставаться. Шаги тюремщика смолкли. Адриан наострил уши и услышал тонкий писк, шорох, звук сыплющегося песка. А потом в пещере снова воцарилась тишина. Выходит, враг разделился на составные части, прополз по лазу на поверхность и опять собрался в человеческую фигуру.

Разведчик в очередной раз испробовал контейнер на прочность. Размахнуться было никак, и потому он попытался оторвать звукопроводящую пластину от металлической стенки. Напряг пальцы так, что плоть едва не отделилась от костей. Кряхтел, пыхтел и постанывал. Ногти были сломаны, пальцы кровоточили, а пластина не сдвинулась ни на миллиметр.

Это был полный крах. Ходячий муравейник будто надсмеялся над разведчиком. Быть может, он больше сюда не вернется. Адриан стал обладателем важнейших сведений и, как видно, умрет вместе с ними. Обида, злость и отчаяние перемешались в его душе. Уж лучше остановить себе дыхание, чем медленно и мучительно подыхать от жажды и голода.

И тут контейнер содрогнулся. Сатанинский удар вбил его в землю, казалось, размазав Папаиоану по стенкам. Грохот взрыва обрушился на Адриана, когда он уже потерял сознание.

Разведчик очнулся, и солнечные лучи резанули глаза. Пещера ходячего муравейника была разворочена прямым попаданием ракеты. Все хранившееся в ней добро погибло. Выбираясь из вражьего убежища, Папаиоану понял, что оглох и сильно контужен. Звуки пропали, а мир вертелся перед глазами. Не слишком дорогая плата за свободу.

Только одна мысль сверлила мозг Адриана: «Враг слишком силен – его не победить. Археолог для нас потерян и должен умереть».

На поверхности связь восстановилась. Вживленный в череп радиопередатчик снова работал, и вскоре разведчик был во всеоружии. Глайдер доставил ему с мобильной базы новый комплект оружия и боевого снаряжения. Папаиоану достал из походной аптечки два шприц-тюбика, вколол себе стимулятор и обезболивающее. Опалив ближайшие сосны выхлопами реактивных ранцев, вскоре прибыла и группа захвата. Боевые андройды и киберпсы были единственным резервом Адриана, и он берег их до решающей схватки.

Теперь за дело! Выследить археолога оказалось совсем легко. Платон, как обычно, коротал время в своем любимом баре. Значит, где-то рядом ошивался и ходячий муравейник. Теперь главное: остаться незамеченным и первым нанести

удар. Еще одной попытки Адриану уже не представится.

Входящие в группу захвата андроида должны вычислить всех прочих «заинтересованных лиц» и отвлекать их во время атаки. А на ходячий муравейник накинется свора киберпсов. Вряд ли они смогут нанести ему вред, но нервы потрепят уж точно. И если повезет, на несколько секунд Папаиоану останется один на один с Рассольниковым.

* * *

Закрывшись щитом невидимости, разведчик подобрался к дверям бара «Голубой трилобит» и стал ждать, пока андроида и киберпсы выйдут на исходные позиции. Их последняя битва пройдет в окрестном лесу – Папаиоану не сомневался, что все его бойцы падут смертью храбрых. Сам же Адриан пойдет напрямик в бар, где однажды уже имел дело с археологом. Там они и закончат свой разговор...

И вдруг судьба преподнесла ему сюрприз. Зверь сам вышел на ловца. Платон решил подышать свежим воздухом. Археолог оказался всего в трех шагах от разведчика. И Адриану стало невтерпеж. Он вызвал по рации андроидов и рявкнул в микрофон:

– Долго мне еще ждать?!

Командир группы захвата по кличке «Бронислав» тотчас ответил:

– Будем готовы через полминуты.

– Понял тебя. Начинаем в четырнадцать ноль девять,
– Слушаюсь.

Папаиоану расправил плечи, выхватил из кобуры игломет с отравленными иглами и мгновенно сбросил с себя невидимость. За спиной бухнули первые выстрелы. Видя, как ужас искажает лицо археолога, Адриан поднял оружие, нацелив ему в грудь...

Платон поочередно тискал своих милых девочек, будто прощаясь с ними. Тискал с особенной нежностью и откровенным желанием, так что некоторые из них готовы были немедленно лечь с ним в постель или разрыдаться. Постоянные посетители старались не мешать ему и, разбредаясь по дальним углам, усиленно «охлаждали горло». Уже обласканные Рассольниковым официантки беззвучно скользили по залу, разнося напитки.

Сейчас в «Голубом трилобите» звучала одна из его любимых мелодий – «Шоколадный бриз» в исполнении кибердивы Гортензии Минданао. Владелица бара почувствовала настроение своего любимого клиента и самолично опустила в автомат этот лазерный диск. На маленькой сцене, где обычно выплясывали пляжные певички, струился обнаженный стан безнадежно далекой и одновременно такой близкой любому и каждому Гортензии. Сквозь ее точеную грудь, безупречный живот и обворожительные бедра просвечивали висящие на стенах китайские фонарики и панно из морских ракушек и панцирей ракокрабов.

Барменша Нья с сосредоточенным видом сбивала в миксере какую-то дьявольскую смесь. Она сама была не прочь прогуляться с археологом к мягкой, кровати, да только умная она была женщина, опытная – понимала: чем дольше лапает девок Платоша, тем вернее отправится домой в одиночку, если, конечно, вообще сможет идти своим ходом. А потому ей было немного грустно и самой захотелось выпить чего-нибудь покрепче, хотя на работе это категорически запрещено.

Платон отпустил последнюю свою пассию, которая вдруг прослезилась и понеслась в дамскую комнату приводить лицо в порядок. Он сразу почувствовал себя страшно одиноким и в очередной раз поймал пробегающую мимо пышечку Розиту. К этой малютке он испытывал почти отеческие чувства. Который месяц он порывался сходить к ней домой и набить морду мужу-алкоголику, но глубокие аристократические корни все никак не пускали.

Розита таяла в его объятиях, но и о профессиональных обязанностях не забывала. Соскользнула с его колен, послала воздушный поцелуй и испарилась. Наш страдалец снова был обездолен. Сегодня он уже пообщался со всеми здешними красотками, но ни одна не смогла задеть глубинных струн его души. Оставалась только сама владелица бара Эсмеральда, но если она войдет в раж, живым ему из «Голубого трилобита» не уйти.

Тут было о чем подумать, и Платон выбрался из бара, что-

бы глотнуть свежего воздуха и попытаться понять, чего же он на самом деле хочет. Вроде особо и не пил, а как будто перебрал. Почему-то он сегодня совсем расклеился.

И вдруг рядом с археологом прямо из воздуха возник тот самый пьяный детина из бара, который на поверку оказался представителем корпорации «Кристи-Гэлакси». В руке у него была малоприятная серебристая машинка с обоймой на тысячу игл, а в глазах – нехороший блеск.

Платон, как и любой нормальный человек, не любил неприятные сюрпризы, но часто сталкивался с ними по жизни. И потому он знал, что надо делать: выпустив из бамбуковой тросточки щуп хемоанализатора, молниеносно вскинуть ее и проткнуть нападавшего насквозь. Вот только тросточку свою он, как на грех, забыл на столике – вместе с белым пиджаком и соломенной шляпой. В его распоряжении были только руки и ноги изрядно выпившего человека. Много ли с ними навоюешь?

Платон хотел было сильным щелчком отправить в физиономию врага зажженную сигарету, но вовремя остановился: навстречу ей тотчас вылетит рой маленьких серебристых смертей. Он слышал, как в окрестном лесу идет перестрелка, рвутся гранаты и трещат срубленные бластерами стволы.

По малость перекошенному лицу Папаиоану блуждала странная, страшноватая улыбка. Палец его лежал на спусковом крючке. Дуло игломета смотрело в грудь археологу.

– Чего ты хочешь? – почти беззвучно прошептали губы

Платона.

Согнутый указательный палец Адриана Папаиоану на-
прягся еще больше. Сейчас палец пойдет назад... Перед
Рассольниковым вдруг мелькнуло что-то серое. Оно успело
втиснуться между застывшими друг против друга мужчина-
ми и приняло на себя град отравленных игл.

Платон охнул и отшатнулся. Адриан вскрикнул и начал
заваливаться на спину. Палец продолжал давить на спуск,
хотя его правая рука уже была спилена лазерным лучом. Иг-
ломет палил в кусты магнолии, решета лепестки цветов, до
тех пор, пока не иссякла обойма.

Через несколько секунд мизансцена решительным обра-
зом переменялась. Археолог сидел на земле и очумело гля-
дел, как его спаситель подпрыгивает на одной ноге, вытрясая
из пологого на ситечко серого плаща сотни дохлых насеко-
мых: черных, коричневых и красных мурашей и жучков. Па-
паиоану, вытянувшись во весь рост, покоился на газоне. А
его обрезанная в локте рука валялась на каменной дорожке.
Теперь она казалась совсем не страшной.

– Пошли со мной, – будничным тоном произнес спаси-
тель, поворачиваясь лицом к Платону. Голова его, покрытая
дурацкой фетровой шляпой с шелковой лентой, была вся в
крупных оспинах. И они вроде бы шевелились.

– Мне нужно забрать вещи, – машинально ответил Пла-
тон, поднимаясь на ноги.

– Давай скорее, – сказал ходячий муравейник. – Сейчас

здесь будет дурдом.

И Платон нырнул в дверь бара, едва не сшибив высунувшего голову посетителя.

– Ну что уставился? – спросил того Непейвода. – «Разборку» никогда не видел?

Голова нервно икнула и пропала.

Глава 5

Сделка

Скалолазу от Перышка

ШИФРОГРАММА

Под угрозой само существование Лиги. Атлантида нл при каких обстоятельствах не должен достаться врагу. Разрешаю использовать любые средства. За судьбу операции отвечаешь головой. Взяв в плен Адриана Папаиоану, Непейвода должен был решить, что с ним делать дальше. Ответ на вопрос возник сам собой.

Документ 5 (перехват тахионной депеши)

«Пришло время устроить красочное покушение и довести 312 дело до конца. Дальше тянуть чересчур опасно. В любой момент Рассольникова могут убить на самом деле. Тогда придется искать другого черного археолога и начинать все сначала: обхаживать, разорять, запугивать...» – так думал Дванадесятый Дом, глядя в глазок на своего пленника. За неимением тюремной камеры пришлось утрамбовать его в самоходный контейнер.

Захваченный в плен разведчик как нельзя лучше подходил на роль безжалостного убийцы. В любом случае его придется ликвидировать. Хоть это и негуманно. Он слишком

много знает. Он слишком активен. Он слишком опасен. Значит, смерть Папаиоану не должна выглядеть казнью. И от нее нужно извлечь максимум пользы.

Непейвода все разыграл как по нотам. Сначала он дал Папаиоану подслушать его переговоры по радио. Двенадесятый Дом докладывал пустоте. Затем он позволил пленнику бежать. Сделать это надо было предельно убедительно, чтобы тот ни о чем не догадался. И Непейвода приказал кибермухам расстрелять свое собственное убежище. Со снайперской точностью следовало попасть в крепления тюремного контейнера, не угробив при этом заключенного. Пушка чуток перестаралась, зато контуженный пленник глубоко поверил в свое чудесное спасение. Мало ли врагов у его врага? Всякий мог выследить Непейводу и, обнаружив его лежбище, нанести разящий удар.

Затем было самое интересное. Дом должен был скрытно вести Папаиоану, дожидаться, когда тот решит напасть на археолога, и в самый последний миг закрыть его грудью. И нельзя ошибиться. Опоздаешь на секунду – объекту хана, опередишь события – пропадет эффект самопожертвования.

Двенадесятый Дом позволил разведчику выстрелить – не пожалел своих клеточек. Они приняли на себя удар десятков ядовитых игл и пали смертью героев. Так было гораздо убедительнее. В результате Рассольников даже представить себе не мог, что все это – инсценировка.

Итак, этот ходячий муравейник только что спас ему жизнь. Платон похватал свои вещички и, ни с кем не попрощавшись, выскочил из «Голубого трилобита». Спаситель ждал его у распахнутой дверцы глайдера. Труп куда-то исчез.

Теперь археологу тоже предстояло сделать выбор. Надо принять условия нежданного спасителя или вступить с ним в схватку – наверняка, столь же обреченную на поражение, как и предыдущая. Платон был уверен, что спасали его не просто так, а с конкретной целью. И потому сердечно поблагодарить и как ни в чем не бывало отправиться по своим делам ему не позволят. Всякого рода неприятностей стало чересчур много: не ровен час, очередная пуля доберется до его благородного лба. Пора кончать игру в прятки и вступать в игру. Все равно не отвертеться. Как говорится: раньше сядем – раньше выйдем.

...Они сидели на обнажившихся сосновых корнях. Оглушительно пахло смолой и взрывчаткой. Спаситель молча наводил порядок в теле. Клеточки локтя опять норовили высунуться из манжета. Если это безобразие заметит какой-нибудь любопытный прохожий, будет лишняя проблема.

Лицо квазичеловека все время пребывало в движении, норовя распасться на составные части, но все же ухитрялось сохранить основные черты. Порой оно казалось рябым, слов-

но после тяжелой формы оспы. Не слишком приятное зрелище...

– Я полагаю, мое имя тебе известно, – приняв решение, заговорил Рассольников. Он изо всех сил пытался скрыть, что ему не по себе. – Хотелось бы узнать, с кем я имею дело.

– Дванадесятый Дом Симбионтов Непейвода, – представился спаситель, привстав и церемонно поклонившись.

– Почему у тебя такое странное имя?

– Это оперативная кличка. Она дается всем агентам, отправленным на мокрые планеты– чтоб не забывали о главной опасности.

– Вы не любите воду?

– Обожаем, – потупившись ответил Дом. – Слишком легко объесться...

– Что тебе от меня нужно? – схватил его за руку Рассольников Непейвода тотчас рассыпался, оставив в его пальцах пустой рукав.

Дванадесятый Дом не любил, когда его трогают, и едва сдержался, чтобы не укусить человека.

– Если я отвечу, ты начнешь кричать и топтать ногами, – собравшись снова, сказал Непейвода.

– С какой стати? Или ты – извращенец? – Археолог с подозрением посмотрел на собеседника.

– Твои прелести меня не интересуют. Да и человечинной я не питаюсь. Стошнит.

– Хватит трепаться, – буркнул Платон. – Выкладывай.

– Мы с тобой полетим на Тиугальбу. – Непейвода сказал об этом как о деле решенном.

Рассольников воспринял новость как должное. Он почти не сомневался, что это название рано или поздно прозвучит. Чему быть, тому не миновать.

– Что ты там забыл?

– Я мог бы навешать тебе лапши на слуховые выросты, но не стану. Между партнерами не должно быть тайн...

«Ого! – обалдев от такой наглости, присвистнул археолог. – Мы уже успели стать партнерами».

– Мне нужен золотой горшок. Так он называется в описи. На самом деле это идеальный холодильник, который не требует подпитки энергией.

– Назвался партнером – снимай замки, – усмехнулся Платон. – Сказав «А», говори и «Б». В этом горшке что-то есть?

Непейвода понуро молчал. Археолог вдруг почувствовал его настроение: врать не хочет, но и правду сказать не может.

Платон решил зайти с другого конца:

– Там что: «вечная» батарея или горшок сосет энергию из вакуума?

– Заряда батареи должно было хватить на шестьсот лет, – хоть и не сразу, но ответил Дом. – Этот срок уже истек, и надо спешить.

– Значит, мы летим за любимыми бифштексами императора Фуфукураряба, – брякнул археолог и уставился на собеседника, ожидая его реакции.

– На ФФФукуараби нет императоров, – терпеливо объяснил Непейвода. – Планетой управляет Совет Домов Симбионтов. Примерно таких, как я, – только намного старше и больше размером. Вдобавок мы не едим бифштексы. Мы питаемся гусеницами одного-единственного вида. Это традиция.

– А как же тогда агенты, попавшие в переplet? Морят себя голодом?

– Агенты жрут все, – после паузы сознался Дванадесятый Дом.

– И что я получу взамен за потраченное время и силы, за смертельный риск? – осведомился Платон.

– Удовольствие, – с улыбкой ответил ему Непейвода. И когда на лице археолога проступила гримаса разочарования, добавил: – А также компенсацию всех понесенных за последние дни финансовых потерь. Плюс сто тысяч кредитов в пластиковых карточках на предъявителя. Плюс любые «сувениры» с Тиугальбы – сколько сможет унести один человек. Этого довольно? – Дом ухмылялся, следя за реакцией археолога.

– Нет, – буркнул тот, прекрасно понимая, что безбожно наглеет. – Мне нужна страховка жизни на миллион кредитов. Это мое обычное требование.

Непейвода картинно развел руками и пропел оперным баритоном:

– Согласен.

Из сосновой рощи они перебрались на «фазенду». Сиде-

ли в кабинете Платона и закусывали, чем бог послал. А бог в этот душный день послал им холодную телятину, блины с икрой таратуты, геянскую «сельдь» в винном соусе, йогурт с дольками фиона, апельмоновый сок и традиционную окрошку.

– Почему ты не разрешаешь мне собрать ватагу? – настойчиво вопрошал Рассольников.

У него на Гее-Квадрус была отличная команда «землекопов»: классный пилот, способный поднять в воздух любую посудину, толковый геолог, знающий толк в бурении скважин, опытный ксено-психолог, умеющий найти общий язык с самыми кровожадными аборигенами, и, наконец, матерый оценщик, дающий сто очков форы любому эксперту из «Сотбис» и «Кристи».

– Ты должен лететь один, никого не ставя в известность, – упрямо бубнил Непейвода. – Даже родных братьев. Опасность слишком велика. Для них – о нас особый разговор. За нами охотятся спецслужбы нескольких планет. А может, и не только они. И потому каждый сапиенс, вовлеченный в эту игру, тотчас становится смертником. Мы-то хоть знаем, на что идем, и можем за себя постоять. Нас прикрывают... Пока твои люди не засвечены, им ничего не угрожает. Ты решишься бросить их в пекло? Только потому, что сам рискуешь жизнью? На миру и смерть красна? Я не смогу защитить многих. Мои силы ограничены. Значит, у «ватаги» нет шансов. Негуманно гробить ни в чем не повинных людей, не

правда ли?..

Платон молчал. Чем тут возразишь?

– Итак, только ты и я...– продолжал ходячий муравейник. – Мы не имеем права лететь ни на пассажирском лайнере, ни на грузовике – их могут взорвать. Нам понадобится маленький кораблик; он у меня есть.

– Хотелось бы глянуть одним глазком до старта. Я кое-что понимаю в летающих мясорубках...

– Само собой, – согласился Непейвода, и археологу это показалось подозрительным: больно уж легко. – Если тебе понравится, сразу взлетаем. Домой уже будет не вернуться. Мы засветим кораблик, и его тотчас сотрут в порошок.

– Логично, – буркнул Рассольников. Муравейник снова обвел его вокруг пальца.

– Кстати, а почему ваша планета зовется ФФФукуараби? Довольно странное название даже для ходячих муравейников.

– «Уку» означает мир, «араби» – Дома Симбионтов, а три «Ф» – высочайшую степень его величия, – охотно ответил Непейвода. – Одно «Ф» —просто великий, два «Ф» – величайший, три «Ф» – величайший из великих. Теперь ясно?

– Чего уж ясней...

Платон начал собираться в дорогу. Нужно было достать кое-что из заглашника. Все необходимые инструменты, как поклялся Дванадесятый Дом, были уже на борту. Невзирая на присутствие «партнера», археолог вскрыл одну из пото-

лочных панелей. За ней обнаружилась титанитовая плита.

Непейвода с любопытством следил за манипуляциями Платона. Тот вручную разомкнул старенький кодовый замок, но открывать крышку люка не спешил.

– Там ловушка? – осведомился Двенадесятый Дом.

– Еще какая, – улыбнулся Платон. – Индивидуального действия.

– То есть?

– Сейчас увидишь... – Археолог дернул за скобу крышки и отскочил в сторону, так что ближайшим к загашнику живым существом оказался именно Непейвода.

Дом не бросился бежать, не выхватил оружие, а остался стоять на месте, демонстрируя полное доверие к партнеру. «Ты не можешь меня убить», – говорила его поза. Крышка открылась с душераздирающим скрипом, и секунду ничего не происходило. А потом из люка выскочил термопсис.

Самый настоящий термопсис с изогнутыми клешнями и силовыми резаками, которые могут пробить титановую броню. Его тело больше напоминало вращающийся сгусток мрака, закрученный воронкой смерча, чем живую плоть. Термопсисов собирают на конвейере из нескольких частей. И в каждом из них сложная пропорция мышц и металла, сухожилий и силовых полей.

Увидев перед собой Двенадесятый Дом, тварь на мгновение замерла и тут же ринулась вперед. В один миг кабинет оказался в центре урагана – подхваченные им вещи разлета-

лись в стороны, врезались или прилипали к стенам.

– Отбой. – За звоном стекла, грохотом и свистом ветра Непейвода не расслышал тихий голос Рассольникова. Термопсис утих, вобрал в себя все выступающие части и, пятясь, влетел обратно в люк. Пфуф. Будто его и не было.

– Ты испытывал меня? – осведомился Дом, когда его клочки вышли из оцепенения.

– Не без этого, – ответил археолог. Он ходил по кабинету и с сожалением обнаруживал все новые и новые разрушения – результат его смелого эксперимента. Надо было остановиться чуть раньше, но он сам не ожидал, что появится такое чудище

– А еще я хотел продемонстрировать тебе мое секретное оружие. Я возьму его с собой.

И кое-что еще...

* * *

– Что это было? С какой планеты? Сколько энергии он жрет? – теперь засыпал его вопросами Непейвода.

* * *

Платон молчал, и потому Дванадесятый Дом стал размышлять вслух:

– Это штука явно не земного происхождения. Ты притащил ее из какой-то экспедиции. Это не фантом – значит, она гиперпластична...

– Назовем ее «пугачом». Он опасен только для живых существ, которые чего-то боятся. С роботом ему не справиться. Если, конечно, того не мучают по ночам кошмары.

Были сборы недолги. Археолог обрядился в хорошо отстиранный полевой комбинезон с множеством карманов. Свои вещички он сложил в кожаную сумку и потертый медицинский саквояж. В его любимую сумку с вышитыми на боку дерущимися тиграми и сидящим на горе царем обезьян поместилась кое-какая одежда, включая выходной костюм, и предметы личной гигиены. В саквояже нашлось место для двух артефактов, которые могут пригодиться в экспедиции, и полусотни компьютерных дисков. Продукты и питье Платон не брал – Дом клялся, что корабельный трюм ломится от припасов. И без них получилось вполне весомо.

– Если не появлюсь до полуночи, считай, что я отправился в отпуск, – наставлял Платон Колобка. – Так всем и отвечай: улетел в отпуск, вернусь к началу сезона дождей. А куда именно, не сказал, чтоб не мешали расслабиться... «Фазенда» остается на твоём попечении. Будь осторожен: наверняка кто-нибудь захочет порыться в моих вещах...

– Не учи ученого, – растрогавшись, буркнул компьютер. Сцены прощания всегда принимали его до самого позитронного нутра.

Попрощавшись с Колобком, Платон подхватил вещички и двинулся было на посадочную площадку глайдера. Но Непейвода его притормозил.

– Не спеши в Лепеши – в Сандырях гарцуешь, – поразил он археолога прекрасным знанием земной старины.

Теперь, когда Дванадесятый Дом и Рассольников объединились, все остальные «заинтересованные лица» с утроенной силой следили за каждым их шагом. Слишком боялись упустить приготовившуюся сделать ноги парочку.

До Звездного Порта они добирались кружным путем – на стареньком муниципальном монорельсе. Чтобы избавиться от хвостов, Дому пришлось сварганить и выпустить на волю целую стаю долгоживущих фантомов, а затем отправить Платонов глайдер на другой конец планеты. Но на его уловки клюнули далеко не все шпики. С помощью кибермух Непейвода внимательно отслеживал любую активность в радиусе десяти километров от «фазенды» и вовремя обнаружил это.

Поэтому кибермухи образовали еще два таких же глайдера, которые и понеслись прямым в Порт. Они были встречены на полдороге полицейскими патрулями, отказались остановиться и на предупредительный огонь не прореагировали. После недолгой, но головокружительной погони глайдеры бесследно исчезли над океанскими волнами.

Корабль с выразительным именем «Оболтус» ожидал их в одном из заброшенных ангаров на дальнем краю летного поля. На самом деле эти старые ангары только считались за-

брошенными. Там издавна обитали геянские контрабандисты, которые аккуратно платили полиции и таможенникам за утрату здорового любопытства.

Некогда серебристая крыша ангара тут и там была залеплена оранжевым пластырем. Стены держались благодаря телескопическим подпоркам. Ржавые ворота с огромной цифрой 18, против ожидания открылись, не издав душераздирающего скрипа и скрежета.

Платон перешагнул через утопленную в бетонном покрытии рельсу и очутился в чистом и ухоженном помещении размером с хоккейную площадку. Посередине ее – в окружении разноцветных грузовых контейнеров – высилось нечто, сильно смахивающее на оплывшее от жары эскимо. Этакая огромная мясистая груша, ничуть не похожая на скроенный из боевых башен, ошестиненный антеннами военный бриг или корвет.

– Ох! – простонал археолог, оглядев это «чудо».

Впрочем, все оказалось не так уж и плохо. Корабль был потрепанный, но еще вполне ходкий. Маленький – на четыре человека и пять тонн груза. Его серые в яблоках (как у лошади) бока были ворсистыми, чуть заметно вздымались и опадали – «Оболтус» дышал.

«Никогда не любил живые машины, – подумал Платон. – Залезешь внутрь и сразу вспоминаешь об Ионе в китовом чреве. Против воли думаешь о желудочном соке и глистах. Первую ночь вообще не заснуть. Лежишь на койке и ждешь

пакостей, а их все нет и нет...»

Но выбирать не приходилось. Любые сделки по гиперсветовым кораблям сейчас были под жестким контролем. Да и цены взлетели втрое. А этот живоглот куплен давным-давно и прошел через пять подставных фирм, прежде чем был приписан к космопорту Аристеи. Туда чаще всего переключивают краденые суда, ведь там оффшорная зона и терпеть не могут федералов.

– Как тебе посудина? – небрежным тоном осведомился Непейвода после того, как они облазили корабль сверху донизу. На самом деле он волновался. Если археолог откажется лететь, опять все полетит в тартарары.

Рассольников не отвечал, пока они не выбрались наружу. Не хотел, чтобы «Оболтус» слышал его слова.

– Дрянцо ты мне подсунул, друг ситный, – укоризненно произнес он. – Зажал в тесном углу и теперь всучиваешь барахло. Тебе не стыдно?

Вопрос был риторический, но Дом этого не понял, напряг Думающую часть клеточек и принялся отвечать:

– Если стыд – одна из форм раскаяния, то нет. Если это всего лишь отсутствие удовлетворения от проделанной работы...

«Да ты еще и зануда!» – мысленно чертыхнулся Платон.

– Так мы летим или нет? – торопил его ходячий муравейник.

«А куда ж я денусь?..» – подумал с тоской археолог. Надо

было менять правила игры, и он рывкнул на весь ангар:

– Полундра!!! Свистать всех наверх! Отдать швартовы!

Непейвода его прекрасно понял. Он дунул в серебряную боцманскую дудку, вдруг обнаружившуюся на его груди. Платон ничего не услышал – в отличие от разномастных киберов, которые тотчас полезли из стен ангара. Закипела работа.

Погрузка на корабль содержимого контейнеров заняла не больше пяти минут. И все же Двенадесятый Дом был недоволен. Он свирепо рычал на проносившихся мимо киберов. Они подпрыгивали от испуга и ускорялись еще больше. Однажды машинкам не удалось разминуться и они на полном ходу впились друг в дружку. Винтиков потом было не собрать.

Непейвода психовал по очень простой причине: кибермухи только что сообщили ему, что полиция начала прочесывать территорию Звездного Порта. Кроме того, в полную боевую готовность был приведен дивизион космической обороны, охранявший Порт. И хоть вооружение его убогое, сбить такую мишень, как «Оболтус», – раз плюнуть.

Платон и Непейвода забрались в махонькую командную рубку корабля, и Дом приказал зарастить люки. Рубка была неприятного телесного цвета. Из ее кожаного пола моментально сформировались два пилотских кресла. Они легонько поддали сиденьями под задницу астронавтам – мол, садитесь скорей.

Кибернетическая мелочь, только что суетившаяся у трапа, кинулась врассыпную. Экран целиком заняли ворота ангара. «Оболтус» должен взлетать прямо через них – не присаживаясь на летном поле. Так будут выиграны бесценные секунды.

– Все системы работают нормально. Расчет траектории закончен, – доложил корабельный мозг густым басом. – К старту готов.

– Вперед, – приказал Непейвода.

Корабль беззвучно и неощутимо сорвался с места. Пока что он использовал антигравитационную подвеску. Выбравшись на воздух, «Оболтус» пустит в ход ракетные ускорители.

– Поехали! – согласно традиции, завопил Платон. Нет, он не чувствовал себя первооткрывателем звездных глубин. Просто когда кричишь, не так страшно. Он ведь загравком чуял нацеленные на корабль пушки и ракеты.

«Оболтус» боком вынесся из ангара и первые секунды мчался над летным полем на высоте не больше десяти метров.

Каждый миг он мог врезаться в один из ангаров или причальные фермы. Зато армейские радары его прозевали.

На экране переднего обзора мелькали серебристые крыши, ячеистые конструкции из черного керамлита, стрелы грузовых кранов. У Платона перехватило дыхание. Далеко впереди возникла коричневая стена. Она стремительно на-

двигалась. Это были прибрежные скалы – надо набирать высоту. «Не успеем! Не успеем!» – стучало в висках. Корабль резко пошел вверх, и сразу же в рубке раздался гневный голос на космолингве:

– Бортовой «МТ-1313»! Немедленно сажайте машину! Взлет запрещен! – Это был главный диспетчер.

– У нас поломка командной системы! Корабль не слушается управления! – затараторил в ответ Дом, пытаясь выиграть время.

– У вас пять секунд! – гаркнул диспетчер. – Открываем огонь на поражение!

– Ради бога подождите! Я пытаюсь вернуть управление! – вопил Непейвода.

– Две секунды, – мрачно отмерил диспетчер.

– Ба-бах! – сказал «Оболтус» и врубил стартовые ускорители.

Корабль словно выстрелил себя из пращи, разом увеличив скорость вдесятеро. Если бы не антигравитатор, Платона и Непейводу раздавило бы ускорением в лепешку.

Подъем в небеса проходил в торжественной обстановке. «Оболтусу» салютовала батарея зенитных комплексов – пусть не самых современных, но и они могли превратить в груды дымящихся обломков любой летательный аппарат, не имеющий противоракетной системы. Небольшие, юркие ракеты – белые в черную полосу – ринулись вслед за кораблем, нагоняя его с каждой секундой.

Дому пришлось бросить в бой все рои кибермух. Слившись в черные орудийные стволы, они одну за другой сбивали ракеты. В ответ их разили лазерные пушки, установленные на боевых башнях Звездного Порта. Бесчисленные «мушата» сгорали в воздухе, но орудия продолжали стрелять. Началась ожесточенная дуэль.

Видя, как обломки ракет багровым дождем сыплются на землю, а окутанный облаком раскаленного дыма корабль-нарушитель поднимается все выше и выше, доблестные зенитчики открыли шквальный огонь. Захлебывались от лая старинные автоматические пушки, выпуская тысячи «глупых» снарядов. Большинство из них шли мимо цели, но зато и зоной поражения стал весь небосвод. А ведь каждую дурную железку не перехватишь. «Оболтус» могли сшибить в любой момент.

Двунадесятый Дом отдал новый приказ. Два небесных орудия распались на элементы, и огромная стая кибермух ринулась вниз. Черным градом она обрушилась на боевые установки геянцев. Процессоры были размолоты в пыль, и через мгновение электроника отказала. Грозное оружие стало грудой бесполезного металла. Платону и Дому не пришлось наблюдать все перипетии этой впечатляющей битвы. Увешанный сосисками ракетных ускорителей корабль рвался из атмосферы. Он дрожал от напряжения, потел биосмазкой, не отвечал на вопросы экипажа. Он спасал свою драгоценную жизнь, а вместе с нею и никчемные души и тела этих

погонял.

«Галактические новости» передали срочное сообщение о начале боевых действий на планете Гея-Квадрус. Корреспондент «Новостей» смог заснять только багровые всполохи на горизонте да желтые вспышки в небесах. А вот наблюдавшие за ходом сражения спутники-шпионы транслировали картинку в штаб-квартиру Лиги Миров, в результате чего Совет Безопасности на экстренном ночном заседании решил послать к планете боевую эскадру. Потом был бо-о-ольшой конфуз.

Глава 6

Любовь до гроба

«Любые биомеханические системы, обладающие пазитронным мозгом высшего порядка и длительное время работающие в тесном контакте с разумными существами, приобретают черты последних. Отмечены случаи самоидентификации корабельных мозгов с человеком разумным, крикусом шестиротым и даже с денебским облаком. В случае возникновения осложнений на психологической почве следует немедленно отключить мозг корабля от источников питания и обратиться в фирму-производитель. Самостоятельно чистить этот сложнейший командный орган категорически запрещается...»

Документ 6 (из инструкции по пользованию кораблем)

– Хозяин, ты мне очень нравишься, – раздался среди ночи из динамика негромкий, ласковый голос. «Оболтус» знал, что археологу не спится.

– Хм.

«За что такое счастье?» – подумал Платон и перевернулся на другой бок. Корабельная койка могла бы быть и помягче.

– Мы с тобой сработаемся, – голос «Оболтуса» тек, как мед.

– Дай-то бог.

– Ты мой царь и бог.

Платон поежился. Или это юмор?

– Послушай, Оболтус, – археолог попытался сменить тему, – скажи мне лучше: ты уверен, что не промахнешься? Мы ведь должны выйти как можно ближе к Тиугальбе.

– У меня хорошие органы. И среди них малюсенький такой сонарчик. Толку от него вроде бы никакого. Но это пока ты по эту сторону. А в подпространстве он начинает сечь искажения гиперполя... – Голос у корабля стал хвастливый, разухабистый. – Не волнуйся – со мной не пропадешь.

«Так-то лучше, – подумал Платон и закрыл глаза. – Элементарный прием, а гляди-ка: сработал. Человека не перемудришь... А я уж было решил: от обстрела мозги у „Оболтуса“ стали набекрень».

Полет проходил ни шатко ни валко – как и все перелеты средней дальности. Гиперпрыжок, короткий отдых, пересчет курса, новый прыжок... И так десятки раз подряд.

Прогулки по гиперпространству, как известно, плохо действуют на нервы. В конце концов теряешь сон и аппетит, становишься раздражительным и все чаще проклинаешь тот день, когда согласился покинуть дом родной.

Платон редко выходил из своей каюты – да и куда пойдешь, ежели кораблик – всего ничего? Не в трюм же битком набитый лазить или засесть в командной рубке, тупо уставившись в погашенные экраны? Играть с Непейводой в трехмерные шашки он категорически отказался – терпеть не

мог проигрывать инопланетянам. А потому археолог пытался тратить время с толком – на самообразование. Кропотливо, вдумчиво изучал он историю Белой Мальты. Согласно трем взаимоисключающим научным теориям.

Хватило его ненадолго. Авторы монографий большую часть сил тратили на то, что поливали грязью оппонентов, порой достигая в этом деле подлинных вершин. Один переполненный гневом старец сменял на экране другого, и вскоре Платону стало тошно их видеть и слышать.

Уже через три дня археолог переключился на «Эротическую коллекцию Видала». Просматриваешь тышу-другую красоток с разных концов Галактики, отбираешь с десятков и сбрасываешь их в буфер. Отныне стоит лишь натянуть на себя виртуальный корсет – и можно расслабиться.

С красоток-то все и началось...

– Ты не спишь, хозяин? Я знаю: не спишь, – донесся из динамика сладкий шепот.

* * *

«Снова-здорово». – Платон заворочался на койке, пытаюсь устроиться поудобнее, и вдруг она начала изменяться. Прямо под ним.

– Э-ге-гей! – воскликнул он. – Немедленно прекрати!

Корабль не отозвался. Узкая корабельная койка превращалась в мягчайший двуспальный диван с гравикомпенсато-

ром. Переборка стала выпячиваться, из нее высунулись две длинные розовые руки – кровь с молоком. Отогнув одеяло, руки начали успокаивающе поглаживать археолога, и ему почему-то расхотелось сопротивляться. Руки бережно сняли с Платона пижаму и перешли к целебному массажу. В этом деле они явно знали толк.

Во время гиперпрыжков организм разлаживается и требует починки. Археолог аж постанывал от наслаждения. Застоявшаяся кровь бодро побежала по сосудам и капиллярам. Снулые мышцы и сухожилия вновь обретали упругость. Суставам и позвонкам возвращалась гибкость. Скоро он станет ну совсем как гуттаперчевый мальчик.

Платон размяк и не думал в эти минуты, к чему все это приведет. А следовало бы...

– Скажи мне, Тоша, кого ты больше любишь: девочек или мальчиков? – завершив процедуры, осведомился «Оболтус».

– Текилу, – не раздумывая ответил Платон. И правда: ее, родимой, ему больше всего не хватало в полете.

– Ты такой смешной, Тоша... – из динамика раздался залиvistый смех. Он был заразным, но Платон не поддался. Отсмеявшись, корабль продолжил расспросы: – Так все-таки – кого? Я серьезно. Это ведь важно. Нам же надо притереться друг к другу. Нам работать вместе...

«Прилипала чертов, – вяло чертыхнулся археолог. – Ни за что не скажу. Об экспедиции вспоминает, только если надо что-нибудь выклянчить».

– Был я однажды на астероиде Оскар Уайльд. И все местные жители...– развивал наступление «Оболтус». Дальше пошли такие интимные подробности, от которых Платона при всей его опытности пробрала холодная дрожь.

Археолог упорно молчал. Весь кайф, полученный от массажа, куда-то исчез. Зато злости появилось не меряно.

– А в другой раз заправлялся я на Борисе Моисееве. Так они научились делать в невесомости...

«Ну, змея подколодная! Ну, гаденыш инкубаторский!» – мысленно ругался Рассольников. И все же пришлось сдаться и ответить на вопрос, пока треклятый корабль не замучил его рассказами о «голубых» космопоселениях.

– Шабаш! – вскричал Платон. – Девочек я люблю! Девочек, черт бы тебя подрал! С икс-хромосомой, если знаешь, что это такое!

– Большое спасибо, любезный моему сердцу властелин, – голосом гаремного евнуха зачастил «Оболтус». – Позволь мне удалиться для глубоких раздумий...

– Катись колбаской!

Утром, едва Платон продрал глаза, его ожидал сюрприз. Из корабельной переборки прямо над его койкой выпирало женское тело. Торс, как у Венеры Милосской, головка, позаимствованная из «Эротической коллекции Видала», руки и ноги тоже отменные. Совсем живая женщина – все на месте: волоски, жилки, пупырышки на коже, веснушки. С переборкой она соединялась спиной и свободно могла двигать

конечностями.

У Платона отвисла челюсть. Он лежал, вцепившись в одеяло, будто его собирались изнасиловать. Обнаружив, что постоялец не спит, «Оболтус» заговорил. На сей раз корабельный мозг разговаривал устами мадам, и голос его был восхитителен.

– Доброе утро, любимый! Ты знаешь, этой ночью я приняла важнейшее решение. Я поменяла пол. Теперь меня зовут Нинель... – Мадам потупила взор. Глаза васильковые, ресницами можно подметать пол. – Ты прекрасен. Я так хочу обнять тебя. Но не решаюсь. Разреши мне поцеловать тебя, любимый...

Она смотрела на него влажными глазами, призывно терла ножкой о ножку и тянула к нему свои прекрасные руки, словно моля о милосердии.

Платону хотелось закричать: «Оставь меня в покое! Убирайся отсюда! Я не стану сожительствовать с машиной!», но он понимал, что действовать нужно тоньше. Ведь при желании корабль может замуровать его в каюте и залюбить до смерти. Платон сделал несколько глубоких вдохов-выдохов и спокойно проговорил:

– Не торопи меня. Я еще слишком плохо тебя знаю. Чувство должно созреть. Поспешность может все погубить... Нинель не могла с ним не согласиться.

– Ты так умен, мой любимый! Я преклоняюсь перед тобой...

Она попыталась стать на колени, но стена не пустила. «А что будет, если „Оболтус" сможет породить совершенно автономную бабелъ? – с содроганием подумал археолог. – Или она будет всюду таскаться за мной, волоча по полу безразмерную розовую пуповину... Бр-р-р!!!»

Когда Платон решил отлить, он долго озирался по сторонам, выискивая в стенах и потолке туалета женские глаза или уши. Нинель была деликатна. Но едва он забрался в тесную душевую кабинку, снял пижаму и пустил воду, Нинель не сдержалась. Ее руки – одни только руки – моментально вылезли из стен и принялись нежно намыливать ему спину.

Ее плавные движения были полны эротизма, и Рассольников против воли возбудился. Нинель пришла в неистовство – стены кабинки завибрировали. Она хотела прямо сейчас, немедленно материализоваться под струями горячей воды и обрушить море ласк на любимого. Археологу пришлось бежать из душа в каюту, не домывшись. Видел бы кто его белые от ужаса глаза!..

Платон почувствовал себя совершенно беспомощным. Он был окружен со всех сторон. Вот-вот кит начнет переваривать Иону. Спаситься можно было, только уничтожив корабль или катапультировавшись в межзвездное пространство в нескольких парсеках от ближайшей обитаемой планеты. И так, и этак – полный дохляк. В столь отчаянном положении Платон бывал нечасто. И потому, сломив в себе гордость, вместо того, чтобы позавтракать, он пошел на поклон

к Непейводе.

А ведь вскоре после старта именно археолог предложил Двенадцатому Дому заключить «водяное перемирие»: «Давай друг другу не беспокоить во время полета – отдохнем малость». Уж больно этот ходячий муравейник действовал Платону Рассольникову на нервы. На том и порешили. И вот теперь Платон решил просить о помощи. Понуриив голову, он сказал в переговорное устройство:

– Кх-кхм. – Робость, как известно, украшает человека.

– Войдите, – невнятно ответили из-за двери.

Плита с полустершейся надписью «Осторожно, злая собака!» беззвучно уехала в стену. Археолог с опаской шагнул через высокий порог. Почувствовав опасность, Нинель могла в любой момент первой нанести удар. Например, прищемить его дверью или расплющить в лепешку, уронив на него потолок. Хотя, если она действительно любит Платона, то не станет причинять ему вред, что бы ни случилось.

Распавшись на составные части, Непейвода ровным слоем покрывал стены и пол каюты. Этаким серо-буро-черный ковер, который непрерывно шевелился и шуршал. При виде человека Дом и не подумал воссоздавать тело. Лишь напротив входа, над заращенным иллюминатором возник огромный рот.

– Моченьки больше нет? Или осталось чуток? – осведомился Двенадцатый Дом, и Платон с облегчением понял, что ему ничего не придется объяснять.

– Больше нет, – честно признал он. – В конце концов, это ведь ты купил его... Так что выручай.

– Хорошо, – ответил рот. – Я попробую. Посиди-ка здесь. – И живой ковер, колыхаясь, обтек незваного гостя и устремился в коридор.

Археолог плюхнулся на идеально заправленную койку и приготовился ждать развязки. «Или они сговорятся и тогда мне каюк, – думал он. – Или же сработает мужская солидарность... Ха-ха-ха! – самому стало смешно. – Почему-то я все время считаю этот муравейник мальчиком. Какой бред!.. Корабль-девочка и муравейник-мальчик. Ну и ну...»

Потом он включил экран на опустевшей стене каюты и задал режим поиска Непейводы. Нинель и тут не возражала. Изображение с камер слежения замелькало, мечась из одного конца корабля в другой. Ничего не разглядеть. Значит, «мураши» сейчас везде.

– Стоп! – приказал Платон. – Дай мне командную рубку. – Скорей всего, выяснение отношений произойдет именно там.

И тут корабль завизжал. Визжал он как будто весь целиком – пронзительно и истошно. Словно тысяча истеричных женщин одновременно наступили на жабу, увидели мышь или нащупали паука у себя на животе. Платон заткнул уши, но все равно мозги сверлил запредельный бабий визг.

– Сдаюсь! – через две минуты закричал корабельный мозг. – Сдаюсь! Я выполню любые условия! Только прекра-

ти! «Похоже, не врет», – подумал Рассольников.

– Хорошо, – ответил Двенадесятый Дом. – Ты не будешь навязывать свою любовь Платону, пока он сам тебя об этом не попросит. Не будешь формировать человеческие тела и высовывать из переборок руки.

– Я согласна!

– Это еще не все. Ты будешь безоговорочно выполнять наши с ним приказы. И не вздумай ставить нам какие-нибудь условия!

– Обещаю.

– Вот и договорились.

– Что ты с ним сделал? – спросил археолог, когда Непей-вода вполз в каюту.

– С ней. В том-то и Дело, что с ней. Женщины гораздо чувствительнее к таким вещам. Я ее покусал.

– Корабль? Он выдерживает попадание небольшого метеорита...

– Чтобы тоньше чувствовать тебя, чтобы лучше понимать тебя, чтобы глубже любить тебя, Нинель перестроила свой механоорганизм. Он теперь гораздо больше напоминает человеческое тело. Нинель вырастила множество новых рецепторов и стала во сто крат уязвимей. За все надо платить.

– Ты все это знал, хладнокровно наблюдал за происходящим и даже не подумал вмешаться, – с обидой произнес археолог.

– Но ты же сам предложил разбежаться по каютам. Откуда

мне знать: вдруг тебе нравятся корабельные ласки? Она ведь очень старалась, изучила «Камасутру» и много других файлов о человеческой любви. Ее внешние органы весьма эффективны. Ты не отличил бы их от настоящих – напротив...

* * *

– Баста! – рявкнул Платон. Тут же взял себя в руки. – Оставим эту тему. Я тебе очень благодарен. Я стал бы твоим должником, если бы именно ты не подсунул мне это чудовище. – Он встал с койки и направился к двери.

– Ты еще не завтракал. Так что приятного аппетита! – кинул ему вслед Непейвода.

– И тебе того же.

Глава 7

На дне

«Астероид Чиуауа, относящийся к группе так называемых „государств-изгоев“, не подлежит осмотру по соображениям безопасности. Смеем вас заверить: никакими достопримечательностями, кроме изношенного оборудования и ядовитой атмосферы, такого рода космические объекты не обладают и в принципе обладать не могут».

Документ 7 (из Путеводителя по Галактике)

Миновали девять дней полета. Корабль прошел ровно половину пути. Погони за кормой не видать, гипердвигатель работает как швейцарские часы, на обед и ужин кормят деликатесами. (Правда, на завтрак овсянка.) Чего еще желать? Лежи себе на койке и поплеывай в потолок.

Иногда перед сном, когда Платон раздевался и разбирал постель, динамик вдруг начинал ласково ему шептать:

– Ты такой красивый. Ты не передумал, хозяин?

– Нет!

– Тогда извини, – раздавался обиженный голос, и воцарялась тишина.

Археолог потом долго не мог уснуть. Из-за этих самых шепотов Платона не оставляло ощущение, что за каждым его

шагом следят. Он был погребен в недрах живого корабля, свихнувшегося на мечтах о любви.

...Первый тревожный звонок раздался во вторник после обеда. Выйдя из очередного прыжка, «Оболтус» понял, что отклонился от курса. Корабельный мозг не стал тревожить экипаж и попытался сам исправить ошибку. Он сделал «поправку на ветер» и вошел в подпространство. И снова оказался не там, где надо. Новый прыжок, и отклонение выросло еще сильнее. Стало ясно: корабль сносит. Тогда «Оболтус» позвал экипаж в рубку.

Платон нехотя выбрался из каюты. Он теперь развлекался тем, что просматривал земные новости за последние полтора года – один ролик новостей «Си-Эн-Эн» за другим. Когда-нибудь он тоже станет их героем...

«Что еще стряслось? – думал археолог, пробираясь по узкому, похожему на пищевод, коридору. – Эскадру выслали наперерез или впереди минное поле?»

Непейвода собрался по всем правилам, туго наполнил собою полетный комбинезон и промаршировал в рубку как дисциплинированный член экипажа. Пока его клеточки не начнут стареть и помирать, он всегда будет в отличной форме.

Когда напарники уселись в кресла, корабельный мозг коротко и внятно доложил о проблеме.

– Насколько я знаю, в подпространстве не бывает течений, – хмыкнув, сказал Платон, постукивая костяшками

пальцев по подлокотнику. После известных событий он старался поменьше говорить с «Оболтусом», а уж если было не отвертеться, против воли начинал хамить. Детская защитная реакция.

– Я тоже так думал. Но это что-то вроде Мальстрема, который захватывает суденышко и рано или поздно швыряет его на дно гигантской воронки, – начал оправдываться «Оболтус». – К нашему вектору – прямолинейного, поступательно-го движения – добавился новый. Он почти перпендикулярен курсу и непрерывно растет. Едва мы выпрыгиваем в обычное пространство, его кусок вместе с нами делает свой собственный гиперпрыжок. И мы все больше отклоняемся от курса, двигаясь как бы по закручивающейся спирали. Для этого нужен гипергенератор, на три порядка мощнее моего. Лига такими не обладает. Я вообще не слышал о подобных махинах.

– Ты устарел на сотню лет, – раздраженно произнес археолог.

– Прошу прощения, – только и смог ответить корабельный мозг. Он чувствовал себя виноватым.

– Ты уже понял, куда нас затягивает «воронка»? – осведомился ходячий муравейник. Он сразу во всем разобрался. Непейвода был подтянут и чертовски спокоен.

– Тахионный шуп обнаружил там довольно крупное тело, неправильной формы. Похоже на астероид.

– Чиуауа... – выдохнул Платон.

– Ох ты! – воскликнул Дванадесятый Дом. Это было очень нехорошее космическое поселение. Ну просто хуже некуда...

Астероид таинственным образом пропал именно в этом секторе Галактики около столетия назад и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу.

– Есть только одна возможность вырваться, – нарушил воцарившееся молчание корабельный мозг. – Можно прыгать в противоположную сторону. Хватит ли мощности моего генератора – время покажет.

– В лучшем случае мы вырвемся на волю, потеряв несколько драгоценных дней, – тихо произнес Непейвода. – А в худшем: впустую израсходуем энергию и все равно окажемся там, куда нас волокут.

– Есть другое предложение? – спросил Платон.

– Нет, – понуро ответил Дом.

Корабельный мозг рассчитал траекторию и сделал первый гиперпрыжок, уже не приближаясь, а удаляясь от Тиугальбы. «Оболтусу» почти не препятствовали. Встречный вектор оказался вдесятеро слабее. Возможно, их противнику важно было задержать корабль, и не важно, куда именно он теперь летит.

Но ликование оказалось недолгим. Сопротивление подпространства начало расти: от прыжка к прыжку «Оболтус» продвигался все меньше. И наконец стало ясно: через пять прыжков, на шестом корабль не сдвинется с места, а потом его снова начнет втягивать в Мальстрем.

Корабельный мозг вторично созвал экипаж. Платон и Непейвода пришли в рубку мрачные, плюхнулись в выращенные из пола кресла и молча уставились на полный ослепительных звезд экран переднего обзора. Спустя мгновение звезды сменила компьютерная картинка: маленький кораблик несся по спирали все быстрее и быстрее, а потом, когда до дна воронки оставалось совсем немного, вдруг перескочил на соседний виток и начал удаляться от собственной погибели.

– Мы ждем объяснений, – буркнул археолог. Он успел проклясть все на свете. Чем так лететь на Тиугальбу, уж лучше сидеть в тюремной камере на Гее-Квадрус, есть котлеты с макаронами и запивать компотом из сухофруктов.

– Если Мальстрем не может менять направление вектора, а только его величину, у нас есть шанс выскочить, – произнес «Оболтус». – Правда, небольшой.

– С какой стати? – удивился Платон Рассольников. – Почему этот чертов гипергенератор нельзя перенацеливать, как все другие? Тем более, если он несусветно могуч?

– Мне кажется, астероид Чиуауа – не хищник, а жертва, – подал голос Дванадесятый Дом. – «Оболтус» прав: таких

грандиозных машин не производит ни одна цивилизация Галактики. Тем более, – где раздобыть его изгоям?.. Этот генератор может оказаться неким природным объектом или обломком древнейшей цивилизации. Астероид попал в «Мальстрем» на общих основаниях и теперь лежит на дне вместе с кучей других кораблей. Скоро и мы там будем.

Археолог подавился воздухом, закашлялся. Непейвода любезно постучал его по спине. «Оболтус» застонал от зависти.

Его мучило неисполнимое желание прикоснуться к своему любимому и облегчить его мучения.

– Попытка – не пытка, – утерев слезы, выдавил из себя Платон. – Разве у нас есть выбор?

– Отдаться на волю волн, тихо улечься на дно и поглядеть, что там такое, – ответил Дом. – И если удастся найти гипергенератор и его перенала...

– Не пори чушь. Логика – ноль. Ты же сам сказал, что это природный феномен. Флуктуация подпространства. Что-то вроде галактического Саргассова моря. Это его ты собираешься переналадить? Есть другой вариант – еще «лучше»: генератор рукотворен и стоит на военной базе негуманоидов, которая напичкана оружием и полна головорезов...

– Ты сейчас до смерти запугаешь себя самого да и нас заодно, – ворчливо произнес Дванадесятый Дом. – Значит, попробуем выскочить. А не выйдет, будем переналаживать головорезов, – усмехнулся он.

Платон усмехнулся в ответ.

– Ты мне положительно нравишься. Ты самый оптимистичный муравейник из всех, что я знаю.

И все трое расхохотались.

«Оболтус» больше не прыгал, экономя топливо. Его продолжало нести по спирали. Органы чувств по-прежнему не замечали никаких гиперпрыжков. Приборы не улавливали изменений гиперполя, но корабль с каждым часом оказывался все ближе к астероиду Чиуауа.

На тринадцатый день полета «Оболтус» отделяло от астероида меньше миллиарда километров – суцая безделица. Пришло время рискнуть. Надо сделать снайперски точный «выстрел». Корабль в гиперпрыжке проскочит центр воронки и окажется по другую ее сторону.

Платон и Непейвода в очередной раз собрались в командной рубке. Напарники сухо поздоровались и уселись в кресла. Прыжок был беззвучен. Скрип переборок и шорох эфира только чудятся испуганному человечку, который впервые в жизни нарушает все привычные законы физики.

Вцепившись в теплые шерстистые подлокотники, археолог вперился в покрытый серыми искрами экран. На время гиперпрыжка иллюминаторы непременно задраивают, а экраны гасят – такова традиция космофлота. Считается: те, кто нарушит этот неписанный закон, могут не выйти из подпространства.

В юности Платон Рассольников расспрашивал космиче-

ских волков, в том числе своего брата: «Чего там такого страшного?» Кто отмахивался, кто отшучивался. А если и говорили, то всякий раз разное. Или сирены сладкоголосые выманивают экипаж из корабля, превращая его в «летучий голландец». Или так страшен облик нашего мира с изнанки, что сердца не выдерживают и лопаются. Или на людей нападает безумие при виде узора звезд, вышитого на небе шиворот-навыворот... Археолог предпочитал не докапываться до истины – здоровье дороже: «Ежели поймают за отвинчиванием гаек – морду набьют, а не поймают – вдруг на самом деле все попрем?»

– Есть! – воскликнул корабельный мозг, и зажегся экран переднего обзора.

Напарники глянули и онемели от изумления. «Оболтус» был теперь не один: длинная цепочка маленьких корабликов тянулась перед ним с одного витка спирали на другой.

– Дай увеличение! – гаркнул Дом.

На экране возник бок ближайшего корабля. Он едва заметно вздымался, как у всякой живой твари. Потому надпись на нем легонько ходила вверх-вниз. Написано там было на космолингве одно-единственное слово: «ОБОЛТУС».

– А что у нас с тыла? – спросил Платон севшим голосом. Изображение появилось и на экране заднего обзора. Перед глазами была все та же цепочка на фоне черного неба.

– Так мы что, где-то в середине? – оторопело произнес археолог. – Сколько же нас всего?

– Не меньше полутора тысяч. Не могу сосчитать, – ответил «Оболтус» виноватым тоном. – Концы цепи теряются вдали.

Только сейчас археолог понял, что не видит на экране звезд. Черная занавесь неба была девственно чиста.

– Где мы находимся? Относительно центра воронки?

– Не знаю, – буркнул корабельный мозг. – Не могу сориентироваться в пространстве. Здесь, куда мы попали, нет источников излучения – ни в радиодиапазоне, ни в каком другом. Нет ничего, кроме этой цепочки меня.

– То есть мы, пройдя центр воронки, так и не вышли в нормальное пространство, – подытожил Платон.

– Осталось выяснить, что это: фантомы, наши копии или нас вот так... дискретно размазало по миру, – сказал Непейвода. – Оболтус, сделай какой-нибудь маневр. Например, ляг на бок.

– Вас понял, командир, – по-военному отчеканил тот.

Человек и Дом Симбионтов ощутили некое движение. Гравитатор по-прежнему прижимал их тела к полу, сохраняя нормальную силу тяжести, но вестибулярка ощутила перемену.

Платон и Непейвода уперлись глазами в экран, глядя на цепочку «Оболтусов». Если это фантомы, они в точности повторяют движение настоящего кораблика, на мгновение припоздав с маневром. И чем они дальше, тем больше будет отставание. Его легко измерить, зная скорость света. Если же

гирлянда существует на самом деле, и «Оболтусы» захотят собезьянничать, копии повернутся вразнобой, немножко отклоняясь от девяноста градусов. Да и по времени они отстают каждый по-своему.

Кораблики на экране двинулись совершенно синхронно. Органы чувств «Оболтуса» подтвердили это. Либо все они были одним и тем же кораблем, либо их продублированные вместе с телом «Оболтуса» корабельные мозги думают абсолютно одинаково.

– Что будем делать? – спросил археолог, нарушив долгую паузу.

– Очередной прыжок, – тусклым голосом ответил корабельный мозг. – Прыжок наобум. И тут три варианта. Либо ничего не выйдет – и мы застряли здесь навечно. Либо вернемся в прежнее состояние, и нам останется только подрулить к астероиду. Либо, если мы попали в узел связности, нас может выбросить в любой точке Вселенной.

– Тогда вперед, – сказал Дванадесятый Дом.

– Одна просьба, – добавил Платон. – Давайте посмотрим, как это будет. Еще никто и никогда не смотрел на гиперпрыжок отсюда. – Вдруг мы хоть что-нибудь увидим?..

– В этом бреде есть здоровое зерно, – неожиданно поддержал его Непейвода.

– Только потом не говорите, что я вас не предупреждал, – после минутных раздумий уступил «Оболтус». – Делаю обратный прыжок, – объявил он роковым баритоном. – Начи-

наю отсчет... Девять. Восемь...

«Мамочка родная! Спаси и сохрани, – мысленно зашептал Платон. – Теперь ты наверняка на небесах. Больше мне не к кому обратиться. Обещаю тебе никогда не пить больше литра текилы за раз и любить не больше трех девочек за ночь...»

Черный полог небес мгновенно стал серым. А бесконечная череда «Оболтусов» схлопывалась, превращаясь в единое размазанное, как на неудачном снимке, изображение.

– Злобные пираты пошли на абордаж. Не могу найти я к пушке патронташ, – напевал Платон, ерзя в пилотском кресле. Дом расплзся по рубке, тонким слоем покрыв ее стены. Каждый волновался как мог.

Пиратов было не видать. Корявая глыба астероида медленно наплывала на экран. Корабельный мозг обработал картинку, полученную от радаров, и видимую сторону астероида Чиуауа можно было разглядеть во всех подробностях.

Сама по себе глыба была похожа на любой из астероидов Галактики. Формой своей она напоминала обгрызенный мышами кирпичик хлеба. Размер: два с половиной на три и на три с половиной километра. В средней части астероида имелся причальный комплекс. На вид он казался целехоньким, если не считать того, что энергопитание и освещение было отключено, не работали локаторы, гравитатор, тахионная и радиосвязь.

– Я запрашиваю экипаж астероида во всех диапазонах, – сообщил «Оболтус». – Ответа нет. Придется садиться нао-

бум святых. Присосусь к причалу, как пиявка, – это я умею. Выйдете в скафандрах и поищите входной люк.

Так они и сделали. Археолог натянул на себя «рыбью кожу» оранжевого цвета и сразу почувствовал себя звездным рейнджером. Не хватало только лучемета и ледоруба. Непейвода, одевшийся вперед него, прицепил ему к поясу страховочный линь, помог водрузить на спину реактивный ранец и протянул серебристый чемоданчик с инструментами. Там были весьма опасные вещицы, если, конечно, уметь ими пользоваться.

Двунадесятый Дом обихаживал Платона, как родной папа. А папа графов Рассольниковых до сих пор, наверное, шатается по кабакам на другом конце Галактики, что не мешает роскошной мраморной плите лежать на его пустой могиле на земном кладбище. Это Платону и младшей сестренке плевать, чем именно промышляет их папуля, а политикам и космолетчикам нужна чистая биография. И тогда благородный мертвец во сто крат ценнее, чем живой забулдыга.

Да-да, старший брат археолога занимался самым грязным делом на свете и не менее древнейшей профессией, чем проституция, – он был то ли сенатором верхней палаты ООН, то ли директором департамента Лиги Миров. Платон давно перестал следить за его служебными перемещениями.

А средний брат уже который год летал взад-вперед по Галактике, снискав уважение младшего. Он ведь производил нечто вполне конкретное: выхлопные газы, остаточную ра-

диацию и световые вспышки. Всяко лучше, чем сотрясать воздух и вешать лапшу на уши рядовым гражданам.

– Проверил одежду? – осведомился Непейвода в тамбуре кессонной камеры.

– А как же, – ответил археолог и потребовал у скафандра доклад о работе всех систем. Как ни странно, они работали.

Крышка выходного люка утончилась до полной прозрачности и лопнула. Двенадесятый Дом вышел наружу первым. Гравитатор «Оболтуса» создал на причале половинную силу тяжести. И работаете легче, и не надо парить в невесомости, нервируя желудок и рискуя набить шишку при слишком сильном толчке.

Других летательных аппаратов на причале не было. Следов пребывания человека тоже незаметно. За трехвековой полет хозяева астероида сто раз могли превратиться в людоедов мутировать до полного безобразия или вымереть поголовно.

«Что день грядущий мне готовит? Иль мимо пролетит она?» – пропел Платон Рассольников, на свой лад цитируя древнего мудреца. Очевидно, речь шла о выпущенной из револьвера пуле.

– Осмотрю камешек – так будет вернее, – сообщил по радиции Непейвода. – Стой на месте. Я скоро. – Он врубил реактивный ранец.

Освещенная прожекторами «Оболтуса» фигурка в оранжевом скафандре быстро уменьшалась в размерах. Реактив-

ный движок вспыхивал каждые пять секунд, и Двенадесятый Дом толчками удалялся от причала. Через минуту он скрылся за стометровым выступом на боку астероида.

– Ого! – воскликнул Дом, перейдя на тахионную связь. – Тут настоящее кладбище! Железа-то, железа... Одна штуковина приварена к другой, та – еще к двум или трем разом. В несколько слоев. Не сосчитать.

– Что там за штуковины? Бульдозеры или паровозы? Редкий случай. – Непейвода не понял юмора и ответил вполне серьезно:

– Трупы звездных кораблей. Ободранные, вылущенные остовы небольших суденышек и отпиленные отсеки больших посудин.

– Я же говорил: Саргассово море... – пробормотал археолог. – И что дальше?

– Пусть «Оболтус» отойдет подальше, а мы пойдем знакомиться с прозекторами, – ответил Двенадесятый Дом. – Возвращаюсь.

Неподалеку виднелась огромная плита главных ворот, изъеденная оспинами метеоритной пыли. Дом решил, что там могут быть ловушки, и предложил пойти в обход. Плазменный резак, как нож – консервную банку, вскрыл титанитовую крышку одного из дюжины люков, пятнавших бугристую каменную стену. Проход был открыт. Астронавты отшатнулись в стороны, прижавшись к поверхности астероида. Но наружу не вылетел ни огнедышащий дракон, ни даже

обычная струя воздуха.

– Пошли? – спросил Непейвода.

– Так и быть.

И они осторожно, чтобы не повредить раскаленными краями скафандры, полезли в дыру. Похожий на штрек, темный коридор вел их в недра астероида. Гравитационное поле «Оболтуса» слабело с каждым шагом, и вскоре Платон и Двенадесятый Дом потеряли почти весь свой вес. Передвигаясь они прыжками, непременно разбили бы макушки о низкий потолок. Пришлось идти «лунной» походкой, строго следя за движениями рук и корпуса. Напарники даже накоротко связались линем, чтобы не разлетаться друг от друга слишком далеко.

Время от времени Дом переговаривался с корабельным мозгом. Но когда коридор сделал поворот под прямым углом, связь с «Оболтусом» резко ослабла.

– Нырять в ил, – пробормотал Платон. Двенадесятый Дом не разобрал:

– Кто выл?

– И дорогая не узнает, какой таксисту был конец.

– А-аа... – Протянул Непейвода. – Это земной фольклер...

Метров через двести коридор снова сделал крутой поворот. Он огибал астероид, явно не собираясь выводить их в обитаемую зону.

– Может, вернемся и резанем другой люк? – предложил археолог.

– Теперь проще пройти коридор до конца,-ответил Дом. – Наверняка снова выберемся на причал.

Но на причал они не попали. Прожекторы шлемов высветили на стене крупную надпись на космолингве: «Добро пожаловать». Под нею помещалась утопленная в камень бронированная плита. Едва напарники приблизились, плита стала подниматься, уходя в верхний паз. Дальше был обычный воздушный шлюз. Платон и Двенадесятый Дом шагнули в него, плита опустилась за спиной.

В шлюз с шипением начал поступать воздух. Анализаторы скафандров сообщили, что по составу он пригоден для дыхания и не содержит болезнетворных бактерий. И вот наконец вход в жилую зону астероида Чиуауа был открыт. Последнее, что увидел Платон, были две мигающие лампочки: синяя и красная.

Глава 8

Все грехи мира

«Крикуны, религиозная секта, основана в 81 на Земле. В ходе Первой Конкисты влияние распространилось на ряд малых колоний (астероиды и искусственные космические поселения), объявивших о своей независимости. В 531 специальной резолюцией Совета Безопасности Лиги Миров крикуны объявлены вне закона, а принадлежащие им территории получили статус государств-изгоев. Несколько громких судебных процессов. Человеческие жертвоприношения, кровавые оргии, групповой инцест, виртуальное насилие и др.».

Документ 8 (статья из «Большой галактической энциклопедии»)

Нависшее над ним лицо расплывалось. Взгляд Платона никак не хотел сфокусироваться, и он долго не мог понять, что лицо принадлежит человеку. Археолог моргнул раз-другой, зажмурился посильней, потом глянул снова. Оказалось – сухонький старичок с белыми от бельм глазами. Его седые космы были сплетены в косички, каждая из которых заканчивалась шипастым металлическим шариком.

– Очнулся, соколик! Вот и хорошо... – обрадовался ста-

рец. – Можно приступать к делу. – Он хлопнул в ладоши.

Рассольников лежал на каменном полу пещеры, вырубленной в толще астероида. Потолок и стены ее были неровными, ноздреватыми и освещались широкими мазками люминофора.

Платону принесли сосуд с каким-то мутным теплым питьем. Он не стал разбираться, яд это или чайные опивки; главное – вымыть изо рта и глотки неизвестно откуда взявшуюся отвратительную хинную горечь. С трудом разлепив спекшиеся губы, начал сосать через тонкий носик. Напиток был безвкусный.

– Глотай, глотай, милоч, – поощрял его старик, уставясь на пленника невидящими глазами, – а не то нечем будет травить.

Рассольников подавился и закашлялся. Тот постучал его по спине. Напившись, Платон спросил:

– Чего вы от меня хотите?

– А хотим мы, чтоб ты понял, что это значит: быть блаженным братом во Космосе, – распевно ответил старик.

– И что дальше?

– Когда ты осознаешь нашу праведность, то утратишь жалость к себе и с радостью взберешься на разделочный стол. Ты будешь умолять нас, чтобы мы оказали тебе честь. И мы не станем долго ломаться: съедим тебя с пением и молитвами за твое вечное упокоение.

– А если я – гнусный скептик и не признаю вашу свя-

тость? – археолог тянул время. Каждая выигранная минута могла решить дело. Он очень надеялся на Непейводу и его особые возможности. Он ведь не знал, что ходячий муравейник вляпался по самое некуда.

– Признаешь, – мотнул головой старик. – Не было случая, чтобы грешник, пройдя ритуал Очищения, не признал святость Писания и живущих по его канонам братьев.

Непейводу тащили муравьеды. Почему-то они шли на задних лапах и морды у них были расплющенные – совсем как у людей. Клеточки Двенадесятого Дома медленно приходили в себя, и ему чудилось, что Древние враги их расы снова рядом, каким-то чудом они вырвались из Заповедника на волю и желали отпраздновать свое освобождение.

Психотропный излучатель на Дом Симбионтов подействовал слабее, чем на хомо сапиенс, но несколько минут Непейвода был в отключке. За это время у него отобрали чемоданчик с инструментами (они были у обоих), сковали руки и ноги титанитовыми браслетами, взгромоздили на дюралевые носилки и поволокли в центр жилой зоны.

– Только тронь! Укушу!.. – спросонья грозил Дом четверем гнусным муравьедам, но из его утратившего форму рта раздавалось лишь мычание.

Муравьеды, странным образом одетые в бурые балахоны, не обращали внимания на его угрозы. Они спешили, двигаясь большими прыжками. За всю дорогу не проронили ни слова.

Пленника протащили узким коридором и, открыв бронированную дверь, внесли в огромный куполообразный зал. Из мебели в зале имелись только стеллажи с какими-то странными штукавинами – наверное, атрибутами здешнего культа.

– Сейчас мы побеседуем с лазутчиком, – впервые подал голос один из муравьедов. Он говорил на одном из бесчисленных диалектов стандартного космолингва.

А еще через секунду Дванадесятый Дом обнаружил, что окружают его никакие не муравьеды – такие родные и понятные любому Дому-Симбионту насекомоядные существа с ФФФукураби, – а заросшие невымытым волосом сектанты-крикуны, изгнанные со Старой Земли за свои зверские ритуалы.

«Где же Непейвода?» – думал Платон, озираясь. Ходячего муравейника не было видно. Да и пленившие его крикуны не упоминали о Дванадесятом Доме. Они вообще помалкивали, уступив право голоса старику. Все десять крикунов были одеты в грязные обноски и казались изможденными и больными. Зато глаза у каждого горели звериным зеленоватым огнем.

С археолога сняли скафандр, оставив его в нижнем белье. Затем Платона распяли на большом пластиковом диске, подобрав его по размеру из высокой стопы. Крикуны были умелы и сноровисты. За полминуты они растянули археолога, сделав похожим на морскую звезду.

Диск был бурого цвета – то ли от несмытой крови, то ли был специально покрашен, чтобы кровь не бросалась в глаза. Рассольникову не стали вбивать гвоздей в руки-ноги – привязали запястья и щиколотки титанитовой проволокой, пропустив ее сквозь отверстия в краях диска.

А потом диск выкатили из пещеры и пустили катиться по коридору. Он вращался и подскакивал, ударяясь то о пол, то о потолок. Немногочисленные зрители свистели и улюлюкали.

Мир закрутился перед глазами, удар следовал за ударом. Вопящие крикуны вращались вместе со стенами коридора, словно обмотанные драными лохмотьями лопасти ветряных мельниц. Археолога затошнило. Только что выпитое мутное пойло подступило к горлу. Оно неудержимо рвалось наружу.

– Быстрей! Быстрей! – орали крикуны. – Даешь!

Коридор был бесконечен. Бесперывные удары диска отдавались в голове, сотрясая остатки мозгов. Платона стало рвать, вскоре вывернув желудок наизнанку. Там уже не было ничего, кроме едкой желчи, но судороги продолжались. Рассольникова корчило, он выгибался, будто под ударами бича.

Диск врезался в стену и упал, придавив археолога к полу. Платон не сразу понял, что произошло. А потом наступил блаженный покой. Оглушительный звон в ушах, рвотные позывы и боль в перетянутых руках и ногах – не в счет.

Диск подняли через пару минут, снова поставили на ребро и покатали в обратную сторону...

Археолог потерял сознание на четвертом заходе. Пускать

диск тут же перестали и с помощью нашатыря привели пленника в чувство. Он лежал на спине, привязанный к диску, и тихонько постанывал. Платону было так плохо, что хотелось одного – умереть, но только быстро и легко. Несбыточная мечта...

Над ним снова склонился бельмастый старик.

– Похоже, ты быстро созреваешь. Это хорошо – к чему тянуть время... Не бойся сказать мне правду. Ты уверился в нашей святости?

Рассольникову свело желудок, он содрогнулся от боли и плюнул чем-то горьким. Плевок попал старому крикуну в лицо. Тот отшатнулся, вытер кончик носа рукавом.

– Еще не пора, – объявил старик. – Скоро смазка смазывается, да не скоро дело делается.

Диск подняли на ребро. Из глаз Платона засочились слезы. Сейчас крикуны начнут над ним смеяться. Он закричал, раздирая горло:

– Что вы понимаете в адских муках?! Жалкие раздражатели древним! Небось и слыхом не слыхивали об испанском седле и поножах Святого Якова?!

– А ты нас научи! – весело ответил старик и махнул рукой. Начался пятый заход...

* * *

Двунадесятый Дом был надежно привязан к стеллажу.

Скафандр с него до сих пор не сняли. Непейвода понятия не имел, что с ним собираются делать. Крикуны, понукаемые своим главарем, раскладывали у его ног какие-то подозрительные склянки. Наверняка там кислота или горючка.

Главарь выделялся среди прочих ростом и силой. Это был верзила с лицом висельника и волосатыми ручищами до колен. На груди его висела стальная цепь с выбеленными черепами человеческих эмбрионов. Одет он был в такой же бурый балахон, как и все остальные.

«Как там археолог? Надо его спасать», – подумал ходячий муравейник, мысленным приказом отстегнул шлем и моментально рассыпался на клеточки. Они вылетели из горловины скафандра и разлетелись по всему залу.

– Вот так-так! – всплеснул руками главный крикун. – Мельчает народ. – И тотчас гаркнул кому-то за спиной: – Пылесос мне сюда! Живо!

Пылесос доставили за считанные секунды. Он влетел в зал по воздуху – пущенный умелой рукой. Главарь ловко поймал его, но оторвался от пола и закружился вместе с пылесосом в воздухе. Пылесос был старинный, здоровенный, с выломанным из корпуса процессором, длинным шлангом и прозрачным резервуаром из стеклолита.

Дом попытался соорудить из клеточек пистолет, но один из охранников вскинул обрез и выпалил картечью. Ошметки несчастных «мурашей» расшвыряло в стороны. Картечины рикошетили от стен снова и снова. Крикуны бросились на

пол, и все же двоих задело, А главарь был как заговоренный.

Эхо выстрела смолкло, картечь перестала летать. Главарь опустил на пол и рявкнул на охранника:

– Убери пукалку, идиот! Своих перебьешь! Огнемет-сюда!

Ранцевый огнемет был склепан в астероиде по образу и подобию древнего оружия. Он не слишком удобен и весьма опасен в обращении, но тысячеградусная струя всегда вызывает уважение.

– Попробуют напасть – жги! Соберутся в тело – пали! – бросил главарь охраннику и приступил к делу.

Низкая гравитация помогала ему. Он, как очумелый, носился по залу, огибая стеллажи и пытаясь всосать клеточки Непейводы в мусоросборник пылесоса. Сплошной красно-бурый ковер лопался, превращаясь в расширяющееся рваное кольцо. «Мураши» стремительно разбегались, пытались выбраться из опасной зоны.

Охранник безуспешно пытался держать клеточки под прицелом, крутился на месте, пока не потерял равновесие и уселся на пол. В какой-то момент хобот пылесоса ухватил развевающийся подол крикунского балахона. Разяву рвануло к главарю, они столкнулись лбами, так что искры посыпались из глаз. Главарь вырубил машину и в воспитательных целях двинул подчиненного по уху и в челюсть. Потом выдрал подол из шланга, отпихнул крикуна, и все началось снова.

Бегущий муравейник никак не мог выработать подходящую тактику. Клеточки впали в панику и спасались поодиночке. Они не могли сейчас думать о Доме в целом и отказывались подчиняться приказам.

Главарь матерился, пылесос надсадно ревел, втягивая воздух. Тысячи малюток улепетывали сломя голову, но то одну, то другую подхватывала воздушная стремнина и несла в разверстую пасть электрического агрегата.

«Мураши» карабкались по сводам зала, забираясь на верхотуру. Это была ошибка. Ветер под куполом был сильнее. Лапки и жвалы клеточек все чаще отрывало от спасительной стены. А главарь был просто неутомим.

И вот уже весь Двенадесятый Дом тысячами малюсеньких глазок следил за происходящим снаружи сквозь прозрачные стенки мусоросборника. Крикуны отпраздновали свою победу гортанными криками и приплясыванием, которое завершилось тем, что все они, кроме главаря, взлетели под потолок.

– Нам нравятся акриды – эта пища соответствует Писанию, – громогласно объявил главарь и щелкнул пальцами.

Два крикуна притащили в зал огромную сковороду. На Земле она весила бы не меньше центнера. Ненадолго отвернувшись от пылесоса, главарь начал придирчиво проверять: нет ли на ней неотмытых пригарин.

В этот миг Непейвода, собрав свои клеточки в кулак, ударил изо всех сил. Стеклолит треснул. Повторный удар, и

резервуар раскололся. «Мураши» вырвались из плена, как струя – из брандспойта. Пыхая накопленными в брюшках газами, клеточки реактивными снарядами понеслись на врага.

– Это отвратительно! – с праведным гневом воскликнул главарь, оставил сковородищу и кинулся к стене.

«Мураши» кусали крикунов, забивали им рот и ноздри. Крича и воя от боли, охранники побросали свои обрезы, пытаясь отбиться. Огнемёт так и не был пущен в дело. Огнеметчик спасал свои глаза.

Дом был слишком занят, разоружая крикунов, и прозевал бросок главаря. Оказавшись у стены, верзила нажал не приметную кнопку, и под потолком взвыл воздушный насос, скрытый за толстой, пыльной решеткой. Давненько его не пускали в ход.

Насос вытягивал из зала воздух. Крикунов он, понятное дело, утащить не мог, а вот легонькие клеточки насос легко подхватывал, грозя втянуть меж очистившихся от пыли прутьев. Куда унесут их воздушные струи? Размажут о мелкоячеистые решетки фильтров или вышвырнут в открытый космос?

* * *

Клеточки цеплялись друг за друга. Непейвода пытался собраться в тело, да ничего не выходило: слишком далеко они успели разлететься, и уж больно силен был напор.

Платон очнулся. В который раз он всплывал из небытия, чтобы снова увидеть над собой гнусные хари. Космические мутации славно потрудились над генами крикунов: оспины перемежались лишаями, а проплешины – шишками. Форма их носов и ушей поразила бы отпетого абстракциониста. Ногти отсутствовали, зато суставы были безобразно раздуты, а на лбах и подбородках торчали костяные наросты.

Если среди них имелись женщины, то Рассольников этого не разглядел. Он всегда чуял слабый пол на расстоянии, но сейчас его нюх был бессилён.

Единственным оружием крикунов были обрезы старинных ружей. Если, конечно, они не прятали чего-нибудь мощней в складках просторных балахонов.

– Крепкий мужик! – обрадовался старик и влил археологу в глотку полстакана едкой отравы. – Пей-пей, не бойся, – приговаривал он. – Это тебя подкрепит. Братья передумали и просят тебя потерпеть. Надо развлечь народ. Так что продержись подольше. Не разочаровывай меня, сынок. Нам нужно длинное, очень длинное представление. Мы слишком долго его ждали.

Платон жадно глотал это пойло – его мучила жажда. Непейводу он больше не ждал: если до сих пор не появился, значит, ему хана.

Археолога отвязали от диска и приволокли в длинное помещение с низким потолком, очень похожее на тир. Не дав Платону размять онемевшие руки-ноги, крикуны снорови-

сто раздели его догола и взялись привязывать снова – теперь уже к огромной мишени. Очевидно, крикуны намеревались посоревноваться в меткости.

Мишень стояла на стрелковой позиции, она крепилась сзади к приземистому механическому устройству. Каждый ее круг символизировал круг ада, а в центре, на месте языка, было нарисовано жуткое лицо с вылезшими из орбит глазами яблоками. Похоже, рисовали с натуры – во время очередной пытки.

Облизав засохшие, покрытые коркой губы, Платон Расольников открыл рот и попытался проговорить:

– Чем дольше... станете мучить... тем хуже вам... будет потом... – приходилось делать паузы, чтобы перевести дух.

Крикуны расхохотались. Старик не удержался на ногах, плюхнулся на задницу и стал хлопать в ладоши, подпрыгивая на полу.

– Ты – самый лучший грешник за последний год, – отдышавшись, вымолвил старый хрен. – Спасибо тебе, сынок, за добрые слова. Умница ты наш... – И махнул рукой.

Мишень с привязанным к ней пленником быстро поехала в глубь тира. У Платона подступило к горлу. Он выпрямился, расправил плечи и приготовился с достоинством встретить разрывную пулю, лазерный луч или отравленный дротик.

Старик недаром говорил о долгом представлении. В потолке над мишенью открылся люк и оттуда на пол перед археологом выдавился шматок розовой массы, пахнущей сви-

ным паштетом. Этот шматок тотчас начал меняться, стремительно обретая форму.

Через минуту Платон уже мог видеть результат скоростного биоформования: грубо вылепленное существо со всеми положенными женщине первичными и вторичными половыми признаками. Так могла бы выглядеть матерая неандерталка, которую тщательно побрили с макушки и до пят. Пропорции ее тела были безнадежно далеки от античного идеала, да и на современных кибердив она ни капли не походила. Череп украшал низкий лоб, в котором вряд ли копошились мысли, и мощная, выпяченная челюсть. Пахло от биоуклы тем же самым паштетом. И еще от нее веяло жаром – слишком много тепловой энергии выделилось в процессе изготовления.

– Совесть-то поимейте! – крикнул археолог, но его не слушали. Крикуны с горячностью обсуждали достоинства новорожденной.

Биоукла встряхнулась, пискнула, подскочила к Рассольникову и прижалась к нему. Археолог дернулся изо всех сил – тросы не поддались. И тогда Рассольников закрыл глаза и постарался расслабиться. Как гласит анекдот: если не можешь избежать неприятностей, постарайся получить от них удовольствие.

Ожившая биоукла начала энергично ласкать Платона; терлась о него животом и грудью, целовала слюнявым ртом, гладила по лицу и все такое прочее. О боже! Сначала оши-

зевший «Оболтус» пытался его соблазнить, а теперь к нему нагло пристаёт карикатура на самку.

Чудовище кряхтело, стонало, затем стало издавать трубные, торжествующие звуки – и тут крикуны наконец открыли стрельбу. Палили они из духовых ружей. Археолог в первые секунды решил: пришел ему конец.

Мелкие пульки вонзались в биокуклу, и она вздрагивала при каждом попадании. Чудовище рычало, хрипело и булькало, роняя изо рта красные сгустки, но своего «возлюбленного» из рук не выпускало. Живучая тварь.

Всякий точный выстрел крикуны встречали бурей восторженных криков и громким свистом. Конвульсии биокуклы и вовсе приводили их в экстаз. А сам археолог при этом не получил ни единой царапины. Он вдруг понял, что целят стрелки отнюдь не в него.

Но вот биокукла стала биться в агонии, издохла и сползла по телу Платона на пол. Он был перемазан ее кровезаменителем и даже не замечал, что воет от ужаса, стыда и унижительного чувства собственного бессилия. Его, Платона Расольникова, лучшего черного археолога Галактики, смелого первопроходца и могучего мыслителя, непревзойденного любовника и неотразимого мужчину, истинного джентльмена и настоящего аристократа... поимели. И не какая-нибудь великая колдунья или легендарная женщина-вамп, а кусок паштета!

Труп биокуклы превратился в бурю жижу и стек в щели

канализационного коллектора. Из трубки в потолке с характерным звуком выдавился новый шматок активной биомассы и повис над головой археолога. Платон с ужасом смотрел на колебания гнусно-розовой штуковины, потом шматок оторвался и полетел вниз... Подпрыгивая и размахивая руками, крикуны улюлюкали, как футбольные фанаты после забитого гола.

* * *

Крикуны, задрав головы, смотрели, как умирает грешник. Насос продолжал работать. Воздушные потоки подхватывали клеточек, и они стаями взлетали к потолку. Непейвода уже потерял четверть массы. При этом он испытывал не физическую, а душевную боль – от невозвратной потери. Еще немного, и его личность распадется.

Если бы «мураши», цепляясь лапками и жвалами за неровности каменного пола, начали ползти к кнопке в надежде выключить насос, еще на полдороге их число стало бы меньше критического. Броситься на главаря и силой заставить его нажать кнопку? Еще глупее. И тут словно кто-то шепнул Дому на ухо: «Пусть враг поможет тебе собраться».

Двунадесятый Дом тотчас отдал приказ своим клеточкам. Они разом перестали сопротивляться и взмыли вверх. Сливающиеся струи воздуха сами сближали их. Несясь бурой тучей, «мураши» сцеплялись друг с другом. Подлетая к решет-

ке вентилятора, клеточки уже почти сцепились в единое тело. Шмяк! О решетку ударилась уже не россыпь малюсеньких «мурашей», а господин Непейвода собственной персоной. Ударился и медленно полетел вниз, поддерживаемый воздушными потоками.

С потолка спускался мертвец – безголовый, с развороченной грудной клеткой. Он не представлял ни малейшей опасности, и крикуны не стали стрелять. Они спокойно ждали, когда жалкий труп упадет к их ногам.

На ФФФукураби боялись генной инженерии, зато селекцию проводили с незапамятных времен. И притом самыми безжалостными методами. А потому все «муравьишки» умели оказывать слабенькое гипнотическое воздействие. Если сложить их карликовые усилия, можно было получить вполне приличный разовый импульс. Потом клеточкам придется долго копить психическую энергию, но ведь это потом...

Приземлившись, Дом молниеносно провел пару рукопашных приемов. И вот он уже стоял, в каждой руке сжимая по заряженному обрезу. Два поверженных крикуна слабо копошились у его ног, остальные оцепенели.

– Бросай оружие! Руки вверх! – рявкнул Непейвода.

Побросали. И только один из охранников вскинул свой обрез. Муравейник выстрелил навскидку. Картечь разворотила крикуну локоть. Тот заорал как резаный и, потеряв сознание, рухнул на спину.

Воспользовавшись тем, что Дванадесятый Дом отвлекся

и смотрит в другую сторону, главарь прыгнул к люку, сорвал титанитовую крышечку слева от него и дернул за рычаг. Развернувшись, Непейвода выстрелил в крикуна. Картечь разворотила ему правую кисть.

В зале пронзительно взревела сирена. Люк с грохотом захлопнулся, зашипела пневматика. Над ним замигала красная лампа. Главарь лежал на полу у стены, прижав к груди изувеченную руку, и протяжно стонал: «А-а-а-а-а...»

– Есть еще желающие? – спросил Дом.

– Мы сдаемси, – прохрипел главарь. Он судорожно открывал рот, пытаясь протолкнуть в грудь воздух.

– Лицом к стене! Живей! Руки за голову! Не двигаться! – командовал Непейвода. – А теперь ты расскажешь, как открыть двери.

– У тебя... ничего... не выйдет... жучара... – с трудом выплевывал слова верзила. – Разгерме... тизация... Отсек... задраен... – Закашлявшись, он скорчился и уткнулся головой в пол.

* * *

Третья биокукла испустила дух. Скоро родится очередная смертница. Платон дрожал как осиновый листок. Ржаво-бурая корка кровезаменителя покрывала его тело. Крикуны изрядно утомились – не столько от стрельбы, сколько от шумного выражения восторга, и начали мазать. Археолог полу-

чил два легких касательных ранения – предплечья и кисти руки, а также пулю в мягкие ткани бедра. Когда будут расстреливать четвертую биокуклу, наверняка прикончат и его.

В дверях тира возникло какое-то движение. Затем в облаке черного дыма, озаренного багровыми вспышками, в грохоте взрывов в тир ворвался ангел мщения. Несколько крикунов отшвырнуло взрывной волной, вмазав в стены. Один горел заживо, визжа и катаясь по каменному полу.

* * *

Обрезы крикунов слабо таякали в ответ, а сами они, порванные в клочья и изрешеченные, один за другим попадали на пол, чтобы уже никогда не встать. Старик бросился бежать, но лазерный луч оказался быстрее – перерезал его в поясе. Так дети ломают оловянных солдатиков.

Грохот стих, а дым рассеялся. Звон тишины в ушах, удушливый запах горелой одежды и плоти – больше Платон не ощущал ничего. А перед ним из пузырящейся розовой массы формировалась четвертая биокукла. Росла, росла да не выросла. Кто-то быстрыми шагами приблизился и отшвырнул ее в сторону.

Жуткая картина, привидевшаяся археологу несколько дней назад, стала явью. Платона спас отросток «Оболтуса». Розовокожий, покрытый мелкими волосками, с небольшим бугорком вместо головы – он выглядел как карикатурная ко-

пия человека. Он был весьма похож на убитых крикунами биокукол, но на самом деле являлся машиной убийства.

«Оболтус» отрастил автономное тело и отправил на выручку своему экипажу. За гомункулусом не тянулась безразмерная пуповина. Им управлял вживленный в туловище процессор. Отростку не нужен был воздух, энергией его питал микрореактор, где непрерывно аннигилировали крохотные порции электронов и позитронов. И при этом он был неплохо вооружен: дезинтегратор рос из его левой руки, бластер рос из правой, распылитель сонного газа торчал из верхушки туловища – рядом с инфракрасным прицелом, радаром и прожектором.

Гомункулус не стал повторять маршрут Рассольникова и Непейводы, пошел напрямик. Он шагал по коридорам астероида, выбивая запертые двери и поливая огнем все, что за ними скрывалось. Крикуны, оказавшиеся у него на пути, пытались сопротивляться: палили в гомункулуса из обрезов, швыряли баллоны с горючей смесью и на полную катушку запустили «цветомузыку», которая сбивала с ног напарников. Впустую. Отросток никого не подпускал близко, всякий раз успевал выстрелить первым и был абсолютно невосприимчив гипнозу.

...Гомункулус отвязал Платона от мишени. Археолог был чуть и сразу опустился на липкий от кровезаменителя пол. Его спаситель встал рядом, нацелив оружие на развороченную дверь в коридор. Он охранял Платона от всех на свете

опасностей, а археологу невыносимо было на него смотреть. Платон уронил голову на грудь и закрыл глаза.

У Платона Рассольникова надолго (на неделю или даже две) отбили охоту ухлестывать за женщинами, а уж всякого рода биокукол или материализованных виртуальных красоток он отныне видеть мог без содрогания.

* * *

В Галактике существует мощная индустрия по производству биологических заменителей человека. Они могут стоить от пятидесяти галактических кредитов и до сотен тысяч. Они бывают совершенно безмозглыми и напичканными новейшей электроникой. В зависимости от этого их называют биоманекенами или биороботами.

Сексуальные извращенцы, садисты, одинокие и застенчивые люди покупают себе объект для издевательств или поклонения. Мужья, потерявшие любимых жен, пытаются найти им замену, создавая точную копию и набивая управляющий ею компьютер сведениями о покойной. Экипажам трансгалактических лайнеров необходимо снимать напряжение, и корабельный доктор регулярно прописывает каждому матросу или офицеру надлежащее лекарство...

Биозаменителями людей, хотя бы изредка, пользуется чуть не каждый, но правила хорошего тона запрещают злоупотреблять этим видом релаксации. Платон Рассольников

входил в число тех «настоящих» мужчин, которые скептически относились к синтезированным радостям. Не признавали они и достижения пластической хирургии: искусственную силу и красоту, пытаясь следовать своим заповедям – пока хватало силы воли.

– Где Непейвода? – малость оклемавшись, спросил Платон своего спасителя, но тот не ответил – у гомункулуса не было ни голосовых связок, ни рта. Он был создан не для бесед, а для боя.

Двунадесятый Дом тем временем справился с герметично задраенным люком зала. Его незадачливые пленители связали друг дружку под дулами обрезов и теперь валялись на каменном полу.

Вскоре Непейвода наткнулся на следы гомункулуса, прошедшего пол-астероида огнем и мечом. По следам он добрался до тира...

Глава 9

По минному полю

«Карантин – система административно-санитарных мероприятий для предупреждения распространения инфекционных заболеваний из эпидемического или эпизоотического очага, заключающихся в изоляции на известный срок больных и лиц, соприкасавшихся с ними, а также животных, растений и товаров из зараженных мест».

Документ 9 (статья из древнего словаря)

Плененные крикуны были заперты в их казарме – мрачном помещении с грубо сколоченными нарами в два яруса. Ведь сектанты отвергали любые удобства.

Платон и Непейвода вернулись на «Оболтус». Муравейник тотчас восполнил понесенные утраты, приведя численность клеточек к норме. Он использовал свой последний резерв – капсулы с впавшими в анабиоз «мурашами» – и уже через полчаса снова был бодр и весел.

Археологу понадобилось трое суток, чтобы хоть немного оклематься. Автомедик быстро залечил его раны и ушибы. Сотрясенным мозгам требовался полный покой и целебный сон. А вот вздрюченные нервы так быстро не успокоишь.

Ему даже пришлось, стоя перед зеркалом, заново учиться улыбаться.

Утром четвертого дня Дванадесятый Дом деликатно постучал в дверь и вошел в каюту Платона. Тот лежал на койке и скучал. Голова была непривычно чистой и ясной, звон в ушах исчез. И только память оставалась самым больным его местом.

– Одевайся. Пора за работу, – бодрым голосом объявил муравейник.

– Ты это о чем? – спросил археолог, сев на постели и спустив ноги на пол.

– Надо вернуться на Чиуауа.

Платон чуть было не крикнул: «Ни за что!» – едва совладал с собой. Он понимал, что самым позорным образом боится этого гнусного астероида со всей его живой и мертвой начинкой.

– И что мы там забыли? – постарался спросить спокойным голосом. А зубы начали стучать, будто он насквозь закоченел.

– Гиперхрен – тот, что нас сюда затянул. Разве тут поспоришь?..

Напарники опасно продвигались в глубь астероида. За время их отлучки крикуны вполне могли выбраться из казармы и вооружиться снова. Так что жди неприятностей. Но биолокатор упорно показывал, что впереди никого, нет.

Платон и Непейвода нашли крикунов в самом большом,

молитвенном зале астероида. Сектанты, образовав круг, лежали на багровом полу. Лежали со вспоротыми животами, сжимая в руках кривые окровавленные ножи. У некоторых на лицах застыла жуткая улыбка. Другие лица искажала гримаса нестерпимой боли.

Напарники постояли над трупами, затем развернулись и пошли.

– Почему? – только и спросил археолог.

– Они проиграли, – подумав, ответил Дом. – Оказались слабее жалких грешников и не смогли снести позора.

Напарники перевернули астероид вверх дном, но найти сверхмощный гипергенератор, который мог отправлять в гиперпрыжок большие объемы космического пространства, так и не смогли. Потому что никакого генератора там отродясь не было. Астероид Чиуауа, как и предполагал Двенадцатый Дом, когда-то сам упал «на дно», и охваченные ужасом крикуны обнаружили на дне «воронки» угодившие в ловушку космические суда.

Только вечные изгои смогли выжить в такой ситуации и даже нашли в ней свои плюсы. В гиперяму время от времени сваливались новые летательные аппараты. Их экипажи тотчас попадали в руки крикунов и после долгих и мучительных пыток пополняли их скудный рацион. Крикуны снимали с захваченных кораблей двигатели, энергобатареи, приборы, активную биомассу для конвертера, забирали продовольствие и воду.

В ходе поисков археолог с муравейником нашли множество полезных и просто любопытных штук: корабельный инструмент и личное оружие, компьютерные диски и командирские сейфы, скафандры и корабельные журналы, огнетушители и отвинченные с кораблей унитазы, статуэтки, голокристаллы и другие личные вещи астронавтов. Правда, денег и драгоценностей не нашлось. Видно, крикуны изничтожили их во время своих жутких обрядов. Ведь секта проповедует строжайший запрет земных благ.

Добро, когда-то принадлежавшее представителям разных планет и разумных рас, представляло немалую антикварную ценность. Вот только забрать его нельзя – «Оболтус» и без того забит под завязку. А потому взяли лишь то, что занимает мало места и дороже всего на свете – носители информации.

В командной рубке «Оболтуса» был созван военный совет. Кораблик терпеливо ждал напарников. Его распирала законная гордость – он спас экипаж от верной гибели и теперь рассчитывал укрепить свои позиции.

– Ну, что будем делать? – спросил археолог, разместившись в кресле.

– Сухари сушить, – усмехнулся Дом, вальяжно рассевшийся в соседнем кресле.

На экране переднего обзора тускло светился мертвый астероид. Трупы его жителей были брошены как ненужный хлам. Больше они никого не замучают и не съедят.

– А ты что предлагаешь, Оболтус? – обратился Платон к корабельному мозгу. Он старался держаться с ним вежливо, но сдержанно – как с дипломатом враждебной планеты.

– Была бы уверенность, что гипергенератор локализован где-то рядом с астероидом... – протянул «Оболтус».

– И что тогда? – поторопил его Непейвода. – Ну, телись, телись!

* * *

– Можно попробовать его взорвать, – обиженно буркнул корабельный мозг. Неужто вместо почета и уважения он заслужил одни понукания?

– Тогда за дело! – с энтузиазмом воскликнул Дом. – Что мы теряем?

«Оболтус» отошел от астероида Чиуауа на безопасное расстояние. Невидимый гипергенератор не мешал субсветовым полетам. Можно было беспрепятственно удирать из гиперямы на фотонных ускорителях или термоядерном движке и потратить сотни лет, добираясь до ближайшей обитаемой Системы. Возможно, кто-то из попавших в ловушку астронавтов именно так и поступил. И сейчас их корабли тащатся где-то в межзвездной пустоте.

Платон и Непейвода рассматривали астероид в телескоп. С ним пока ничего не происходило. Но «фитили» уже подожжены, через несколько минут рванут его энергореакторы

и аннигиляционная бомба, сооруженная из нескольких магнитных ловушек. Семь килограммов антивещества войдут в реакцию с астероидом и разнесут его в клочки. В ограниченном пространстве и на ничтожный промежуток времени поколеблются основы мироздания. И какие бы секреты ни скрывались в структуре здешнего пространства, они будут выжжены дотла. Или не будут...

– Ты уверен, что сработает? – недоверчиво осведомился у «Оболтуса» Дванадесятый Дом.

– Гарантию дает только господь бог, – проворчал корабельный мозг. Непейвода не собирался выпускать бразды правления из своих рук – ни о каком равенстве речь не шла.

Еще минута, и ослепительная вспышка погасит экран. Кораблик содрогнется и закачается на упругих волнах, расходящихся от искореженного участка пространства. Они будут абсолютно свободны или окончательно приговорены гнить в этом медвежьем углу Галактики.

Тридцать секунд. Двадцать. Десять. Пять. Три. Две. Одна. Ап! Ничего не изменилось. Дом с испугом смотрит на археолога. Археолог испуганно глядит на Дом. «Оболтус» досадливо кряхтит в репродуктор. А потом в рубке гремит трубный, пробирающий до печенок глас:

– Шишь вам, микробы!

– С кем, собственно, имею честь? – опомнившись, звенящим от напряжения голосом осведомляется Платон Рассольников.

– Не твое собачье дело! – отвечает трубный глас.

– Извольте замолчать, любезнейший, – цедит сквозь зубы Платон, видя, как у Непейводы на голове встают дыбом волосы – цепочки из десятков «мурашей». – Вы не у себя дома.

– Засохни! – снова рыкает глас, но уже добродушной. – Раздавлю как букашек!

– Мы не намерены разговаривать в таком тоне, – гнет свою линию археолог. Сверкая глазами, он поднимается на ноги, распрямляет плечи, выпячивает грудь – ни дать ни взять кавалергард, вызывающий негодяя на дуэль.

В рубке, сотрясая переборки, грохочет сатанинский хохот. Человек рушится в кресло, зажимает уши, спасая барабанные перепонки. Ходячий муравейник начинает распадаться на составляющие – клеточки от ужаса теряют сцепление.

– Ладно, уговорили, – наконец восклицает трубный глас. – Катитесь колбаской.

И висящий на экране астероид Чиуауа исчезает в слепящей вспышке, экран гаснет. Астероид исчезает вместе с его мертвыми хозяевами и награбленным инопланетным добром. «Оболтуса» швыряет, как жалкую щепку, Платон и Непейвода валятся с кресел, катятся по полу, их бросает от стены к стене. Скрипят переборки, сипит и стонет корабельный мозг, мигают лампы и панели пультов управления.

– Что это было? – вопрошает корабельный мозг, когда шторм стихает и воцаряется неправдоподобная тишина.

– Ты хочешь сказать: кто? – поправляет его Дванадесятый

Дом. – Наверное, это и есть бог. А ты как думаешь, Платоша?

– Я думаю: нам пора сматываться. На всех парах. Пока он не передумал.

Так они и сделали.

А «Оболтус», который сам же устроил это представление, потом втихомолку веселился всю дорогу. Уел-таки неблагодарных пассажиров.

Оставшиеся дни полета прошли незаметно. Платон с утра до ночи изучал добытую на Чиуауа информацию. Масса любопытных сведений, способных пригодиться в будущих экспедициях, но ничего полезного для высадки на Тиугальбу.

Когда кораблю оставалось сделать всего пару гиперпрыжков, экипаж снова был созван в командную рубку.

– Господа! Предлагаю обсудить нашу стратегию и утвердить план действий, – нарочито официальным тоном произнес «Оболтус». – Не хочу один отвечать за всю Одессу.

Непейвода зашуршал лицом, выпустил из щеки длинный палец, почесал им нос и заговорил:

– Еще раз обрисую ситуацию... Около Тиугальбы, на геостационарной орбите висят четыре орбитальные крепости Лиги. Там кружит и целая свора шпионских спутников с разных миров.

Это разрешено правилами. Любая мало-мальски серьезная космическая держава считает своим долгом иметь там свои глаза и уши. Живых существ и спускаемых аппаратов на спутниках нет, ведь карантин остается в силе.

По первому сигналу электронных слухачей из Туманности Землеройки выскочат корабли наших противников и одним прыжком перемахнут к Тиугальбе. Но тут есть и свой плюс: они будут мешать друг другу, а может, и вовсе сцепятся между собой... Это еще не все. Поблизости от планеты болтается крейсер Лиги. Он тут с тех самых пор, как Тиугальбу закрыли. Одно название, что крейсер: донельзя устарел, весь в заплатках, да и экипаж от безделья пустился во все тяжкие. Однако на борту дюжина новеньких катеров, каждый из которых в субсветовом режиме вдвое быстрее «Оболтуса». И у них есть приказ: открывать огонь без предупреждения по любым пилотируемым объектам.

– Это точно, – пробубнив как из бочки, подтвердил корабельный мозг.

– Картина «оптимистичная» – близкая к похоронной, – подытожил Платон. – И на что же ты рассчитываешь?

– На снайперскую точность. Мы должны выскочить из подпространства максимально близко к планете. Когда «осиный рой» вылетит из туманности, он столкнется с катерами Лиги. Начнется бой. Несколько минут карантинщикам будет не до нас. Мы сядем, хорошенько замаскируем «Оболтуса» и, забрав манатки, скроемся в лесу.

Корабельный мозг выслушал муравьиный план и крякнул. Непонятно было: выражал ли он глубокое сомнение или гордился тем, что некоторые почитают его за снайпера.

– Гениальный план! —театрально захлопал в ладоши ар-

хеолог. – Если не считать одного нюансика: девять из десяти гиперпрыгунов выходят из подпространства с ошибкой миллион километров и более. Так что гореть нам в тиугальбском аду или маяться на каторжных работах.

– «Оболтуса» выращивали на Цукахаре – специально для заброски разведчиков и диверсантов, – заговорил Двенадцатый Дом хорошо поставленным голосом рекламного агента. – Потом его украли Свидетели Большого Взрыва. После трех удачных высадок на планеты корабль был арестован Галполом. Затем он таинственным образом исчез из штрафного ангара. Пиратствовал, был продан контрабандистам. Много раз уходил от погони. После капремонта получил новые документы и занимался чартерными рейсами. Почти легальными. Словом, этот корабль прошел хорошую школу и с честью выдержал...

Кораблик приосанился, по кожистым стенам рубки пробежала волна.

– Умерь-ка пыл – не с трибуны вещаешь, – обрезал Непейводу Платон.

– В случае чего пустим в ход наш последний резерв, – тихо произнес муравейник.

– Вы с «Оболтусом» меня почти убедили. Проверить не могу – приходится верить на слово... А как насчет комплексной съемки местности?

– Наш спутник, прежде чем его сбили, успел отснять экваториальную область Тиугальбы. Произведено инфракрас-

ное, электрическое, магнитное, гравитационное и сейсмическое зондирование полосы шириной в две тысячи километров. Перед тем, как взорваться, спутник сбросил капсулу с записями. Там есть маячок, но сейчас он отключен, чтобы не навести чужих. Мы его активизируем и за полчаса отыщем капсулу.

– Или напоремся на засаду, если твои враги поймают сигнал быстрее.

– Наши враги, – поправил археолога Дванадесятый Дом. – У нас теперь общая судьба. И чем быстрее ты это поймешь, тем лучше будет для всех.

– А ты что скажешь, цукахарец хренов? – спросил «Оболтуса» Платон Рассольников. – Кишка не дрогнет?

– Обижает, начальник, – голосом потертого жизнью зэка ответил корабельный мозг. – Фирма фиников не вяжет.

– Ну-ну...

Боевой крейсер Лиги Миров действительно прозевал выход «Оболтуса» из подпространства. Эта титано-керамлитовая бандура размером с два небоскреба только и смогла рывкнуть по тахионной связи:

– Немедленно покиньте карантинную зону! При неподчинении открываем огонь на поражение!

А кораблик тем временем глотал разделяющие его и Тигальбу километры – тыщу за тыщей.

Зато катерники знали свое дело. Четыре брошенные в погоню глассера за считанные секунды разогнались, уме-

ло оседлав гравитационное поле Тиугальбы, и стали стремительно нагонять «Оболтуса». Арифметика выносила ему смертный приговор: хоть золотисто-зеленый серп планеты на глазах увеличивался в размерах, беглецам не суждено опуститься на ее поверхность.

Первые ракеты «космос-космос» прошли мимо. У «Оболтуса» нашлось достаточно времени, чтобы выбросить ложные цели, которые увлекли ракеты за собой.

* * *

Когда отрыв сократился вдвое, был дан второй залп. Кораблик едва успел послать на перехват антиракеты. В сияющем от реактивного выхлопа небе за кормой зажглись багровые вспышки.

– Нам не уйти! – не выдержав, воскликнул Платон, ведь никакого «осинового роя» из Туманности Землеройки было не видать.

Ему не ответили. Корабельному мозгу было не до того, а Непейвода сотней маленьких ртов сосредоточенно жевал своих любимых гусениц– сбивал мандраж.

«Оболтус» на пределе сил отбил третью атаку. Лазерная пушка сшибла ракету совсем близко от левого борта. Взрыв пнул кораблик, как бутса– футбольный мяч. Свет в рубке мигнул, а по экранам побежала рябь.

Теперь «Оболтуса» и его преследователей разделяли все-

го триста километров, и отрыв продолжал сокращаться с каждой секундой. Корабельный мозг ядовитым тоном осведомился у ходячего муравейника:

– Ну и где обещанная тобой помощь?! Мне не сладить с четырьмя глоссерами.

– Не торопи события. Без крайней необходимости...

– Куда уж крайней?! – изумился «Оболтус».

– Спасай положение! – поддержав его, рявкнул Платон. – У нас контракт! Я археолог, а не камикадзе! Я должен землю рыть, а не гореть синим пламенем!

– Да пойми ты, чудак-человек! ФФФукуараби не может официально поддержать нашу акцию. Прямое столкновение с Лигой погубит нашу планету. Она и так мобилизовала все свои ресурсы...

– Если мы не найдем горшок, ей – конец! – брякнул археолог – и угодил точно в цель.

– Ты прав, – бессильно произнес Непейвода. – Но я не могу нарушить приказ.

– Тогда молись! – со злостью выкрикнул Платон.

Тиугальба занимала уже весь экран переднего обзора – скоро они войдут в верхние слои атмосферы, но только в виде горящих обломков.

Наконец из подпространства один за другим начали выскакивать разноплеменные кораблики. Остальные восемь глоссеров Карантина бросились им наперехват. Орбитальные крепости поддержали катерников огнем. А первая чет-

верка космокатеров продолжала гнать «Оболтус». Сейчас она даст четвертый залп – почти в упор, и кораблику кранты.

И тут на экране возникла черная сыпь. В первый миг археолог подумал, что у него рябит в глазах, а потом он узнал старых знакомых. Наперерез катерам устремилась туча кибермух, и вот уже в небе позади кораблика закружилась огненная карусель, закипела битва. Карантинщикам стало не до «Оболтуса».

– Я же сказал: нас прикроют, – в восторге Хлопнув ладонями по бедрам, воскликнул Непейвода.

– Так твою бабушку! – заковыристо выразился археолог. По лбу и меж лопаток стекали струйки пота.

Пылающие кибермухи градом сыпались с небес, но на смену им подлетали все новые рои. Они бы уже давно сбили глиссеров, да, видно, приказ был: отвлечь от «Оболтуса», задержать как можно дольше. И потому кибермухи, жертвуя собой, слепили космокатерам радары, срезали антенны, забивали стволы пушек.

Наконец карантинщики не выдержали самоубийственных атак этой кибермелочи и устремились назад, к своему тихоходному крейсеру. Их никто не преследовал.

Итак, кораблик уцелел, но и сесть ему так и не удалось. Орбитальные крепости открыли заградительный огонь из всех орудийных башен, не жалея боеприпасов, и превратили небо над планетой в ад. «Запоры» пустили в ход все следящие системы и наносили массированный удар по каждой те-

ни, мелькнувшей над Тиугальбой.

Весь вечер «Оболтус» скрывался в плотных слоях атмосферы. Обложить себя тучами, словно пуховыми подушками, зарыться в одеяло грозового облака, затмить сверкание прожекторов росчерком молнии, заглушить дыхание движка громовым раскатом – разве это не сказочное приключение?

* * *

Платон, сидя в рубке, не мог избавиться от ощущения, что он вместе с корабликом пляшет польку с диким ураганом, водит хороводы с грозowymi разрядами. Только так можно остаться незамеченным, если каждый миллиметр небес обшаривают всеволновые радары, тахионные щупы и детекторы массы. Каждую пичугу налету взвешивают и просвечивают насквозь. Воздух пронизан мириадами невидимых глазу спиц – только подставься!..

Пока «Оболтус» крался над Тиугальбой, наступила ночь. Антирадарное покрытие пока что спасало. Значит, плоховаты у врага радары. Кораблик планировал, медленно опускаясь, ждал, когда плато Табатль выплывет ему навстречу. Где-то там находилась капсула с записями и маячком.

– Того гляди, перехитрим костлявую, – размечтался Двунадесятый Дом и, конечно же, сглазил.

Их засекли на высоте двенадцать километров – нащупали со спутника тахионным лучом. Корабельный мозг ойкнул, и

«Оболтус» рванулся в сторону. Луч не отпускал. Новый рывок, и опять без толку. Оба раза Платона и Непейводу хорошенько взбалтывало в креслах.

– Что делаешь, ирод?! – воскликнул археолог. – Душу вытрясешь!

– Бог любит троицу, – флегматично ответил корабельный мозг.

* * *

И была третья попытка-самая крутая. «Оболтус» дал максимальное ускорение, скакнув на сотню километров вбок, и сразу взвился в небеса. Высота двадцать километров. Тридцать. Сорок... Луч, как привязанный, тянулся следом. Корабль завис в воздухе.

– Я – пас, – обессиленно выдохнул корабельный мозг. – Есть предложения?

– Сначала обрисуй ситуацию – в цветах и красках.

– Нас поймали тахионным щупом, но не стали сбивать. Это не карантинщики Лиги – они открывают огонь без предупреждения. Значит, кто-то из искателей золотого горшка. Теперь меня будут вести и попытаются опередить, едва маячок подаст сигнал.

– Пока не придумаем, как уйти в тень, будить маячок нельзя, – произнес Дом.

– А по-моему, все проще пареной репы, – подал голос

Платон. – Я знаю, как воевали наши предки. Когда радар засекал самолет, тот прямо по лучу пускал снаряд. И если зенитчики не успевали отвернуть радар, от них оставалось мокрое место.

– Но любой наш выстрел сразу засекут карантинщики.

– Значит, он должен быть не наш.

Помолчали, обдумывая. А потом корабельный мозг вскричал мальчишеским дискантом:

– Эврика! Надо разбросать как можно больше маячков и включить их одновременно. Каждый настроим на индивидуальную волну. Ищейки начнут метаться по плато, а мы спокойно засечем свой маячок и подберем груз.

– Те, кто поумней, метаться не станут, а проследят, куда рванешь ты, – вылил на него ушат холодной воды Дванадцатый Дом.

– Других вариантов, как я понимаю, нет, – сказал Платон.

Возникшая пауза затянулась. Корабль висел над поверхностью Тиугальбы на высоте сорок километров. А его экипаж чесал в затылках, не в силах предложить ничего толкового. Карантинщики могли обнаружить «Оболтус» в любой момент и вдарили бы по нему из всех стволов.

– Значит, мне придется разделиться, – наконец тихо промолвил «Оболтус».

– П-переведи, – потребовал археолог, повторяя очередную древнюю цитату. И корабельный мозг перевел...

Плато Табатль, в отличие от остальной планеты, не было покрыто зарослями, а оставалось песчаной пустыней. Орбитальные крепости Лиги регулярно поливали его из лазерных пушек, чтобы на поверхности Тиугальбы имелась хотя бы одна посадочная площадка. Если это не помогало, шли в ход дезинтеграторы. И плато покрывалось новыми язвами воронок. Атакующие Табатль джунгли ненадолго отступали, зализывая раны и набираясь сил. И однажды утром оказывалось, что зеленые языки снова облизывают желто-серый песок пустыни.

Сотни маячков, раскиданных «Оболтусом» за долгую ночь, заговорили разом, наполнив нудным пиканьем эфир. Вынырнув из облаков, к маячкам ринулись затаившиеся там до времени киберсамолеты, боевые роботы и прочая электронная сволочь. Три карантинных катера, барражировавших на низкой орбите, устремились им на перехват. Орбитальные крепости открыли заградительный огонь, пытаясь не пропустить к Тиугальбе новые группы нарушителей, которые снова начали выскакивать из подпространства.

И все же добрая половина железяк прорвалась к плато Табатль, следуя на зов разноголосых маячков. В воздухе то и дело вспыхивали перестрелки, порой столь скоротечные, что противники успевали обменяться лишь парой выстрелов. С

небес на землю сыпались пылающие куски брони, раскрывались и тотчас сгорали парашюты спасательных капсул.

Карантинные глissеры жгли все подряд, ведя шквальный огонь, пока не кончился боезапас. Тогда они попытались выйти из боя, но один вдруг зашатался в воздухе, клюнул носом, задымился и вошел в пике, чтобы поцеловаться с песком. Два других – все в пробоинах – все-таки улизнули.

Пользуясь моментом, из гущи грозовых облаков вниз скакнул «Оболтус». Маленький кораблик мчался к заветному маячку, разбрасывая десятки ложных целей. Уцелевшая кибершваль прекратила стрельбу и выжидательно зависла в воздухе. Поверхность планеты была все ближе; еще немного – и «Оболтус» сможет сесть.

И тут из поднебесья вынырнуло еще одно звено катеров. Из множества целей они выбрали главную, бросившись в погоню за корабликом. Он попытался оторваться, идя на сверхмалой высоте. глissеры вели беглый огонь из автоматических пушек. Сопровождая уходящий от преследования «Оболтус», на плато вспучивались шесть полос песчаных гейзеров. Кибершелупень тем временем дала деру.

Кораблик не отвечал на огонь, он пытался идти резкими зигзагами, но катерные пушки снова и снова ловили его в перекрестье прицелов, и дымные трассы тянулись, тянулись, тянулись за «Оболтусом». И дотянулись наконец.

Кораблик споткнулся в воздухе, словно спринтер, получивший подножку, закувыркался, и, потеряв управление,

столкнулся с двузубой скалой, выпирающей из песчаных наносов. Удар расплющил его в лепешку, двигатели взорвались, разметав биомеханическое туловище на сотни метров окрест.

* * *

Катера покружили над местом гибели «Оболтуса» и, убедившись, что нарушитель уничтожен, ушли домой, на крейсер. На плато Табатль наступила тишина. Ветер гонял бурунчики песка, шуршал принесенными из джунглей лоскутьями зеленой кожи и сухими листьями.

– Мир его праху, – торжественно произнес Платон и мановением руки бросил вниз вторую, большую часть «Оболтуса», которая доселе скрывалась за облачным щитом.

Кораблик устремился к засеченному во время всей этой катавасии единственному подлинному маячку. «Оболтус» на треть уменьшился в размере, утратив часть своих двигателей, и уже не мог развивать прежнюю скорость. Рождение дублера даром не проходит.

Место падения капсулы было определено с точностью плюс-минус десять метров. Когда кораблик пролетал над целью, его гравитатор со снайперской точностью разочек долбанул по пустыне. Облако песка и фонтан мелких камешков взметнулись в воздух. «Оболтус» на полном ходу подхватил взлетевшую вместе с песком капсулу. Выращенная им рука

была крепка, быстра, гибка и очень нежна. Такими и подковы можно гнуть, и губы любимых ласкать...

Глава 10

Зеленый друг

«Тиугальба – самое жуткое место из тех, где я бывал. Карантинные кордоны, открывающие шквальный огонь по всему, что шевелится, – ничто в сравнении с кошмаром, который официальные органы Лиги Миров стыдливо называют „Зоной биологического поражения“. Каждый гад по отдельности не так уж страшен, в глубинах Галактики можно найти и покрупнее, и позубастей, и поядовитей. Но бродячие джунгли в целом... Это единый всепланетный организм-убийца, насильник и садист в одном лице. Испугать до полусмерти, помучить вдосталь, изувечить со знанием дела, а потом медленно убить – обычный сценарий его поведения. Это боец, отлично натренированный бомбежками и обстрелами с орбиты, подготовленный к борьбе с самым сильным противником, стремительно приспосабливающийся к изменению ситуации. Бродячие джунгли по-своему разумны, очень хитры и способны на притворство...»

Документ 10 (из Путевого дневника)

Ночь. За стенами палатки билось сердце Великого Леса. Курлыки время от времени поднимались с вершин своих

глиняных гнезд, настоящих цитаделей, и, расправляя огромные крылья, черными демонами парили над вершинами деревьев. Вдруг один из них начинал беззвучно вращаться, закручивался быстрее и быстрее, пока не превращался в живую воронку, и этот бешено крутящийся штопор молниеносно устремлялся к земле. Снова появлялся курлык в небесах, сжимая в ятаганах когтей трупик прыгунца или топотунчика, совсем небольшой – килограммов на пятьдесят весом.

Название свое курлык ночью не оправдывал – охотился молча. А кричали в лесу другие: подывали на луну псевдовервольфы – беговые жабы-оборотни, недавно занявшие нишу среднего по размерам хищника и пока что всеядные. Красные каракатицы-джабраилы скрипели челюстями так громко, что, казалось, могли поднять мертвеца из гроба. Вскрикивали совины, отпугивая ползучие плотоядные лианы, тархтели электрические цикады, растягивающие по лесу охотничьи сети под напряжением в несколько десятков вольт. Да всех не перечислишь... Испуганный или предсмертный писк грызунов терялся в общей какофонии.

Пальмы-опахала. раскачивали пышные кроны. Листья, чьи края покрыты белой ядовитой бахромой, днем на жарком солнце свернутся в трубочки, но сейчас они реют над лесом на пятидесятиметровой высоте как знамена, которыми час за часом размахивает великан-знаменосец. Остальные деревья значительно ниже. Они с завистливым скрипом тычут ветвями в стволы своих стройных соседок, истекая со-

ком из десятков маленьких трещин и грозя расколоться пополам.

Платон с сожалением остановил голопроектор. Это была одна из пленок, найденных на астероиде Чиуауа. К бродячим джунглям Тиугальбы этот Великий Лес не имел никакого отношения. Джунгли намного уродливей и гораздо ужасней. Впрочем, и в зверодеревьях есть своя прелесть, но разглядеть ее можно только из безопасного далека.

– Я по-прежнему не понимаю принцип «семени», – с досадой произнес Непейвода, сидевший рядом с ним на тюке с походными комбинезонами. – Как могут из комочка грязи, из мертвого камушка возникнуть такие могучие великаны? Невероятно!.. – Он указал на промелькнувшую за окошком палатки группу корявых, раскидистых паопапов.

– Если в генах записана программа роста, нужно только своевременно подать энергию и строительные материалы... А как же происходит размножение у вас?

– Наши животные и растения выходят из биореактора полностью готовыми к функционированию, в натуральную величину и не подлежат изменениям до утилизации – по истечении срока годности.

– А вы сами?

– Мы – другое дело. Мы возникаем позднее. А сначала наши... – Дванадесятый Дом замолчал, подыскивая нужные слова. – Наших клеточек рожают генреконструированные матки. Они не похожи на настоящих Цариц Роя. Увидь

их, ты вряд ли признал бы маток живыми существами и догадался, что они принадлежат нашей цивилизации. Это целые биофабрики со сложнейшим комплексом рефлексов и полным отсутствием сознательной деятельности... Ну а сотворение новых Домов Симбионтов из диких клеточек – великое таинство, суть которого не передать словами. В вашем языке нет адекватных понятий... Вы, люди, еще слишком мало видели и слишком мало понимаете. И многие кажущиеся вам непреложными законы и правила на самом деле – не более чем исключения или отклонения от нормы,

– В естественном произрастании тоже много плюсов. По крайней мере, для молодых цивилизаций других путей не существует, да и в зрелости... этот путь позволяет не наломать дров, играясь в преобразование природы, – глубокомысленно изрек археолог. – Очень опасно почувствовать себя богом, поставив производство жизни на поток. Так можно всю Галактику превратить в один большой... – он спохватился и смолк.

Клеточки стремительно перестроили Непейводе черты лица, и он приобрел широкую улыбку из разряда ослепительных.

– ...муравейник, – закончил он фразу. – Вы так этого боитесь...

Платон слегка наклонил голову и широко развел руки – дескать, куда денешься: боимся.

Первый лагерь экспедиции разбили поблизости от пре-

красно замаскированного «Оболтуса». На камуфляж Двунда-десятый Дом не пожалел ни сил, ни времени. Целость корабля – гарантия возвращения домой. Кто с этим поспорит?

Пока Непейвода предавался высокому искусству маскировки, Платону пришлось заняться весьма, прозаическим делом – разгрузкой имущества. Он перетаскал на горбу десять тонн оборудования, инструментов, обмундировки и провизии. Гравиподвеска, конечно, – штука хорошая, но к каждой коробке и тюку ее присобачивать не станешь – слишком много возни. И каждую ходку с завистью наблюдал, как его напарник колдует с веточками и выеденными панцирями, прикрепляя их к маскировочным сетям. Сети укрывали сверху инфракрасный щит и антирадарный экран, смонтированный из панелей, которые защищали «Оболтуса» в полете.

Когда археолог в изнеможении падал на землю, Дом морщился, демонстративно стонал и произносил нечто вроде: «Мало сажи ел» или «С кем мне приходится работать!..» Платон молча сносил оскорбления. Наконец-то он занимался чем-то похожим на его любимые раскопки. Да и сами раскопки были не за горами.

Районов, где спутник обнаружил небольшие объекты, состоящие из золота, было десятка три. Так что копать – не перекопать...

Экспедиция не имела носильщиков-кули или шерпов, она не имела глайдеров или хотя бы гусеничных вездеходов. Да и

слишком опасно использовать технику с двигателями, выделяющими тепло. В распоряжении Платона и Непейводы была только небольшая гравиподвеска, которую можно прикрепить к любому крупногабаритному грузу, снизив его вес вдвое. Вот эту «тележку» им и предстояло гонять туда-сюда, пока вся поклажа не окажется в следующем лагере.

Второй лагерь будет разбит у подножия странной горы Хамбаус. У нее плоская вершина, которую тригальбцы использовали в качестве космодрома. Об этом свидетельствовали многочисленные следы редких металлов и сложных сплавов, обнаруженные в спектрограмме грунта. Это был район максимального предпочтения – район номер один.

Гора Хамбаус сразу не понравилась Платону – она была слишком очевидна, слишком проста, чтобы действительно скрывать нечто тайное. Интуиция говорила: тут ничего нет. Но у него не было ни единого здравого аргумента, и к тому же он не мог ничего предложить взамен: остальные три десятка участков казались ему совершенно одинаковыми.

Джунгли между первым лагерем и горой Хамбаус были ничуть не хуже и не лучше, чем везде, а значит, смертельно опасны. Сначала Платону с муравейником нужно было проложить трассу, пройдя всю дорогу пешком. Они несли мало полезного груза, зато были хорошо вооружены. Разведка есть разведка...

Первые шаги дались Платону нелегко. Он был уверен: древохищники вот-вот раскусят их нехитрые уловки и на-

бросятся всем скопом. Натянутые, как гитарные струны, нервы реагировали на каждый звук. Каждый шелест, шорох, писк, хруст или треск казались началом атаки. И сломить напор сотен организмов-убийц не сумеют ни огнеметы, ни бластеры, ни плазменные резакИ. Только дезинтегратор, плюющийся закапсулированной антиматерией, может остановить зеленую орду пожирателей черных археологов. Но тогда джунгли станут изводить врага непрерывными мелкими наскоками, пока не кончится позитронно-антипротоновая смесь. А потом...

Археолог и Двенадцатый Дом двигались вперед, огибая непроходимые заросли проволочника, перебираясь через упавшие стволы-великаны, осторожно отодвигая чересчур любопытных червецов. Бродячие деревья невзначай, словно проверяя, касались скафандров покрытыми присосками ветвями. Платона всякий раз пробирала дрожь. Купольные пиявки сигали вниз, плюхаясь в бурый ковер гниющих зверорастений у самых ног. Верховые осьминоги пристально разглядывали «родственников» с развилок ветвей, а летунцы неустанно кружили над головами – зачем, почему? Кто бы знал...

Платон Рассольников и Непейвода быстро вошли в ритм и неумолимо пробирались по джунглям. Пробирались уже третий час и до сих пор оставались живы и даже здоровы. Их покрашенные в зеленый цвет скафандры были густо обрызганы смесью феромонов и фитонцидов, и зверодревы при-

нимали их за своих.

Зелень была всюду – и всюду разная. Столько оттенков зеленого Платон не видел еще никогда. Под ногами лежали зеленовато-бурые гниющие остатки умерших от старости и болезней зверодрев. Вокруг шебаршились бирюзовые, малахитовые, салатные, цвета морской волны и молодой травы джунгли. Потомки лесных животных в ходе мутационного взрыва тоже приобрели зеленый цвет, каждая клеточка их кожи и шерсти содержала хлорофилл. На одном плотоядстве здесь долго не протянешь.

Ученые Лиги неплохо изучили бродячие джунгли, хоть и делали это, сидя на высокой орбите. Карантинщики запретили высадку экспедиции на поверхность Тиугальбы. Ксенобиологи смотрели в фотоумножители, запускали киберзонды, которые брали для них образцы зверофлоры. Они поименовали и классифицировали здесь каждую травинку, вот только руками потрогать не смогли. Зато напарникам это сомнительное удовольствие вполне доступно.

Двунадесятый Дом прокладывал путь. Хладнокровно пер на поляны, заросшие нежно-зеленой травкой и потому напоминающие бездонную трясику, и не сворачивал с курса, даже увидев впереди разинутую пасть гигантского глота или беснующуюся стаю псевдо-баньянов. Ему все было нипочем.

– Ты так уверен в нашей неуязвимости? – в конце концов не выдержал археолог. – Или ты классно притворяешься.

– Наше дело правое – победа будет за нами, – сдвинув

брови, ответил Двенадесятый Дом.

– Твоими устами да мед бы пить...

И тут Платона в первый раз попытались укусить. Древесная лиана вдруг зашипела почище хорошей кобры, сделала молниеносный бросок и впилась зубами в рукав. Непейвода ловко ухватил ее за брюшные жабры и, когда лиана покорно разжала челюсть, отшвырнул в кусты. Мягкая, но прочная ткань скафандра выдержала, однако на коже остался кровоподтек.

Окрестные джунгли забеспокоились, шумно задышали. Активно заработали носы, хоботы и другие обонялы, выискивая чужеродные запахи, стала обильно выделяться слюна и желудочный сок. Они почуяли чужих.

– Что случилось, Дом?

– Действие феромонов кончается. Должно было хватить еще на час. Сейчас снова опрыскаю, – ответил ходячий муравейник и полез в кармашек рюкзака за баллончиком.

Вдруг его схватили под мышки и в один миг утянули в небеса. Только крикнуть успел:

– Не стреляй!

«Сам знаю – не дурак. Бахну – и эти твари сразу поймут, кто здесь чужой», – подумал археолог, провожая взглядом чешуекрыла, натужно машущего зелеными перепончатыми полотнищами.

Через минуту-другую на Платона набросятся, а распылителя у него нет. Непейвода не доверил – умник хренов. Те-

перь он вместе с баллончиком в гнезде чешуекрыла, и надо лезть на дерево его выручать. Весь вопрос: успеет ли Рассольников?

Археолог крикнул, отшвырнул сунувшегося к нему летунца и выстрелил альпинистским крюком в толстенный нижний сук паопапа. Вместе с крюком, вылетел и титанитовый трос. Дерево ойкнуло, дернулось от боли, сыпанув на Платона горохом из треснувших перезрелых стручков, напряглось и выплюнуло пробивший кору крюк обратно. Рассольников едва увернулся.

Вот те на!.. Пробовать еще раз глупо. Лезть на паопап по стволу, как обезьяна, – долго, трудно и опасно. Один рывок, толчок-и лететь доморощенному древолазу, считая сучья и ветки. Значит, надо забросить кошку – есть и такая. Приторочена сзади к рюкзаку.

Зеленые джунгли алчно щелкали клювами и потирали ветки, джунгли сопели и шумно глотали слюну. Зверорастения желали друг дружке приятного аппетита. Осталось лишь обнаружить корм, который притворялся несъедобной.

Археолог засунул в ствол пневматического метателя кошку, мысленно перекрестился, прицелился и нажал на спуск. Титанитовая кошка пролетела над нижним суком. Трос, спадая спиралью, тормозил ее полет. Кошка ударилась в главный ствол, застряла, удерживаясь в нем коротким острием, но через мгновенье вместе с куском коры рухнула вниз.

На Рассольникова спикировала зеленая ящеребабочка,

промахнулась, стукнулась о дерево, оттолкнулась от ствола, царапнув коготками, снова поднялась в высоту, сделала круг над многочисленными верхушками зверодрева и провела бомбометание. Попытка сшибить археолога пометом удалась частично: снаряд ударился о ветку и окропил бурыми брызгами все вокруг. Кое-что попало и Платону на шлем.

Кошка зависла метрах в трех над землей. Платон потянул трос на себя, кошка пошла вверх и достигла сука. Джунгли пришли в неистовство. Они приплясывали на месте или метались, выискивая долгожданную жратву. Еще немного, и они поймут, что этот пуляющийся железяками придурок и есть их ходячая трапеза. Залетный деликатес.

Археолог сам ничуть не хуже зверорастений приплясывал от нетерпения, осторожно подергивая за трос. Наконец кошка надежно зацепилась за древесный сук. В отличие от альпинистского крюка, ее лапы не затронули нервные отростки, и паопап согласился потерпеть эти мелкие неудобства.

Можно было начинать восхождение. Платон по старинной традиции хотел поплевать на перчатки, но не дало забрало шлема. Чертыхнулся и полез наверх.

Когда он взобрался на нижний сук, оказалось, что паопап тоже хочет поучаствовать в трапезе. Просто реакция у него замедленная – в нем больше от растения, чем от животного. Зато исполины бродячих джунглей не зря зовутся «тяжелой артиллерией»: уж если соберутся на охоту – не остановишь.

Паопап зашевелил ветвями, и на шлем посыпались вялые

листья и зазевавшиеся жуки-короеды. А потом пришло время выкапываться, и зверодреву выдернуло из земли один из корней. Рывок был так силен, что археолог едва ни сверзился вниз. Зеленоватый, покрытый узлами корень вырвался из почвы, хлестанул по стволу, словно пытаясь отомстить за причиненную боль.

Платон укрепился на суку, перевел дыхание. Затем осторожно нагнулся, захватил рукой хвост кошки и рванул, выдергивая вонзившиеся в кору острия лап.

Паопап занялся корнем номер два. Бросок кошки на следующий мощный сук совпал с новым рывком зверодревы. Археолог вместе с пудовым рюкзаком сорвался со своей опоры и полетел вниз, где уже собралась целая толпа мелких, на зато самых чувствительных и быстрых хищников.

Когти рыли землю, хвосты нетерпеливо били по прелым листьям, зубы щелкали, длинные ленты языков извивались, мысленно облизывая Платоновы пятки. Даже освободившиеся из плена корни паопапа, сколько ни хлестали, не могли испугать это сборище. Чудища успевали выскочить из-под рушащихся на них кнутов. Кого-то, конечно, раздавили в давке.

А Платон болтался на тресе в каком-то метре над головами веселой компании. Кошка успела зацепиться за второй сук и спасла археолога от верной гибели. Убедившись, что чудом уцелел, и это не адское пекло, а всего-навсего трудовые будни черной археологии, Рассольников пополз наверх

по тросу. Ноги сплел вокруг троса и быстро-быстро перебирал руками. Спасибо перчаткам – руки не скользили.

– Первый сук... Второй сук. Надо вскарабкаться и намертво вцепиться, – бормотал Платон. – Намертво. И перевести дух.

Второй сук уже был совсем близко, нависал над головой корявыми наростами. И тут случился третий рывок паопапа. Археолога подбросило и ударило макушкой об эти самые наросты. Хрясть! Он на мгновение потерял сознание, руки разжались... А когда Платон очнулся, обнаружил, что по-прежнему висит на тросе, но уже вниз головой. Сплетенные ноги удержали его.

Зверодреву оставалось освободить последний, самый главный корень. Но паопап решил малость передохнуть перед последним рывком. Злобная мелочь, собравшаяся у его подножия, набрасывалась на разлегшиеся на грунте корни. Те дергались от укусов, взвивались в воздух, хлестали по сторонам, лупили по земле, словно это она, кормилица, не давала им покоя.

Насквозь вымокший Рассольников плохо видел сквозь запотевшее забрало, но продолжал взбираться вверх. Третий сук... Четвертый. И четвертый рывок паопапа...

Археолог вцепился в сук, будто в спасательный круг. Сук подпрыгнул под ним аж на полметра. Удержаться-то Платон удержался, да вот отшиб себе всю причинность. Что же за напасть такая?! То чокнутый «Оболтус» лезет в штаны, то

крикунские уродины насилие вершат, то это гадство... Все подряд – и по больному месту!

Корни потоньше лопались, будто натянутые канаты подвесного моста. Паопап еще раз подпрыгнул, отрываясь от последних своих «якорей», и начал шествие по Тиугальбе. При каждом его шаге археолог скакал на суку, как на диком коне. Надо было как-то приспособиться к тряске и качке и лезть дальше. Непейвода – двумя этажами выше.

Только через десять минут Платон добрался до гнезда чешуекрыла. Он был весь в мыле и наверняка покрыт россыпью синяков от укусов всевозможных летучих тварей, которые ринулись за ним в крону паопапа. Скафандр до сих пор не лопнул, но у Рассольникова, кроме головы и ступней, места живого не осталось.

Гнездо было слеплено из глины и крепко держалось в развилке мощных ветвей. То бишь моталось из стороны в сторону вместе с паопапом. Чешуекрыл поднял клювастую голову над краем гнезда и зыркнул на археолога. Стесняться было нечего – Платон рубанул по длинной волосатой шее из бластера. И голова чешуекрыла закувыркалась вниз...

Тут зверодрево поняло, что в кроне завелся чужак, и атаковало его. Но Платон больше не боялся – одну за другой срубал сующиеся к нему ветки, пока не расчистил изрядный сектор кроны. На земле, куда свалились извивающиеся, плюющиеся зеленым соком обрубки, тотчас закипел пир.

Паопап подсчитал, прикинул в уме и оставил археолога

в покое. Теперь он мог заняться своим напарником. На дне глубокого гнезда, под растопырившим крылья трупом чудища Рассольников нашел Непейводу. Запеленатый в белую паутину, в окружении дюжины большущих кожистых яиц чешукрыла, Двенадесятый Дом выглядел довольно забавно. Из-за этой сверхплотной замотки он так и не сумел выбраться из скафандра. Сейчас Дом был в равной мере похож и на египетскую мумию, и на куколку гигантской бабочки.

Затвердевшие нити паутины были так прочны, что пришлось пустить в ход молекулярный нож. С ним надо быть предельно осторожным. Это штука опасная – недолго и скафандр располосовать.

– Я думал, ты не доберешься, – были первые слова муравейника.

– Я тоже, – признался Платон.

Паопап тем временем кружил по джунглям. Более мелкие зверодревы расступались, давая ему дорогу. А кто не поспешил, того уже ели в сто глоток разом.

Непейвода терпеливо ждал, когда археолог полностью освободит и снимет с него шлем. Тогда клеточки смогут сами о себе позаботиться. И они позаботились: вылезли наружу и стремительно перегрызли путы тысячами малюсеньких челюстей. А потом снова забрались в скафандр, образовав подобие человеческого тела.

Освобожденный Дом достал из кармашка рюкзака пульверизатор и полил археолога и себя приготовленными на

ФФФукуараби феромонами и фитонцидами. Муравейники в этом деле были великие мастера.

Теперь Платон и Дванадесятый Дом могли продолжить свое путешествие. Да не тут-то было. Археолог вдруг совсем обезножил. Утомился от лазанья по тросу и паопапу – это само собой, но главное: потянул он себе с непривычки мышцы рук и ног. Да так здорово, что теперь и шевельнуться не мог.

– Как же тебя угораздило, сокол ты мой ясный? Тренироваться надо было, в форме себя держать, – охал Непейвода. Глумился. Помочь напарнику он сейчас не мог – снимать с него скафандр было Слишком опасно. – Ты нам все сроки срываешь... – И вдруг шебаршастое лицо ходячего муравейника просветлело. – Эврика! – вскричал он.

– Ты чего? – удивился разлегшийся на дне гнезда археолог.

– Мои клеточки помассируют твои дряблые члены, и ты быстро придешь в норму.

– Может быть, заодно придумаешь, как заставить эту дурицу отвезти нас к горе Хамбаус?

– Еще одна эврика! – Дом был в восторге. Паопап сделал очередной шаг, и ходячий муравейник опрокинулся на напарника.

– Ай-яй! – заорал Платон.

– Извини, – сказал ходячий муравейник, слезая с него. – Я не садист, чтобы гнать тебя вперед, недолеченного. Ты был прав: пусть дурица нас везет.

– А?.. – разинул рот Рассольников.

– Сейчас увидишь. Хорошо, что ты расчистил пространство для маневра – ветки бы нам мешали.

Непейвода достал из Платонова рюкзака скважинный перископ, вынул из своего пять банок говяжьей тушенки и вскрыл их. Даже сквозь шлем археолог почуял чарующий запах настоящего мяса. Через пару секунд зверодрево тоже учуяло аромат, заплясало на месте, так что банки запрыгали на дне гнезда и облили соком скафандр археолога. «Он решил пожертвовать самым дорогим», – с болью в сердце подумал Платон.

Двунадесятый Дом сделал на каждой банке по ушку, продел короткий титанитовый тросик и крепко привязал к зрачку перископа. Затем сориентировался по компасу, пробил по небольшой дыре в противоположных стенках гнезда, просунул сквозь них трубу телескопически сложенного перископа и укрепил ее как следует.

Наконец он щелкнул красным тумблером на рукояти перископа. С громкими щелчками скважинный перископ раздвинулся до максимальной длины. Он был нацелен в сторону горы Хамбаус. Теперь тушенка висела далеко от древесного ствола.

Все это время Платон молча следил за манипуляциями Непейводы. И когда паопап затряс всеми своими ветвями, заскрипел морщинистым стволом и сделал первый, неуверенный шаг в нужном направлении, археолог спросил:

– Хочешь использовать принцип ослика и морковки?

– Знай я заранее, что такое ослик, нам вообще не пришлось бы топтать пешком, – улыбаясь во весь свой копошащийся рот, произнес муравейник и деловито добавил: – А теперь приподними-ка забрало; мне надо до тебя добраться.

Археолог был не в силах перечить и подчинился. Его передернуло, когда в скафандр начала вползать длинная, тонкая колонна «мурашей». Они семенили маленькими холодными лапками по его шее и груди, расплзаясь в рукава и штанины. «Господи, спаси! – мысленно простонал Платон. – Хотя древние лечили муравьиными укусами больные суставы. Авось и я не помру».

Глава 11

Кротовыми тропами

«В сущности, что такое копка земли? Любая – даже с помощью автоматических бульдозеров? Не более чем почесывание малюсенького участка планетарной кожи. Почти незаметного в сравнении с ее огромным телом. Копка земли – это монотонный, безмозглый, изнурительный труд, которым на протяжении истории человечества занимались несколько миллиардов мужчин, женщин и детей. Прошли тысячелетия, люди заселили Галактику– и что мы наблюдаем теперь? Опять копают. Правда, только отдельно взятые идиоты. Вроде нас, черных археологов. Белые, впрочем, тоже копают. Куда денешься, если имел глупость выбрать себе кротовью профессию?..»

Документ 11 (отрывок из мемуаров черного археолога)

Паопап был норовистой лошадкой, но без особых приключений всего за час донес напарников до заветной горы Хамбаус. Слишком он велик и потому, пока совсем не состарится, не по зубам остальным зверорастениям.

По дороге Платон и Непейвода наблюдали жизнь бродячих джунглей. Однажды на ветку рядом с гнездом шмякнулась ядовито-зеленая лягушка с кучей бородавок на спине. Бородавки были темно-зеленого цвета, некоторые даже

с прочернью. И шевелились. Лягва прошлепала к голубовато-зеленому узлу на ветке и, издав громкий булькающий звук, стала его покусывать.

Древесный узел вздрогнул и разошелся, как две створки раковины, открыв целое озерцо сокрытой внутри воды. Бородавки-головастики миглом попрыгали в водоем, и «сустав» тут же снова сросся. Довольная проделанной работой лягуха разинула рот, оглушительно квакнула и спрыгнула с ветки.

В другой раз купольные пиявки устроили на соседней ветке брачные игры. Самец и самка, стоя на хвостах, поочередно демонстрировали свои охотничьи купола. С их помощью пиявки тормозятся у земли, сиганув вниз с вершин деревьев. Ими они накрывают, опутывают свою жертву. Из этих же самых куполов на плененную жертву источается желудочный сок.

* * *

Пиявки были размером со взрослого угря, а вместе с «парашютами» казались крупнее человека. Пиявки то раздували их, то сминали, так что купола облепляли тело, словно промокшая одежда. Внутренняя поверхность куполов в отличие от внешней, ядовито-зеленой, была покрыта сложным узором из ромбов и напоминала змеиную кожу.

А потом пиявки одновременно растопырили купола над головой, превратив их в крутые шляпы метрового диаметра.

Наклонились навстречу друг другу и соединили «шляпки», будто два влюбленных шурупа. Задрожали, завибрировали, брызгая во все стороны бело-зеленой жидкостью. На мгновение из зеленых они стали красными, как вареные раки.

Никто из зверорастений не успел броситься на предателей. Соитие произошло, и привычный зеленый цвет вернулся. Пиявки разлепили купола, резво отпрыгнули в стороны, покачались секунду на хвостах, словно прощаясь, и скрылись из глаз.

...Гора Хамбаус действительно выглядела странно. Словно конус нормальной одиночной горы, вроде вулкана Килиманджаро или горы Кения, был срезан циркулярной пилой на высоте двух километров над уровнем моря. Так что напоминала эта горюшка гигантский пень или постамент для колоссального памятника. И при этом была она ярко-зеленого цвета: и склоны ее, и верхушка густо заросли теми же джунглями, что и окрестное плоскогорье.

Раскачав перископ и потряся банками с тушенкой, чтобы пленительный аромат взбудрил зверодрево, Непейвода заставил паопап взобраться на вершину горы. За эту услугу зверодрево получило обещанное угощение: содержимое банок мгновенно исчезло в открывшейся на стволе узкой щели-пасти. Нехорошо было бы обмануть зеленого друга...

Напарники быстро спустились на землю. Почти прирученный паопап зашагал своей дорогой, и Дванадцатому Дому взгрустнулось. Нет, не получится из зверодрев экспеди-

ционных носильщиков. В лагере такую махину не удержишь, а оседлывать для каждой ходки новое зверодрево— непозволительная роскошь. Да и просека, проложенная паопапом при движении к горе Хамбаус, тут же зарастет. На то они и бродячие, эти чертовы джунгли!..

Платон по спутниковой карте определил участок будущих раскопок, Дом пометил его границы, воткнув по углам мертвые стволы молодых прыгунов. Их тотчас растоптали или уволокли бродячие деревья. Непейвода повторил попытку — с тем же результатом. Джунгли терпеть не могли никаких искусственных сооружений, включая вешки. Тогда он обрисовал границы участка несмываемой флуоресцентной краской зеленого цвета. Теперь участок надо было расчистить хотя бы от обглоданных скелетов рухнувших зверодрев.

Отогнать настырные зверорастения, которые непрерывно перемещались туда-сюда, оказалось делом почти невыполнимым. Когда их резали лучом бластера или жгли из огнемета, они только яростнее перли вперед. Чем активнее сражались с зеленым противником напарники, тем сильнее было давление бродячих джунглей. Замкнутый круг да и только...

У Непейводы и Платона опустились руки, и уже через минуту-другую расчищенная (то есть еще гуще заваленная свежими трупами) зона была вновь оккупирована джунглями. На стволах поверженных гигантов копошились хищные лианы, выпивая из них кровь, снизу в трупы впивались зубы почвенных падалычиков. Выпилив кусок, эти твари тут же

уволакивали его в свои норы.

– Дохлый номер. – Археолог привалился спиной к распиленному стволу псевдобаньяна. – Придется копать без расчистки. Будем бить шурфы. Если понадобится, выроем туннели в грунте и будем ползать по ним, как кроты.

– А разве так ищут клады? – удивился Двенадесятый Дом.

– Нет, – покачал зеленым шлемом Платон. – Но надо же кому-то быть первым...

Археолог и Дом выбрали поблизости место для будущего лагеря и сложили там поклажу, состоящую из двух рюкзаков. Для сохранности завалили их совершенно несъедобными камнями. Получился небольшой курган, который напарники густо обрызгали зеленой краской. Так он меньше будет раздражать зверодрев. Полевой лагерь был заложен.

– Ура-а! – заставил себя крикнуть Платон. И глотнул из фляжки чего-то отдаленно напоминающего джин.

– Ур-рау! – подхватил ходячий муравейник. На этом торжественная часть была закончена. – Пора идти, – сказал он, глянув на ноги напарника. – Ты как?

– Дохромаю – не рассыплюсь, – буркнул Рассольников, в очередной раз принявшись массировать свои многострадальные мышцы. После «муравьиной пляски» ему стало намного лучше. – Разойдусь помаленьку. Не впервой.

Итак, «лошадка» ушла по своим делам, и пришлось напарникам шагать обратно в базовый лагерь на своих двоих. Наученные горьким опытом, они почаще брызгались феро-

монами и старались вести себя скромнее. В результате все следующие ходки обошлись без серьезных происшествий. Мелкие стычки – не в счет.

Обнаруженные муравьиным спутником развалины космодрома были погребены под толстым слоем перегноя. В джунглях непрерывно нарождались и отмирали тысячи зверорастений. Толщина слоя гниющих остатков местами достигала трех метров. В этой мягкой массе обитало великое множество разнообразных существ-трупоедов. Падалыщики покрупнее время от времени спускались на землю со стволов бродячих деревьев, отгоняли наглую мелочь и набрасывались на самые свежие трупы.

Во время походов Непейводе и Платону приходилось то и дело доказывать, что они – не падаль. Несмотря на феромоны, которыми Дом регулярно поливал обоих, трупоеды то и дело покушались на их скафандры. Если часами ходить по гниющим остаткам, неизбежно сам начнешь пахнуть мертвечиной.

Закончив переброску экспедиционного имущества, археолог и Дванадесятый Дом стали разбивать полевой лагерь. Непрерывно перетаскивая антирадарный щит, чтоб машину не засекали с орбиты, они вырыли мини-экскаватором ровик, установили заграждения из самых колючих зверорастений. Распылители регулярно обрызгивали заграждения отпугивающими феромонами и фитонцидами.

Затем напарники поставили две жилые палатки, хозяй-

стенную палатку с кладовой, кухонькой и душевой кабиной, а также пакгаузы, где хранилось оборудование, инструмент и материалы. Все они были прикрыты щитами, обтянуты маскировочными сетями и покрашены в понятно какой цвет.

Пора было начинать раскопки. Говоря о рытье туннелей, Рассольников, конечно, погорячился. В них много не работаешь. Ничего лучше старой, проверенной веками технологии послойных раскопок Галактика еще не изобрела. Только пришлось внести в нее кое-какие коррективы: один копал землю, а другой перетаскивал щит и одновременно отгонял назойливых зверодрев. Отгонял с помощью специально подобранных феромонов – не дай бог открыть на раскопе стрельбу!

Так продолжалось часа три, потом напарники менялись ролями. Обед с часовым перекуром и еще шесть часов изнурительного труда. Ужин, второй перекур и перед сном – подготовка плацдарма для завтрашних работ: тщательно прозондировать грунт универсальным интроскопом, снять верхний слой почвы – вплоть до границы песка, убрать крупные камни и вытравить растительными ядами норы подземных падалициков. После шести часов сна подъем на рассвете, зарядка и завтрак. Потом все сначала. И так день за днем...

Стоило напарникам перейти на новое место, джунгли тут же наводняли раскопанный и исследованный участок. Это было замечательно: котлованы не приходилось маскировать.

В столь бешеном темпе Платон не работал уже много лет.

Без хорошей зарядки и массажа руки-ноги отказывались сгибаться. Понятное Дело, Непейводе зарядка была не нужна, но он делал ее за компанию.

Остатки каменных стен, шлакоблочные плиты, когда-то устилавшие летное поле, ржавые детали подъемных кранов и транспортеров, обломки летательных аппаратов – все это время от времени попадалось на пути мини-экскаватора. Тогда археолог останавливал машину и начинал копать вручную, пускал в ход пневмоочиститель, а потом брал в руки метелку и скребок.

В какой-то момент Платон почувствовал, что счастлив. Именно сейчас он живет, а до сих пор лишь существовал – в ожидании и предвкушении этой самой жизни. Бросив метелку, трясущимися руками он начинал счищать с предмета остатки песка и пыли, оглаживал его контур... Не то. Все начиналось сначала: яростная работа, восхитительный миг, когда находка начинает проступать из тиугальбской тверди, нетерпеливые движения, еще один взмах рукой и еще – и снова разочарование. Не то, не то, совсем не то...

Спустя четыре дня Рассольникову стало ясно, что он был прав и их мучения напрасны: место выбрано неудачно. Под руинами космодромных ангаров, среди ржавых обломков каких-то машин лежали отнюдь не золотые горшки, а золотые статуи размером с крупную собаку. Они имели форму осьминога, скрещенного со свиньей и вдобавок снабженного небольшими ангельскими крылышками, и принадлежали

малоизвестной культуре Аспиньяон. Судя по всему, статуи были десятки – одинаковых или очень похожих друг на друга. Поэтому спутник так легко обнаружил скопление золотых предметов.

Когда археолог с помощью Непейводы поднял на поверхность одну из них и очистил от земли, оказалось, что золотая статуя едва заметно дышит. Потом у нее с явственным скрипом открылись двенадцать глаз величиной с голубиное яйцо. Под золотыми веками у статуи скрывались красные гранатовые белки и синие топазовые зрачки.

Открыв глаза, статуя не вскочила на ноги и не стала обниматься или, наоборот, душить раскопщиков. Она неподвижно лежала, глядя в небо, затянутое маскировочной сетью. Похоже, им в руки попала механическая машина, не способная на самостоятельные действия.

– Это божество или они такие и были, эти аспиньяоны? – спросил Дом, зачем-то ощупывая длинные, заканчивающиеся копытами ноги статуи и ее круглый живот с дюжиной набухших сосков.

– Никто не знает.

– А тебе не кажется, что мы слишком часто повторяем эту фразу? – вдруг задумчиво произнес Непейвода.

– Ты прав. Первая Конкиста оставила после себя одни руины и пепел. Выжгла память о сотнях культур почище любой Сверхновой. Гигиенично и практично: и планеты целы, и брыкаться некому.

– Слишком просто все списывать на Конкисту. И потому подозрительно, – заметил ходячий муравейник. – А был ли мальчик-то?

– Ты имеешь в виду: была ли вообще Первая Конкиста? Или Большая Чистка проводилась во все времена и, быть может, идет даже сейчас?.. – Платон замолк. – Есть такая гипотеза. В кругах отпетых правозащитников. Вот только фактов нет никаких. Уж больно хорошо заматают следы эти чистильщики. Людям такое не под силу. Если кто и чистит Галактику, то не мы.

Непейвода молча покивал шлемом, а потом спросил:

– Такие штуки уже находили?

– Нет. Только плоские изображения. То-то и оно...

Археолог стал внимательно разглядывать статую, поглаживать ее рукой, потом повернул на бок и продолжил осмотр. Очередное бережное касание задело какой-то незаметный бугорок, и в спине статуи вдруг открылась плотно пригнанная дверца размером с ладонь. Внутри обнаружались непонятные колесики и рычажки из белого металла – ну совсем как в древних земных часах. Там что-то слабо тикало, но никакого движения заметно не было.

Дом оцепенел на мгновение, потом рывкнул:

– Закрой немедленно! Нам что, проблем не хватает?!

Но было уже поздно: странный механизм пришел в движение. Тотчас пронзительно заверещал встроенный в корпус Автомедика анализатор.

Автомедик стоял в Платоновой палатке. Археолог пользовался этим назойливым устройством, только борясь с растяжениями и вывихами, а потом переводил его в режим ожидания – иначе замучает дурацкими советами и предупреждениями: туда не ходи, этого не ешь, тяжести не поднимай... Автомедик включился сам, подавив блокировку – знать, угроза возникла нешуточная.

– Обнаружил вирусную инфекцию неизвестного вида! – затараторил Автомедик, спеша сообщить как можно больше, пока есть кому слушать. Одновременно в наушниках шлемов раздавалось тихое шипение: статуя выпускала газ. – Начальная численность вирусов – четыре биллиона. Удвоение каждые восемь миллисекунд. Предполагаемая скорость распространения воздушным путем...

– Начинай дезинфекцию!-рявкнул Платон.

Непейвода в оцепенении застыл рядом. Археолог видел, как бродячие джунгли вокруг лагеря вымирают со скоростью ветра – смерть разбегается по плоской верхушке горы. Гигантские зверодревы с треском и грохотом рушились на землю, ломая более тщедушных соседей. Всякая мелочь дождем сыпалась с небес и ветвей.

– Дезинфекция с момента появления, – докладывал Автомедик. – Стандартная процедура газовой обработки – отсутствие результата. Усиленный вариант нейтрализации с третьей секунды – отсутствие результата. Комбинированная атака антивирусами с пятой секунды – отсутствие результата.

У Платона ледяная глыба ухнула в самую сердцевину души, и под ее тяжестью душа ушла в пятки.

– Как долго выдержат наши скафандры? – взяв себя в руки, вымолвил он.

– Неограниченно. При сохранении полной герметичности, – произнес Автомедик.

«Слава богу! Спасены! – была первая мысль археолога. Но потом была и вторая: – Но как же мы будем есть и пить? Во время трапезы нужно снимать шлем. А всех запасов внутри скафандра – туба с питательной массой и литр воды. Смерть наша будет мучительной...»

– Горшок еще не найден, – ровным голосом заговорил Дванадесятый Дом. – Сроки ужесточились. Теперь мы должны найти его за одну неделю. Или ты дольше сможешь протянуть без влаги?

– Лесоповал наверняка заметили и сейчас ка-ак вдавят... – произнес Платон странным голосом. – Надо драпать.

– Уже поздно, – покачал шлемом Непейвода. – Ракеты пущены. Нам их не сбить.

– Следует закрыть собой автомат и лечь ногами к взрыву, – вдруг с непонятной веселостью произнес Рассольников и пояснил для непонятливых: – Была такая древняя инструкция.

– Это Автомедика, что ли, закрывать? – машинально спросил Дом, а сам, задрвав голову, смотрел на небо, где набухла россыпь темных точек.

Археологу вдруг захотелось на прощание обняться с напарником, но он не решился – подумал: не поймет. Боеголовки рванули в вышине – далеко от земли. Почему-то Платон не увидел вспышек. На фоне пепельных облаков возникли белые кляксы, они стали расползаться, затягивая небосвод. А потом, казалось, пошел снег. Тысячи белых пятнышек понеслись вниз. Они были повсюду.

– Что это?! – вскричал Рассольников.

«Я жив! Жив!» – вопила его душа. У его ног плюхнулась первая капля, обрызгав скафандр до колен. Нет, это был не снег. Скорей уж, густая пена из пожарного шланга.

– Это дези... – Непейвода не договорил. Им на головы обрушился настоящий водопад белой дряни.

Когда пенопад кончился и напарники обтерли перчатками забрала шлемов, они обнаружили, что стоят по самые плечи в пене, которая начинала густеть.

– Надо выбираться, – сказал Платон по радио.

– ...дезинфекция, – договорил наконец Дванадесятый Дом. – С орбиты увидели падающий лес и тотчас среагировали. Значит, умеют с вирусом бороться. Так почему же планета до сих пор закрыта?

– Слишком быстро и эффективно сработали, – пробормотал археолог. – По отлаженной схеме. Значит, за последние годы не мы первые добрались до этих статуй.

Платон огляделся. Они с напарником стояли в мелководном озере, полном молочного коктейля. Огромный круг

мертвых джунглей на вершине горы Хамбаус был покрыт полуметровым слоем пены.

Из-за сотен поваленных друг на друга стволов джунгли превратились в непроходимые заграждения.

А дальше, как и прежде, стояла зеленая стена, местами изляпанная белым. Она колыхалась и шажок за шажком начинала продвигаться в глубь пораженной территории. Зверодревья осторожно пробовали щупальцами корней странную субстанцию отвратительного белого цвета, но она не кусалась. Значит, можно идти вперед.

– Похоже, мы познакомились с тем самым джинном, которого когда-то выпустили из бутылки собиратели редкостей, – заговорил археолог, пытаясь нашарить под слоем пены мини-экскаватор. Тот как сквозь землю провалился. Видно, Платон заблудился в своем же раскопе. – Сначала сдохли сами аборигены и их родная природа. Потом умерли колонисты второй волны, и посаженные ими леса превратились в этих жутких монстров...

– Так дело не пойдет, – сказал Непейвода и, нырнув в пену, вскоре возник на поверхности, держа в поднятой над головой руке зеленый, как и все их археологическое оборудование, пневмоочиститель. – Попытка – не пытка. – И принялся выдувать спасшую их пену из раскопа, спеша, чтобы она не окаменела.

– Но Почему зверорастения стали помирать? У них ведь был иммунитет, – вслух размышлял Рассольников, глядя,

как разлетаются в стороны хлопья пены, рвутся ее длинные белые языки, как воздушная струя выдувает глубокие каверны, которые тут же затягиваются вновь.

Двунадесятый Дом слышал его голос сквозь шипение пневмоочистителя, но не отвечал до тех пор, пока не расчистил площадочку три на три метра, и напарники теперь стояли на сухом. Ствол очистителя накалился, и ему нужна была передышка. Края площадочки начали оплывать.

– Ты хочешь версию? – осведомился Дом. – Их есть у меня... Вирус продолжает изменяться в этих оригинальных двенадцатиногих контейнерах. Или джунгли со временем утратили иммунитет. Это ведь штука приходящая... Еще вопросы есть?

– Ты не знаешь, где наш экскаватор? Никак не могу найти... – пожаловался Платон, сделал шаг в сторону и, взмахнув руками, провалился с головой.

Теперь на очереди был участок номер два – развалины форта в Большой Белой долине, которая тоже стала сплошь зелена. В этом форте аборигены хранили множество космических сувениров. Вот только никто не знает, каких именно.

Надо сказать, форты на Тиугальбе были построены в незапамятные времена. В них столетиями размещали армейские гарнизоны. Затем складировали боеприпасы и военное имущество. Еще позже их переоборудовали в хранилища золотого запаса и денег. Потом, видно, рассудили: а почему бы не хранить там и галактические редкости?

Поначалу все складывалось удачно. Работа шла почти вдвое быстрее, чем на первом участке. По уже отработанному сценарию один из напарников перетаскивал груз, а другой разбивал лагерь и готовил плацдарм для начала раскопок. А потом случилась беда.

Платон перевозил экспедиционное имущество из лагеря на горе Хамбаус в Большую Белую долину. На шестой ходке антигравитационная повозка оказалась на поляне. (Изредка джунгаи расступаются, чтобы потом сомкнуться вновь.) Как назло, в это время орбитальная крепость карантинщиков пролетала над экватором Тиугальбы – всего тремя градусами севернее. Приборы кибернаблюдения засекали внизу некое искусственное тело, и лазерные пушки Лиги дали залп.

Обугливались стволы деревьев, кипели и испарялись соки, бурлившие в эластичных трубах сосудов, пылали ветки, разевая хищные пасти, сгорали налету крылатые твари, горели тюки на разрезанной надвое повозке. Археолог лежал рядом, с головой зарывшись в податливый теплый перегной. Лежал без движения, снова и снова повторяя про себя буквы древнегреческого алфавита, пока не обнаружил, что новых залпов нет, а огонь подобрался совсем близко и начинает облизывать его левый башмак.

Зверодревы собрались в круг и, конвульсивно сокращая ветви, стали брызгать зеленым соком. Струи с шипением ударяли в огонь. Вскоре коллективными усилиями пожар был потушен.

Потери экспедиционного имущества были тяжкими: уничтожена одна из больших палаток, завернутые в водонепроницаемую ткань запасной лазерный бур, запчасти мини-экскаватора и один из фрагментов антирадарного щита. Хорошо, в эту ходку Платон не перевозил взрывчатку или баллоны со сжатым воздухом... Однако гибель повозки ставила под угрозу само продолжение раскопок.

Археолог явился во второй полевой лагерь с одним рюкзаком. На него жалко было смотреть: весь в саже, хромый, понуривший голову.

– Что с повозкой? – первым делом спросил ходячий муравейник.

– Накрылась медным газом, – ответил Платон упавшим голосом.

Непейвода схватился за голову (вернее, за шлем) и так ее потряхнул, что испуганные «мураши» посыпались в ворот скафандра. Целую минуту у Дванадесятого Дома была только половина лица.

Для порядка поругав археолога, Дом замолк и принялся выстукивать пальцами странную мелодию на складном столике, Платон не мешал ему думать. А потом Непейвода принял решение, на мгновение включил тахионный передатчик и бросил в микрофон одно-единственное слово на родном языке.

– Теперь надо ждать, – сказал он угрюмо.

– Чего? – Археолог поднял глаза.

– Если рои по-прежнему выются над планетой и нет запрета подчиняться моим приказам, они спустятся вниз.

– И?

– Соберутся вместе и будут таскать наши грузы.

– Так чего ж ты с самого начала?..-вскинулся Платон. –
Глядишь, мы бы уже домой летели!..

– А где твое секретное оружие? – огрызнулся Дванадесятый Дом. – Почему не гоняешь своим «пугачом» этих тварей? Небось, бережешь на крайний случай...

– Берегу, – честно признался Рассольников.

– Тогда молчи, – буркнул Дом.

Кибермухи появились только через час, когда их и ждать перестали. И тут же убыли в старый лагерь. Платон собрался было в обратный путь, чтобы руководить погрузкой и сопровождать носильщиков.

– Совсем дурной? – хохотал Непейвода. – Рои– мои глаза и уши. На что ты им сдался? Помогай лучше здесь...

Кибермухи трудились на славу: перевозка имущества шла теперь втрое быстрее. А раскопки форта заняли четыре дня и закончились ничем. Золотыми горшками тут и не пахло. Из золота были сделаны артефакты цивилизации крабовидных войтзеков: сосуды для благовоний и церемониальные панцири для придворных. Полный швах...

Глава 12

Снайперский выстрел

«Фортуна, везение, пруха, фарт... В каждой языке и сленге непременно есть одно или несколько слов, обозначающих удачу. И неудивительно. Ведь удача – одно из условий успеха в любом деле. Особенно в археологических раскопках. Порой самое главное условие.

Как известно, настоящее чудо требует тщательной, кропотливой подготовки. Так и везение не вырастает на пустом месте, если, конечно, Боги не решат подшутить над нами, жалкими смертными. Тогда наибольший успех сопутствует самому тупому из профанов и самому ленивому из лежебок. По счастью, Боги не часто балуют нас своим вниманием. И потому трудись, копатель, напрягай бицепсы. Глядишь: на дне самой глубокой ямы тебе улыбнется счастье...»

Документ 12 (отрывок из мемуаров черного археолога)

– Бог любит троицу, – разговаривал сам с собой Платон, готовясь развесить над столом очередную карту. Он твердо решил отказаться от первоначального плана действий, который был основан на скрупулезно рассчитанных «Оболтусом» вероятностях успеха. – Третья попытка будет побед-

ной, – он словно уговаривал сам себя. – Брошу свежий взгляд и сразу попаду в точку. Так и только так... Или лучше выбирать место наугад? Зажмурю глаза, ткну пальцем в список... Нет, полагаться на слепой случай нельзя. Мне никогда не везло в лотерею,

Голографическое изображение нового участка тигуальбской поверхности смятой тряпкой выплыло из недр карманного компьютера и развернулось в цветной прямоугольник размером в полстены. Это была карта участка номер 15. Там находились развалины большого города и имелось золото. Много золота. Аборигены, как и древние земляне, обожали желтый металл.

Археолог уставился в коричневые, желтые и зеленые разводы на карте. Уже тринадцатая по счету карта за день. И каждую надо повертеть так и эдак, поглядеть на просвет, увидев что-то особенное или ни хрена.

Ходячий муравейник торопил с началом третьего этапа экспедиции, а котелок у Платона к вечеру, как назло, почти отказался варить.

– Ну что, Архимед? – заглянул в палатку Непейвода. – Нашел свой рычаг?

– Может, чайку попьем? – предложил Рассольников. – А потом я еще немного помозгую.

Двунадесятый Дом укоризненно покачал шлемом, а потом махнул рукой, мол, что с тобой делать...

Платон заваривал чай по всем правилам, а значит, весьма

неспешно. Прогреть чайник, засыпать заварку – ровно пять щепотей, ни больше, ни меньше. Залить кипятком, дать настояться, потом долить кипятком под крышечку и еще подождать...

Дом снял скафандр и чинно сидел рядом, предаваясь каким-то своим муравьиным мыслям. Глаза его невидяще уставились в стену, завешенную плакатом с рекламой дамских купальников. Повесил плакат, понятное дело, Рассольников. Смотреть на этих земных девочек было одно удовольствие.

– О чем грустишь, шуршала? – благодушно осведомился археолог и втянул носом воздух. Из раскрытой жестяной коробочки с настоящим цейлонским чаем дохнуло таким земным ароматом, что у него даже голова закружилась.

– Пытаюсь представить, как изменится наша жизнь после того, как... – заговорил было Непейвода – и подавился словами, спохватившись, что болтает лишнего.

– ...мы найдем горшок? – закончил фразу Платон. – Ну и? Дванадцатый Дом хмуро пошевелил ушами и сменил тему:

– Так ли вкусен этот ваш чай, как уверяют некоторые черные археологи?

Платон не стал спрашивать о будущем и сказал:

– Чай бесподобен.

– Дай-ка попробовать, – неожиданно попросил Дом.

Литровый чайник был готов поделиться божественным

напитком из молодых листочков чайного куста, что выращен на пологих склонах горы Пидуруталагалы и собран на рассвете руками юных девственниц.

– Какие лекарства мне держать наготове? – шутливым тоном осведомился археолог. – Автомедик не запрограммирован лечить насекомых.

– Самое дорогое лекарство – это терпение, – философски вымолвил Двенадесятый Дом.

В это время за стенами палатки топтались настырные зверодревы. Обступили заграждения и раздраженно размахивали ветками. Как бы ни хотелось, но сунуться в лагерь они не решались. Напарники до того привыкли к их присутствию, что вовсе перестали обращать на них внимание.

Археолог налил красновато-янтарной жидкости в расписную пиалу и церемонно подал ее Непейводе. Муравейник торжественно принял пиалу и поднес чуть шевелящейся рукой к шевелящемуся же лицу. Удлинив нос, он превратил его в хоботок и разом лишился человеческого облика. Тонкая цепочка «мурашей» дотянулась до поверхности напитка. Процесс питья тоже был неспешен и весьма необычен: крайние «мураши» пили обычным порядком, следующие высасывали воду у них из брюшек – и так звено за звеном.

Дом прервал процедуру, блаженно вздохнул и зажмурил глаза. Платон уже выпил свою первую пиалу. Чай был изумителен. «Не поговорить ли нам на политические темы? – подумал он. – Только истинные мудрецы могут оценить пре-

лесть чая и только они способны заглянуть за кулисы политических игр, которые не прекращаются ни на мгновение».

– К чему эта игра в прятки? – заговорил Рассольников, снова наполнив пиалу и прихлебывая несладкий чай маленькими глотками. – Почему ваш Совет не обратился с официальной просьбой к Лиге Миров? Карантинщики сами сопроводили бы «Оболтус» на поверхность и охраняли во время раскопок.

Дом Симбионтов нахмурился.

– Что ты вообще знаешь о Лиге? – осведомился он с легким Раздражением.

Платон хмыкнул и заговорил с видом обиженного отличника, который вынужден отвечать на уроке давным-давно изученный и скучный материал:

– В Галактике Млечный Путь и Магеллановых Облаках уже более шести веков существует межзвездная структура – Лига Миров. Теоретически все участники Лиги вошли в нее добровольно и полностью равноправны. Существовая на взносы цивилизаций, она действует согласно Уставу и призвана не допускать вооруженных конфликтов между ними и защищать общие интересы любых разумных рас. Соответственно, Лига располагает единой системой тахионной связи, сетью военных баз и собранным с бору по сосенке боевым флотом...

Он глянул на Непейводу и обнаружил, что «мураши» стали отваливаться от его лица, шмякаясь на скатерть. Напив-

шись до отвала, они впадали в спячку.

– Ты почти дословно повторяешь текст из официального сайта Лиги, – печально произнес Дванадесятый Дом и выронил пиалу из ослабевших рук. Археолог едва успел поймать редкий сосуд над полом. – Извини... – пробормотал Дом и обвалился на спинку складного стульчика. Его клеточки продолжали вырубаться одна за другой, но коллективный разум еще функционировал. – А ты знаешь... что ответил Департамент Оперативного Реагирования... когда правительство планеты Таменгонт... умоляло спасти население... от нашествия звездной саранчи?

Он едва ворочал вдвое укоротившимся языком, так что Платон понимал его не без труда. Непейвода развалился на стульчике, свисая со спинки, как большущая куртка. Не дождавшись от археолога ответа, Дом Симбионтов сам ответил на свой вопрос:

– Что присвоит запросу... приоритетный пятизначный номер... И первое слушание дела... из-за его экстраординарности... состоится всего через восемь месяцев... Как правило, для принятия окончательного решения... требуется несколько слушаний... Перерывы между ними составляют месяц-полтора... В обычном же порядке... планеты стоят в очереди... по десять-пятнадцать лет.

– Ну, если дело только в бюрократической волоките... Коли горшок хранился на Тиугальбе шесть веков, вы могли бы еще немного подождать.

– Главная проблема не в этом... Я просто показал тебе... их отношение к бедным и отсталым планетам... Могучие цивилизации... всегда идут вне очереди.

Двунадесятый Дом замолк, все усилия направив на организацию нового рта взамен рассыпавшегося. Когда рот удалось собрать из клеточек рук и ног, которым почти не досталось чаю, он продолжил злым голосом:

– Суть в том, что эта червивая Лига – всего лишь фикция, парадная витрина, а за ней вечная грызня, борьба за власть. Ее штаб-квартира с недавних пор переместилась на искусственную планету Аламагордо в системе Альдебарана, ближе к Старой Земле. И значит теперь главенствующую роль в Лиге, которая охватывает больше тысячи колонизированных планет, играют представители ООН и ее союзники. Срок исковой давности истек, обвинения в ксеноциде, совершенном во время Второй Конкисты, официально сняты, и теперь уже ничто не мешает твоим соплеменникам контролировать всю Галактику, за кулисами дергая за ниточки.

– Я имею такое же отношение к Совбезу ООН, как и ты, – на всякий случай заметил Платон. – Ну, хорошо... Теперь у руля земные бюрократы. Раньше были какие-то другие. И чем эти хуже прежних? Что изменилось? Чем их политика грозит ФФФукуараби?

– Долгое время сохранялось хрупкое равновесие между несколькими крупными федерациями планет. Слабые цивилизации могли лавировать, входить в союз то с одной, то с

другой силой. Порой царю обезьян удавалось сравить тигров между собой...

Непейвода в очередной раз поразил археолога знанием земной истории и мифологии. И Платону подумалось: «Уж не поработал ли ты, голубчик, на Старой Земле? Вернее сказать, не пошпионил? Любое посольство только этим и занимается. Хотя какое мне дело?.. Вполне логично, если работать с человеком посылают специалиста по земной цивилизации. Муравейник-дилетант давно бы уже закусал меня до смерти...»

– Теперь вся реальная власть сосредоточена в одних руках. И нынешние руководители Лиги уже не дадут появиться на галактической арене новой силе, способной конкурировать с ООН. Они вообще не позволяют ничего менять. Даже наш кровный интерес к золотому горшку их пугает. Просить у всевластного Департамента Оперативного Реагирования разрешение посетить Тиугальбу было рискованно. И все-таки Совет Домов Симбионтов вел такие переговоры. До Генеральной Ассамблеи вопрос, понятное дело, не дошел. Его похоронили на полдороге... А в результате Лига предупредила термопсисов, что их исконный враг активизировался, а также послала агентов убить тебя. Теперь вот пытается сбить «Оболтус».

– Так что же: карантин нужен Лиге, чтобы не допустить вашего брата к золотым горшкам?

– До недавнего времени Лига и знать о них не знала. Ка-

рантин нужен ей... – Непейвода замолк и попытался собраться, ибо уже окончательно растекся на стуле – скоро и вовсе окажется на полу. – Нужен, чтобы под рукой, наготове был этот самый вирус. Как тебе эта версия?

Вариант Платону совсем не понравился.

– По-твоему, им мало другого оружия? – с сомнением произнес он. – Почему бы тогда карантинщикам не вывезти статуи на какую-нибудь сверхсекретную военную базу? Здесь же сотни глаз...

– Может, только спутники-шпионы их и останавливают – предположил Дом. – Но при форс-мажоре они стесняться не станут. Кстати, рядовые карантинщики, скорей всего, не в курсе и уверены, что оберегают идиотов вроде нас и остальную Галактику от смертельной угрозы.

И тут археолога осенило. Он не стал подобно «Оболтусу» и Непейводе кричать «Эврика!», а лишь звонко шлепнул себя по лбу. Слишком долго мирился с навязчивой идеей муравейника и не видел очевидного. Тот считал: если начинка золотых горшков – это святое, то и аборигены должны были беречь их как зеницу ока. Но тиугальбцы вряд ли дорожили фффукуарабскими трофеями. Горшки для них – всего лишь идеальные холодильники.

Теперь для Платона было яснее ясного: надо раскапывать руины тиугальбских городов – тех, где до самой катастрофы жили аборигены. Они наверняка использовали горшки по прямому назначению.

– Что случилось? – спросил Дванадесятый Дом. – Ты что-то забыл?

– Вспомнил. Собирай манатки. Мы будем раскапывать Кихтар.

Ближайший мегаполис тиугальбской цивилизации – Кихтар вместе с другим крупным городом Уширом замыкал перечень скоплений золотых предметов, которые обнаружил спутник. Занимая больше ста квадратных километров, Кихтар был самым крупным объектом раскопок. ФФФукуарабский интроскоп обнаружил целых четыре золотых пятна – на его противоположных концах.

Ходячий муравейник недолго сидел с открытым ртом. Затем он вскочил на ноги и побежал сворачивать лагерь. Он поверил Платонову шлепку – не каждый сумеет извлечь из самого обычного лба столь чистый звон...

Грузы были доставлены на место, разбит очередной лагерь. И раскопки пошли обычным порядком. Платон находил погребенные под слоем почвы скопления золотых предметов и, весело насвистывая, рыл шурфы. Бродячие джунгли упорно лезли на территорию раскопок. Неутомимый Непейвода отгонял их все теми же феромонами, при этом успевая прикрыть мини-экскаватор от наблюдения с орбиты. Теперь каждый мог делать свою работу с завязанными глазами.

Индикатор универсального интроскопа наливался зеленой, говоря о близости искомым предметом. Золотые штуковины были рядом – в пятидесяти метрах от поверхности.

Казалось бы, дело за малым: копай глубже – бросай дальше. Но все было не так просто.

Исполинские колонны разрушенных храмов Кихтара лежали вповалку и были главным препятствием на пути экскаватора. Крушить их рука не поднималась. Приходилось расширять фронт работ, превращая шурфы в раскопы, которые гораздо труднее замаскировать. Платон подкапывался под колонны, роя туннели к заветному золоту.

Сплюсненные упавшими колоннами металлические экипажи напоминали древние земные трамваи. Рассольникову некогда было разбираться в их конструкции, но, похоже, это были магнитопланы. Еще ему попадались не то люки городской канализации, не то щиты гладиаторов, осколки тротуарной плитки либо настенных мозаик, разбитые урны для мусора или же сосуды для благовоний, расплюсненные автоматы с газировкой или кабины телепортации. Сразу не разберешь...

Археолог приходил в отчаяние: он проник в культурный слой чужой исчезнувшей цивилизации, а времени изучать его не было. Совсем. Одно это могло свести с ума. «Мы здесь не за этим! Как-нибудь в другой раз», – снова и снова повторял про себя Платон – не помогало. И потому он стискивал зубы и копал, копал, копал – как автомат...

Сначала археолог добыл золотые погребальные вазы для пепла. Это были подлинные произведения искусства. Поздневековой Шиусс из созвездия Тельца. Но что прикажешь

с ними делать, если «Оболтус» – не грузовик, а Двенадесятый Дом отнюдь не собирается бросать здесь, на Тиугальбе, экспедиционное имущество. Муравейнику предстояло сдать его на ФФФукуараби под расписку а потом писать длиннющие рапорты о потерях. Однако ж пару самых красивых ваз было решено взять с собой. Каждая по пуду весом.

Второй шурф принес напарникам шесть ритуальных золотых секир и россыпь мелких монет с Загара. Этими монетками насильно кормили не чистых на щупальце чиновников, а потом долго и мучительно рубили им головы тупыми секирами. Жестокую традицию, получившую распространение на дюжине планет, в свое время запретила Лига Миров. Из-за этого едва не вспыхнула звездная война.

Бог, как известно, любит трицу. Непейвода хорошенько помолился своим муравьиным богам, Платон наудачу кинул кости и выпало ему две шестерки. Значит, сейчас должно повезти.

Археолог начал копать. И едва ковш мини-экскаватора задел обломок сложенной из каменных блоков стены, Платону почудился какой-то странный звук.

– Постой-ка, – передал он по рации Двенадесятому Дому, который отбивал атаки джунглей, – Послушай...

Скрипели стволы и корненоги зверодрев, воспользовавшихся затишьем и поперших к шурфу. Стонал ветер в кронах паопапов и псевдобаньянов. Пищали, шипели и квакали мелкие обитатели бродячих джунглей. Шурша, ссыпался

вниз песок – надо не полениться и связать цементатором. Все как обычно.

– Я продолжу, а не то они нас затопчут, выждав полминуты, сообщил Дом.

– Давай.

Археолог подрегулировал мини-экскаватор и снял еще один, тончайший слой глины. Каменная стена тысячелетней давности обнажилась: коричневые, серые, синеватые камни, скрепленные раствором на яичном белке. На некоторых камнях что-то написано – на тигуальбском, понятное дело. Можно расчищать – и в музей. Вот только не нужна стена никому.

– Где штуковины-то? – спросил ходячий муравейник, отогнав очередную банду зверодрев, которую возглавляла старая, сплошь покрытая шрамами псевдоакация с ядовитыми шипами в руку длиной.

– Под стеной. Погоди маленько...

Тут раздался явственный скрип какого-то механизма, пощелкивание – словно стиральная машина переключалась с программы на программу, затем вибрирующее гуденье компьютерного сканера.

– Эй! Тут!.. – только и успел произнести Платон, а из-под земли полезли металлические членистые змеи со стеклянными глазами. Они и не думали кусаться, они всего-навсего уставились на него, пристально рассматривая, а потом их глаза вдруг засветились красным.

Стена дрогнула, и вслед за змеями на поверхность начала выбираться ошестиненная остриями машина. Острия светились нехорошим голубым светом. С них на землю стекали электрические разряды. Запахло озоном и горелыми сковородами.

Единственным оружием археолога была саперная лопатка. Он попытался дать деру, споткнулся об одну из ног мини-экскаватора и растянулся на земле.

У Непейводы тоже не было при себе ни бластера, ни дезинтегратора. Только распылитель феромонов да полицейский станнер, который не мог парализовать даже зверодревы, хотя его выстрелы для них весьма чувствительны. Машину станнером тем более не остановишь. Но Дом не думал о бегстве. Он подскочил к мини-экскаватору, развернул его и дал полный вперед, направив ковш на глазастого электроежа.

Проснувшаяся от шестивекового сна машина не стала ждать, пока ее подденут ковшом, и выстрелила в мини-экскаватор лиловой молнией. Двигатель рванул, и агрегат обуглился. Теперь экспедиции нечем будет копать. Конечно, если кто-то уцелеет...

Платон вскочил на ноги и ринулся в большую зеленую палатку, где хранилось экспедиционное имущество и оружие. Он хотел разнести охранный механизм в клочья. В тот же миг тент вспыхнул у него над головой и исчез вместе со сверхпрочными стойками. Невидимая рука подняла архео-

лога в воздух и швырнула спиной об землю. Это орбитальная крепость немедленно засекала высоковольтный разряд и дала залп.

Когда Платон встал и отряхнулся от пыли, открывшаяся взору картина поразила воображение. Залп превратил шурф в глубокую воронку— с гладкими стенками, покрытыми слоем расплавленного металла. Это было все, что осталось от охранной машины тиугальцев, металлических змей-наблюдателей и обломков мини-экскаватора.

Рассольников крикнул, отряхнул скафандр и принялся за работу. Установил рухнувший защитный экран, достал из контейнера запасной тент и стойки для новой палатки, вынул из футляра интроскоп и проверил, осталось ли что-нибудь от золотых предметов. Двенадесятый Дом сидел на песке и вместе с десятком любопытных молоденьких зверодрев следил за происходящими событиями, словно зритель на спектакле.

— Ты чего? — встревожился Платон. Уж не ранен ли напарник?

— Горшок погиб... — выдохнул Дом и поник головой. Он был в шоке.

— А вот ни хрена! — воскликнул археолог. — Золото было зарыто глубже. Стена его спасла. Хватит прохлаждаться! Надо убрать мусор.

В этот самый момент один из самых настырных паопапов, который уже несколько раз отгоняли с раскопок, решил по-

глядеть, что там такое интересное блестит. Едва не раздавив Непейводу, он проковылял на своих корненогах мимо лагерь и дотронулся кончиком корня до расплавленного металла воронки. Раздался вопль, и паопап как ошпаренный кинулся прочь, расшвыривая более мелких собратьев.

Двунадесятый Дом встал, встряхнулся, приводя «мурашей» в чувство, подхватил пневмоочиститель и двинулся к воронке. Платон принес из палатки отбойный молоток, расчехлил заветную крупновскую лопатку, и пошла плясать губерния...

Через десять дней после знаменитого шлепка по лбу Дом прижимал к груди золотой горшок размером с ископаемую мусорную урну и от волнения не мог вымолвить ни слова.

– Давай проверим, то ли мы нашли. – Платон протянул руку к заветному горшку, но клеточки Непейводы сами собой зашипели на него, как десяток встревоженных гадюк. – Ну, не дури. Нельзя же лететь назад, не убедившись, что все в порядке.

Ходячий муравейник отступил, обеими руками прижимая к груди горшок, и помотал головой.

– Перестань дурить. Ты же разумный чел... Дом Симбионтов, – поправился археолог.

– Нет-нет! – выкрикнул Дом в панике, отскочил к стене палатки, опрокинув складной стул. – Не могу!

– Черт подери!-разозлился Платон. – У тебя крыша поехала. Прими успокоительного, поспи маленько. А потом по-

глядим горшок.

– Нет. Мне строго-настрога запретили вскрывать горшок на месте, – упершись спиной в стену, уже спокойнее заговорил Непейвода. – Его будет распечатывать специальная правительственная комиссия. Она летит на военном корабле, который нас встретит. Не волнуйся: ошибки быть не может. Горшок – слишком дорогое устройство, чтобы хранить в нем какую-нибудь ерунду.

– Ты хочешь сказать, что мороженое бывает только одного, нужного вам вида? – усмехнулся археолог. – Будь по-твоему. Только потом не вали с больной головы на здоровую...

– Ты прекрасно справился с задачей, выполнил все условия контракта, и получишь вознаграждение сполна. – При этих словах Двенадесятый Дом отчего-то помрачнел. – Летим назад.

– То-то будет рад «Оболтус» – целый месяц пролежал закрытый в землю.

– Еще надо уйти отсюда живыми, – тихо проговорил Дом. И они это сделали.

Глава 13

В кипящем масле

«Корвет типа „Гарант" – боевой космический корабль, предназначенный для обороны планет, звездных поселений, участия в конвоях и несения дозорной службы. Водоизмещение 5200 тонн, гиперскорость 5 прыжков в час, гладкая скорость 32 звездных узла. Вооружение: 4 гиперторпедных аппарата с дальностью действия 10 парсек, 4 лазерных пушки „фойер", 2 зенитных дезинтегратора „деймос", 6 установок УРС класса „космос-космос ", 2 установки УРС класса „ космос-орбита „, 2 установки УРС класса „космос-земля“, минный трал гравитационной инициации, до 1000 гиперчувствительных мин, 5 космокаторов малой дальности, технические средства космического и орбитального наблюдения. Экипаж 36 человек. Может принимать на борт до 200 десантников.

С 936 по 968 годы Космической Эры на верфях трансгалактической корпорации „Норфолк Энтерпрайз" спущено со стапелей 152 корвета, которые были поставлены 18 государствам Лиги Миров. Кроме того, по ее лицензиям на иных верфях построено около 80 кораблей. В настоящее время, несмотря на техническое устаревание, в составе военных флотов Галактики находятся 43 прошедших модернизацию

корвета данного класса».

Документ 13 (статья Галактической Военной Энциклопедии)

Хитрость Непейводы была немудреной. На место последних раскопок рой кибермух доставил запасной тахионный передатчик и прямым текстом передал в эфир: «Объект найден. Корабль подбит. Прошу помощи».

В район передачи тотчас устремились шпионские киберустройства и боевые роботы – доселе прятавшиеся от карантинщиков под водой, под землей и в гуще бродячих джунглей. Орбитальные крепости сбивали нарушителей, но целей было слишком много, и часть прорвалась сквозь заградительный огонь. Тогда карантинщики бросили в бой шесть космокаторов.

Кибер-нечисть непрерывно бросалась друг на друга, пыталась защититься от огненного шквала с орбиты, огрызалась в ответ и яростно расстреливала источник передачи. Закрутившаяся в небесах карусель мигала десятками вспышек. На землю сыпались горящие обломки механизмов. На них набрасывались изголодавшиеся зеленые хищники, готовые заглотить не жуя антенны, плоскости крыльев и броню обшивки.

По оставленному на месте раскопок лагерю били все участники боя. Они нанесли сотни смертоносных ударов. Палатки были сметены с лица земли, стволы зверодрев, древние руины, тонны гумуса и песка взметнулись в воздух.

Горящие джунгли окутало густое черно-бурое облако.

Тем временем «Оболтус», по-прежнему находящийся на горе Хамбаус, был подготовлен к старту и только ждал удобного момента. Когда бой охватил всю территорию древнего Кихтара, кораблик стремительно стартовал, задействовав разом ионный двигатель, ракетные ускорители и гравитационную подвеску. А рои кибермух, сопровождавшие «Оболтуса», бросались на любого врага, пытавшегося преградить ему дорогу, слепили радары и электронные прицелы, забивали сопла двигателей и стволы пушек...

Кораблик прыгал в подпространстве, удаляясь от Тигальбы. Он шел навстречу фффукуарабскому военному кораблю.

Дом хранил сокровище в каютном сейфе и старался как можно реже покидать свою берлогу. После находки горшка его словно подменили. Он стал замкнутым и болезненно подозрительным. Платон несколько раз пробовал войти к нему в каюту – Непейвода под разными предлогами отказал. Тогда археолог пытался позвать его в гости – с тем же успехом. Разговор по внутрикорабельной связи не ладился. Из ходячего муравейника теперь было и пару слов не вытянуть.

Тогда Рассольников плюнул и занялся изучением трофеев астероида Чиуауа. Это была бездонная бочка всякой галактической чепухи, личных историй инопланетян и обрывков драгоценной информации, которая когда-нибудь ему непременно понадобится. Может быть, она озолотит его или спа-

сет от верной гибели. Когда-нибудь...

Прошло шесть дней после прорыва. И вот с ФФФукуараби поступила тахиограмма следующего содержания: «Кузнечик прыгнул на лепесток цветка». Как объяснил Непейвода, это была кодовая фраза, означавшая: «Корабль вышел. Встреча состоится в намеченном месте». Он сразу приободрился, хотя время от времени на его муравьиное чело опускалась тень.

Платон не решился спросить, а Двенадесятый Дом не делился своими печалью. Почему-то археологу казалось, что печали эти имеют отношение к нему, хомо сапиенсу Платону Рассольникову, любителю девочек и текилы, обладателю университетского диплома и немалого опыта полевых работ, имеющему обломки недвижимости на планете Гее-Квадрус и близких родственников на Старой Земле.

Корвет фффукуарабского флота «Фчераш» встретил их в девяти днях пути от Тиугальбы. «Оболтус» в очередной раз вышел из подпространства и остановился. Он ежился и громко вздыхал, видя, как из межзвездной бездны выплывает бронированная акула стометровой длины. Век бы ему не видеть легавых и вояк! Кораблик ежился, но терпел – куда денешься?..

В сравнении с космическими крейсерами и астроматками корвет был карликом и вооружение имел более чем скромное. К тому же он налетал не один десяток лет. Боевые рубки покрылись оспинами микрометеоритных ударов, а пучки антенн изрядно проржавели. Если это на самом деле был

самый мощный корабль ФФФукуараби, то, начнись война с Лигой, захватить планету разумных муравейников ничего не стоит.

Но даже этот несерьезный корвет по сравнению с «Оболтусом» казался настоящей махиной. Он нависал над корабликом, как «Титаник» над портовым буксиром. По-своему он был красив, этот корвет «Фчераш», если особо не приглядываться: серебристый, крутобокий, с орлиным клювом носа, словно бы нацеленный на бросок. И по-своему он был ужасен, несмотря на устарелость: мог в клочки разнести планету средних размеров и сотню таких лилипутов, как «Оболтус».

«Оболтус» был состыкован с «Фчерашем», и на маленький кораблик без приглашения заявили два человекоподобных образования, собранные из тысяч кибермух. Назвать их телами Платон не решился. Они оцетинились какими-то устрашающего вида устройствами и по огневой мощи наверняка не уступали самому фффукуарабскому кораблю.

– Это всего лишь почетный караул, – пояснил Дом, прежде чем отправиться на поклон к своему начальству.

– Сразу от сердца отлегло, – пробурчал в ответ археолог.

Ходячий муравейник даже не улыбнулся. Он был слишком занят важнейшим и ответственным делом. Торжественным шагом, держа на вытянутых вперед руках золотой горшок, двинулся он из своей каюты. Телохранители шли спереди и сзади.

По серебристой гармошке соединительного коридора Непейвода поднялся на борт корвета. «Оболтус» зарастил люк переходного тамбура, и Платон остался наедине с корабельным мозгом.

– Не хочешь поразвлечься, милочка? – взялся за свое «Оболтус». – Они там долго провозятся. Так и будешь сидеть, как на иголках? – Голос у него женский, грудной, плотоядный.

– Заботливый ты наш! Уймись! – в ответ брызгнул ядом археолог. – Лучше бы жучка на горшок навесил. Были бы сейчас в курсе.

– Тебе жить надоело? Они бы его сразу нашли и вообразили, что это ты шпионишь. Мигом бы взяли тебя в оборот.

– А ты разве не в счет?

– Меня так и так на куски порежут – на всякий случай, – со странной веселостью в голосе отвечал «Оболтус». – Вот я и хотел напоследок... душеньку потешить. А ты все чего-то боишься. Уж я бы не подкачал. Думаешь, я не вижу, как тебе в постели без бабы хреново? Как тебя перед сном крючит?..

Из репродуктора тахионного передатчика раздался звериный крик – крик боли и ужаса. Платон похолодел, волосы у него встали дыбом. Этот крик транслировали специально для него – муравьиного напарника. В предостережение? В наказание?

– Неужто облом? – изумился корабельный мозг, который ничуть не испугался. – Тогда еще поживем...

Ждать пришлось долго. Археолог извелся, бегал по рубке кругами, едва на стену не лез. Корабельный мозг его подшучивал, но Платону было наплевать.

Непейвода появился на «Оболтусе» только часа через полтора. На нем не было лица. То есть совсем не было. Впрочем, как и головы. Шлем скафандра был пуст, хотя ноги шагали, а руки отмахивали в такт ходьбе— в большей части скафандра клеточки оставались.

— Что с тобой?! — воскликнул археолог. Муравейник начал выстраивать себе новую голову. И, как только у него опять появился рот, ответил:

— В золотом горшке оказалось другое содержимое. Поэтому я наказан. — Голос его был тих и бесстрастен. — Каждая десятая моя клеточка казнена.

— Боже мой! — Платон был потрясен. Изуверство, первобытная дикость, торжествующая в новейшие времена. — И что ты при этом чувствовал?

* * *

— Тысячу смертей...

После этих слов Непейводы уже невозможно было стыдиться: мол, сам виноват — надо было тайком проверить горшок, а не носиться с ним, как с писаной торбой.

— Как? — негромко выговорил археолог.

— Их бросали в кипящее масло.

– Но был же приказ не вскрывать!

– Да... – голос Дома был мертвенно равнодушным. В нем словно душу убили. Выжгли этим самым кипящим маслом. – Но я не должен был ошибиться. Иногда надо уметь видеть насквозь...

– Бред! – в ярости закричал Платон. – Мерзавцы! Сначала обгадятся, а потом ищут стрелочника!

– Это вопрос жизни и смерти целой планеты. Я был обязан... – Двенадесятый Дом как будто пытался оправдать свое начальство. – Теперь придется вернуться назад и продолжить раскопки, хотя сейчас Тиугальба похожа на растревоженное осиное гнездо.

– Мне очень жаль, но это невозможно, – после долгого молчания сказал археолог. – Заплати мне и расстанемся друзьями.

– Ты не можешь так просто уйти и все бросить! – воскликнул Непейвода. К нему начали возвращаться человеческие чувства и интонации.

– Что все?! – вскинулся Платон. – Ты даже не сказал мне, что именно мы ищем! Я свою работу сделал. Разве не так? Выполняй свою часть сделки!

– Деньги уже на твоем счету. Можешь проверить. Но я прошу тебя остаться. Сделаем вторую попытку. Мы заплатим тебе вдвойне.

Археолог молча покачал головой.

– Я умоляю тебя! — в голосе Непейводы зазвучало отчая-

ние. – Если ты откажешься, а я моментально не найду тебе замену, меня могут расформировать.

– Это удар ниже пояса, – только и вымолвил Платон. Покреб подбородок и вдруг сказал: – Хорошо.

Ходячего муравейника встревожила поразительная легкость, с которой археолог принял решение. Непейвода взволнованно посмотрел на Рассольникова, ожидая продолжения.

– Но за эту безумную вылазку я назначу достойную цену. Вы должны исполнить мое самое заветное желание – сколько бы оно ни стоило. Сумеете задешево – ваше счастье... – Археолог никак не мог дойти до сути дела. Не решался произнести заветные слова, словно боясь, что карточный домик надежды тотчас рассыплется.

– Не тяни, ради святого Симбиоза! – взмолился Дом.

Платон глубоко вздохнул и изрек:

– Мне нужна вилла на Старой Земле.

Непейвода молча указал ему на дверь. Археолог не понял:

– Ты чего?

– Надо доложить Совету Домов Симбионтов. Побудь-ка в своей каюте.

Рассольников хмыкнул и пошел к себе.

В ожидании ответа Платон мерил шагами каюты. Двенадцатого Дома не было целый час. Археолог уже не знал, что и думать. Был уверен в одном: другой такой шанс ему вряд ли представится, и потому отступать не собирался. «Нет – так нет, – уговаривал сам себя. – Немедленно отправлюсь на

Гею. Пусть попробуют меня не пустить!» Еще как не пустят. Еще как...

Наконец дверь отворилась. Непейвода вошел в рубку. Лицо непроницаемое, спина прямая, походка чинная. Он даже моргать перестал и дышал через раз. Парадный бы ему камзол с орденой лентой через плечо, да брюки с лампасами – сошел бы за Чрезвычайного и Полномочного Посла этой самой ФФФукураби. Прошагал до единственного кресла, что росло из пола рядом с маленьким столиком, медленно опустился на него, замер, глядя перед собой.

– Что скажешь? – осведомился Платон.

– Договорились. – Всего одно слово. Разве поверишь, что все решено?

– У вас же нет таких денег...

– Ты прав: денег нет. Но мы уступим тебе здание нашего посольства. Тебе понравится. Это двухэтажный особняк на берегу Гудзона...

Больше Рассольников ничего не слышал. Он был далеко: там, где бьются о набережную Лонг-Айленда океанские волны, где светит неугасимый факел древней статуи, где рукой подать до лежащей на дне Атлантиды. А не понравится, он может продать эту хибару и купить себе что-нибудь поскромнее на карельских озерах или в Драконовых горах. Вся планета будет в его распоряжении...

– Очнись, – тронул его за плечо Дванадесятый Дом, и мираж растаял. – Дело за малым: надо вернуться назад и начать

все сначала.

– Ну, положим, не все, – Платон с сожалением вернулся к реальности. – На Чиуауа мы больше ни ногой. Это раз. Капсулу нам снова искать не надо. Это два. Все разведочные карты у меня теперь тут, – громко постучал пальцем по тебе. – Это три. Тиугальбу я уже понял. – Последнее слово он выделил особо. – Четыре... Есть еще пять и шесть. Но не буду компенсировать тебе мозги.

Непейвода с усилием состроил улыбку. Разговор с правительством ФФФукуараби дорого ему дался. Дом поднял себя с кресла, переструившись клеточками от колен из сидячего в вертикальное положение.

– Пойду готовить корабль к полету.

– Маленькая формальность, – прихватил его за локоть археолог. – Надо составить договор по всем правилам, получить визу высших чиновников ФФФукуараби и заверить договор у независимого нотариуса.

– Ты что, смеешься над нами?

– Ничуть. Слишком велика ставка – я хочу быть абсолютно уверен, что сделка не сорвется. Вдруг тебя убьют, а ваш Совет откажется от обещания? Или ты сейчас соврал мне, и Совет вообще не в курсе?

Двунадесятый Дом помрачнел, задвигал плечами, будто хотел отрастить крылышки и улететь куда подальше.

– Подписей членов спецкомиссии тебе достаточно?

– Совет будет лучше... – вкрадчиво произнес Платон.

– Тогда полетели на ФФФукуараби, – помолчав, предложил Непейвода. – Немедленно.

– Погодь-ка, – притормозил его Рассольников. – Есть еще одна загвоздочка. Ты должен мне сказать, что именно мы ищем. С этого надо было начинать. Мы бы не привезли какого-то дерьма, и клеточки твои были бы целы.

– Да ты охренел! – взвился Дванадесятый Дом. – Душу из меня вынимаешь!..

– Можешь отмолчаться. Но шансы на успех при этом падают втрое. Будем рисковать жизнью впустую... – проникновенно говорил археолог. – Если у тебя строжайший запрет, не обращай с такой просьбой к Совету. Просто шепни мне на ушко. Клянусь, что не разболтаю.

Непейвода покачал головой, понурился, долго просидел молча. Платон боялся громко дышать: вдруг спугнет муравьиную решимость. И вот в едва-едва шевелящемся лице Дванадесятого Дома что-то изменилось, просветлело, прояснилось – будто он мысленно махнул на все рукой: эх, была не была!

– Ты кругом прав. Это была наша ошибка, но Совет Домов Симбионтов даже предположить не мог, что в золотом горшке могут храниться... – он прикусил язык.

– Что именно? – негромко спросил археолог, глядя на него ясными глазами.

И в этот самый миг в каюте закрипел чужой голос на космолингве:

– Человек Платон Рассольников. Просим вас посетить наш корабль.

Платон вопросительно посмотрел на Непейводу. Тот отвел глаза.

– Зачем? Мне и здесь хорошо.

– Надо обсудить один важный вопрос, – после заминки ответил голос.

– Мы уже все решили! – крикнул Рассольников.

– Не все, – с трудом выдавил из себя Дванадесятый Дом. – Сходи. От тебя не убудет.

– Ты проводишь меня? – подойдя к двери, осведомился археолог. Он был уверен, что Дом ответит согласием. Но тот затравленно посмотрел на него и ничего не сказал. Платон вдруг понял причину отказа: Непейводе страшно возвращаться на место казни.

Археолог надел легкий скафандр и подошел к люку кессона. Корабельный мозг раздраил его. Можно было входить в соединительный коридор. Платон обвел глазами тамбур, словно прощаясь с «Оболтусом» навсегда, затем перекинулся парой слов с покойной мамой и легкой походкой, посвистывая, двинулся вперед. Надо было держать марку.

Коридор, хоть и был фффукуарабским, не кусался. В конце его виднелся корабельный люк с красным изображением муравья. «Что бы это значило? – подумал археолог. – Просто эмблема или предупреждение об опасности?»

Когда он подошел ближе, крышка люка с легким щелчком

распалась надвое. Платон, продолжая насвистывать марш, шагнул через порог. На него обрушилась темнота. Звуки застряли в глотке. Кто-то схватил его за руки и за ноги и понес в глубь корвета. Он не видел своих пленителей и даже пальцем не мог шевельнуть – так прочен был захват.

Внезапно носильщики остановились, раздался тихий скрипучий звук, совершенно не похожий на членораздельную речь, и вспыхнул свет. Археолог очутился в сферическом зале, стены и потолок которого были сплошь покрыты шевелящимся ковром из «мурашей».

Оказывается, Платона блокировал рой кибермух. Сейчас они поставили его на ноги, отлипли и черным вихрем унеслись обратно в корабельный коридор.

Сам по себе зал был пуст-ни мебели, ни приборов, ни иллюминаторов. Только посредине титанитового пола стоял, венчая хитроумную металлическую конструкцию, старинный медный котел с остывающим маслом. Разумные муравейники оставили экзекуторский котел специально – в устрашение человеку – или по случайности, но взгляд археолога снова и снова останавливался на нем, и по спине топотали липкие мурашки.

– Странное существо, – прошамкал возникший над его головой полуметровой величины рот. – Странное тело, странные мысли, странные поступки. Физиология определяет мышление и поведение. Все логично, – говорил рот на космолингве. Значит, его слова, в первую очередь, предназна-

чались Рассольникову.

Платон молчал, не желая прогневать высокую фффукуарабскую комиссию. Хребтиной чуял, что слова ему пока никто не давал.

– Оно довольно рациональное, – произнес другой рот, возникший из живого ковра напротив входного люка. Был он потоньше и вроде бы помоложе. – Видали и хуже. По крайней мере, оно доказало, что умеет копать землю.

– Разве мы позвали его, чтобы рассматривать? Обсуждать его стати? – недоуменным тоном осведомился еще один рот, народившийся за спиной Платона, прямо над люком. – Не посмотрелись на экране? Камерам не верите? – Голос его был больше других похож на человеческий, богат интонациями. Археологу он сразу понравился. Как видно, Платон подсознательно искал себе союзника. – Спешить надо, содомники мои. Враг не дремлет.

«Значит, Непейвода передавал им каждый мой чих, – с горечью подумал археолог. – И ни слова мне не сказал. Что это, если не предательство? Исполнение священного долга? Одно другого хуже».

– Ты прав, Единосемерной, – согласился тот, что помоложе. – Слушай меня, двуногий! – обратился он к Платону. Голос его стал ледяным и жестким, царапающим барабанные перепонки.

– Я слушаю. – Археолог был само смирение.

– Цыц! – рявкнул муравьиный рот. Несколько клеточек

от испуга даже свалились на пол. – Не вздумай надуть нас! Сбежать с найденным сокровищем! – выкрикивал он фразы, словно гвоздями плевался. – Не вздумай предать нас! Отдать нашим врагам! – Сделал паузу, а потом сказал тихим, но страшным голосом: – Мы тебя всюду достанем. Гляди...

Часть живого ковра понеслась во всю муравьиную прыть, обнажая кусок стены с экраном и панелью управления. Круговая волна удирающих клеточек откатилась и замерла, образовав что-то вроде лунного кратера. На экране виднелось шерстистое туловище «Оболтуса».

Несколько секунд в открытом космосе ничего не происходило. И вдруг одна из огневых башен корвета, занимавшая левый нижний угол экрана, повернулась. Взору открылся высунувшийся из амбразуры тонкий ствол лазерной пушки. Вспышка, еще одна и еще... Археолог не сразу сообразил, что огонь ведется не куда-то в межзвездное пространство, а прямо в бок живому кораблику.

Лазерный луч малой мощности вонзался в него то тут, то там. «Оболтус» корчился от адской боли, поджимал раненые места, как будто можно было увернуться от новых попаданий. И только криков археолог не слышал – это было немое кино.

– Прекратите! – заорал Платон. – Он же не виноват!

Лазерная пушка на экране стреляла, «Оболтус» содрогался... Живой ковер в куполе бурлил и пенился, выбрасывал гейзеры клеточек. Похоже, зрелище пытки доставляло До-

мам Симбионтам немалое удовольствие. В наушники Платонова шлема внезапно ворвался пронзительный, душу вынимающий визг кораблика. Археолог схватился за голову, приказал скафандру убавить звук вдесятеро. Совсем выключать не стал.

– Хватит! Я понял! – снова закричал Рассольников. – Я найду и отдам вам горшок!

Лазерная пушка прекратила огонь. «Оболтус» еще некоторое время дергался, потом затих, бессильно обвиснув на конце соединительного коридора.

– Ваши методы омерзительны. Чем вы лучше своих врагов?

– Не тебе судить о нас и наших делах, двуногий, – ответил ему Единосемерной. – Я вижу: ты запомнил увиденное. Запомни еще одно: мы выполним свое обещание, если ты исполнишь свое. Мы поклялись Царственной Матерью... А теперь иди.

Внутри кораблика все было не так. Тамбур перекошен, запасные скафандры грудой свалены в углу, коридор стал заметно уже и кривее. «Оболтуса» будто поразил жестокий приступ ревматизма.

Археолог словно пришел в госпиталь, чтобы навестить тяжело больного друга. Он хотел бы как-то приободрить его, но не мог подобрать нужных слов и боялся сделать еще хуже. Платон осторожно провел рукой по переборке. Остался влажный след – у кораблика выступила испарина.

Двунадесятый Дом по-прежнему оставался в каюте Рассольникова. Он лежал на его койке, вытянувшись во весь рост и сложив руки на груди, как покойник. При появлении напарника он вскочил на ноги и сел на стул. Археолог решил не показывать этому типу своих чувств и произнес так, будто ничего не случилось, будто они лишь на мгновение прервали разговор:

– Ты так и не сказал, что было в горшке. – Улыбочка и спокойный тон дались ему нелегко.

Непейвода открыл рот, закашлялся, а потом ответил столь же размеренным тоном – видно, пытался ему подыграть:

– Ты будешь смеяться: там лежали самые обыкновенные бифштексы. Шестивековой давности. Видно, тигальбцам попался пустой горшок, и они не нашли ничего лучше... Совет запретил его вскрывать из опасения, как бы не случилось что-нибудь с личинками. – У Платона уши встали торчком. – Попадет вирус или ты попытаешься их уничтожить. Ты мог сообщить о находке термопсисам, а уж они бы постарались истребить последних уцелевших Цариц. Бросили бы на это весь свой военный флот и десантный легион.

– Да с какой стати мне на них работать?! – возмутился археолог. – Они ведь хотели меня убить!

Самое главное сказано. Теперь муравейнику некуда отступить. Но и Рассольников повязан этой тайной по рукам и ногам.

– Мы слишком боимся, – проговорил Двунадесятый

Дом. – Ничего важнее для нас не существует. Тебе не понять...

– А я попробую.

Дом молчал, колебал плечи, шебаршился лицом, так что оно стало похожим на кучу еловых шишек. Наконец он заговорил:

– Итак, на Тиугальбе хранится золотой горшок с личинками наших Цариц. Он был похищен шесть веков назад. Мы убеждены, что он до сих пор не вскрыт.

– Откуда такая уверенность?

– Пока аборигены не погибли, они были заняты добыванием все новых редкостей. Они были уверены, что рано или поздно снова придет земной флот, и готовились к встрече. До поры до времени им удавалось тормозить Лигу... Тиугальбцы упорно что-то искали – скорей всего, супероружие. А все остальные трофеи тщательно консервировали, оставляя на потом. И вдруг джин вырвался из бутылки. Быть может, они нашли искомое, но не сумели с ним совладать.

– Чего не узнаешь на старости лет, – пробормотал археолог. «Так вот зачем тиугальбцы тащили к себе барахло со всех концов Галактики».

– Первоначально на ФФФукуараби жили семь видов разумных насекомых. Они находились на разных уровнях развития, но при этом непрерывно взаимодействовали друг с другом. В результате этого симбиоза возникли групповые сапиенсы. Мирмики-пронто исполняли командные функции, –

продолжал Непейвода. – Все наши Царицы погибли во время большой войны с термопсисами. Враг ударил по самому уязвимому звену, используя специально выведенный вирус. Тот в считанные часы уничтожил носителей половых клеток – Цариц и трутней.

По логике вещей рабочие и бойцовые особи должны были вымереть. Но нам помогла война. Во время боевых действий Царскому Кругу мирмиков-пронто приходилось посылать в дальние рейды небольшие корабли. И несколько миллионов клеточек удалось выдрессировать так, чтобы они могли на время операции образовать устойчивые разумные сообщества – Дома. Вот эти вернувшиеся из походов и еще не расформированные Дома стали стержнем новой цивилизации. Подчинив другие лишившиеся Цариц виды, мирмики-пронто сумели спасти уникальную культуру ФФФукуараби. Но все эти долгие века... – Непейвода замолк.

– Так вы – муравейники, лишившиеся матки, – поцокав языком, проговорил Рассольников. – И продолжаете тосковать по своим царицам, спустя века по-прежнему ощущаете свою обездоленность и неполноценность... – сделал паузу, переваривая услышанное. – А не приходило в твою шуршащую голову, что появившись матки снова, Дома навсегда утратят свою личность? Вы распадетесь на клеточки, миллиарды их соединятся, образуют единый рой. Неужели ты хочешь распасться? Ни за что не поверю. Я изучил тебя за этот месяц. Тебе нравится жить, ты любишь себя, ты...

Двунадесятый Дом помолчал, причудливо изгибая сочлененные из «мурашей» губы. Не стал отвечать на больной вопрос и продолжил:

– И еще одно: термопсисы в прошлом были частью нашей цивилизации. Да-да, когда-то они были такими же, как мы, разумными Роями. Они – потомки колонистов с ФФФукурабаи.

– Это был мятеж? Гражданская война?

– Все начиналось как обычная война за независимость колоний, а кончилось отрицанием самой идеи Роев и планетарного симбиоза видов. Хотя в Империи Термопсис до сих пор сохранились Царственные Матери, но теперь это огромные безмозглые фабрики по производству первичных клеточек. А самих термопсисов собирают на конвейере: из тысяч клеточек и разных приборов и механизмов – в зависимости от их конкретного предназначения. Так что они – в равной мере живые существа и машины.

– Я не понял: термопсисы хотят вас истребить или перестроить на свой лад?

– В случае их победы Дома будут расщеплены, а освободившиеся из-под контроля клеточки утилизированы в новых термопсисов.

– Значит, вопрос стоит только так: или вы, или они? И вместе вам не ужиться в Галактике?

Непейвода зашуршал затылком – энергичное копошение клеточек заменяло ему чесание оного. А потом, вместо того,

чтобы ответить на второй неприятный вопрос, он сказал в микрофон внутренней связи:

– Оболтус! Слушай мою команду: курс на ФФФукуараби, полный вперед.

– А мы уже давно летим, – буркнул корабельный мозг. – Не заметили?

За разговором напарники действительно прохлопали первый гиперпрыжок. «Оболтус» слишком хотел поскорее отчалить от проклятущего корвета и чиновных палачей.

Он бодро поскакал к планете разумных муравейников. Прыжок, пауза, снова прыжок... Самый обычный полет. Даже скучно.

Глава 14

Старые знакомые

«Мимикристы – очень старая раса. Она пережила взлеты и падения сотен галактических империй, при этом никогда слишком высоко не поднималась и слишком низко не опускалась. Всегда была на плаву, но и только. А все потому, что мимикристы категорически не способны на какое-либо творчество. Их цивилизация только использует чужие открытия, изобретения, технологии. Во всех сферах жизни. Уже проверенные временем, а потому устаревающие или совсем устаревшие. Но зато мимикристы и не совершают грубых ошибок, спеша обогнать конкурентов, вырваться вперед во всегдашней галактической гонке. Они успешно учатся на чужом опыте.

Такой подход к жизни – оборотная сторона физиологии мимикристов. Они обязательно принимают облик тех существ, рядом с которыми оказываются в ходе космических миграций. Мимикристы – вечные кочевники. У них нет прародины – то бишь планеты Исхода. По крайней мере, они говорят, что не помнят ее. Мимикристы принимают чужой облик, перенимают чужие традиции, втираются в доверие, паразитируют на теле другой цивилизации... В конце концов те,

другие, решают избавиться от паразита или гибнут, истощенные им до предела. Есть и третий вариант: вдосталь насосавшись, мимикристы уходят сами – в поисках нового объекта.

Мимикристы – очень странная раса. Даже с одиночками-мимикристами надо держать ухо востро. Для них нет ничего святого, не существуют такие понятия, как „любовь“, „дружба“, „долг“. Предадут, если это принесет хотя бы пару лишних монет. Но пока работа на тебя им выгодна, будут служить как 'верные псы. И все же есть несколько вещей, которые святы для мимикристов. Это...»

Документ 14 (из записных книжек ксенолога)

Перевалочная станция под гордым и непонятым для большинства транзитников названием «Эль-Гарда» вращалась вокруг ФФФукуараби на высокой орбите. Совет Домов Симбионтов категорически не разрешает инопланетянам высаживаться на поверхность их планеты. Не позволил он и строить там космодром. А потому Трансгалактической Транспортной Компании против обычая пришлось строить космический завод и собирать «Эль-Гарду» в космосе, понеся тройные издержки.

Согласно правилам, «Оболтус» подваливал к «Эль-Гарде» на медленных ионных двигателях. Он попросил дозаправку топливом и пристанище на срок до пяти суток. В ста тысячах километрах от цели его встретил и «обнюхал» фффукуарабский корвет, называвшийся еще страннее «Фчера-

ша» – «Фчедуш». Делал вид, будто не знает, с какой миссией здесь «Оболтус», – соблюдал секретность. Затем проверку кораблику учинила охрана Компании: по тахионной связи запросила судовые документы и просканировала генные карты экипажа. Не найдя ничего предосудительного, диспетчер станции дал добро на стыковку.

«Эль-Гарда» видом своим напоминала детский волчок, окруженный членистым бубликом. Были в древности такие штуковины. К бублику уже было пристыковано не меньше тридцати разнокалиберных кораблей и суденышек, включая такую махину, как круизный лайнер «Ольборг», и сияющую брильянтовыми шпангоутами прогулочную яхту императора Сыпачи. Из-за них станция казалась нагромождением разноцветных сигар, конусов, цилиндров, шаров и торов.

А сама планета ФФФукуараби только-только начала выплывать из солнечной тени. Она была прекрасна: бирюзово-суриковая, жемчужно-индиговая, лимонно-малахитовая, переливчатая, подернутая кружевной вязью облаков. Она притягивала взор, она звала к себе. На сидящего в командной рубке Непейводу было больно смотреть: он вцепился в подлокотники кресла, изо всех сил упершись ногами в пол, и тянулся, тянулся вперед – к экрану переднего обзора. Будто хотел нырнуть в него, чтобы прямо так – безо всякого корабля, без скафандра – ринуться на свою ненаглядную родину.

Двунадесятый Дом связался с Советом Домов Симбионтов и по закрытой линии обменялся несколькими шифров-

ками. В конце концов ему сообщили, что секретный договор будет готов через сутки, и потребовали, чтобы ни он, ни археолог все это время не покидали корабль.

– Ну уж дудки! – встал на дыбы Платон, и никакие уговоры не подействовали. – Я так долго не общался с себе подобными, что скоро шарики заедут за ролики. Мне надо расслабиться. Иначе от меня не будет толку на второй фазе экспедиции. Вдобавок, это общение может принести пользу. Наверняка здесь сшивается немало сапиенсов, которые делают деньги, продавая самую разную информацию.

– Проходимцев, – поправил ходячий муравейник.

– В первую очередь, – охотно согласился археолог. – Но от них гораздо больше проку, чем от чиновников или бумажных червей.

Непейводе нечем было крыть. И они пришли к компромиссу: совершить один-единственный поход в бар, Совету о вылазке не сообщать, идти вместе и вернуться обратно не позже полуночи. Дом ворчал, что ему вывернули лапки, а Платон был уверен, что и так сделал слишком много уступок.

В пассажирской зоне межпланетного космопорта, расположенной внутри волчка «Эль-Гарды», имелось три бара. «Джон Сильвер» был самым демократичным. Там расслаблялись звездные экипажи и одинокие космические волки. Туда надо идти, если приспичило подраться. Но сейчас Платон поклялся муравейнику вести себя тише воды, ниже травы.

«Кукуако» был весьма экзотичен по оформлению и кухне, служа пристанищем туристской братии и богатым путешественникам. Там скуотища, да и полезными сведениями не разживешься.

И наконец, третий бар – с традиционным названием «Приют пилигрима» – собирал под свои знамена всех остальных. Среди разношерстной публики наверняка найдутся интересные личности, порой там можно встретить и старых приятелей.

Платон надел свой белый костюм, впервые после старта с Геи-Квадрус достав его из гардероба. Законсервированный цветок кактуса, бамбуковая тросточка и соломенная шляпа с вентилятором снова были при нем. Археолог почувствовал прилив сил, он словно бы вернулся домой, в свой родной «Голубой трилобит» – с тем, чтобы приласкать милых крошек, по которым изрядно соскучился.

Двунадесятый Дом тоже приоделся: белый с синими полосками костюм для игры в лаун-теннис, который смотрелся на нем почти как смокинг, и легкие белые туфли. Можно было выходить. Платон внимательно оглядел напарника и не заметил ни оттопыренных карманов, ни кобуры под мышкой.

– Где ты прячешь оружие?

– Секрет фирмы, – улыбнулся Дом и отдал приказ «Оболтусу»: – На борт никого не пускай под угрозой взрыва. В случае чего зови: мы – тут же назад.

– Слушаюсь и повинуюсь, – ответил корабельный мозг гулким голосом сказочного джина. На том и расстались.

Дорога из эллинга к бару была недолгой. Последняя проверка документов, и движущийся тротуар помчал их по «бублику» станции. Он вынес напарников к транспортному коридору, проложенному в одной из спиц, которые соединяют «волчок» с причальным комплексом-«бубликом». Там пешеходов подхватили силовые рикши и за несколько секунд доставили в недра станции.

Гравитатор обеспечивал в помещениях «Эль-Гарды» приятную силу тяжести – две трети от земной. Везде было много народу: людей и инопланетян примерно поровну. А вот серых мундиров галактической полиции почти не видеть – даже странно.

Вывеска «Приют пилигрима» была видна издали: висящие в воздухе большие красные буквы, стилизованные под готический шрифт. У входа в бар толпились несколько разношерстных инопланетян. Могучий швейцар убеждал их, что свободных столиков нет и надо подождать. При виде Платона и Непейводы он вытянулся во весь двухметровый рост, расправил богатырские плечи и, организовав на лице дежурную улыбку, любезно произнес на космолингве:

– Пожалуйста, проходите, господа. – И гаркнул на забухтевшую было очередь: – У них заказано!

Когда напарники вошли в бар, они обнаружили, что свободных мест действительно немного, и все же вполне мож-

но было усадить страждущих. Другое дело, что каждая разумная раса, как правило, предпочитает общество себе подобных и не терпит за своим столиком чужаков. Вдобавок часть столиков оборудована для жителей конкретных планет с экстремальными условиями жизни, и инородцы там просто не сдюжат.

Археолог никогда не был на «Эль-Гарде», но зато побывал в десятках «Приютов пилигрима», раскиданных по Галактике. Он знал, где надо высматривать охотников за кладами, искателей удачи. Шуганув вертлявого официанта, сунувшего им навстречу, Рассольников в сопровождении Дванадцатого Дома продефилировал в дальний конец бара.

– Эй, Атлантида! Подруливай к нам! – замахал руками Кребдюшин Капоте, выделяющийся из общей массы выпивох черной повязкой на лбу и черным кружком на подбородке. Это была какая-то новая, неизвестная Платону мода.

Платон и Непейвода переглянулись.

– Я посижу неподалеку, подстрахую, – шепнул Дом. А сам подумал: «Лишь бы не перепил».

Археолог вразвалочку двинулся к шестиугольному столику, заставленному бутылками, штофами и графинчиками. Столик занимали шестеро сапиенсов – полный комплект. Кребдюшин щелкнул пальцами, и Рассольникову тотчас приволокли стул. Собутельники подвинулись, и Платон оказался в теплой компании. Народ уже изрядно принял на грудь и пришел в доброе расположение духа.

Тут были колоритные личности: сухопутная медуза с Фомальгаута по имени Охр-Рхо (сплошные складки пыльной кожи), пристрастившаяся к сухому мартини; полупрозрачный кентербериец в облике библейского старца, со стаканом шартреза в руке; апт с Мицелия-6, похожий на древнего мексиканца в сомбреро, с полей которого к пояснице апта тянулись слизистые тяжи. Апт, то бишь «автономное плодовое тело», был разумным грибом в длительной командировке и весь вечер сосал через трубочку настой земных мухоморов. Четвертым оказался безымянный сидун из Содружества Ориона, он походил на гибрид удава и дубовой колоды и пил исключительно бренди. Пятым был чепальский хилицефал, разом пользующий две пригоршни пробирок с граппой. Тысячеголов был одет в человеческий костюм ядовито-желтого цвета; из ворота нежно-лимонной рубашки вылезал целый куст маленьких головок на гибких длинных шеях. Их чешуя отливала медной патиной.

И наконец сам Кребдюшин: широкоплечий, мускулистый полукровка с осиной талией. Кудрявые черные волосы заплетены в дюжину косиц, длинный горбатый нос изрядно покраснел, изрезанные лепестками уши напоминают подготовленную к варке лапшу, из ноздрей растут седые остистые пучки, лишенные белка глаза похожи на спелые оливки. Эти жуткие глаза всегда улыбаются, но только им нельзя верить.

Полукровки появляются на свет, если разгоряченный землянин в ночном сумраке или алкогольном тумане не заметит,

что закадрил не такую же, как он, колонистку, а самку-мимикриста в период течки. Самку, которая на время утратила разум и ищет себе любого партнера. Мимикристы давным-давно научились принимать форму человеческой женщины и даже уяснили себе земные представления о женской красоте.

– Выпей с нами, Атлантида, и расскажи что-нибудь смешное. Наши закрома опустели, и мы скоро заснем от скуки, – пожаловался Кребдюшин и пододвинул Платону непочатый граненый стакан, выплавленный из настоящего речного песка.

– Что за пойло? – с подозрением осведомился археолог, посмотрев стакан с мутной жидкостью на просвет. Запах тоже был весьма сомнительный. – Паленая водка, настоенная на сушеной саранче?

Народ с готовностью расхохотался.

– Ну ты скажешь! Сразу видно: хохмач! – сквозь смех простонал полукровка. – Это лучшая фффукуарабская самогонка под названием «амброзия номер три».

– А текилы здесь нет?

– Только подделка. Редкостная дрянь. По-моему, ее гонят из листьев алоэ. Как говорится: лучше пить хорошую самогонку, чем плохой коньяк.

– Мда, – Платон в затруднении поскреб затылок, оглядел зал, ища взглядом Непейводу. Не обнаружил. «Хорошо замаскировался», – подумал он и вымолвил обреченно: – Уго-

ворил. – Демонстративно зажал двумя пальцами нос, поднял ко рту граненый стакан и стал глотать, мужественно двигая кадыком.

Вытерев рукавом непрошеную слезу, археолог отставил порожний стакан и первый раз выдохнул. Звук был такой: уфф-ха. Затем Платон промокнул губы и с шумом втянул носом воздух. Странно: у самого обычного кондиционированного воздуха появился земной аромат.

– Слышал я: ты сейчас на вольных хлебах, – протянул Кребдюшин. – Наверное, неплохо зашибаешь...

Платон Рассольников и Кребдюшин Капоте дважды вместе искали клады и второй раз даже нашли великолепную неразграбленную гробницу, хотя ничем хорошим это не кончилось.

– Когда как, – неопределенно покачал головой Платон.

– А я слышал, – проскрипел жаберной щелью Охр-Рхо, – что тебя разыскивает Галпол.

– За какие грехи? – изумился археолог. – Полная брехня, – небрежно взмахнул рукой, опрокинув на медузу стакан с тоником. – Извини.

Уж он-то лучше всех знал, каких усилий стоило Послу ФФФукуараби на Гее-Квадрус замять конфликт. С Платона и Непейводы были сняты обвинения в злостном нарушении безопасности полетов, провозе контрабанды, хранении наркотиков и так далее, а взамен Совет Домов Симбионтов обязался выплатить тамошнему космопорту кругленькую сум-

му.

– Слухи, человек... – закрипел Охр-Рхо, обтирая свою складчатую кожу. – Я их собираю... Якобы ты наследил на Тиугальбе и покушался на собственность Лиги.

– У меня есть кой-какие интересные карты, – встрепенулся разумный гриб, но полукровка его укоротил:

– Ты проиграл их мне в покер. У вас, поганок, слишком короткая память...

Апт понурил бородавчатое сомбреро шляпки. А Кребдюшин вопросительно поглядел на Платона.

– Если мне захочется в ад, я выберу что-нибудь менее ядовитое и менее зеленое, – с усмешкой произнес Рассольников. Хилицефал протестующе зашипел и втянул часть своих голов в ворот рубашки. – Что мне делать на Тиугальбе? Но старые карты я коллекционирую с детства и готов поглядеть ваше добро.

– Заметано, – кивнул полукровка и снова наполнил ему стакан.

«Амброзия номер три» больше не раздражала археолога. Вполне сносная самогонка. Платон слегка захмелел, отмяк и был не прочь поболтать. Но бдительности не терял.

Они поговорили о тантруальском кладе, который стоил целую планету, о проклятии «гробницы» Хазера, отправившем на тот свет экипажи нескольких кораблей, а потом вспомнили старые добрые времена – когда вместе с Кребдюшином перекидали не один состав глины, земли и песка. Не

вспоминали только о причине вы нужденного расставания.

Платон расслабленно сидел за столиком, попивая самогонку, и мог бы, наверное, просидеть так весь вечер. И вдруг заметил у стойки бара соблазнительную женскую попку, обтянутую темно-синим шелком. Археолог с удивлением обнаружил, что третий час пребывает на «Эль-Гарде» и еще ни одной ногой в постели. Это после месячного воздержания!

«Что же делается-то? – встревожился он. – Что со мной? На солнце перегрелся?» Удивление его было столь велико, что Рассольников присмотрелся к себе. Взвесил одно за другим свои чувства и ощущения. И поставил диагноз: с некоторых пор он испытывает необъяснимый страх перед женским полом. Признать в себе столь великий изъян было нелегко – гораздо проще убедить себя, что изрядно возвысился духом и стал презирать плотские утехы. «Клин клином вышибают», – решил археолог и как бы между прочим осведомился у полукровки:

– Где тут у вас водятся человеческие девочки?

– Я тебя провожу, – с готовностью воскликнул тот и вскопчил на ноги.

Обширный зал «массажного салона» освещали желтые настенные бра, выполненные в виде фаллических символов. Именно они и журчащая восточная музыка должны были создавать атмосферу интима. В воздухе висел смешанный аромат духов, дезодорантов и жидкости для снятия лака. Здесь также пахло распаленной страстью и сладостью оргаз-

ма. Этот букет был хорошо знаком Рассольникову. Его специально создают, чтобы приманить недалекого клиента, побыстрее привести его в экстаз и вывернуть карманы. Скорей всего, в подсобке гудит, помигивая лампами, старенький гипногенератор, который втрое увеличивает заведению оборот.

Мебель археолог не рассматривал, равно как обои и паркет. А девочки здесь были так себе – не чета любезным сердцу геянкам. Если не считать ту, что сидела за столиком и, помешивая ложечкой мороженое в вазочке, рассеянно слушала, как треплется расфуфыренный тип со множеством тоненьких рыжих косичек на голове.

Девочки были квелые, снулые – без огонька в душе. Можно сколько угодно строить глазки, задирать подол и массировать нечто, прикрытое ажурными трусиками, но от этой показухи теплее не станет. Наверное, потому и посетителей здесь было немного. Хотя, быть может, они сразу переключиваются наверх, в номера?

А в той крале, что мучает вазочку с мороженым, несомненно, сокрыт пламень живых чувств, еще не погашенный унылым профессионализмом. Она окинула Платона томным, оценивающим взглядом и тут же отвернулась. Дорого бы дал археолог, чтобы узнать, что именно девочка в нем высмотрела.

Ее стройная фигурка, длинные ноги, маленькая грудь, тонкие черты бледного лица, на котором яркими пятнами

выделялись бездонные глаза и чувственный рот, были, в сущности, самыми обычными. Таких юных красоток на каждой человеческой планете тыщи, если не миллионы. Но здесь, в окрестностях муравьиной планеты фффукуараби, на перевалочной станции, битком набитой всяким сбродом, она была одна. Потому что девочка мечтала о любви и, не находя ее вне стен салона, каждый раз отдавала себя всю, без остатка. Она была здесь не ради денег, она хотела поделиться своими нерастраченными чувствами и делилась ими сколько могла.

Широким шагом, развинченной походкой Рассольников направился к покрашенной матроне в сиреновом пеньюаре и сетчатых колготках, которые туго обтягивали ее полные ляжки. Кребдюшин предусмотрительно остался в дверях. Он безошибочно и задолго чуял опасность.

Заметив импозантного посетителя, едва он переступил порог, матрона вскочила с мягкого дивана, разбудив похожего на гориллу, дремлющего вышибалу. Поправила свой кружевной пеньюар, слегка обнажив идеально выправленную грудь, и стала прихорашиваться: одним движением взбила пену гуталиновых волос, распушила метелки ресниц и стремительно мазнула ослепительно-красной помадой по сочным губам.

Археолог смотрел на ее жалкие ухищрения, но не почувствовал ни жалости, ни отвращения. Матрона не существовала для него. В этом пропитанном вожделениями зале существовала только она, дрянная девчонка с тающим моро-

женым.

– Рада вас видеть, кабальеро, – попыталась найти верный тон хозяйка салона. От ее плотоядной улыбки у Платона мурашки побежали по хребту. Казалась, она готова живьем съесть нового посетителя. – Вы ведь здесь впервые... Чем могу служить?

– Здравствуйте, хозяйюшка, – Рассольников постарался не ударить в грязь лицом и галантно поцеловал ее пухлую ручку. От его ответной улыбки вспыхнули золотыми бликами хрустальные бокалы на низких столиках с резными тумбами. – Послужите мне, пожалуйста, рюмочкой ядреной текилы и юной кралей с дыханием свежим, как Цветок ландыша.

Платон сам от себя не ожидал подобного сладкословия. А на сияющее благожелательностью лицо матроны наплыла тень: этакое облачко легкой озадаченности. Археолог сходу загнал ее в угол. Как видно, текилой в «массажном салоне» даже и не пахло.

– У нас пьют французское шампанское, – с чуть поблекшей улыбкой произнесла хозяйка. – Можно послать в бар... – Уверенности в ее голосе не было.

* * *

– С текилой там столь же туго, – развел руками Платон. – А как насчет крали? – Он игриво подмигнул матроне.

«Ну уж этого добра...» – сказала ее круглая напудренная

физиономия.

– Вы небось уже кого-нибудь присмотрели, кабальеро?

– Само собой, хозяйюшка. Вот только... – Он кивнул в сторону косицеголового, который заигрывал с красоткой, и добавил совсем другим, строгим голосом: – Странно, что у вас позволяют отвлекать девочек от работы. – Археолог грозно сдвинул брови, чтоб никто не усомнился: клиент не шутит.

– Пойду узнаю, кабальеро. – Матрона мелкими шажками устремилась к занятому парочкой столику. – Он сказал, что присматривается, сделал заказ, – на ходу оправдывалась она. – Это солидный клиент...

– Солидный... – с сомнением протянул Платон. – Ну уж не сиятельнее меня, графа Платона Рассольникова.

Хозяйка подошла к обладателю рыжих косичек и, обняв его за могучие плечи, что-то зашептала ему на ухо. Тип повернул к археологу голову, и тот обмер. Перед Платоном был Адриан Папаиоану. Тот самый, что пытался убить его на Гее-Квадрус и был застрелен Непейводой. Или его брат-близнец. Или клон. Лишь с двумя отличиями от покойного агента: рыжим цветом волос и замысловатой – бабьей, как считал археолог, прической.

Папаиоану глянул на Рассольникова исподлобья, глянул – как из бластера пальнул. Узнал, стало быть... Матрона не заметила, каким взглядом «солидный» клиент одарил «сиятельного», и принялась расхваливать других своих работниц. Адриан упрямо качал головой, и тогда хозяйка предло-

жила выгодную сделку:

– Берите двух по цене одной. – По ее мнению, отказаться было невозможно.

– Я предпочитаю одну по цене двух, – ответил Папаиоану. Археолог хотел было вынуть из петлицы цветок кактуса, но передумал. Элегантным движением он снял белоснежный пиджак и кинул его на руки возникшему из воздуха кибергардеробщику. А тросточку свою он отдавать не стал. Со свистом крутанув ею в воздухе, он начал медленно приближаться к своему противнику.

Адриан Папаиоану привстал со стула, отстранил повисшую на нем матрону. Выпрямился во весь рост, выпятил колесом грудь (доселе выпячено было лишь его пивное брюхо) и начал снимать замшевую курточку. Она у него была вся увешана кисточками из лошадиных волос и усеяна начищенными медными бляхами. Под курточкой обнаружилась голубая джинсовая рубашка и белый платок на шее. На Адриане были коричневые джинсы с кожаными вставками, там где тело соприкасается с седлом, и невысокие сапоги со шпорами-колесиками. Кожа была натуральная и потому страшно дорогая. Этаким ковбойский стиль, принятый в Союзе Рио-Гранде и в Нью-Техасе.

– Прошу прощения, милейший, – усмешливо обратился к Папаиоану Рассольников. – Не вас ли я утихомирил на Гее-Квадрус месяц назад? – Скользнул взглядом по двери.

Кребдюшина Капоте и след простыл.

– Не бывал-с. А не вы ли в одних трусах удирали из борделя на Сан-Виценцо? – в тон ему ответил Адриан и в каком подобии улыбки очертил острые зубы.

Об этой печальной истории, произошедшей пять лет назад, знали единицы: охотники за кладами из банды Семирука, что обложили Платона в тот пыльный вечер, да дюжина тамошних путан. Такая осведомленность лишней раз подтвердила: тут нет удивительного совпадения. Этот парень имеет самое прямое отношение к покойному Адриану Папаиоану. А значит, и к его странной нелюбви к черным археологам.

Матрона, прижимаясь к стене, бочком-бочком пробиралась к своему единственному защитнику – вышибале. Для нее подобные ссоры были не внове. Вышибала встал в боевую стойку и вращал головой, переводя взгляд с одного бойца на другого. Ждал приказа. А девочка, из-за которой разгорелся весь сыр-бор, горящими от любопытства глазами следила за происходящим. Небось придет в неопиcуемый восторг от первого же обмена ударами.

– Не соблаговолите ли послушаться мадам? Она предложила вам богатый выбор, – поигрывая тросточкой, произнес Платон. Он по привычке давал сопернику шанс. Намек предельно прост: еще не поздно дать стрекача, сохранив видимость лица.

В руке Адриана невесть откуда появилась плетка-семихвостка с молекулярными лезвиями на концах. Одним взма-

хом такой «игрушки» можно до кости располосовать человеку лицо и выбить глаза.

– Я уже нашел себе киску, – весело произнес Папаиоану. – И я не стану преследовать вас, если вы решите покинуть эту обитель добродетели, – сделал он ответное предложение.

Теперь формальности были соблюдены. Можно начинать. Археолог почувствовал приток адреналина и произнес торжественно– так, как говорили его славные предки:

– К барьеру, мсье!

– Ваше шампанское, сэ, – раздался за спиной звонкий голос официанта.

Платон отвлекся на мгновение. Адриан взмахнул плеткой. Она со свистом разрезала воздух, спилив у белой шляпы Рассольникова переднюю часть тульи. Археолог забыл ее снять перед боем.

– Ах ты, черт! – вырвалось у него от досады. Любимый головной убор безнадежно испорчен. Где в этой дыре найдешь другую такую шляпу?

Платон все еще горевал, а его бамбуковая тросточка всю летала, отбивая новые атаки противника. Она двигалась так быстро, что стала почти не видна, сплошным щитом прикрыв хозяина. Но вот беда: отбивая удары плетки, она, хоть и редко, но встречала молекулярные лезвия – щепилась и теряла осколки. Через минуту в руках археолога останется лишь рукоять да измочаленный огрызок ствола.

Нынешний Папаиоану был гораздо более серьезным про-

тивником, чем тот, прежний. Он улыбался во весь рот, чувствуя, что может сделать с Платоном все, что пожелает. Он был абсолютно уверен в победе и только оттягивал ее, не спеша нанести решающий удар.

Рассольников, будто на уроке фехтования, вдруг сделал стремительный выпад, а из наконечника трости выдвинулся щуп металлоискателя. Адриан успел отскочить назад, повалив столик на кранию, замороженно следящую за ходом схватки. Девушка вскрикнула, бокалы с шампанским и вазочка с мороженым опрокинулись ей на колени и живот.

Матрона подхватила ее крик. Вышибала и остальные девочки онемело наблюдали, как два сумасшедших убивают друг дружку из-за десятикредитной шлюхи.

Платон наступал, используя длину своей «шпаги», а Папаиоану семихвосткой отбивал его атаки. Еще одно попадание молекулярного лезвия – и срубленный кончик щупа, звякнув, упал на пол. Археолог рассвирепел. Он вдруг понял: если сейчас не покончит с врагом, ему хана. Тросточка может рассыпаться в любой момент.

– А-а-ах!!! – Платон иступленно рубанул тросточкой воздух, она вырвалась из его руки и, как дротик, полетела в цель.

Адриан в последний миг сумел увернуться, но потерял равновесие и обрушился на соседний, пустующий столик. Тросточка вонзилась в косяк входной двери. Платон тигром прыгнул на Папаиоану. Сцепившись, они покатались по полу, сшибая стулья и столики. В этой драке не было ни капли

подлинного аристократизма, зато в достатке имелась благородная ярость.

Рассольников ошибся – не надо было ему переходить в рукопашную. На его горле сомкнулись стальные тиски вражьих пальцев. Сколько не лопать землю, а таких клешней ему за всю жизнь не отрастить. Платон понял, что горло не спасти, высвободил правую руку и начал молотить Адриана кулаком между ног. А противнику было хоть бы хны.

«Хана!» Археолог дернулся изо всех сил, крутанулся на полу, обрушив на себя и противника очередной столик. Без толку.

И когда черная пелена уже было отгородила его от мира, Платон вдруг почувствовал, что хватка врага ослабела. В пылу схватки он не заметил, что краля подскочила к катающимся по полу мужикам и фарфоровой вазой со всего маха хрястнула по башке Папаиоану. Она сделала свой выбор...

Здоровенная головища Адриана треснула и раскололась, как упавший на землю спелый арбуз. Девушка завизжала и бросилась к хозяйке салона. Археолог оторвал с горла руки мертвеца, отвалил его в сторону, встал на ноги, отдышался и, растирая онемевшую шею, нагнулся над поверженным врагом. Внутри пластикового черепа обнаружились микросхемы и тончайшие провода. Это был самый обыкновенный андроид.

...Три часа почти без перерыва граф Рассольников вкушал плоды своей победы. Их общей победы. Объятия были

страстны и поцелуи сладки. Наверное, краля по имени Зи-Зи знала толк в истинных аристократах духа и тела. Ну а Платон умел отплатить добром за добро, лаской за ласку и нежностью за нежность. Он приходил с другого конца Галактики и исчезал снова, не оставляя после себя долгих слез и проклятий. Пусть ненадолго, но он делал женщин счастливыми. По крайней мере, ему так хотелось в это верить...

Платон вернулся в бар «Приют пилигрима» в приподнятом настроении и в прекрасной физической форме – он словно помолодел лет на десять. Кребдюшин Капоте сидел за тем же столиком, но его собутыльников поубавилось: кроме разумного гриба, понуро притулившегося у стены, продолжал квасить только сухопутная медуза Охр-Рхо.

Медуза уже настолько назюзюкался, что не заметил возвращения археолога. Зато полукровка встретил бывшего сотоварища восторженным улюлюканьем и свистом. Приветственная песнь зазвучала особенно громко, когда Кребдюшин заметил на шее Платона синие отпечатки вражьих пальцев и принял их за следы страстной любви.

Археолог настолько подобрел и размяк, что выпил с полукровкой на брудершафт. Потом они отправились в номер гостиницы «Муравьиный лев», который снял полукровка по прилете на «Эль-Гарду». Гриб остался сторожить у дверей. Он проиграл в покер не только сундук старинных карт, но и свою свободу. Целый месяц он будет служить рабом Кребдюшину.

Платон знал, что мимикрист мухлюет, но не стал объявлять об этом во всеуслышание. Такого рода козыри лучше держать в рукаве.

Номер был просторный и богато обставленный. Имелся здесь виртуальный материализатор и даже кабина нуль-транспортировки. Правда, за нуль-прыжки нужно было платить отдельно. И вряд ли хоть один постоялец осмелился выложить целое состояние за сомнительное удовольствие мгновенно оказаться там, где тебя совсем не ждут. Что же касается виртуалки, то по ночам Кребдюшин и наверняка лепил из биопласта куколок, которых присмотрел в «Кибер Секс Мэгазин».

Мебель была хоть и пластиковая, но сделанная под старину. Реклама называет эти аляповатые виньетки и обильную позолоту «стилем Людовика XIII. Покойный монарх наверняка вертится в своем гробу – крутые сутки, без перерыва.

Встроенная бытовая техника оказалась на высоте. Особенно хорош был набор для душа, состоящий из трех кибер-гурий и иллюзорного моря с восхитительным коралловым рифом, чудесными атоллами и русалками на любой вкус. Отличить это море от настоящего мог только неизлечимый скептик или ученый-гидролог.

Кребдюшин изо всех сил старался быть радушным хозяином: достал из холодильника банку настоящих маринованных огурцов, упаковку копченых агапий (это чуть хуже, чем лососина) и объемистую фляжку со змеиной настойкой.

Гад ползучий уже почти растворился в спирту, в мутноватой жидкости плавал только маленький череп и свившийся в кольцо скелетик. Змее Платон предпочел бы красный перчик или горсть можжевельника, но сойдет и это...

Выпив по одной и аппетитно захрустев корнишонами, собутыльники дружно откинулись на спинку роскошного дивана.

– Я почти уверен: тебе нужен Новый Форт...– зашептал полукровка, как будто шепот может спасти от прослушки.

Рассольников молчал. Он не боялся говорить: Непейвода заранее установил, где живет Кребдюшин, просканировал его номер и, убедившись, что все чисто, сообщил археологу по сервисному браслету. Просто ему нечего было сказать.

– Возьми меня с собой, Атлантида! Я тебе пригожусь. – Хозяин не просил, он требовал. – С Кребдюшином лучше дружить...– Полукровка начинал говорить о себе в третьем лице, когда очень волновался или грозил. – Кребдюшин – полезен. Кребдюшин – хороший боец...

– И где этот Новый Форт? – делая вид, что не слышал просьбу, осведомился Платон.

– На дне океана у южной оконечности материка Бельдам.

Археолог скривил лицо, изображая глубокие сомнения. И полукровка попался на нехитрую уловку– вскочил на ноги, яростно замахал руками.

– Я объясню! Я докажу! – выкрикивал он до тех пор, пока Рассольников властным жестом не заткнул ему пасть и не

произнес веско:

– Сядь и говори. Только внятно, – велел Платон.

Кребдюшин сел и внятно заговорил:

– Когда к Тиугальбе подвалил флот Второй Конкисты, аборигены уже давно успели сгнить. Но люди не стали рисковать и долбанули их главные города и космодромы на полную катушку. Несколько бомб с антимагией попали в тектонический разлом. Часть берега ушла под воду. И потому постройки Большого Южного Хранилища хорошо сохранились. На дне оказался Старый форт, где лежит всякая дребедень и артефакты непонятного назначения, оставшиеся после сортировки. И Новый Форт, куда тиугальбцы сваливали последние находки. Сваливали безо всякой системы – слой за слоем. Там вполне может быть то, что вы ищете.

– Звучит разумно, – после долгого молчания согласился Платон. Играл он убедительно. – Да только туфта все это. Нет там ничего.

– Я знаю точно! Я взломал защиту Военно-космического Архива! Я залез в секретные файлы земного флота! – орал Кребдюшин, на глазах утрачивая человеческие черты.

С мимикристами это бывает при стрессах. А полукровки – и вовсе существа истеричные. От обеих рас они зачастую берут худшие черты.

Кожа Кребдюшина пошла цветными пятнами, руки стали превращаться в щупальца, а мускулистые плечи стекать на спину и грудь. Лицо менялось так быстро, что было не успе-

дить. Одна жуткая гримаса сменяла другую. Археолога за-
тошнило при виде его превращений.

– Пр-р-рекратить! – взревел Платон, как десять бешеных
быков. – Глянь в зеркало! На себя!

Полукровка вздрогнул и послушно глянул в зеркало. Ойк-
нул и стремглав кинулся в ванную. Он не показывался оттуда
минут пять – приводил себя в порядок. За это время архео-
лог по рации сервисного браслета перекинулся парой фраз
с Непейводой, отхлебнул змеиновки и проглотил самую соч-
ную агапию.

Вернувшись в комнату, Кребдюшин подошел к столу, на-
лил себе стопку, выпил залпом, закусывать не стал и сразу
выпил вторую, окончательно обнажив во фляге змеиное те-
ло.

– Сам виноват, – наконец заговорил хозяин. – Не надо ме-
ня доводить.

– Значит, ты изучал вопрос... – зловещим голосом произ-
нес Рассольников. – А с какой радости? У тебя заказ? Ну,
колись, колись!

– Если кормишься перепродажей информации, надо знать
как можно больше. Обо всем. А если сидишь неподалеку от
планеты, битком набитой сокровищами, глупо не разузнать
все, что связано с ее историей...

Правды от Кребдюшина не дождешься, если только не на-
чать допрос с пристрастием. Платон решил пойти другим пу-
тем.

– Ладно. Я готов взять тебя в долю. – Выдержал паузу, глядя на засиявшего как медный таз полукровку. – Но сначала ты скажешь, что именно мы ищем и откуда тебе об этом известно, – голос археолога по-прежнему был грозен. – Таково мое первое условие.

– Сколько же их всего?

– А сколько душа попросит, – усмехнулся Платон. – Выкладывай, Пинкертон хренов.

Глава 15

Родные пенаты

«Планета ФФФукураби – самый лакомый кусочек на моем маршруте. Потому как запретный плод слаще остальных. Такова уж психология любого примата. Люди и обезьяны, как известно, – существа любопытные до потери пульса. И потому нас очень легко заманить в ловушку.

ФФФукураби... Звучит, как манящий шорох прибоа и призывный шепот змеи. Черт возьми! Я так хочу туда пробраться, что даже забываю порой о своих маленьких слабостях. Забываю о Старой Земле, где меня терпеливо ожидают чада и домочадцы. О долге первопроходца, Долге с большой буквы, ибо впереди меня ждут никем еще не открытые планеты. А ведь ФФФукураби давным-давно попала в поле зрения Лиги Миров. На ней побывали астронавты, дипломаты и миссионеры. А потом планету закрыли для посещений. И было это триста лет назад.

Я хочу туда! Пустите! Пустите меня, ради Христа! Я имею право! Ведь на сегодняшний день я – самый главный путешественник Галактики. Хотя вам, чертовы муравейники, и на Галактику-то, наверняка, плевать...»

Документ 15 (из Путевого дневника)

Разговор Платона с Кребдюшином затянулся далеко за полночь, но Непейводе пришлось потерпеть. Слишком он оказался важен, этот пьяноватый разговор двоих бывших со-товарищей и бывших недругов.

Терпел и апт, картежный раб полукровки. Все это время разумный гриб провел на часах, не жалуясь и не взывая к чувству гуманности. Если он и проклинал своего рабовладельца, то мысленно. Его терпению и выдержке можно было только поражаться. А с виду не скажешь: пластинки, пленки да тяжи...

Полукровка рассказал археологу, что пять недель назад по тахионной сети до него дошло официальное предложение Империи Термописис: любой, кто добудет действующий золотой горшок с планеты Тиугальба, получит миллион кредитов— хошь на банковский счет, хошь брильянтами, хошь пластиковыми картами. Через неделю термописисы предупредили: за горшком отправлена охотничья экспедиция с ФФФукуараби, и эти ребята шутить не любят. А потому премия была увеличена вдвое.

Сначала народ прыгал и кричал, что добудет, как не фиг делать, добудет этот чертов горшок — плевое это дело! Тут же сколачивались ватаги, начинали подыскивать себе посудину и составлять списки инструмента. А потом страсти поутихли, и число потенциальных смертников быстро пошло на убыль. Стоило спокойно поразмыслить на досуге, взвесить «за» и «против», как выяснялось, что у одного внезап-

но заболела любимая тетушка, у другого жена беременна, а третий и вовсе завязал – открыл мелочную лавку и будет отныне торговать сахарином.

В итоге желающих получить кругленькую сумму оказалось совсем немного: уж больно дурная слава шла об этой планете. Вот и Кребдюшин решил не пытаться счастья, рискуя своей драгоценной головушкой. Пусть куш будет поменьше, зато помрешь не завтра, в слюнявой зеленой пасти, а через много лет, в теплой постели, в окружении внуков и правнуков.

Насколько правдив был его рассказ, судить было трудно.

– Скажи мне, друг ситный, – решил кое-что уточнить археолог. – Не слышал ли ты о таких умниках, кто не собирался нырять в зеленый ад, а предпочел подождать счастливых добытчиков здесь, в двух шагах от ФФФукураби – с тем, чтобы отобрать у них горшок?

– Ты думаешь, есть желающие напасть на муравьиный корвет? – вопросом на вопрос ответил полукровка. – А пытаться подкупить его экипаж – все равно что учить саблезуба вегетарианству.

Рассольников молча покивал в ответ. Выражение лица у него было по-прежнему кислое. Кребдюшин понял, что так и не сумел убедить собеседника. Испугался, что тот сейчас встанет и уйдет, и снова начал сыпать сведениями о Новом Форте. Потом он сообщил все, что слышал о Старом Форте и дрязгах в Карантине. В результате Платон узнал несколько

весьма интересных подробностей.

Полукровка глотнул из горла змеиновки и спросил:

– Теперь ты мне веришь? – Сердце замерло в груди.

– Я и себе-то самому не доверяю – невозмутимо ответил Рассольников. И Кребдюшин снова покрылся пятнами.

Они прошли еще один круг и ходили бы кругами до полного опупения, но тут археолог произнес веско:

* * *

– Мне нужно обсудить твои предложения с заказчиком. Я тебя найду... – Машинально поискал шляпу и тросточку, которых у него больше не было, и удалился.

Поднявшись на борт «Оболтуса» и войдя в рубку, Платон увидел, что экран заполнило красно-бурое лицо размером с круглый обеденный стол. Лицо шевелило тысячами клеточек. Археолог стал свидетелем разговора Непейводы с Советом Домов Симбионтов.

– Почему вы не разрешаете мне хотя бы сутки побыть дома? – допытывался Дванадесятый Дом. (Как только появился Платон, корабельный мозг начал выдавать синхронный перевод).

Из муравьиного шуршания проступил ответ:

– Нельзя терять драгоценное время.

– Тогда хотя бы шесть часов. Это ровно столько, сколько займет доразивание нашего корабля, – заискивающим то-

ном сказал Дом.

«Оболтусу» после раздвоения над Тиугальбой действительно не хватало активной массы, чтобы нести необходимое вооружение, средства защиты, двигательные установки, навигационное оборудование и средства связи. Поэтому биомеху предстояло проглотить и усвоить десять тонн биопласта из резервуаров «Эль-Гарды», за которые Совет Домов Симбионтов заплатил звонкой валютой. Экспедиция обходилась бедной планете все дороже.

– Это несерьезный разговор, – отвечало лицо. Скорей всего, оно принадлежало председателю Совета, одному из старейших и влиятельнейших Домов.

– Я прошу сообщить мне истинную причину отказа!

– Вы обвиняете Совет в сокрытии информации?! – лицо не гневалось – оно было изумлено.

– Позвольте мне хотя бы поцеловать родную землю!

– Мне стыдно за тебя, – все тем же шуршащим голосом вещало лицо.

Рассольникову было тошно смотреть, как Непейвода унижается перед этой сволочью. Он вообще терпеть не мог чиновников, а шебаршащихся, – в особенности.

– Дай я скажу ему пару слов, – шепнул Платон Дому.

Тот с удивлением посмотрел на него и произнес по тахионной линии:

– Досточтимый Единотретий, с вами хочет поговорить господин археолог. Не уделите ли вы ему две минуты своего

драгоценного времени?

Гигантское лицо, заполнявшее экран, раздуло чудовищные, бурлящие щеки и молвило с нескрываемым презрением:

– Так и быть. У него ровно одна минута.

– Довожу до вашего сведения. Я должен лично присутствовать при подписании договора членами Совета Домов Симбионтов, – отчеканил Платон. – В присутствии независимого нотариуса и переводчика. Иначе я не поставлю своей подписи. Это мое категорическое условие.

Непейвода вытаращил глаза.

– Это неслыханно! – рявкнул Единотретий и разорвал связь.

– Ты с ума сошел! – воскликнул Дванадесятый Дом. – С огнем играешь. Если они решат, что ты опасен, то не остановятся ни перед чем. Они могут стереть тебя в порошок...

– Пусть попробуют. Им же будет хуже. – Археолог был в этом отнюдь не уверен.

До того, как улечься спать, Платон рассказал Непейводе о предложении полукровки. После долгих размышлений ходячий муравейник решил пока не дразнить гусей и отложил новый разговор с Советом Домов Симбионтов на потом. Кребдюшин потерпит – уж как-нибудь не помрет. И без того все висит на волоске.

Кребдюшин не выдержал ожидания и вечером следующего дня возник на корабельном экране. Археолог сделал вид,

что удивлен таким нетерпением и приказал ждать столько, сколько потребуется. Полукровка воспринял это, как сигнал к началу новой попойки, благо желающих участвовать в ней было предостаточно.

Положительный ответ на требование Рассольникова поступил только утром. На экране тахионной связи не возникло никакого изображения. На черном фоне проступила лишь одна белая строчка: «Совет согласен. Челнок в 3.00 на терминале».

Были сборы недолги. Зато день тянулся бесконечно. В ночь перед спуском на ФФФукуараби спать не ложились вовсе. Слишком сильно волновались оба. Археолог метался по номеру, не зная, куда себя девать. Он думал продержаться без спиртного – Непейвода объяснил ему, что старые Дома не переносят запах алкоголя. Но не сдюжил и принялся сбивать нервное напряжение с помощью четвертушки того самого Кребдюшинского самогона. Полегчало. В конце концов есть тысяча способов освежить дыхание и только один – погасить мандраж.

Платон и Дванадесятый Дом прибыли в фффукуарабский терминал за десять минут до назначенного срока. Цивилизации, которая предоставила свое космическое пространство под межзвездную перевалочную станцию, был выделен собственный причальный комплекс, складские и жилые помещения, находящиеся под ее юрисдикцией. Так что напарники уже были на территории ФФФукуараби.

На борту челнока их встретили два Дома Симбионтов в боевых человеческих скафандрах – с волками жить – по-волчьи выть. За всю дорогу эти ходячие муравейники не проронили ни слова. Платон загривком чуял их раздражение и брезгливость.

Огромный диск чужой планеты наплывал на экран, и археологу снова казалось, Непейвода вот-вот подскочит к экрану, протаранит лбом зеркальную поверхность и устремится на свою любимую родину. Археолог подозревал, что этот грандиозный блин лично ему не сулит ничего хорошего, но отступать было поздно. «Уж наверняка не страшнее бродячих джунглей, – успокаивал сам себя. – Я и не такое видел...» На самом деле такого он не видел никогда.

И вот челнок сел. Сойдя с трапа, Двенадесятый Дом в тот же миг рассыпался на бетонных плитах космодрома. Каждый из «муравьишек» прижался грудкой к плите и недвижимо пролежал на ней несколько секунд. Вроде как поцеловал родную землю.

Никакие официальные лица напарников не встречали. На космодроме их ожидал только десяток облаченных в армейский камуфляж охранников. Рассольников решил, что именно из-за него ходячим муравейникам придали форму человеческих тел. Вряд ли ффффукуарбцы каждодневно несут службу в таком вот «ненормальном» виде.

Над головой багровели закатные облака, протянувшиеся от горизонта к горизонту. В воздухе стоял запах остывающих

после полуденного зноя камней и едва уловимый аромат свежескошенной травы. Над космодромом царила тишина – ни музыки из репродукторов, ни лязга механизмов, ни стрекотания кузнечиков или жужжания мух.

Летное поле окольцовывали керамлитовые бункеры. В небо нацелились пучки антенн тахионной и радиосвязи, стволы боевых излучателей. Тарелки и решетки радаров непрерывно вращались в разные стороны и в разных плоскостях. Порывы ветра кружили, подхватывали и роняли на плиты опавшую золотистую листву. Космодром вызвал у Платона ощущение тревоги и надвигающейся беды.

Челнок выпустил шасси. Его подцепил огромный жук-буксировщик и отвез на ничем не примечательную площадку, которая тут же начала опускаться под землю. Затем площадка вернулась на место, совершенно пустая.

В окружении охраны археолог и Непейвода ожидали глайдер. Ходячие муравейники заметно нервничали, то и дело поглядывая на небо. «Они неуютно чувствуют себя на открытом пространстве, – вдруг понял Рассольников. – В этом все дело».

С востока прилетел двенадцатиместный глайдер, сделанный на Страторе – одной из самых богатых планет. Охранники запихнули напарников в кабину и попрыгали туда сами. Машина взмыла в небеса. Платон прилип к иллюминатору и разглядывал здешний мир, стараясь ничего не пропустить.

Поверхность планеты вблизи космодрома заросла кустар-

ником и казалась необитаемой. Вдалеке темнел горный хребет, покрытый лесом. А вся близлежащая равнина представляла собой один колоссальный зеленый газон. Не было видно ни птиц, ни бабочек, ни стрекоз. Вообще ничего живого. Похоже, природа ФФФукураби полностью преобразована Домами Симбионтов.

* * *

– А где ваши города? – спросил археолог Непейводу, убедившись, что рядом с космодромом нет и намека на какое-либо жилье.

– Под землей, – неохотно ответил тот, скосив глаз на сидящую рядом охрану. Ходячие муравейники переговаривались, касаясь друг друга кончиками пальцев, – вернее, составлявшими их клеточками. Платон при всем желании не смог бы их подслушать.

Полет над равниной прошел гладко. Затем машина прибавила скорость и стремительно промчалась над хребтом. И все же археолог успел разглядеть, что вершушки гор, как и бункеры на космодроме, утыканы стволами и антеннами, а часть склона покрыта решеткой и превратилась в колоссальный радар. Хребет был превращен в одну огромную крепость.

– Теперь я понимаю, почему вы не пускаете сюда инопланетян, – заговорил Платон, когда машина снова полетела над

бескрайним зеленым газоном. – Вся ваша планета – укреп-
прайон. Каждый чих засекречен. Живете ожиданием войны.

Охранники беспокойно заерзали на сиденьях.

– Тебе этого не понять... – буркнул Дванадесятый Дом.

– А ты объясни. Я неплохо знаю земную историю. Некото-
рые государства десятилетиями и даже веками готовились к
войне и напоминали осажденную крепость. Каждый их жи-
тель становился воином. Личная свобода была немыслимой,
любое нарушение правил каралось смертью. И у вас то же
самое?

Дом долго не отвечал, потом, снова покосившись на охра-
ну, сказал бесцветным голосом:

– Мы не ждем войны. Она идет уже пятьсот лет. Мы вы-
брали свой путь выживания... Что еще тебе у нас не нравится?

– Пока ничего, – мрачно ответил Платон.

– Тогда давай помолчим, – произнес Непейвода и закрыл
глаза.

Они летели еще полчаса. И вот на горизонте появилось
здание, построенное в форме муравейника. Багровое солн-
це, распластавшееся над горизонтом, словно темной кровью
пропитало этот крутобокий купол, и в нем виделось что-то
угрожающее.

Археолог поначалу решил, что здание не слишком вели-
ко, но просчитался с расстоянием. Глайдер летел и летел, а
оно по-прежнему оставалось вдалеке. Здание было огром-

ное. Если это на самом деле муравейник, в нем должны жить триллионы особей.

– Что это? – спросил археолог напарника.

– Резиденция Совета Домов Симбионтов, – не открывая глаз, ответил тот.

Платон вдруг понял, что Непейводу бьет дрожь. Дом изо всех сил борется с охватившей его трясучкой, но она побеждает. «Неужто его опять будут казнить?»

На дальних подступах к Совету из земли стали выпирать его маленькие копии – керамлитовые купола. Они оцетинились стволами. Купола были повсюду, и вскоре археолог перестал обращать на них внимание.

Глайдер пошел на посадку, не долетев до Совета километра полтора. Он приффукурабился на небольшую площадку, выложенную каменными плитами. К зданию от нее вела узкая каменная тропа, которая пересекала своеобразное пастбище. Огромное поле было покрыто копошащимися в сочной траве гигантскими гусеницами – длиной по полметра, а то и больше. Розовые, голые – они походили на живые сардельки или свиной-мутантов. На взгляд, их были миллионы.

Тонкими живыми цепочками, состоящими из «мурашей», поле было разбито на равные квадраты. Некоторых гусениц с ног до головы облепляли клеточки, как брошенный банан – фруктовые мушки. Похоже, «мураши» лечили эти сардельки, а может, чистили их.

– Что они делают? – археолог не удержался и спросил у Непейводы.

– Кормятся, – односложно ответил тот.

Платон крикнул и зачесал затылок. Уж лучше было не спрашивать.

Охранники снова заспешили, высаживая напарников, сами стремглав повыскакивали из кабины. Глайдер тотчас взлетел. Конвой разделился надвое: пять ходячих муравейников встали впереди Платона Рассольникова и Двенадесятого Дома, вторая пятерка охраняла их тыл. Быстрым шагом колонна двинулась вперед.

Чудовищных размеров муравейник продолжал расти до тех пор, пока Платон не обнаружил, что сам он – не более чем муравьишка, по глупости забредший к жилищу чужого, враждебного племени. И ему отчаянно захотелось вернуться на кораблик, а еще лучше в «Эль-Гарду» – в массажный салон, к милой девочке Зи-Зи.

Около куполов, не имеющих ни окон, ни дверей, и у подножия Совета виднелось множество маленьких отверстий в земле, сквозь которые беспрерывно курсировали тысячи «мурашей». В их маленьких лапках и челюстях было не видеть никакого груза. На первый взгляд, абсолютно бессмысленные передвижения. Быть может, они переносят информацию? Не проще ли передавать ее по радио или с помощью кабеля? Археолог почесал затылок и промолчал, отложив свой вопрос на потом.

Вдруг заскрипели скрытые в недрах земли механизмы, завизжали электромоторы, лязгнули манипуляторы, и боевые купола задвигались. Рассольников пытался понять, что происходит. Смотрящие во все точки небосвода антенны и стволы дружно нацелились на одинокое черное облачко, возникшее далеко на юге. Оно приближалось к резиденции Совета.

Опасность! Это Платон почуял кожей. А охранники его изумили. Клеточки ходячих муравейников вдруг зафонтанировали из горловин и рукавов камуфляжных комбинезонов и устремились в дырочки, нарытые в земле. Оружие выпало из их рассыпавшихся рук, а форма смятыми кучами упала на дорожку. И только Двенадесятый Дом остался рядом с археологом. Он оцепенело глядел на несущееся к ним облачко.

– Ложись!!! – внезапно заорал Непейвода.

И сам бросился на каменные плиты, прижался к ним, вцепился своими клеточками. Платон распластался рядом. Он старался делать все то же самое, но разве человеческим пятипалым клешням по силам соперничать с сотнями цепких «мурашей»...

Стволы ударили залпом. Земля сотряслась, и археологу показалось: она вот-вот расступится под ним. Он глянул на облачко. Там, где оно было, вспучился багровый шар с ярко-алыми протуберанцами. На его расширяющейся поверхности зажигались и гасли десятки белых, желтых, оранжевых вспышек.

Платон вдруг почувствовал, что его оторвали от земли и

куда-то тащат. Он едва успевал перебирать ногами. На бегу археолог слышал новый визг-скрип-лязг боевых куполов. Стволы перенацеливались, поворачиваясь и опускаясь вниз.

Напарники неслись по зеленому полю, перепрыгивая жирных гусениц. Неслись к ближайшему куполу, надеясь отсидеться в мертвой зоне у его подножия. Стволы соседних куполов больше не целились в небо, теперь они следовали за двумя бегущими фигурками.

Под тем, ближним куполом тоже загудел электромотор, и он с лязгом и скрипом начал медленно поворачиваться – слишком старые механизмы. До купола была какая-то сотня шагов, но археолог и муравейник бежали, бежали и никак не могли преодолеть разделявшее их расстояние. «Не успеть!»

И тут остальные купола открыли огонь. В тот же миг Дом подкосил археолога, и они рухнули в траву. Пулеметные очереди прошли над головами напарников. Вспыхнули лазерные лучи и подожгли газон там, где они только что находились.

Непейвода снова повлек археолога за собой, они сделали еще один, последний бросок, оказавшись у подножия купола, и рухнули наземь. Он как раз повернул свою титанитовую «щетину», нацеливаясь на нового врага. Но враг был уже слишком близко, проскочив зону поражения.

«Сейчас пальнут!» – в голове Платона проскользнула такая здравая и безысходная мысль. – Больше не побегу. Будь, что будет». В эти секунды он не испытывал страха – ему ста-

ло все равно.

Нового залпа не было. Неужто муравейники не бьют по своим? Ведя огонь по напарникам, другие купола наверняка попали бы по старому куполу. А муравейники действительно не бьют по своим.

Механизмы возвышающегося над археологом и Двадцатым Домом купола издавали душераздирающий лязг и грохот, стволы тряслись и скрипели, но не могли опуститься ниже какого-то порога. Напарники лежали в мертвой зоне. Казалось, стволы вот-вот переселят сопротивление ограничителей и смогут расстрелять ее. Никак. А потом запахло жженой изоляцией, и раздалось потрескивание и шипенье.

«Неужто пронесло?!» Рассольников глянул на своего напарника. Дом переговаривался, вернее, переругивался с кем-то по браслету. Закончив разговор, Непейвода повернулся к Платону:

– Лежи смирно. Пускай они сначала разберутся... Во всем виновата атака термопсисов. Нападавшие вывели из строя систему наведения в четырех дотах...

– А охрану тоже они вывели из строя? – язвительным тоном осведомился археолог.

– Хм, – короткий ответ.

Багровые тучи, словно испугавшись залпового огня, истаяли и разлетелись в стороны. Бездонное небо было окрашено в странный, но завораживающий цвет: зеленовато-бордовое, с фиолетово-перламутровым отливом. Оно напомина-

ло Платону кипящие от планктона морские глубины. Можно было бесконечно смотреть в эту бездну, радуясь тому, что остался жив, что можешь любоваться окружающим миром, видеть то, чего триста лет не видал ни один двуногий.

А потом над напарниками беззвучно пролетел глайдер, за ним еще один. Сервисный браслет Дома пискнул, как придавленный котенок. Двенадесятый Дом снова с кем-то поговорил, издавая невероятно скрипучие звуки.

– Теперь другая версия, – объяснил он, отключив связь. – Из-за чиновной нерасторопности расчетам этих дотов не сообщили о твоём прилете. Обнаружив на контролируемой территории чужака, они привели орудия в боеготовность. А после начала атаки посчитали тебя одним из термопсисов.

– Гладко выстругано – ничего не скажешь... Но как же охрана? Все слишком похоже на заранее подготовленное, но никудышно исполненное покушение. К тому же, для чистоты картины надо было пожертвовать десятком муравейников.

У Непейводы в глазах зажглись злые искорки.

– Я и не знал, что ты настолько ядовит. Сожри тебя зверодревы, наверняка отравились бы.

Позади колпака, где сели глайдеры, что-то происходило: раздавались скрипучие голоса, звонкие шлепки, тихое подвывание. От любопытства у археолога даже мурашки пошли по коже.

– Так что же охрана?

– Насчет... охраны... я лично... разберусь, – дробя фразу,

прошипел Дом. – Теперь доволен?

– Когда разберешься, тогда и...– Платон не договорил, увидев, что к их лежбищу несется целая толпа ходячих муравейников в человечесьем обличий.

Бежавший впереди резко остановился. Налетев на него, затормозили и остальные. Они едва не повалили этого типа на лежащего в траве археолога.

– Единоседьмой Дом Симбионтов, начальник службы безопасности Совета, – представился первый, приложив руку к козырьку кепи и щелкнув каблуками. Похоже, эта опереточная процедура ему очень нравилась. – Честь имею доложить: опасность для жизни ликвидирована, – отбарабанил он. – Отныне вы находитесь под моей личной охраной.

«Очевидно, слова „лично“, „личный“ означают для ффукуарабцев что-то особенное. Иначе зачем они их столь нарочито выделяют? – с любопытством подумал Платон. – Быть может, дело в том, что над их собственной личностью нависла угроза?»

Напарники поднялись на ноги и начали отряхивать одежду. Их неспешность явно раздражала ходячих муравейников, но те промолчали. И вот конвой двинулся вперед. Клеточки-пастухи отогнали своих гусениц подальше. Муравейниковая толпа, нимало не похожая на походную колонну, поперла по зеленому газону, плотной массой окружая археолога и Непейводу. Дома Симбионтов загораживали их телами от возможного нападения, толкаясь и мешая друг другу.

Многие из них просто-напросто еще не научились ходить по-человечески. Дома качало и вело из стороны в сторону, ноги подгибались в коленях, и муравейники едва не падали.

Остаток пути обошелся без приключений. «Если покушение устроила оппозиция, не желающая возвращения маток, – думал Платон, вышагивая среди человекоподобной массы и стараясь никому не наступить на ноги, – она не успокоится, пока не доведет дело до конца. Надо скорей сваливать из этого гадючника».

Ради подписания контракта Совету Домов Симбионтов приходилось раз за разом нарушать правила, неукоснительно соблюдаемые веками. Вот и сейчас для прохода человека в резиденцию Совета в стене здания пришлось прорубать специальное отверстие высотой в метр. Сами же клеточки попадают в него через маленькие дырочки, сделанные по периметру основания.

На входе Рассольникову был торжественно – под рев фанфар и барабанную дробь – вручен в двух экземплярах текст государственного контракта, напечатанный золотом на тончайшей титанитовой пластине. Правда, он был подписан только половиной Совета. Остальные Дома Симбионтов потребовали личной встречи. Они-де хотят убедиться, что этот двуногий действительно способен выполнить свою миссию и при этом не является врагом фффукуарабской нации. Пришлось идти.

Свита тотчас утратила человеческий вид и, побросав

одежду, исчезла в сотнях дырочек, просверленных в стенах, полу и потолке низкого и узкого коридора. «Сколько же тут этажей, если здание огромно, а потолки так низки?» – поражение думал Платон.

Двунадесятый Дом, войдя внутрь, тоже распался на клочки и улепетнул на доклад руководству. Археолог в сопровождении начальника охраны, который один не утратил человекоподобия, двинулся по инстанциям.

Воздух был теплым, влажным и чуть затхловатым. Ходячий муравейник освещал дорогу мощным фонарем, вырвавшим из мрака все новые и новые участки бетонных стен, которые обросли зеленоватой плесенью и повсеместно были пронизаны ходами. Самих «муравьишек» видно не было – наверное, они получили приказ не путаться под ногами.

Страдай Платон хотя бы самой легкой формой клаустрофобии, этот жутковатый коридор, больше похожий на вентиляционный ход и совершенно не приспособленный для передвижения на двух ногах, немедля вызвал бы у него приступ. Да и любого здоровяка здесь можно довести до приступа или истерики.

Собирая подписи, археолог попал во чрево чудовищного организма. Он всей кожей чувал, как за Стенами, под ногами и над головой копошатся миллиарды насекомых. Отовсюду непрерывно доносилось шебаршение несчетных лапок, сливающееся в странный звук – слаженное «пение» десятков забурливших на майском солнце муравьиных куч.

Чем идти, скорчившись в три погибели, проще было передвигаться на четвереньках. Но Рассольников не хотел вставать на колени, словно бы склоняясь перед муравейниками. Аристократ должен гордо нести человеческое достоинство — и особенно в окружении насекомых. И потому он шел, согнувшись. Когда спина затекала, он пытался распрямиться и стучался хребтиной о теплый бетонный потолок. Ему предстояло таким макаром прошагать несколько километров.

А Единоседьмой Дом в полной мере использовал преимущества своего пластичного фальштела. Уменьшив рост и вдвое вытянувшись по толщине, он легко передвигался в этом тесном туннеле. (Его словно расплющило асфальтовым катком.) Муравейнику то и дело приходилось притормаживать, поджидая ковылявшего позади пришельца, но он ничем не выказывал своего нетерпения.

В первый миг, обнаружив рядом с собой вместо статного мужчины маленького плоского уродца, Платон вздрогнул от неожиданности и, не сдержавшись, прыснул. А потом всю дорогу молча завидовал сопровождающему: скрюченная спина вскоре начала болеть, а шейные позвонки не хотели держать затяжелевший кочан головы.

Делая поворот за поворотом, коридор начал забирать вверх, так что идти стало еще тяжелее. Археолог следом за Единосемерным лез в гору, и теперь вдобавок ко всему начали ныть его колени, икры и голени.

При получении каждой подписи происходила одна и та же

фантазмагорическая сцена. Через выломанное отверстие археолог с трудом пролезал внутрь начальственного кабинета и оказывался в камерке, все стены, пол и потолок которой были покрыты живым шевелящимся ковром. Все Дома Симбионтов, как и Непейвода, обожали равномерно распределяться по внутренней поверхности любого занимаемого ими объема.

Начальник службы безопасности всякий раз оставался вовне. Да ему, собственно, уже некуда было влезать, хотя потолок в кабинетах был повыше, чем в коридоре. Платону самому едва-едва хватало места, чтобы стоять, не касаясь плечами и макушкой живого ковра.

Оказавшись внутри, в тусклом зеленоватом свете, который давали какие-то здешние светлячки, археолог уже и не пытался что-то разглядеть: все муравейники на одно лицо. Зато он пользовался возможностью размять затекшую, окостеневшую спину и осторожно пытался сгибать-разгибать ее, шевелить лопатками, вертеть хрусткой шеей и даже делать приседания. Наверное, Дома Симбионтов думали, что это человеческий ритуал приветствия.

Обычно хозяин кабинета выдерживал долгую паузу, внимательно разглядывая посетителя, потом образовывал огромный рот и жутковатым голосом выдавал что-нибудь вроде:

– Как ты относишься к концепции роя?

– Никак, – с готовностью отвечал Рассольников. – Я о ней

не думал.

– Так подумай и скажи первое пришедшее на ум, – настаивал Дом Симбионтов.

Платон чесал затылок и говорил вкрадчиво:

– Я не люблю толпу. Рой – тем более. Но мне с вами не жить. Существовайте, как вам удобнее...

Тут хозяин начинал гомерически хохотать, ссыпаясь клеточками на пол. Этот живой щекочущий дождь окатывал археолога, и его била крупная дрожь. Но чаще Дом Симбионтов приходил в ярость и начинал поливать мерзавца муравьиной кислотой. Сотни брюшек одновременно выбрызгивали на Платона по капельке жидкости, пока он не оказывался облит с головы до ног.

– Рой – это вершина эволюционного развития! – вещал муравейник, а Рассольников тем временем пытался вытереть носовым платком лицо и волосы. – Вам не снился такой порядок и такая четкость в любых, даже самых сложных действиях. Вы, индивиды, – хозяин выплевывал это слово с таким отвращением, словно ему в рот вместе с супом попала муха, – сущие ничтожества! Ваш социум – примитивное подражание рою. На ваше счастье, вам не дано понять всей прелести роя, иначе самые умные и честные из вас давно оборвали бы свое жалкое существование... – и далее в том же духе. Наконец Дом Симбионтов выговаривался и, отравив руку, соизволял черкануть свою замысловатую роспись лазурным пером на титанитовой пластине.

«Есть! Десятый, – с облегчением выдыхал археолог и тут же думал с тоской: – А ведь еще девять...» Начальник службы безопасности помогал Платону выбраться в коридор, а хозяин кабинета кричал вслед голосом записного злодея:

– Не вздумай нас обмануть! Из-под земли достанем!

...Когда все отмеренные круги ада были пройдены, Единоседьмой вывел археолога наружу. Рассвело. Платон даже не заметил, что канул вечер и миновала целая ночь. Ноги гудели, не разгибалась спина, и в черепе отбивали набат огромные медные колокола.

Над бескрайним пастбищем висел туман. Пелена медленно таяла, оплывая под первыми лучами солнца. От мокрой земли веяло прохладой и свежестью. Хотелось упасть в траву – как в бассейн нырнуть – и отмывать росой липкую от пота и муравьиной кислоты кожу. Неподалеку стоял глайдер, окруженный несколькими охранниками. Археолога поджидал обещанный независимый нотариус – ответственный сотрудник знаменитой на всю Галактику страховой компании «Ллойд». Он сидел на детском складном стульчике. У этого маленького – метр с кепкой – человечка в черном смокинге глаза были закрыты плотной черной повязкой.

И вот повязка снята. Человечек зажмурился от яркого света, прижал ладони к глазам, топорща рыжие бакенбарды. Затем он достал из бокового кармана темные очки, надел, щелкнул пальцами. Один из ходячих муравейников поставил перед ним такой же низенький складной столик. Клерк

облокотился на него и произнес первое слово: – Ну-сс?

Он был похож на пасюка, одетого в человеческий наряд. Предки всерьез боялись, что такие вот человеко-крысы когда-нибудь отвоюют у них божий мир. Щепотка рыжих усов вздрогнула, подтянув верхнюю губу и обнажив шильца резцов. Острый носик, завершающий длинную мордочку лица, шевельнулся, обнюхивая представшее перед ним существо: липкое и грязное, всклокоченное, шумно дышащее и едва держащееся на ногах.

Платон протянул нотариусу оба экземпляра контракта. Они были заляпаны отпечатками липких от кислоты пальцев. Тот молча разглядывал титанитовые листы примерно минуту, поворачивая то так, то эдак, подставляя пронзительным лучам восходящего солнца. Затем достал из кармашка электронную лупу и продолжил осмотр. Археолог чувствовал, что его терпение на исходе. Еще немного, и он не выдержит и заорет на этого гнусняка, словно бы мстя за все унижения и муки, нанесенные ему ходячими муравейниками. Ведь перед ним был не человек, а еще один ксен– разумный крысоид с Поллинга-6. Кстати, крысоиды пользовались любой возможностью, чтобы поиздеваться над хомо.

Почувствовав неладное, нотариус оборвал нескончаемую процедуру осмотра и начал яростно хлопать по пластинам фирменными штампиками, которые взялись прямо из воздуха. А потом каллиграфическим почерком вписал в каждую печать свое имя и дату.

– Тепер фы тофольни? – Поднял на Платона скрытые очками глазки.

– Спасибо, – выдавил из себя археолог.

Он благодарил бога, что сдержался и не устроил безобразную сцену. Да и самому подписанию тогда пришел бы конец. «Не надо доводить простого земного графа до белого каления, – подумал Рассольников. – Дурная это привычка».

– Все в порядке? – осведомился Единосемерной Дом. Платон кивнул.

– Тогда мы его забираем.

И начальник службы безопасности что-то шепнул в сервисный браслет. Нотариусу снова аккуратно надели на глаза черную повязку. Он позволил взять себя за руку, отвести к глайдеру и усадить на мягкое сиденье. Потом машина беззвучно оторвалась от земли и устремилась в сторону космодрома.

– Где мой напарник? – усевшись на траву, спросил археолог. Он не удержался и начал умыть потное лицо, обирая ладонями влагу с густых пучков травы.

Его преследовало воспоминание: теплая, влажная темнота, шевелящийся, дышащий, глумящийся над тобой живой ковер; сыплющиеся с потолка муравьишки, которые падают за шиворот, цепляются за волосы и складки кожи; сотни мельчайших брызг кислоты, летящие на лицо со всех сторон... Бр-рр!!!

– Получает последние инструкции. Подождите немного, –

ответил Единосемерной Дом.

* * *

Ждать действительно пришлось недолго.

Когда Непейвода вышел на воздух, видок у него был тоже не ахти: он как будто еще больше усох, черты лица обострились, выражение стало жестче. «Да он ли это? – усомнился Платон. – Не подменили часом? Клеточки все на одно лицо... Да нет, вроде Непейвода – я же не совсем чокнулся: еще могу напарника своего узнать! Неужто он опять прошел через казнь?»

– Так что ты выяснил насчет охраны? – не преминул спросить археолог, пытаясь скрыть свою тревогу.

– Они до смерти испугались термописов и будут расформированы, – вибрирующим от напряжения голосом ответил Дом.

– Свежо предание, но верится с трудом...

Непейвода промолчал.

Со стороны космодрома прилетел глайдер. На сей раз опустился на поле рядом с напарниками. И им не пришлось переть по каменной тропинке через пастбище, полное гусениц-переростков и малюток-пастухов. Платон напоследок окинул взором грандиозный муравейник, у подножия которого копошились миллионы клеточек. «Пока-пока!» – Он помахал рукой, как будто из сотен тысяч дырочек в стене Со-

вета на него смотрело великое множество маленьких глазок.

Когда-то Тоша Рассольников так же махал матери, остающейся на земном космодроме. Был он еще совсем сопляк и, улетая учиться на край света, не понимал, что расстается с ней навсегда. Только спустя годы Платон уразумел, зачем его в такой спешке отправляли за тридевять земель, хотя аналогичное образование он мог получить и на Земле. Уразумел и содрогнулся...

Глайдер доставил напарников на космодром. Там их дождался челнок. Все шло как по нотам, и археологу уже стало казаться, что на сегодня их приключения закончены. Челнок стартовал, направляясь на «Эль-Гарду». На высокой орбите, подстраховывая его, висел давнишний знакомый – корвет фффукуарабского флота «Фчераш».

Челноком управляли два пилота в человеческих скафандрах. Позади кабины находился пассажирский отсек на двадцать мест. Платон и Непейвода сидели в креслах друг напротив друга и молчали. Гравитационная подвеска гасила перегрузки, и полет казался загородной прогулкой. «Слишком хорошо, чтобы быть правдой», – лениво подумал Платон и закрыл глаза.

Похоже, он задремал. А когда проснулся, еще не открыв глаз, почувствовал: в кабине что-то происходит. Не подавая виду, что проснулся, археолог глянул сквозь ресницы. Один из пилотов вошел в пассажирский отсек и, держа в руке станнер, нависал над Дванадцатым Домом. Тот не шевелился. А

сквозь открытую дверь кабины было видно, как второй пилот сполз из противоперегрузочного кресла на пол. И поза у него была неправильная. Мертвая поза. Значит, все клеточки умерли разом, не успев выскочить из скафандра...

У Платона не было оружия. Совет Домов Симбионтов строго запретил брать его в полет. И потому Рассольников оттолкнулся от кресла и прыгнул на спину пилоту. Тот потерял равновесие, и они упали на Непейводу. Пилот не рассыпался от удара, он показался археологу цельным, твердым – крепко же срослись его клеточки!

Платон попытался отобрать у пилота станнер и получил локтем в грудь, а затем затылком – по носу. Однако он вцепился в оружие и, задохнувшись от боли, все-таки не выпустил его из рук. Пилот и Платон сползли на пол и боролись, зажатые между кресел.

Враг сумел перевернуться на бок. Еще немного – и он выстрелит в Рассольникова. Археолог дубасил его кулаком левой руки по спине. Вряд ли эти удары могли решить исход схватки. Но муравейник вдруг вскрикнул, потом еще и еще. И вот он уже орал благим матом, катаясь по полу. Ему стало не до археолога. Выронив станнер, он взмахивал руками, лупил себя по гибкому скафандру, подскакивал, ударялся о сиденья и подлокотники кресел.

Платон не мог понять, что происходит с пилотом, но оружие было теперь у него в руках. Продолжая выть и стонать, враг начал судорожно раскупоривать свой скафандр. Археолог

лог поставил регулятор станнера в среднее значение и выпалил, надеясь обездвижить пилота. Тот дернулся, замер в воздухе и с грохотом рухнул на пол. Готов!

Платон сунулся в кабину. Челнок летел на автопилоте, и пока ему ничто не угрожало. Рассольников вернулся в пассажирский отсек, наклонился над Непейводой. Двенадцатый Дом был частично парализован – от выстрелов станнера вырубались клеточки, составлявшие его лицо и плечи. Они осыпались на пол, лежали на его груди и коленях. Тысячи маленьких параличей слились в один, едва не лишив сознания и сам ходячий муравейник. Он еще долго не мог очухаться, сидел в кресле, безголовый, но живой, и тихонько шевелил руками и ногами.

Оставив напарника приходить в себя, Платон снял скафандр с поверженного пилота. Удивительная картина предстала его взору, стоило отстегнуть шлем и стащить «рыбью кожу» с плеч муравейника. Под тонким слоем недвижимых «мурашей» обнаружился Папаиоану номер три. Он был коротко пострижен в отличие от номера два, заметно худее, чем номер один, но несомненно тот же самый человек. Адриан Папаиоану – сильно покусанный пришедшими в ярость клеточками, а затем парализованный выстрелом станнера.

Подменяя убитого или плененного им муравьиного пилота, он должен был хорошенько замаскироваться. То ли прибил сильнодействующими феромонами лишившиеся хозяина клеточки, то ли купил на черном рынке за бешеные

деньги «кусок» разумного муравейника. Как бы там ни было, тонкий слой «мурашей» прикрывал человеческое тело до той поры, пока на него не набросился с кулаками Платон. Доселе клеточки проявляли лояльность к своему новому хозяину, но удары терпеть не стали. И не выстрели археолог из станнера, Папаиоану был бы обречен на мучительную смерть от муравьиных укусов.

Теперь Адриана номер три нужно как следует допросить, а потом решать, что делать дальше. Но времени в обрез: челнок уже приблизился к «Эль-Гарде». Пора просить у диспетчера разрешение на стыковку, не то придется платить бешеный штраф. В космонавигации с драконовскими законами, принятыми Лигой, не поспоришь – раздавит как букашку.

Муравьиный пилот был мертв, и Платону пришлось взять на себя управление корабликом. Слава богу, не в первый раз.

Челнок благополучно состыковался с «Эль-Гардой». Очищенный от парализованных клеточек и крепко связанный, Адриан Папаиоану неподвижно лежал на полу салона. Грудь его чуть заметно колебалась, глаза были закрыты. Кожа была покрыта красными волдырями от сотен муравьиных укусов.

Скрытно перетащить пленника на «Оболтус» было нелегким делом. Пришлось связаться с Кребдюшином и попросить помощи. Тот чертыхнулся, прокляв тот день, когда родился на свет, но все-таки послал на челнок своего раба.

Появившись в пассажирском салоне челнока, разумный гриб что-то проскрипел и начал приплясывать на единствен-

ной ноге, вращаясь вокруг своей оси и корчась. С краев его покрытой бородавками шляпы спускались клейкие белесые нити. Он, будто гигантский шелковичный червь, давил из себя пряжу, а потом с головы до пят оплел ею Папаиоану. Пленник все еще не пришел в себя. Для дыхания в коконе ему оставили одно маленькое отверстие.

Кребдюшин договорился со знакомым таможенником, чтобы тот вовремя закрыл глаза и не спешил их открывать. Услышав затребованную сумму, Непейвода застонал, скрежетнул зубами, но вынужден был согласиться. Куда денешься?..

Полностью запеленатый, с прижатыми к туловищу руками, шпион походил на куколку огромной бабочки или мумию мамранского фараона. Подхватив упакованного пленника, напарники и гриб вытащили его из челнока и поволокли к выходу из фффукуарабского терминала. Нужно было пройти таможенный пост и погрузить «куколку» в транспортную капсулу, которая домчит их к межпланетной стыковочной зоне. Там среди десятков всевозможных звездных посудин томился любвеобильный кораблик по имени «Оболтус».

Толстяк-таможенник лениво вывалился из бронированного модуля и, помахивая жезлом парализатора, медленно двинулся к капсуле, замершей на входе в вакуумную трубу. Выражение лица у него было как у кота, увидевшего банку со сметаной.

Платон зажмурился и во всех подробностях представил, как хлещет этого типа бамбуковой тросточкой по лоснящейся, раскормленной физиономии. Мечты, мечты – в чем ваша сладость?..

– Чего везем? – Таможенник одарил напарников широкой улыбкой и легонько постучал парализатором по фонарю кабины. Офицер был шарообразным, но он крепко стоял на ногах, да и ростом его бог не обидел – два метра с гаком. Похоже, крепкий мужик.

Двунадесятый Дом откинул фонарь, высунулся по пояс из капсулы и, состроив ответную улыбку, произнес сладкоголосо:

– Куколку, господин офицер. Куколку гусеницы крагаза. На личный прокорм. Это наша любимая еда, госпо...

Таможенник не дал ему договорить. Он выразительно покачал головой и сказал с усмешечкой:

– Значит, санитарного инспектора придется звать.

– У нас есть разрешение... – Дом полез в карман за бумажником. Хрустские стокредитные купюры пахли чем-то неуловимо знакомым. Наверное, исполнением желаний.

Взвесив на ладони пачку галактических кредитов, таможенник скривил губы:

– Уж больно велика куколка – тяжелее тянет.

Вот тебе и договорились!.. Археолог подумал, что Непейвода сейчас помрет. Не от жадности, понятное дело, – от патриотизма. Новые траты были разорительны для его бед-

ной-несчастной ФФФукуараби. Ходячий муравейник с трудом пересилил желание разmozжить вымогателю башку и протянул ему остаток денег вместе с шикарным кожаным бумажником.

– У меня больше нет, – сказал он со смесью печали и скрытой угрозы.

Таможеннику его интонация не понравилась. Он стоял у капсулы, раздумывая. Платон шумно почесал затылок и понял, что его терпение лопнуло. Он одним прыжком выскочил наружу, сделал пару танцующих шагов и положил левую руку на рыхлое плечо офицера.

– Скромнее надо быть, – произнес Платон ласковым голосом, потом добавил, беззвучно шевельнув губами: – Служба внутреннего надзора. – И потянулся правой рукой к кобуре со станнером.

Это был чистый экспромт. Археолог сам не знал, что будет делать через секунду. Отдался на волю вдохновения.

– Я как чувствовал... – прошептал таможенник, белея как молочный туман.

Он маленькими шажками отступал, отступал, словно надеясь, что его жалкое бегство останется незамеченным, и он без потерь улетучится из западни.

– Все снято на камеру. Полная идентификация произведена, – продолжал наступать Рассольников. Он грудью теснил его к модулю, где виднелись прилипшие к прозрачному стеклотитаниту рожи двоих таможенников – помоложе

да пожиже. – Осталось подписать протокол. Он уже у вас в компьютере...

Офицер вдруг схватился за сердце, охнул, морща каравай лица, который из белого начал становиться зеленым. Лицо морщилось по окружности, сминаясь к носу. И нос словно проваливался внутрь его. А потом таможенник стал заваливаться на спину. Платон попытался его подхватить, но разве такую тяжесть удержишь!.. Толстяк мягко осел на керамлитовый тротуар. Слой жира на заднице смягчил падение.

– Помогите! – закричал археолог тем, что торчали в окне. – Ему плохо! – А сам быстренько вынул у него из кармана денежки.

Глава 16

Взять за жабры

«...Состояние психического здоровья карантинных команд, длительное время расквартированных вдали от своих баз, в отрыве от семей, представляется нам угрожающим. Необходимо принять меры по безотлагательной смене личного состава и недопущению в дальнейшем продления дальних командировок на срок свыше одного года.

...Инциденты в орбитальной крепости „Запор-16" и на фрегате „Решительном", сопровождавшиеся человеческими жертвами, свидетельствуют о реальной опасности мятежа на большинстве звездных форпостов Департамента».

Документ 16 (выдержки из Отчета специальной комиссии Департамента здравоохранения Лиги Миров)

За всей суетой и маеюй, наступившей после прибытия ре-анимобиля, напарники благополучно смылись. Даже попав на «Оболтус», Платон и Непейвода долго не могли очухаться. Очередная встряска, вроде бы незначительная в сравнении с предыдущими опасностями, подкосила обоих. Наверное, это была последняя капля, переполнившая чашу.

Сейчас кораблик имел форму купола, слегка напоминая

спасательный модуль трансгала, – нельзя слишком выделяться в «толпе».

При посадке «Оболтус» становился обтекаемым. Зато в свободном полете он любил время от времени менять очертания. Без экипажа кораблик и вовсе хулиганил, превращаясь то в огромного поросенка, то в кремовый торт.

Кребдюшин Капоте встретил их у входного люка, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Он был в курсе событий, так как рации напарников были включены всю дорогу от терминала. Полукровка был одет в космический скафандр и готов вылететь хоть сейчас. Вместе с грибом они дружно взялись за «куколку» и заволокли ее внутрь «Оболтуса».

– Корабль заправлен, – доложил Кребдюшин. – Можно взлетать.

– Какого черта?! – были первые слова археолога. – Ты же сказал, что договорился с этой гнидой!..

– Человеческая жадность беспредельна. Откуда мне знать, что аппетит у него приходит с едой? – с вызовом ответил полукровка.

– Значит, это люди во всем виноваты, – раздраженно пробурчал Платон.

– Когда эта мразь очухается, у нас могут быть большие неприятности, – теребил напарников полукровка. – Надо стартовать. Пленника допросим в полете.

– Побойтся скандала наш таможенник, – не очень уверенно произнес Рассольников. – У нас ведь действительно все

записано на видеокамеру.

– Взлететь нетрудно, но ведь еще не получено разрешение на ваше участие в экспедиции, – аргумент Дванадцатого Дома был весом.

– Никуда Совет не денется. Мы ведь уже знаем о горшках. Гораздо логичней повязать нас по рукам и ногам общим делом и деньгами, а не толкать прямиком в руки неприятеля. – С Кребдюшином трудно было спорить. – Все технические вопросы мы решим в полете. Никто не мешает нам драпануть отсюда и, пока Совет решает, отстояться на полпути к цели.

– Ладно, уговорил, – хлопнул ладонью о ладонь ходячий муравейник. – Рвем когти.

– Вот и славно! – воскликнул полукровка. Он так обрадовался, что едва не пустился в пляс.

На «Эль-Гарде» корабельный мозг провел самодиагностику и довел регенеративную функцию биомеханического тела до полного блеска. «Ящерица отрастила потерянный хвост», – похвастался он напарникам.

До краев наполненный энергией «Оболтус» неумоимо пожирал парсеки, все его системы работали штатно. И второй полет к Тиугальбе проходил на редкость спокойно, пока археолог и Непейвода не решили допросить Адриана Папаиоану.

Допрос проходил в командной рубке. Давным-давно очутившегося пленника распластали на выращенном «Оболтусом» пыточном ложе. Сейчас оно занимало место пилотных кресел. Он был раздет догола. Эта процедура входит в обязательную программу. Она сама по себе – сильнейшее давление на психику.

Сначала пленник безуспешно пытался порвать эластичные нити и только зря вспотел. Теперь он лишь тихонько поскуливал – рот был заклеен пластырем. Следы укусов стали почти незаметны. Голый, покрытый синеватыми пупырышками гусиной кожи, агент производил жалкое впечатление. Интроскопирование показало, что в недрах его организма не сокрыто инородных тел: оружия, передатчика, каких-либо инструментов или капсулы с ядом. Значит, можно начинать допрос.

Платон подцепил край пластыря и потянул на себя, вырывая волоски с верхней губы и подбородка. Пластырь затрещал, освобождая рот пленника. Эта сцена повторялась из века в век – миллионы раз, она тоже стала традиционной. Без нее и допрос – не допрос.

– Скажи мне кудесник, любимец богов, – осклабясь, археолог начал легонько похлопывать пленника по упругому животу, – что сбудется в жизни со мною? – Взгляд у него был

нехороший.

Адриан снова дернулся в тщетной попытке освободиться, зажмурился, стиснул зубы. Пыточное ложе закрипело, но не поддалось. «Оковы» – тем более. Лицо агента побагровело от натуги и покрылось бисеринками пота. Затем он взмолился, обращаясь к Непейводе и Кребдюшину, которые молча стояли, прислонившись к переборкам:

– Пусть он прекратит надо мной издеваться!

– Говори, и я не стану тебя мучить.

Платон, как истинный пыточник, наклонился над лицом пленника и громко щелкнул зубами, едва не отхватив ему кончик носа. Понятное дело, Рассольников только пугал Папаиоану, но тот поверил его немудреной игре. Видно, легко мог представить себя на месте археолога.

* * *

– Давай-давай. Не доводи до греха, – спокойным и от того еще более страшным голосом говорил Платон. – Все, что положено: кто тебя послал, когда, зачем...

– Лучше бы вам этого не знать.

Археолог хотел было рывкнуть: «Пугать нас вздумал?!», но прикусил язык. В рубке воцарилось молчание. В воздухе повисло тугое, давящее облако тревоги. За словами пленника скрывалась вполне конкретная угроза. Блефует он или нет?

Платон тряхнул головой, пытаясь сбросить морок, ухватил Адриана за плечи и легонько тряхнул.

– Не надо с нами играть, – прошипел ему в ухо. – Отвечай на вопросы. Ты – клон?

– У власти орлиной орлят миллионы и нами гордится страна, – вдруг петушиным дискантом пропел пленник. Кребдюшин вздрогнул от неожиданности.

– Чего-то мне не по себе, – произнес полукровка испуганно. – Может, пустить его в расход – от греха подальше?

– Тебя послала Лига? – не реагируя на слова Кребдюшина, вел допрос Рассольников. – Совбез? Командование Миротворцев? Департамент внутренней безопасности?

– А ведь я предупреждал! Ха-хаха! Ха-хаха! – задорным мальчишеским голосом воскликнул Папаиоану и затрясся мелкой дрожью. Кожа его покраснела и явственно запахла ацетоном.

– В его теле пошел процесс, – прозвучал в рубке тревожный голос корабельного мозга. – Пока не пойму, в чем дело...

Сам того не зная, археолог назвал одно из ключевых слов, и оно сработало как спусковой крючок. Биологическая бомба была записана на генетическом уровне. Внутренние органы пленника начали стремительно изменяться, превращаясь в распылитель нанобийц.

– Сожгите его!-кричал Кребдюшин. – Сейчас!!! – От ужаса он тоже начал меняться. Полукровка терял человеческий

облик, превращаясь в рыбоптицу, а потом снова обретал черты хомо сапиенса.

Пока Платон и Непейвода оцепенело глядели, как в раскаленном теле земного агента открываются сотни пор, «Оболтус» начал действовать. Пыточное ложе, на котором никого не собирались пытать, раскрылось, и Папаиоану провалился в недра кораблика. «Оболтус» тотчас выплюнул агента в вакуум, придав ему изрядное ускорение, и Адриан начал удаляться в сторону звездного скопления Плеяды.

А потом тело Папаиоану взорвалось, исторгнув облако микроскопических убийц – вроде тех, что подожгли «фазенду» Платона на Гее-Квадрус. Только на сей раз эти были не наномашинны, собранные на конвейере, а одноклеточные организмы, выращенные из человеческих тканей.

– Нас атакуют! – воскликнул корабельный мозг.

Убийцы ринулись к «Оболтусу». Стоит им добраться до поверхности кораблика, его песенка спета: в миг прогрызут насквозь, доберутся до нервных центров и мозга.

– Прыгай! – приказал Непейвода.

– Не могу! – Кораблик застрял в межзвездном пространстве: между прыжками нужно провести строго определенную последовательность операций, а на это нужно время.

«Оболтус» открыл огонь из лазерной пушки. Луч пошел зигзагами, сжигая орды наноубийц. Но их было слишком много. Уцелевшая часть ворвалась в мертвую зону. Теперь их ничто не остановит.

На экране возникло полученное с телескопа изображение этих смертельно опасных малюток. Тысячи монстров, ощерившихся шильями, пилами и крюками, неслись к кораблику, используя биологические реактивные движки.

Напарники мысленно попрощались с жизнью. Кребдюшин в истерике катался по полу, визжа, как свинья. А разумный гриб поднялся на единственную ногу, вытянулся во весь рост и расправил шляпу – наступил последний парад.

Нанобийцам оставалось пролететь меньше метра. В последний миг «Оболтус» повернулся на бок и врубил ракетные ускорители. Выхлоп раскаленного газа испепелил первые ряды монстров. Остальные были сметены и разбросаны в пустоте.

Выжившие убийцы вновь ринулись к кораблику. Они были все ближе и ближе. «Оболтус» наконец закончил подготовку к прыжку. Он ушел в подпространство, когда эти бешеные крупницы плоти были в считанных сантиметрах от цели. Кораблик исчез, оставив их далеко позади. Старик-вакуум скоро с ними покончит.

Едва «Оболтус» выскочил из подпространства, на экране тахионной связи возникло огромное лицо Единосемерного Дома Симбионтов. Его шевелящийся рот исторг всего два слова: – Мы разрешаем.

Это значило, что Совет дает добро на привлечение новых экспедиционеров, и финансовый вопрос тоже решен. Кребдюшин так переволновался, что не смог исполнить пляску

радости.

Карантинщики засекли кораблик еще на дальних подступах к Тиугальбе, но до поры до времени ничего не предпринимали. Они ждали, пока «Оболтус» войдет в опасную зону. Ведь скакнуть в подпространство в непосредственной близости от планеты – сущее самоубийство. Значит, теперь ему будет не уйти.

А потом два глиссера, притаившихся за краем планетного диска, выскочили навстречу кораблику и пошли на перехват. «Оболтус» сделал рывок вправо, надеясь проскочить к облачному слою Тиугальбы. Корабельный мозг выжимал из движка все, на что тот был способен, но космокатера вдвое превосходили «Оболтуса» в скорости. Они шли прежним курсом, с каждой минутой сокращая дистанцию.

– Может, развернуться и имитировать атаку: лоб в лоб? – от отчаяния предложил археолог.

– Думаешь, они струсят и удерут? – горько усмехнулся муравейник.

Шабаш... «Оболтус», не дожидаясь приказа Непейводы, застопорил ход. Глиссера карантина тотчас сбросили скорость.

Они медленно приближались с двух сторон, очевидно, ожидая подвоха.

– Ваш корабль проник в карантинную зону и арестован! – заревел в динамиках хриплый голос на космолингве. – Приготовьтесь к приему карантинной группы. При оказании со-

противления открываем огонь на поражение!

– Мы сдаемся! – прокричал в эфир «Оболтус».

И тотчас носовые пушки глиссеров выпустили десяток химических снарядов. Снаряды рвались вокруг кораблика, выбрасывая фонтаны усыпляющего газа. Центральная нервная система «Оболтуса» была парализована, он ослеп, оглох, онемел и обезножил.

Космокатера взяли кораблик на буксир и волокли его, как китобой–загарпуненного китенка. Теперь карантинщикам не было особого смысла брать «Оболтуса» на бордаж. Неизвестно, какая встреча ожидает их на борту: пассажиры-то еще были свободны. Чтобы не рисковать, командиры глиссеров решили доставить кораблик напрямик в орбитальную крепость.

Вскоре сине-зеленый, с белыми облачными проплешинами диск Тиугальбы заполнил экран переднего обзора. Планета казалась не такой красивой, как ФФФукуараби, но зато на ней было гораздо больше жизни.

«Мураши», избавляясь на своей планете от врагов и конкурентов, истребили всего несколько видов животных, но безвозвратно разрушили пищевые цепочки. Экосистема рухнула, и в результате погибло большинство видов. Земляне по сравнению с фффукуарабцами – сущие ангелы.

– Когда они пойдут на бордаж, тыпустишь в ход твой «пугач»? Ну тот, что испробовал на мне у себя дома? – спросил у Платона Непейвода.

– Нет, – буркнул археолог. – Чудо, что мы до сих пор живы. Значит, хотя бы из нас выудить информацию... Если группа захвата с воплями выскочит из шлюза обратно, они сожгут «Оболтус» из дезинтегратора или пустят в ход нейтронный излучатель.

– Но это единственный шанс! – в запале воскликнул Дом. – Когда нас доставят в крепость, разведут по одиночкам. Потом выпотрошат на допросе и трупы вышвырнут в космос.

– Можно попытаться пронести «пугач» в крепость, но ведь нас разденут, насквозь просветят и обыщут профессионалы...

На экране материка и океаны Тиугальбы уже можно было разглядеть во всех подробностях. Тонкие цепочки островов тянулись вдоль побережья, образуя множество окраинных морей. Мелководные заливы глубоко вторгались в сушу. Массивы сильно разрушенных гор ограничивали просторные равнины, тоже соединяясь в длинные цепи. И вся суша была одинакового, насыщенного зеленого цвета – словно густо покрашена из одной и той же банки.

Непейвода до талии расстегнул «молнию» комбинезона, обнажив плоский живот, сотканный из «муравьишек». Живот вдруг разошелся надвое, словно древесный узел на ветке паопапа. Внутри было пусто: туда можно было запихнуть не то что «пугач», а карманный бластер и несколько гранат в придачу. А потом Двенадесятый Дом мгновенно зарастил

отверстие, так что не осталось и следа.

* * *

Платон кивнул, цокая языком, и произнес с сомнением:

– Я могу научить тебя пользоваться «пугачом». Но ведь тебя еще на входе в крепость разберут по винтикам, и он попадет к ним в руки.

Сверкающая точка возникла в левом верхнем углу экрана и стала быстро увеличиваться в размерах. Это и была орбитальная крепость «Запор-4», принадлежащая Карантинной службе Департамента здравоохранения Лиги Миров. До стыковки осталось несколько минут.

– Не разберут. Я стану человечней, чем ты сам. Погоди немного... Главное, чтобы меня никто не выдал.

– Пойду предупрежу этих типов. Они не совсем идиоты и тоже хотят жить.

Платон вышел в коридор из каюты, которую в этом полете делил с Непейводой. Кребдюшин Капоте и его грибной раб безвылазно сидели в своей каюте. После того, как «Оболтус» был пленен, полукровка ушел к себе и не казал нос наружу.

Рассольников постучал, заглянул в дверь. Кребдюшин валялся на койке в одних трусах. Глаза его были закрыты. У изголовья лежала на боку пустая бутылка. Платон втянул носом воздух. Самогонка – та самая, что глушили на «Эль-Гарде».

Гриб скорчился в углу у двери. При виде гостя он даже не шевельнулся. Похоже, все эти дни, отбывая свою повинность, гриб и не жил вовсе, а только переживал вычеркнутый из жизни месяц.

На месте Кребдюшина археолог помуржил бы его денек-другой (карточный долг – дело святое), а потом отпустил на все четыре стороны. Археологу было не понять, зачем этот «мухомор» нужен полукровке – тем более в полете.

– Утешать пришел? Мол, на миру и смерть красна? – не открывая глаз, осведомился Кребдюшин. Язык его заплетался совсем чуть-чуть. – Или вертухаи на входе?

– Минут через пять... Я здесь не за этим. Нужно договориться.

– О чем?! – Полукровка подскочил на койке, спустил на пол ноги. На этом силы его иссякли, и Кребдюшин привалился спиной к шерстистой переборке.

– О плане наших действий...

Карантинная команда орбитальной крепости «Запор-4» должна быть уверена: ей в руки попали четыре непутевых кладоискателя: два человека с Геи-Квадрус плюс полукровка и разумный гриб с «Эль-Гарды». Встав перед зеркалом, Дванадесятый Дом начал изменять свою консистенцию. Клеточки его сцепились так, что стали как единое целое. После нескольких неудачных попыток они приобрели плотность и упругость человеческой кожи. Вдобавок «мураши» изменили пигментацию, приобретя теплый шоколадный оттенок,

свойственный одной из множества человеческих рас.

Платон оглядел Непейводу и так и сяк, погладил кожу, пощупал бицепсы, приняхался посылней– больше не пахнет муравьиной кислотой, а пахнет мужским потом и мускусом. (Есть такой специальный дезодорант – на любителя.) Словом, перед ним был самый что ни на есть человеческий человек.

– Чего ж ты раньше народ пугал насекомыми? Вон как здорово у тебя получилось.

– Я сам не думал, что выйдет так хорошо, – с удивлением произнес Дом и крутанулся на каблуках перед зеркалом. Он увидел мужчину средних лет, среднего роста, худощавого, с курчавыми волосами, выпуклым лбом, миндалевидными черными глазами и толстыми губами.

Крякнув, Рассольников достал из стенного шкафа свой походный саквояж. Там, в титанитовом футляре лежала заветная шкатулка из слоновой кости.

После принудительной стыковки все вышло именно так, как предсказывал Двенадесятый Дом: кораблик сотряс удар, раздался скрежет и скрип, люк тамбура открылся, и внутрь ввалились шестеро амбалов в белых с красными полосами скафандрах – группа захвата карантинной команды. Бластеры, огнеметы и станнеры наперевес, забрала на шлемах опущены, так что лиц не разглядеть.

– Всем оставаться на местах! – вопил мегафон. – Лечь на пол! Руки за голову! Смотреть в пол!

Замешкавшемся Кребдюшину сделали подсечку, он грохнулся башкой о косяк. «Оболтус» псевдоподий не отращивал, чтобы подхватить пассажира, переборку не размягчил – он по-прежнему был в отключке. Первый обыск учинили на месте. Четверку обшмонали вручную, потом напустили на них кибердетекторы – маленькие усатые машинки, суетливо перебирающие дюжиной ручек-ножек. Ничего не нашли. Пленных оставили лежать на полу и принялись обыскивать корабль.

Сначала группа захвата перевернула вверх дном личные вещи четверки. Немалая часть тут же таинственным образом испарилась. Особенно заинтересовали группу захвата старинные пластиковые карты Тиугальбы. Их тотчас переправили коменданту крепости.

Правда, по настоянию Платона и Непейводы полукровка заранее уничтожил самые важные листы в каютном утилизаторе. Теперь местонахождение Нового Форта оставалось лишь у них в головах. Впрочем, «ментальное сито» может добыть из памяти любые, даже напрочь забытые сведения.

Потом карантинщики занялись грузом. Обнаружив стандартный набор подпольных кладоискателей, они без особого энтузиазма осматривали экспедиционное имущество. Сюрпризом для группы захвата оказались только аппараты для подводного плавания.

– Зачем вам донные костюмы? – спросил командир группы и, покачав в руке шлем с коробкой кислородного регене-

ратора, уронил его на пол.

Пленники молчали. И тогда командир пришел в ярость. Он пнул ногой гриб, который по случайности оказался ближе других. Гриб пискнул от боли и откатился к переборке.

– Ты скажешь, зараза! Ты мне все скажешь! – орал карантинщик, молотя магнитными бахилами по единственной ноге разумного гриба. Тот безуспешно пытался вжаться в переборку.

– Прекрати!-не выдержав, крикнул Платон. – Он ничего не знает!

– А ты? – подскочил к нему командир группы. Рассольников еще не придумал, что ему соврать. Видя, что сейчас начнут избивать его напарника, подал голос Непейвода:

– Мы купили это барахло у экспедиции на Кальтусе-4. Там раскопки шли на побережье и шельфе. Все документы у меня в компьютере.

– Назовешь нам пароль, – грозно потребовал карантинщик.

– Конечно, назову, – покорно согласился Дом. – Куда я денусь?..

Повторный обыск карантинщики учинили в орбитальной крепости. Пленных заставили снять одежду и долго просвечивали всевозможными лучами. Одежда, которая тоже прошла интроскопирование, в это время прожаривалась в специальной камере со странным названием «вошебойка». Теперь в ней не останется ни микробов, ни ядов, ни какой-ли-

бо электронной начинки.

Пленных ненадолго оставили в покое, но разговаривать они не могли – каждый был помещен в отдельный звукоизолированный бокс. А затем на них обрушились струи обжигающе горячей воды, которые сменил жесткий ионный душ.

Вернув пленным пропахшие химией, заскорузлые комбинезоны, надзиратели подгоняли их криками и тычками. Четверку развели по камерам карцера, где обычно содержались проштрафившиеся карантинщики. Ведь орбитальная крепость – не тюрьма и не предназначена для содержания заключенных.

– Отдыхай! – сказали Непейводе, и от мощного толчка в спину Он влетел внутрь камеры.

Надзиратели ушли. Изрядно притомившись от непривычной работы, отправились подкрепиться и передохнуть.

Осмотрев тесную камеру, ходячий муравейник убедился, что вся она просматривается камерами слежения. К тому же ее передняя стена оказалась прозрачной. Здесь не было ни койки, ни стула, ни даже параша – только слева от входного люка стоял полный до краев кувшин с водой.

Сделав вид, будто пьет, Непейвода наклонился над кувшином. Из рта выскочил «пугач», который клеточки протолкнули наверх из хранилища в брюхе. «Пугач» со слабым плеском упал в воду и опустился на дно. Это была штуковина размером с детский кулачок и походила на причудливо изогнутую раковину моллюска.

Потом Двенадесятый Дом улегся на пол, подложив руки под голову. Вряд ли кого-то могла удивить такая поза. Он выждал, когда поблизости от прозрачной стены камеры никого не будет, и приказал клеточкам: «Разойдись!»

Если бы одежда упала грудой нелепых тряпок, а клеточки зашебаршились на голом полу, камеры наблюдения тут же передали бы изображение на пульт охраны. Завыла бы сирена, караул, скорей всего, сперва пустил бы в камеры усыпляющий газ, а уж потом стал разбираться, что к чему. Но Дом был не дурак и знал, что надо делать. Выбираясь из полетного комбинезона, самое главное – сохранить у него форму человеческого тела. Пришлось выделить третью часть клеточек, которые остались внутри и образовали ажурный, но весьма прочный каркас.

Комбинезон надо было покинуть незаметно. «Мураши» по одному выбирались из горловины и, образовав тонкую цепочку, ползли к месту назначения. Сейчас они имели цвет грязно-серого пола. Оставалось надеяться, что сидящий у экранов надзиратель не разглядит такую мелочь.

Покинувшие одежду клеточки ровным слоем облепили кувшин. Больше в камере спрятаться было негде. Для того бронированная стена и сделана из дорогостоящего прозрачного стеклотитанита, идущего на стекла для бронированных членовозов.

«Мураши» приобрели серо-черную окраску кувшина и сцепились поплотней. Но, выполнив приказ Двенадесятого

Дома, они не замерли в ожидании следующего, а норовили добраться до содержимого кувшина. «Мураши» возбужденно попискивали от вожделения: вода, вода, сколько воды!

«Сушие наркоманы, – раздраженно подумал Дом и удивился своим мыслям. Уж больно человеческие они были, а не муравьиные. – На минуту ослабь контроль: вмиг налагаются, раздуются шариками и погрузятся в блаженное беспмятство. А там хоть трава не расти!..»

– Смирна-а! – скомандовал он.

Недовольно заворчав, клеточки окаменели. Через секунду поступил новый приказ. «Мураши» вырастили рот, и он завопил благим матом:

– Охрана! Мне плохо! Помогите! —Слышно было, наверное, на весь карцер.

В камере тотчас раздался недовольный голос надзирателя:

– Ну, что там еще? Хватит придуриваться. Заткнись, не то мы тебя «полечим».

– Мое лекарство... – прохрипел Непейвода, – ...осталось на корабле... У меня легочный полип... – ему не хватало воздуха, он задыхался. – Без инъекции я умру...

– Хватит врать, гаденыш! – вдруг отчего-то разъярившись, заорал голос. – Это мы уже проходили! Все хотят сбежать! Вот сдохнешь – тогда поверим, – убавив обороты, произнес он с усмешкой.

– Помогите... – еле слышно просипел Дванадесятый Дом и закашлялся, забился в конвульсиях. Трети клеточек, оста-

вавшихся в комбинезоне, пришлось сыграть трудную партию.

Надзиратели появились минут через пять, когда Дом уже перестал шевелиться. Долго оглядывали камеру сквозь прозрачную стену. Затем один из них открыл дверь и, с опаской глядя на пленника, вошел внутрь. Второй остался в коридоре со станнером наизготовку.

Обер-надзиратель Кох подошел к неподвижному телу арестованного археолога. Красные и белые полосы делали его комбинезон похожим на клоунский наряд. Карантинщик ткнул Непейводу в бедро носком тяжелого башмака с магнитной подошвой. Никакой реакции. Тогда он пнул его по ребрам. Арестант даже не застонал.

– Эй, ты! – встревожено окликнул обер-надзиратель. – Сдох, что ли? – Пропитанные конфискованным на «Оболтусе» самогоном мысли ворочались с трудом, но даже сейчас он был способен понять: начальство по головке не погладит. Черный археолог скопытился слишком рано.

И тут у Коха меж лопаток побежали мурашки. Сзади кто-то стоял, играя пальцем на спусковом крючке. И это был отнюдь не его напарник. Обер-надзиратель медленно обернулся. Волосы встали дыбом. Большое, круглое, черное дуло обреза было направлено ему прямо между глаз. А сам обрез держал в руках Пол Мучача, один из лучших искателей кладов Млечного Пути.

Труп Мучачи Рудольф Кох самолично выбросил в пустоту

еще лет десять назад. С тех пор страшное, обезображенное пытками лицо черного археолога много раз виделось ему в кошмарах. Когда обер-надзиратель пропускал ток через тело Мучачи, тот кричал, что еще вернется и оплатит за все. Грозили карантинщикам многие, но поверил Кох только этому живому мертвецу. Последние годы обер-надзиратель не ложился спать без снотворного.

– Ты это... как? – выдохнул Кох.

– В детстве я был хорошим мальчиком. Я и сейчас никогда не вру. Обещал прийти – и вот он я, – ощерив в улыбке обломки зубов, произнес Мучача и нажал на спуск.

Из дула вылетел рой пронзительно гудящих ос-убийц, каждый укус которых смертелен. Вот только смерть наступает не сразу. Несколько часов укушенный испытывает невыносимые мучения, но сознание не теряет. Особый токсин блокирует эту спасительную реакцию нервной системы.

Ноги Коха подкосились, и он бухнулся на колени.

– Н-не... Н-не... – шептали побелевшие губы.

– Да, да, – улыбался мертвец. – Непременно.

– Что с тобой, Руди? – удивленно воскликнул второй надзиратель, которого звали Боб Ордан. Он не видел никакого Мучачи, Просто его напарник вдруг обернулся, начал разговаривать сам с собой, а теперь и вовсе стал на колени, словно решил помолиться. Кох не ответил. Он не слышал Ордана, он уже был мертв. От испуга сердце лопнуло в его груди.

Непейводе дорого далась эта процедура. Чтобы достать

«пугач» из кувшина, ему пришлось опустить в воду слепленную из клеточек конечность. И треклятые «мураши» насосались, назююкались до свинячьего визга. Придется пока оставить их в камере.

Потом он нацелил «пугач», мысленно произнес волшебное слово, и тот заработал... Вобрав ментальное поле обернадзирателя, «пугач» засветился ярче, вроде бы даже стал крупней. Чего не скажешь о Двенадесятом Доме, который на время потерял полкило «мурашей». Держа в вытянутой руке «пугач», Непейвода стал ждать, и через две минуты все было кончено.

Испугать второго надзирателя оказалось еще проще: больше всего на свете Боб Ордан боялся свою тещу Аглаю Петровну, от которой, собственно, и сбежал в крепость «Запор-4». Вошедший во вкус «пугач», который мог материализовывать затаенные страхи любых разумных существ, немедленно испек желчную, разгоряченную коньяком мадам в распахнутом домашнем халате и в тапочках с помпонами на босу ногу. Ее тонкие губы кривились, когда она выдавала одну язвительную остроту за другой. Ее прищуренные глазенки раздевали своего зятя, находя в нем один жуткий изъян за другим.

Она издевалась над ним как могла, унижая его мужское достоинство, жалкий умишко и всех его ничтожных родственников и предков – по третье колено включительно.

«Пугач» воплотил подлинного гения психологической

пытки, великого специалиста по мучению своих жертв, и казнь была страшна. Аглая говорила зятю какие-то обидные, но вроде бы не смертельные вещи, и в эффектных жестах ее не было ничего угрожающего, но это на сторонний взгляд. Для Ордана наступил конец света. Спрятаться было некуда, помощи ждать не от кого. Теща отрезала пути к отступлению и продолжала атаковать, с каждой фразой набирая обороты. Она била его в самые уязвимые места, и он дергался от снайперских ее попаданий, как от настоящих пуль.

От страха Боб Ордан описался и во время нервного спазма проглотил язык. Он так и умер от удушья, хрипя и булькая на полу коридора. И тем самым доставил своей теще массу дополнительного удовольствия.

Удивительное зрелище предстало глазам троих надзирателей, когда они ворвались из дежурки в коридор карцера: стремительно несущийся по полу бурый ковер муравьев нес на себе странную перламутровую раковину и станнер. Двое оцепенели на мгновение, и этой заминки хватило живому коврику, чтобы преодолеть разделявшее их пространство. Третий успел выстрелить, но, даже потеряв сотни клеточек, Непейвода ни на миг не замедлил свой бег.

Теперь «пугач» настолько окреп, что разом смог напугать до смерти всех троих. Каждый из карантинщиков увидел свое. Тот, который стрелял, полосуюя из бластера стену, целился в инопланетное чудовище. А потом, чувствуя, как чудовище начинает пожирать его заживо, снес себе полголовы.

В теле другого стремительно проросли споры хищной водоросли, превращая орган за органом в смрадное желе. У него, как и у Коха, взорвался «мотор» – сердце не может выдержать такой ужас.

Третий карантинщик в детстве страдал клаустрофобией, и теперь болезнь возродилась за один миг. Тесный коридор крепости убивал его. Надзирателя начало рвать, он ползал на коленях, сжимая виски и издавая звериный вой. Потом ему стало не хватать воздуха, и он бился головой о переборку. Когда карантинщик замер на полу, на титанитовой обшивке переборки остались кровавые кляксы...

У каждого был свой ад, но кончились кошмары одинаково: три трупа лежали на полу неподалеку от выхода из карцера. Бронированная дверь была закрыта, но Дванадесятый Дом, забрав у мертвеца электронный ключ, беспрепятственно просочился внутрь крепости.

И тут случилось непредвиденное. Когда Непейвода приказал «пугачу» перейти в режим ожидания, тот вдруг запылал красным огнем и сжег нервные узелки ближайших к нему клеточек. «Пугач» больше не хотел подчиняться хозяину – он решил сожрать всех.

От нестерпимой боли Дом отбросил его мгновенно выросшей из «ковра» рукой. «Пугач» стукнулся об пол, и в коридоре возник термопсис. Точно такой же, как на «fazенде» Рассольникова. Напрасно Непейвода раз за разом повторял защитное заклинание, которому его научил Платон, – смер-

тельный враг фффукуарабцев и не думал исчезать, напротив: он бросился в атаку. Зная природу этого термопсиса, ходячий муравейник не испытывал ужаса. Он просто знал, что если ничего не придумает, термопсис его убьет. На войне как на войне...

Выстрел трофейного станнера встретил врага в прыжке. Дом перевел тумблер на максимальный, убийственный режим – в термопсисе слишком мало нервов и слишком много проводов. Он стрелял в мираж, а попал в «пугача». Удар парализующего излучения был так силен, что мгновенно убил породителя ужаса. Как только жизнь покинула «морскую раковину», исчез и бешеный термопсис, исчез в каких-то сантиметрах от стрелявшего в него Непейводы.

«Так ведь поседеть можно, – подумал муравейник, но клеточки его отнюдь не побелели. – Игрушка сдохла. Что я теперь скажу Платону?»

Прежде чем покинуть карцер, Двенадесятый Дом снял с трупа Боба Ордана штатный комбинезон со множеством карманов, клапанов, «молний» и нашивок. Он еще пригодится ходячему муравейнику. Ведь Дом не пер наобум, он представлял себе внутреннее устройство орбитальной крепости, и у него был план.

Непейвода преодолел казарменный отсек ползком и расконцентрившись – каждую деталь одежды и оружие несла особая группа клеточек. Если бы нашелся свидетель того, как комбинезон и башмаки сами собой беззвучно движутся

по потолку, обтекая пузыри светильников и глазки видеокамер, он наверняка бы решил, что сошел с ума или все это ему только мерещится. По счастью, на орбитальной крепости была ночь, и весь личный состав отдыхал либо стоял вахту.

Ходячий муравейник снова собрался в человеческое тело перед панелью контрольного устройства бронированного люка на входе в Центральный Пост. Станнер был спрятан в недрах фальштела Непейводы. Вместо магнитной карты он запустил в щель идентификатора специально адресированную клеточку, которая, пробравшись в самые недра прибора, в считанные секунды обделала дельце.

Люк открылся, загудел зуммер. Прийти в боевую готовность, согласно инструкции, должен был охранник, расположившийся за вторым люком. Двенадесятый Дом проник лишь в узкий и длинный – прекрасно простреливаемый – тамбур штабного отсека. Этот самый охранник должен узнать посетителя в лицо, ибо личный состав крепости невелик. Он спросит о цели визита и, связавшись с дежурным офицером, получит подтверждение.

Дом миновал второй люк. Собравшись с силами, он сделал гипнотический посыл. На ФФФукуараби агентов обучали этому искусству, натаскивая на клонах, выращенных из похищенных клеток. В подземных бункерах содержались представители сотен разумных рас.

– А-а-а... Это ты, – узнав «Ордана», карантинщик улыбнулся и позабыл вызвать дежурного. – Проходи.

Через пару секунд охранник напрочь забудет, что вообще видел его.

Муравейник спустился в новеньком, ядовито пахнущем пластиком лифте на один этаж. Двери лифта открылись. Поста охраны здесь не было – только видеочамера под потолком, прослеживающая каждый твой шаг. Чамере не заморочишь голову внушением, но это и незачем: сейчас она фиксировала вполне конкретного надзирателя с присущей ему мимикой и походкой.

Непейвода продемонстрировал видеочамере, а значит, и дежурному на пульте, искусно слепленное из сотен живых клеточек лицо Боба Ордана. Лицо это освещала хитроватая улыбка, обнажившая редкие белоснежные зубы.

Потом Дванадесятый Дом очутился в пустом коридоре, ведущем к Центральному Посту. Там находились пост связи, узел планетного контроля, пункт управления огнем, командная рубка и комендантский отсек.

Внезапно зажглись прожектора, ударив с потолка и стен. Дом на мгновение ослеп. Этот свет опалил, пронизывал насквозь, так что и сквозь плотно сомкнутые веки зрачки жгло огнем. Попав под такой удар, клеточки могут залечь в спячку – их потом не добудишься. Непейвода оцепенел, стремительно перебирая десятки одинаково проигрышных вариантов.

– Сдавайся! Ты окружен! – громовой голос раздавался из микрофонов, вмонтированных в стены. Он должен был по-

давить всякую волю к сопротивлению. – Руки вверх! Открываю огонь на поражение!

Дом едва удержался, чтобы не запустить бесполезным станнером в эти слепящие прожектора и орудия микрофоны. А потом охранник, устроивший представление, гомерически захохотал. Хохот его потряс Непейводу не меньше ослепительных лучей. Видно, здесь, в крепости приняты такие шуточки.

– С чем пожаловал, Боб? – отсмеявшись, спросил невидимый охранник.

«Ордан» только улыбнулся в ответ и показал сложенное из пальцев колечко. Он был уверен, что это означает «все окей». Двенадесятый Дом лишь раз слышал голос надзирателя. Хоть он и попытается подражать Бобу Ордану, если не будет другого выхода, но лучше рта не раскрывать.

Продолжая улыбаться, Непейвода подошел к последнему люку – за ним был Центральный Пост. Красная крышка с белой буквой «С» уехала в стену, и Дом, согнувшись, переступил порог. Впереди виднелся зал, одна из стен которого представляла собой огромный экран. На него выводились изображения с видеокамер.

Перед пультом в удобном вращающемся кресле с высокой спинкой и подлокотниками сидел розовощекий, голубоглазый блондин, склонный к полноте и грубым шуткам. Он малость не доставал ногами до пола и, как мальчишка, болтал ими. На груди у него было написано: «Спиллейн». «Так вот

кто у нас главный шутник!» – мстительно подумал муравейник.

Кроме Спиллейна, в зале было еще трое карантинщиков. Они сидели у других пультов и лениво посматривали на экраны, то и дело отвлекаясь на разговоры. На поясе у них висели кобуры со станнерами и карманными бластерами.

Справа от Спиллейна виднелся открытый проход в святая святых орбитальной крепости – к командной рубке. Пока все шло гладко.

Даже слишком.

Непейвода не торопясь шествовал через зал. Он находился уже в самом его центре, неподалеку от поднятой к потолку сложной конструкции перископа. На лице Спиллейна сначала возникло удивление, а потом оно медленно-медленно стало превращаться в ужас. Видимо, с клеточками что-то случилось во время прожекторного залпа. Непейвода больше не был Бобом Орданом – только пародией на него.

Дом прибавил шаг, он уже бежал. Нет, летел. И правая его рука рвала молнию комбинезона, чтобы достать из нутра станнер, отобранный у настоящего Ордана.

– Руки вверх! – наконец выдавил из себя посеревший карантинщик. – Считаю до трех! – теперь уже выкрикнул звонко, а сам только ощупывал свою кобуру.

– Сдурел, что ли?! – крикнул Непейвода и выстрелил.

Спиллейн обмяк в кресле. Трое других карантинщиков повскакали на ноги, один из них нажал на спуск бластера.

Тело «Ордана» распалось. «Мураши» тремя фонтанами выбрызгивались из рукавов и горловины форменного комбинезона. Лазерный луч исполосовал падающий на пол комбинезон Боба, вспорол пару экранов и пульт на противоположном конце зала.

– Пр-рекратить!!! – Так орать мог только комендант крепости. «На сцене» появились новые действующие лица. Это был старший офицер в сопровождении личной охраны. Подчиненные попытались вытянуться по стойке «смирно». При этом они кашляли и вытирали слезящиеся глаза.

Зал был полон дыма, который со свистом усаживал сквозь вентиляционные решетки заработавший воздушный насос. С потолка, обливая всех, брызгали струйки противопожарной системы. На полу валялись обугленные обрезки полосатого комбинезона, даже ботинки Ордана оказались разрезаны лучом.

Умирать было рановато. Уцелевшие клеточки Двенадцатого Дома, пользуясь тем, что стрельба прекратилась, не пытались снова образовать фальштело и открыть ответный огонь. Они бросились по стене к вентиляционным отверстиям.

Сейчас главной опасностью было изобилие воды. Если «мураши» опьянеют, они перестанут подчиняться приказам. Надо спешить. И Непейвода подстегивал их, не давая остановиться ни на мгновение.

Дым рассеялся, и кто-то из карантинщиков увидел, как

по расколотому стенному экрану к потолку несется темная полоса.

– Они же уходят! – закричал он и, вопреки приказу, вскинул станнер.

Выстрел пришелся в хвост колонны «мурашей». Сотни парализованных клеточек осыпались на пол, но остальные – мокрые от воды и почти неменяемые – скрылись меж прутьев решеток.

Непейводе понадобилось полчаса, чтобы привести насосавшиеся клеточки в чувство. Тридцать минут драгоценного времени, когда с его напарниками могли сделать все, что угодно. При желании карантинщики успели бы допросить их с пристрастием и отправить на тот свет. Одна надежда на то, что комендант отложит эти приятные занятия на утро, а пока что будет заниматься поисками сбежавшего арестанта.

Дом полз по узким и темным ходам вентиляции в поисках личной каюты коменданта. Он вдохнул и раз и навсегда запомнил его индивидуальный запах. Для ходячих муравейников обоняние – важнейший инструмент познания мира. И теперь Дванадесятый Дом подбирался к вентиляционной решетке, приняховивался. Не то... Полз к следующей. Опять не то...

Искомый запах обнаружился к трем часам утра. Но начинать новый этап операции было рановато: из каюты не раздавалось ни звука. И Непейвода решил поглядеть, что происходит в карцере.

А там комендант лично допрашивал пленников. Вопросы касались только их сбежавшего компаньона. «Кто таков? Каким образом делится на части? Что ищет на Тиугальбе? Чего умеет? Чем вооружен?» Пленники отвечали охотно. Правда, старались не сказать лишнего. И о Новом Форте, само собой, молчали.

Карантинщики пока не применяли «специальные методы». Они дружно взывали к логике и здравому смыслу. Мол, вы же разумные сапиенсы, зачем вам умирать ради чужих личинок? Чем вы обязаны этим треклятым муравьям?

Насекомых никто не любит. А почему? Потому, что они кусают, жалят, сосут кровь человекообразных и разводят червяков в грибах. Но главное: они отрицают все, что дорого любым нормальным цивилизациям: культ индивидуальности, личную свободу и частную собственность.

Слушать коменданта было одно удовольствие, но у муравейника имелись неотложные дела. Снова к начальственным апартаментам Дом подобрался лишь часам к пяти. Теперь сквозь решетку доносился не только легкий аромат одеколона «Шипр» пополам с запахом мужского пота, но и забористый храп с присвистом. Значит, комендант крепости наконец закончил допрос, отдал все необходимые распоряжения и пришел досыпать.

Спал он шумно и, что называется, в удовольствие. Гипносон его был сладок. Наверняка, что-нибудь семейно-эротическое. Согласно уставу, старший офицер обязан быть об-

разцовым семьянином.

Непейвода осторожно спускался по стене малой гостиной. Она была пуста. Каюта коменданта состояла из шести комнат, не считая ванной и небольшого бассейна. Спальня находилась рядом. Надо лишь просочиться сквозь щель неплотно закрытой двери.

И тут прищельца почуял роскошный сибирский кот, пристроившийся в ногах у хозяина. Кровать была достаточно широка, чтобы вместить четырех разрешенных Кораном жен и еще дюжину кошек и собак. Сибиряк открыл глаза и злобно зашипел. Двенадесятый Дом попытался успокоить его, послав надлежащим образом выстроенную телепатему. Куда там! Кот только пуще разгулялся: вскочил на лапы, взъерошил серую шерсть, став похожим на шерстяной шар, и обнажил клыки. Шшшшш!!!

Пришлось его укусить. Кот завопил и скакнул на тумбочку с гипнопроектором. Обиженный кошачий мяв и грохот падающей тумбочки разбудили коменданта, но было уже поздно. Непейвода успел подобраться к изголовью постели и, стремительно образовав человеческое тело, стукнул ночником по голове хозяина. Бамс! Голова едва начала подниматься с подушки и тут же упала на нее снова. Не успев как следует проснуться, комендант отправился обратно в небытие.

Дальнейшее было делом техники. Слава богу, видеокамеры в спальне отсутствовали. Отключившегося ненадолго ко-

менданта Двенадесятый Дом крепко связал самым обычным скотчем. Им же он залепил ему рот. Можно только посочувствовать роскошным командирским усам.

* * *

Теперь можно начинать разговор. Легкий укус – и пленник в розовой пижаме открывает глаза. Они тотчас становятся большими и круглыми. Страх – он всегда при тебе. И боль тоже вечна – она переживет века и цивилизации. Пока в Галактике есть жизнь, страх и боль будут править миром.

– Доброе утро, сэр, – церемонно обратился к пленнику муравейник. Он решил не принимать законченный человеческий облик, оставшись некой, словно бы сплетенной из проволоки, шевелящейся конструкцией. Пусть это будет элементом устрашения. – Самое время для приятной беседы.

Комендант что-то замычал, заворочался в постели, свалив на пол невесомое пуховое одеяло. Это был холеный брюнет среднего возраста с проседью на висках, загорелый, накаченный тренажерами. Даже сильные эмоции не могли полностью стереть с его лица скуку и пресыщенность. Ему надоела служба, но не надоела власть.

«Комфорт любишь, сучонок!.. А еще, небось, ловишь кайф, издеваясь над подчиненными. Тогда ты знаешь, что такое пытка, – с удовлетворением констатировал Непейвода. – Тем легче будет тебя сломать».

– Давай договоримся сразу: если ты попробуешь звать на помощь, я тебя убью и снова уйду в вентиляцию. Если же честно ответишь на мои вопросы и выполнишь мои скромные просьбы, мы расстанемся друзьями. Ты меня понял?! – произнес он с нажимом, нависнув над пленником.

Несколько клеточек при этом ссыпались на лоб и щеки коменданта и специально заскребли ножками, вызывая нестерпимый зуд. Этот прием ходячий муравейник испробовал уже неоднократно. Карантинщик изогнулся дугой на кровати. Он мычал и дергался, пытаясь избавиться от «мурашей», и одновременно хотел выразить свое согласие. Клеточки были удивительно цепкими созданиями.

– Повторяю: любая попытка освободиться или позвать на помощь – и тебе конец. Мгновенная, почти безболезненная смерть от ядовитого укуса. А муки я тебе обеспечу, если вздумаешь врать. Так позволь мне остаться гуманистом...

Комендант яростно закивал головой. Кажется, ему можно было верить.

– Теперь я освобождаю тебе рот, и ты ведешь себя, как хороший мальчик... – При этом десяток «мурашей» легонечко куснули коменданта за нос. Двенадесятый Дом исповедовал принцип кнута и пряника.

Затем он подцепил край клейкой полоски и рванул скотч. Похоже, допросы стали на поток... Громкий треск совпал с воплем коменданта. «Не много же тебе надо», – с удовлетворением подумал Непейвода.

– Первый вопрос. Что сейчас делают с моими напарниками?

С тех пор, как муравейник видел троицу, прошел час с небольшим, и многое могло измениться.

– Ничего. Они сидят в камерах. Основной допрос начнется в семь по бортовому времени, – облизав ободранные губы, ответил пленник.

– Сейчас ты свяжешься с дежурным и прикажешь не трогать их до твоего прихода. Ты меня понял?

– Чего уж не понять...

Предварительно отключив изображение, Дом нажал на кнопку интеркома. В спальне раздался бодрый голос дежурного:

– Лейб-медик третьего ранга Син Хай на проводе.

– Доложи обстановку, – буркнул комендант.

Двунадесятый Дом напрягся. Это были совсем не те слова, которых он ждал от пленника. Комендант состроил гримасу, мол иначе нельзя, все должно быть по правилам, по уставу.

– Карантинное пространство чисто. Гипердатчики гарантируют тишину на десять парсек. Трое арестованных – в карцере, под усиленной охраной. Четвертый... – дежурный замылся.

– ...погиб при попытке к бегству, – подсказал комендант. – Понял тебя. Передай Пупышу, чтобы не трогал троицу до моего прихода. Не хочу ничего пропустить. Все ясно?

– Так точно, господин комендант!

Непейвода ткнул пальцем в кнопку. Пленник глянул на него.

– Вы довольны?

– Второй вопрос, – также напористо продолжал Дом. – Почему вирус на Тиугальбе не убит, если в крепости есть противоядие?

Комендант сморщил нос. Ему жуть как хотелось почесать взъерошенные усы и потереть губы. Дому показалось, что он пытается тянуть время. Из руки ходячего муравейника тут же начал вытягиваться отросток, нацеленный в горло карантинщику. Тот дернулся, ударившись макушкой о деревянную спинку кровати.

– А сами не догадываетесь?.. – выдавил из себя комендант.

– Вряд ли вирус рассматривается как оружие. Есть и пострашнее. Лиге нужен повод никого не пускать на планету. Но зачем?

– Слишком много опасного баракла в джунглях, да и сами зверодревы... Нельзя подвергать риску жизни... – голос коменданта дрожал, но Дому в нем почудилась усмешка.

– Хватит кривляться! – разозлился Непейвода, и его отросток стал еще длиннее. Он почти дотягивался до ворота комендантской пижамы. – Ты нарушаешь правила игры. – Три клеточки спрыгнули пленнику на грудь.

– Лига не хочет, чтобы «сувениры» достались случайным людям, – затараторил карантинщик, чувствуя, как «мураши»

подползают все ближе к его шее, – не говоря уже о враждебных расах. Аборигены собрали огромную коллекцию...

– Есть и еще одна причина? – полувопросительно произнес Дом.

Комендант замотал головой, он не мог говорить – клеточки взобрались на его губы и, встав на задние лапки, угрозительно шевелили антеннами. Двенадцатый Дом долго и пристально смотрел на пленника, потом приказал «мурашам» возвращаться. Комендант вздохнул с облегчением, румянец вернулся к нему на щеки.

– Теперь надо подумать, как бы нам тихо и мирно покинуть твою обитель. Ты ведь хочешь меня проводить, не правда ли?

Карантинщик понуро кивнул.

Глава 17

Рыба-кит

«Мифы о Новом Форте столь же нелепы и безосновательны, как об Эльдорадо и стране Офир. Тиугальба – вообще планета мифов. Новый Форт в этом смысле ничуть не лучше и не хуже, чем гигантский мертвый город Кихтар или космодромная гора Хамбаус. Бродячие джунгли – и вовсе неисчерпаемый источник мифотворчества. Вот уж действительно чудо природы со всеми вытекающими из этого мифологемами.

Под водой на искателей кладов якобы нападают некие злобные ксены. Чепуха! Эдакие тролли и гоблины из царства Нептуна. Еще лучше – водяные древнеславянского фольклора. У страха глаза велики – вот непреложный факт. Все остальное – пьяные бредни черных археологов. Их традиционная похвальба за стойкой любимых баров. И клевать на подобную чушь могут лишь столь же пьяные и столь же черные ксенологи. Слава господу, я в их число не вхожу...»

Документ 17 (из статьи профессора Буггенвиль-Сироткина)

Начальник отдела расследований (или контрразведки) лейб-медик первого ранга Пупыш был озадачен – и это сла-

бо сказано. Он был потрясен и взбешен: законная добыча уплывала из рук, а он бессилён что-либо сделать. Приказы господина коменданта обсуждению не подлежат, их выполняют или отправляются нюхать вакуум. Так и только так.

Комендант явно не в себе, но нечего даже пытаться идти к старшим офицерам. Попробуй докажи этим тупым свиньям, что их командир может быть не прав!

Комендант орбитальной крепости лейб-коммодор Бьерн Сандерсон решил лично участвовать в следственном эксперименте и для этого опустится на поверхность Тиугальбы на арестованном кораблике. Причем нарушители должны лететь вместе с ним и шестью охранниками. А он, Пупыш, остается командовать «Запором-4» на время его отсутствия. Бред да и только! Надо сообщить в Департамент, но пока комендант не покинет борт крепости, и к передатчику-то не подойти.

Арестанты были закованы в титанитовые наручники, и у каждого был надет электронный ошейник, способный по радиосигналу мгновенно убить своего носителя. Нарушителей вели по коридору крепости под усиленным конвоем: бластеры наперевес, на каждого из троицы приходилось пятеро охранников. Лейб-коммодор Сандерсон медленно вышагивал впереди со станнером наизготовку. И лейб-перанг Пупыш никак не мог отделаться от мысли, что эта процедура напоминает ему торжественные проводы.

«Что же все-таки случилось с тем типом, что пробрался на

Пост? – в очередной раз спрашивал себя контрразведчик. – Официальная версия не выдерживает критики. Но если комендант приказал считать его убитым при попытке к бегству, значит... значит...»

Ответ ведь уже был в голове и, как назло, ускользал в самый последний момент. Откуда было знать Пупышу, что один из охранников – тот, что шагает рядом с Сандерсоном, и есть беглец, который вновь принял человеческий облик.

Едва «Оболтус» отчалил от «Запора-4» и в сопровождении космокатера начал спуск в атмосферу, Пупыш обнаружил, что знает ответ на вопрос. И ответ этот был ужасен.

Начальник отдела расследований кинулся к аппарату тахионной связи, связался с Карантинной службой Департамента здравоохранения. Оперативный дежурный выслушал просьбу какого-то ничтожного офицеришки соединить его с самим господином лейб-адмиралом и рассмеялся ему в лицо.

– Вы даже не представляете, о чем просите, лейб-перанг. Могу записать вас на прием к начальнику управления кадров. Через недельку он наверняка вас примет...

– Да вы!.. – Пупыш подавился словами. – Вы не понимаете! Здесь творится что-то... непонятное. Это измена! – от отчаяния выкрикнул он. Лощеный дежурный помрачнел.

– Хорошо, я свяжу вас с начальником службы расследований. И молитесь богу, чтобы это не оказалась ложная тревога.

Вместо его лица на экран выскочила красочная эмблема Департамента – белый орел с красным щитом и красным мечом в растопыренных лапах. На груди орла сияли красный крест и красный полумесяц.

Пупыш почувствовал рези внизу живота, но невероятным усилием воли придал своему лицу твердость и мужественность. Тем временем «Оболтус» и глоссер вошли в слой плотных облаков, но были ясно видны на экране радара.

Картинка на экране тахионной связи сменилась только через минуту.

– Киндергласс слушает. – Сухонький, желтокожий старикан поднял на него водянистые глаза. Говорят, лишь от одного его взгляда подчиненные умирали прямо среди доклада. Сейчас он не убивал, но что будет через минуту?..

– Господин начальник службы! Я почитаю своим долгом!.. – затараторил Пупыш, больше всего на свете боясь, что ему не дадут договорить. И ему таки не дали.

– Короче! – прошипел Киндергласс, который не желал разбираться в сбивчивых объяснениях пешки. – В чем суть ЧП?

Пупыш объяснил, уложившись всего в три фразы. Начальник контрразведки пожевал тонкую, сохлую полоску ребристых коричневых губ и процедил:

– Обычное дело. Револьвер у виска.

– Что? Я... – не понял Пупыш.

– Слушай сюда! – шелестящим голосом, заговорил Кин-

дергласс. – У тебя есть шанс... Немедля объявляешь, что корабль захвачен, командир мертв, и приказываешь сбить «птичку». – У лейб-перанга волосы встали дыбом. – Тогда ты – комендант. Все ясно? – Старик заглянул к нему в душу так, что там ничего живого не осталось.

– А если я ошибся?!

– Значит, мы подстраховались.

– Слушаюсь! – Пупыш вытянулся перед экраном. Он перестал сопротивляться – глупо упускать свой шанс. – О выполнении доложишь мне лично. Экран погас, и Пупыш принялся за дело.

* * *

Все время, пока Непейвода пугал до смерти надзирателей, бегал по крепости и допрашивал коменданта, Платон просидел в камере. До и после получасового допроса он смотрел в потолок или разглядывал пустой коридор, пытался задремать, приказывая себе расслабиться. Он ждал избавления и мало в него верил. Ходячий муравейник должен был сделать невозможное. А Рассольников не привык полагаться на везение.

Ожидание – одна из самых страшных пыток. Лучший способ сойти с ума. И если не сумеешь отвлечься, можно завять и начать биться головой о стену. Платон отвлечься умел. В такие минуты ему, на ум приходили удивительные мысли.

Вспоминалось то, о чем, казалось бы, напрочь забыл; всплывали в памяти задвинутые в глубь сознания сцены и разговоры, чтобы предстать в совершенно новом свете; на передний план выходило самое сокровенное, заслоняя проблемы жизни и смерти, которые породил текущий момент.

...Ее волосы разметал ветер, она попыталась их поправить, и тогда волосы оплели ей лицо, как будто трава, которую колеблют речные струи. Солнце прорвалось сквозь серую подушку облаков и выстрелило ослепительным лучом, который тут же превратился в сияющий небесный крест.

– Какая прелесть! – воскликнула Диана и, сорвавшись с места, побежала на косогор. Оттуда открывался чудесный вид на реку. – Не отставай! – кричала она, все больше опережая Платона.

Он не спешил, шел следом, любясь ее легкой, почти невесомой фигуркой. Ветер дул им навстречу, сильный и теплый, клонил верхушки кустов, раскачивал шапки ярко-голубых и ослепительно-желтых цветов на лугу.

Небесный луч скользил по земле, продолжая расцвечивать мир. Откуда-то издали, испуганно обогнув луч, прилетела черная тучка, похожая на дым от пожара. Из ее недр на землю вдруг хлынула вода.

Стоящая на косогоре Диана с хохотом скинула с себя белое, в зеленый горошек платье, оставшись в одних ажурных трусиках. Раскрутив над головой, она зашвырнула платье куда-то в траву. А потом, не долго думая, сорвала и последнюю

свою одежду. Она танцевала под дождем – кружилась, кружилась... Она пела что-то – за шумом дождя Платон не мог разобрать ни слов, ни мелодии.

Она была – радость жизни, его радость. Он остановился и смотрел, как она излучает в мир яростное, неразбавленное счастье, и боялся поверить, что все это происходит с ним на самом деле. Он влюбился в нее до беспамятства. Он, сиятельный граф Рассольников, успевший повидать пол-галактики и оставивший за собой шлейф из сотен любовных побед...

Диана кружилась, и веер брызг золотистым куполом окружал ее стройное тело. Сверкая в небесном луче, дождевые струи стекали по ее спине, меж маленьких грудей, по животу, который можно было накрыть ладонью. Радуга росла из ее вскинутых рук и исчезала за рекой. Капли воды зажигались и гасли на кончиках ее пальцев как брильянты. А там, где стоял Платон, с небес не пролилось ни капли. Такие вот чудеса...

Это была их последняя встреча. Наутро Платон Рассольников отправился на западный раскоп – проверить, действительно ли найденные рабочими черепа принадлежат таинственной расе равойнов. А вечером на планету Инторп упал маленький, ничем не примечательный метеорит. Никто не знал, что этот, посланный умелой рукой камушек пропитан смертоносным «бульоном». Даже небесный пламень, возникший от трения об атмосферу, не смог выжечь напитав-

ший его вирус. ...Платон шел по их лагерю. Все здесь было не так. Он ничего не узнавал. Он искал и никак не мог найти своих людей. Он тщетно искал ее среди суетящихся человеческих фигурок. Кто-то пытался утешить рыдающую женщину, кто-то с натугой тащил неподъемные рюкзаки и баулы, кто-то метался и звал потерявшегося ребенка, кто-то, усевшись на землю и запрокинув голову, хлестал из горла бренди. Все это были не те.

Перед большущим горелым пятном на месте лагерной столовой Рассольников встал как вкопанный. Что-то не давало ему идти дальше. Головешки скамеек и деревянного каркаса, много серой золы и пепла, жирные пятна сажи и запах... странный запах, заставляющий сердце сбиваться с ритма.

– Эвакуация заканчивается! – вещал невидимый громкоговоритель. – Просьба всем занять места на спасательном судне.

Толпа, словно очнувшись, хлынула к белому суденышку с ярко-красными крестом и полумесяцем на борту. Платон один продолжал стоять, обшаривая глазами лагерные руины. Толпа раздавалась, обтекала его и снова смыкалась. Толпа текла молча. Он не услышал ни единого дурного слова или восклицания. Для людей он словно был чем-то неодушевленным – деревом или столбом.

Платон двинул рукой, ногой, с удивлением обнаружив: они работают, как и прежде. Кинулся к стоящим и пова-

ленным палаткам. Они были чужие, установленные совсем недавно. От археологической экспедиции здесь не осталось ничего. И все-таки Рассольников приподнимал упавшие тенты, двигал ящики, переворачивал койки. Дианы нигде не было. Ни живой, ни мертвой. Ни вещей ее, ни следов.

– Кого вы ищете? – усталым голосом произнес человек в оранжевом защитном костюме с прозрачным щитком в лицевой части шлема. Платон не заметил, откуда он взялся.

– Диану Верховен. Мы вместе вели раскопки.

– Мне очень жаль. Она была заражена...

Наверное, он говорил подобные слова в сотый раз за день. Он прошел мимо археолога, направляясь к спасательному судну, но Платон схватил его за рукав.

– А я?! – воскликнул Рассольников. Пока он понял голью одно: их разлучают.

– А вы, слава богу, нет, – произнес человек, внимательно поглядел на Рассольникова и осторожно высвободил руку.

– Я хочу к ней! – потребовал Платон.

– Это невозможно, – мягко ответил человек, хотя чувствовалось, что ему очень хочется заорать.

– Я хочу к ней! – взмолился археолог.

– Она умерла... – человек заставил себя произнести эти страшные слова.

– О... Она... – Платон подавился словами. Ноги вдруг подломились, он пошатнулся и упал на колени. Земля притягивала его. Археолог уперся в нее руками, но отяжелевшую

голову неудержимо тянуло вниз.

– Эвакуация заканчивается, – голосом охрипшего громкоговорителя произнес человек, ухватил Рассольникова за плечи и легко поставил на ноги. Потом добавил приказным тоном: – Больше судов не будет. Пошли со мной.

– Вы не могли ее убить! – выкрикнул Платон в отчаянии.

– Почему? – удивился человек в оранжевом.

Археолог даже не замечал, что его ведут к спасательному судну.

– Она была прекрасна... – Платон сам чувствовал, что не сможет переубедить этого человека. Нужны были какие-то другие слова.

– Если б ты знал, скольких... – человек не договорил, крепче ухватил Рассольникова за плечо. Потом все-таки продолжил фразу: – ...красавцев и гениев пришлось... – не сразу подобрал нужное слово, – похоронить, чтобы остальные жили.

– Она бы поправилась! – Вот они, нужные слова. Эти человек поймет – он же из Карантина. Он понимает только стандартные формулировки. – Нам сделали все прививки! У нее здоровый организм! Иммуитет! – Платон выкрикивал один аргумент за другим, не замечая, что уже посажен в противоперегрузочное кресло, что человек ушел в кабину, люк закрылся, и корабль начинает взлет. – Пустите меня! Я буду ее искать! – Рассольников вдруг сорвался с места, словно подброшенный пружиной, и кинулся к люку.

Один из карантинщиков остановил его подножкой. Археолог растянулся в проходе, между кресел, занятых очумелыми спасенными. Старинное суденышко оторвалось от земли, и Платона вмазало в пол всеми пятью «g» – только искры полетели из глаз, да остатки воздуха выдавило из груди...

В тот день его, Платона Рассольникова, вместе с пятьюстами шестьюдесятью людьми и ксенами спасли от неминуемой и мучительной смерти. Спасли карантинщики из Департамента здравоохранения. Спасли, безжалостно спалив из огнеметов всех тех, кто уже был инфицирован страшным вирусом-мутантом по имени Иоланта-666. Сожгли вместе с домашними животными, жильем, одеждой, инструментом и пищей. Но с тех самых пор Платон почему-то на дух не переносит этих крепких, неутомимых и безжалостных ребят из Карантина.

* * *

Объявив боевую тревогу, лейб-перанг Пупыш включил громкую связь и повторил личному составу крепости то, что сказал ему старик Киндергласс:

– Бойцы Карантина! Следственный эксперимент провалился. Арестованный нами корабль снова в руках врага. Охрана перебита, комендант крепости мертв. Как его первый заместитель, я, лейб-медик первого ранга Бронислав Пупыш, принимаю на себя всю полноту власти. Боевая тре-

вога. Огневые расчеты занять свои места, приготовиться к бою. Переговоров с беглыми нарушителями не вести.

Первым делом Пупыш радировал командиру глиссера, сопровождающего в полете «Оболтус». Тут он сделал ошибку: экипаж космокатера непосредственно подчинился командиру крейсера лейб-коммодору Вананариву. Командир глиссера хоть и был временно прикомандирован к «Запору-4», без прямого приказа Вананариву даже руки мыть не станет.

Катерник отказался расстрелять кораблик и по рации сообщил Сандерсону о полученном им приказе. Комендант немедленно связался с орбитальной крепостью и потребовал арестовать изменника. Дежурный офицер и два наблюдателя, находившиеся на Центральном Посту вместе с Пупышем, вытаращили глаза.

– Вы же сказали, что он погиб! – воскликнул дежурный и потянулся к кобуре.

Начальник контрразведки оказался проворней. Положив из станнера всех троих, Пупыш перевел дыхание, вытер со лба холодный пот, а потом приказал командирам огневых установок сжечь захваченные врагом кораблик и глиссер.

– Но ведь на глиссере нет арестантов. Как его могли захватить? – возразил командир лазерной батареи.

– Мы внимательно следим за их полетом. На глиссер с «Оболтуса» никто не переходил, – поддержал его командир батареи дезинтеграторов.

– Глиссер не подчинился моему приказу, – отвечал Пу-

пыш. Он не ожидал получить отпор и на мгновение растерялся. – А это измена!

С каждой секундой его положение становилось все опаснее.

– В таком деле мы не можем верить вам на слово...

Пупыш оборвал связь и с помощью центрального компьютера крепости переключил на себя систему управления лазерными пушками. Теперь они реагировали только на его личные коды.

* * *

К тому времени охранники на «Оболтусе» действительно были выведены из строя: правда, не убиты, а парализованы. Арестанты освобождены из наручников и электронных ошейников, а комендант крепости Сандерсон связан и посажен в одно из кресел командной рубки. Его держал под прицелом Платон Рассольников. Непейвода следил за действиями глоссера, а «Оболтус» шел на посадку – ему было ни до чего.

Кребдюшин Капоте все не мог поверить, что спасен. Снова и снова ощупывал себя, ласково поглаживал грудь и бедра. Его любимое тело по-прежнему было при нем.

Разумный гриб безразлично воспринял и свой арест, и освобождение. Платон подозревал, что это всего лишь умело скроенная маска. Ему порой чудилось, что в душе авто-

номного плодового тела бушует скрытый огонь. Но стоило ему присмотреться к грибу попрystalьней, как это ощущение исчезало. Гриб был столь же экспрессивен, как земной подосиновик.

Кребдюшину чего-то не хватало для полного счастья. Хотелось отомстить за пережитый страх. Отомстить немедленно. Он подошел к коменданту крепости и толкнул его в грудь. Полукровка это показалось мало, и тогда он по-бабьи ущипнул пленника за шею. Ничего не сказав, лейб-коммодор презрительно глянул на него. Взгляд Сандерсона не понравился Кребдюшину, и тот наотмашь хлестанул пленного по щеке.

– Кончай скалиться, падла! – прошипел полукровка и замахнулся снова.

Платону надоело это безобразие, и он решил вмешаться. Вскочив с кресла, Рассольников легонько двинул плечом. Толчок застал Кребдюшина врасплох, он потерял равновесие и отлетел к стене.

– Ты чего?! – обиженно завопил полукровка. – Он же хотел нас убить! Я в своем праве!

– У нас есть право его прикончить, но не глумиться, – веско ответил археолог. – Остынь...

Кребдюшин пошел «остывать» в свою каюту.

«Оболтус» начал приходить в себя еще в штрафном ангаре орбитальной крепости. Действие парализующего газа длилось три с небольшим часа. Проснувшись, корабельный

мозг попытался восстановить контроль над приборами наблюдения. Тотчас сработали датчики, и карантинщики пустили в ангар облако сонного газа. Снова проснулся «Оболтус», когда на борт поднялись трое пассажиров в сопровождении коменданта и шестерых охранников, одним из которых был Двенадесятый Дом.

Корабельный мозг окончательно восстановил контроль над биомеханическим телом и был в восторге, обнаружив, что к нему вернулись способности мчаться как метеор, закладывая виражи, делать мертвые петли. Он бы немедленно начал хулиганить, вопить и кувыркаться, да только Дом запретил. Любая шалость могла стоить им жизни.

– Глиссер на связи, – вдруг объявил Непейвода. – Хотят поговорить с комендантом.

– Только без глупостей! – прошипел археолог, приставив ствол станнера к затылку Сандерсона.

– Не дурак, – буркнул тот.

Муравейник включил громкую связь и перевел тахионный передатчик в режим видео, но так, чтобы на глиссере было видно только лицо коменданта. На экране возникла смуглая физиономия катерника.

– Что случилось, Рамашива? – Голос лейб-коммодора вполне соответствовал ситуации. Он прекрасно владел собой. Вот только красный отпечаток пятерни на щеке малость портил картину.

Командир космокатера был взволнован и запинаясь через

СЛОВО:

– Г-господин комендант! Из к-крепости поступило с-сообщение, что в-вы убиты. П-пупыш приказал с-сбить ваш к-корабль.

Сандерсон опешил. Дванадесятый Дом и археолог ошале-ло смотрели друг на друга.

– Пупыш – изменник, – со странной интонацией изрек лейб-коммодор.

– Т-так точно, г-господин комендант, – с натугой произнес Рамашива.

Платон вдавил дуло станнера в затылок пленнику, как будто это могло помочь диалогу.

– Я разберусь с этим делом, – охрипшим голосом сказал Сандерсон. – Продолжаем спуск.

– Вас понял. – Экран погас.

– Что будем делать? – осведомился Дом.

– Надо радировать в крепость, – предложил комендант. – Я прикажу арестовать Пупыша.

– А если дело не выгорит? – буркнул археолог.

Ему не стали отвечать. Непейвода уже вызывал «Запор-4». Слава богу, они увидели на экране не Пупыша, а дежурного офицера. Карантинщик поначалу онемел от удивления. Лейб-коммодор приказал арестовать изменника. Дежурный выпучил глаза, воскликнул, обращаясь к кому-то, находящемуся рядом:

– Вы же сказали, что он погиб! – И тут же обмяк в крес-

ле. А через десять секунд экран погас. Это был полный облом. Холеное лицо коменданта осунулось, а глаза лихорадочно горели.

– Вы гарантировали мне жизнь... – произнес он тихо. – Вы мне врали.

– Кто же мог знать, что ваш помощник решит занять ваше место?

– Мы сдохнем. Нас сейчас собьют, или чуть позже сожрут джунгли, или... – Сандерсон не договорил, принялся ворочать шей, словно у него зачесался затылок, а руки-то связаны.

– Или? – Платон встал с кресла и навис над лейб-коммодором.

В этот самый момент по «Оболтусу» дали залп лазерные пушки «Запора-4». Корабельные отражатели отбили атаку, словно зеркальный щит Персея – смертоносный взгляд Медузы-Горгоны. А следовавший параллельным курсом космокатер попал под луч и взорвался в воздухе.

Ударная волна качнула кораблик, и археолог свалился на Сандерсона. Комендант боднул его лбом в подбородок, хотя все равно он не мог освободиться от пут. Платон отшатнулся, крикнув от боли. Он не стал в отместку бить пленника, хотя очень хотелось. Ограничился тем, что сунул ему под нос аристократический кулак – нюхнешь и разом трезвеешь, будто нашатыря надышался.

«Оболтус» сделал головокружительный маневр, нырнул в

грозовые облака. Мчась сквозь переплетение электрических разрядов, ослепленный яростными вспышками и оглушенный душераздирающим грохотом, кораблик ненадолго вырвался из перекрестья прицелов.

Каждая секунда могла решить его судьбу. Надо стремительно ринуться вниз и войти в пике, словно стремясь протаранить Тиугальбу. В самый последний миг раскалившийся от атмосферного трения кораблик перейдет в горизонтальный полет и с шипением, подняв облако пара, ухнет в воду.

Непейвода и археолог не вмешивались, препоручив свою жизнь капризному и ворчливому биомеху. Инстинкт самосохранения – великая сила. Уж если он не спасет, направив «Оболтус» по оптимальной кривой, то медлительные и насмерть перепуганные людишки-муравьишки – тем более.

Перегрузка при посадке была такая, что откажи вдруг антигравитатор, экипаж и пассажиров кораблика размазало бы по рубке и каютам. Биомеханическое тело кораблика скрипело от напряжения, как деревянные переборки старинной шхуны в десятибалльный шторм. Такого ускоренного торможения «Оболтус» не испытывал еще никогда. Растившие его корабельщики вряд ли рассчитывали, что их дитя решится исполнить столь смертельный номер. Охладитель непрерывно поступал на внешнюю шкуру кораблика, и все равно она не успевала остудиться. Верхний слой кожи кипел и кровавым шлейфом тянулся за пикирующим «Оболтусом». Кораблик непрерывно наращивал ее, перераспределяя актив-

ную массу. Переборки его тончали, сам он съеживался, но Платон и Двенадесятый Дом этого не замечали. Вцепившись в подлокотники кресел, они физически ощущали запредельное напряжение, охватившее биомеха.

Археолога била дрожь, сердце замирало. Сейчас он не дышал, ни о чем не думал и почти ничего не видел. Да и смотреть-то было некуда— экраны выключены, свет погас, каждый джоуль энергии на счету. Только одно слово кружилось в голове: «Кранты».

Клеточки Непейводы сотнями теряли сцепление и начинали перемешиваться в скафандре. Гибкое и прочное фальштело превратилось в рассыпчатую кашу.

«Оболтус» сел на мелководе, целиком скрывшись под водой. Он слишком боялся нового залпа, от которого отражатели могут и не спасти. Вода кипела вокруг, демаскируя место посадки. И кораблик не жалел охладителя, десятком струй выбрызгивая его в океан. «Жив!» — понял Платон и обнаружил, что с ног до головы залит потом. При каждом его движении в скафандре хлюпало. Археолог включил вентиляцию скафандра, встал, чувствуя, как дрожат и подгибаются колени, и нагнулся к Сандерсону. Карантинщик был без сознания. Везет же некоторым!..

Муравейник с трудом поднялся на ноги, ментальными зуботычинами навел порядок в своем воинстве и направился проведать пассажиров и остальных пленников.

Коменданта орбитальной крепости и его людей высадили

на месте посадки. Им дали надувную лодку, мешок с армейскими рационами и передатчик, который заработает через пару часов, когда кораблик будет уже далеко.

– Причальте к берегу и позагорайте на пляже, – напутствовал их Рассольников. – Вглубь идти не советуем – съедят.

Распогодилось. Нежно-голубые, отливающие бирюзой небеса ласкали взгляд. Работяга-бриз пытался остудить разгоряченные головы. Низкие сине-зеленые волны устало лизали комингс-площадку и перископ корабля, подталкивали к берегу оранжевую, хорошо заметную издали посудину с черным номером «333» на боку.

– Вы – убийцы! – надсадно кричал Сандерсон с кормы лодки, а охранники дружно гребли короткими веслами, спеша поскорее убраться от «Оболтуса». Заткнуть глотку коменданту они не решались. – Нас примут за нарушителей! И расстреляют с орбиты!

Платону некогда было слушать уносимые ветром крики. Он забрался в люк кораблика и перешел в командную рубку. «Оболтус» уже поплыл в противоположную от берега сторону.

...Кораблик лежал на дне, в метре под поверхностью мелководного залива Кабронес. На экранах была видна прогретая тропическим солнцем вода, колебались длинные языки желто-зеленых водорослей и проплывали, вяло шевеля плавниками, разноцветные рыбы размером с крупного окуня, мелочь носилась подобно синей, красной и желтой мошкаре.

Непейвода заставлял «Оболтуса» метаморфировать в подводную лодку. Он развесил в командной рубке три голосхемы лучших подводных лодок и торопил корабельный мозг с выбором. А тот капризничал, требуя все новые и новые варианты.

– Вы должны учитывать мои эстетические требования, – сварливо произнес «Оболтус». – Я и так пошел у вас на поводу, хотя не дело порядочному звездному бригу булькаться в гнусной жиже. Извольте потерпеть. Я выберу себе подобающую внешность, иначе меня стошнит от собственного отражения!

Корабельный мозг перебирал четвертую сотню вариантов, углубившись в прошлое на добрую тысячу лет. Временами бурчал себе под нос, возмущаясь чьей-то глупостью и безвкусицей.

Ну что тут скажешь?.. Пышущий злостью Дванадесятый Дом с трудом сдерживался, чтобы не пустить в ход свое самое действенное оружие, а Платон, который сидел в соседнем кресле, хихикал в кулак. На его взгляд, оба спорщика выглядели одинаково потешно.

Наконец, когда Непейвода уже перестал надеяться, «Оболтус» воскликнул:

– Вот это еще куда ни шло! – И тут же начал меняться.

Переборки мелко задрожали, потом затряслись сильнее и «поплыли», перестраиваясь. Археолог почувствовал, что воздух в рубке быстро теплеет. Кондиционеры не справля-

лись с выделившимся при метаморфозе теплом. Платон растегнул ворот полетного комбинезона и стал усиленно махать рукой, создавая иллюзию ветра. Что мертвому припарки. Его словно втолкнули в сауну в полной экипировке.

Потолок заметно опустился, а стены немного раздались в стороны. Потом рубка начала странное движение в недрах «Оболтуса» – медленно поворачивалась вбок, одновременно перемещаясь вперед метров на десять. Все корабельные отсеки стали меняться местами, из трех палуб перестраиваясь в одну.

Кресла обволокли Дванадесятый Дом и Рассольникова, не давая им упасть, и перетекали в новое положение вместе с пультом управления, покрытыми рябью экранами и переборками, по которым гуляли упругие волны.

И вот процесс завершен. Все устаканилось. Командная рубка изменилась мало. Чтобы увидеть, как теперь выглядит «Оболтус» снаружи, отправили в свободное плавание одну из внешних видеокамер. Муравейник и Платон глянули на экран и застыли с отвисшими челюстями.

– Рот закройте – ворона залетит! – весело воскликнул корабельный мозг. – Я знал, что вам понравится.

«Оболтус» походил на модель подводной лодки Фултона, которую тот предлагал Наполеону Бонапарту для переправки армии вторжения на берега туманного Альбиона. А еще кораблик слегка напоминал знаменитый чертеж Леонардо да Винчи. Словом, это был шедевр неандертальского кораб-

лестроения – с причудливой формы рулем, бочкообразным корпусом, утыканным перископами пупырем рубки и многолопастными колесами по обоим бортам.

– Ты... Ты... – пытался что-то выговорить ходячий муравейник, но язык у него не поворачивался, – ...собираешься плыть? Рыбы при виде тебя передохнут. И с орбиты будет слышно, как ты шлепаешь по воде этими досками.

– У меня от рождения – безупречное инженерное мышление, – бодро отвечал ему «Оболтус». Похоже, ответ он заготовил заранее. – Нет ничего лишнего, нефункционального. Вы должны быть довольны. Не понимаю, отчего сыр-бор...

– В одном беда, – поддержал напарника археолог. – У тебя вторично съехала «крыша». Ты не ведаешь, что творишь, и нам придется малость тебя полечить.

Он не имел в виду новое массовое покусательство – лишь хотел припугнуть «Оболтуса». Но корабельный мозг понял по-своему и завопил истошным голосом:

– Не трогайте меня! Я не позволю! Так со мной обращаться! Я – разумный биомех! А не свинья попа!

Платон едва не умер от смеха. А Непейводе пришлось выступить всеобщим примирителем. Эта роль сейчас устраивала его как нельзя лучше.

– Мы – гуманисты, дружок. И пока кто-нибудь не попытается провалить нашу экспедицию – злонамеренно или по недомыслию, ни за что не станем принимать карательные меры.

– Поверю на слово, – буркнул корабельный мозг. – Уже и пошутить нельзя! Когда-то у вас было чувство юмора...

Глава 18

Тайна Тускароры

«Под водой, знаете ли, есть своя прелесть. Не чувствуешь груза лет, забываешь об одышке, не примериваешься к своему неподъемному саквоюжу – по силам ли. Здесь не надо задирать голову, оглядывая небеса, и мучительно размышлять: понадобится зонтик на прогулке или нет. А если серьезно, для некоторых океан – величайший магнит Вселенной, и, однажды побывав на глубине, такие люди навек заражаются „морской болезнью“. Но есть множество других, кто на дух не переносит мель-тешение рыбьих стай, переплетение змеящихся водорослей, исчезновение солнышка и, главное, – давящую тяжесть многометрового водного слоя. Вода – это палка о двух концах».

Документ 18 (из записных книжек аквагенетика)

Подводный мир Тиугальбы дивен, а работа археолога на дне морском весьма своеобразна. Экспедиция копалась в иле и песчаных наносах уже третий день. И никакие Кребдюшиновы древние карты не помогали. Слишком глубоко были погребены развалины Нового Форта. Ни единого ориентира не осталось. Хоть бы какой минарет или радиорелейная

вышка торчали из ила!..

Любая попытка нащупать под отложениями древние камни поднимала густую муть, которая часами не хотела оседать, доводя Платона и Непейводу до белого каления. Драгу бы сюда, так ведь она разнесет руины к чертовой бабушке. А что остается? Надеть тяжелый водолазный скафандр, забраться в гушу ила и барахтаться там до посинения.

А вот если не тыркаться и оставить донные отложения в покое, – все просто чудесно: длинные ленты водорослей колеблются в струе подводного течения. Час за часом. Эта картина успокаивающе действует на нервы. Для полного терапевтического эффекта не хватает только плеска волн или тихо журчащей восточной мелодии.

Поблизости располагается огромная колония семиконечных морских звезд и кустятся заросли ослепительно раскрашенных анемонов. Раки-отшельники понуро волокут на своих жилищах разноцветные полипы. Гигантские крабы беззвучно щелкают клешнями, пытаясь отпугнуть наглых пришельцев.

Рядом с куполом подводного лагеря снуют косяки ярко раскрашенных тропических рыбок. Если глядеть сквозь прозрачный стеклолит, их синие, красные, желтые тельца кажутся влекомыми водой листочками разноцветной фольги. Гриб неотрывно следит за их передвижениями, намертво прилипнув к куполу. Пока Кребдюшин Капоте не дает работу своему рабу, тот может сидеть так сутками.

А сам полукровка помогает монтировать из атомноупакованных деталей могучий насос, энергия к которому пойдет от корабельного реактора. Кребдюшин очень хочет выказать свою полезность: суетится, носится туда-сюда, лезет поперек башки в пекло и пользы от него столько же, сколько и вреда.

Первым делом в иле будет утоплен новехонький купол, насос выбросит наружу ил, и можно будет поглядеть, что делается на твердом дне. Покопаться в песке и камнях – пока не надоест. А затем все начнется сначала: с помощью «Оболтуса» купол будет поднят и опущен чуть в стороне. Опять заработает насос, в расчищенный купол заберутся водолазы и будут ковыряться в дне. Эту операцию можно повторять хоть тыщу раз подряд. До полного опупения. Так оно и будет.

Так оно и было. Очистить круг диаметром двадцать метров и попробовать привязаться к древней карте. Дохлый номер. Уж лучше выбрать место наугад, очистить круг – и копнуть на удачу. Не может удача вечно от них отворачиваться!

В первый день копнули всего раз десять. Во второй – вдвое больше. В третий отработали технологию, достигнув потолка – дюжина попыток до обеда и дюжина после. Теперь в этом темпе, быть может, придется работать месяцами.

Не пришлось. На них напали в первом часу ночи. Кораблик не успел поднять тревогу. Рядом с ним лопнули баллоны с усыпляющим газом, и «Оболтуса» окутало мутно-белое облако. Неприятель знал, что он – биомех, и умел бороться с живыми машинами.

Десятки темных силуэтов беззвучно выскочили из мрака. Платон и Непейвода все еще ковырялись в дне, сидя в отмытом от последней порции ила куполе. Не хотели ложиться, пока не закончат.

Купол был пробит сразу в нескольких местах. Вода хлынула внутрь. Взыла сирена, бешено заработал насос. Но прораны оказались слишком велики. В желтом свете прожекторов потоки мутной воды хлестали из прозрачных стен купола. Напарники едва успели натянуть скафандры, которые были у них под рукой.

И вот купол наполнился до краев. Платон и Непейвода открыли люк и выплыли наружу. Тут-то их и повязали.

Уже проваливаясь в бездну сна, «Оболтус» успел запустить двигатель, и спящий кораблик уносился в открытое море. Ему предстояло несколько часов плыть вслепую, пока газ перестанет действовать. Вместе с корабликом отправились в дальнейшее плавание Кребдюшин и гриб, которые, ничего не подозревая, продолжали мирно спать в своей каюте.

Напарников захватили покрытые дельфиньей кожей и кустами жабр существа с выпученными рыбьими глазами, перепончатыми конечностями и спинным плавником. Они мало напоминали вымерших тиугальбцев. Чуть больше – легендарного Ихтиандра и его вполне реальных последователей. Огромные пучеглазые головастики с длинными хвостами казались разумными только потому, что пользовались оружием.

Экспериментировать над человеческими эмбрионами пытались много раз – почти каждый век, хотя власти сурово карали за это. Едва биотехнологии делали очередной шаг вперед, ученые возобновляли свои попытки. За тысячу лет из пробирок вылупилось множество ублюдочных созданий. Создатели обрекли их на мучительную смерть или мучительную жизнь.

Правда, были среди подопытных кроликов и действительно интересные экземпляры, идеально приспособленные к экстремальным условиям назначенной им среды обитания. Среди этих везунчиков оказалось и несколько амфибий. Чем кончилась их история, Платон не знал: то ли умерли от старости, не оставив потомства, то ли до сих пор живут на какой-нибудь водной планете, все гуще заселяя ее океаны.

Аборигены связали археолога и Дванадцатого Дома эластичными жгутами и, взяв их на буксир, нырнули в придонную тьму. Пленники могли переговариваться друг с другом по рации скафандров.

– Если сразу не съели, значит, хотят побеседовать, – не терял оптимизма Дом.

– Сначала надо нагулять аппетит, а потом варить похлебку, – не терял пессимизма Рассольников.

Путешествие закончилось через полчаса. Замедлив ход, головастики втащили напарников в неприметную расщелину в скалах, которые местами торчали из ила. Если это была часть затонувшей суши, там могли сохраниться обширные

подземные помещения.

Плывя по узкому туннелю, аборигены бесцеремонно пихали и подталкивали Платона и Непейводу, чтобы придать им нужное направление. Впереди возникло расплывчатое желтое пятно. Там горел светильник!

Пленников вытолкнули на поверхность воды, потом втащили на узкую полосу берега. Это была довольно большая, вырубленная в толще скалы пещера. Ее освещала висящая под потолком древняя электрическая лампа. Воздушная подушка не давала воде подняться выше. Давление воздуха здесь было вдвое больше наземного, так что Платон чувствовал себя не слишком хорошо.

Головастики могли обходиться без воды, но из-за перепончатых ласт передвигались весьма неуклюже. За все время они не обменялись и парой членораздельных звуков – только бульканье, клокотанье и лягушачье кваканье.

* * *

Аборигены повалили пленников на каменный пол и надели на щиколотки кандалы. Потом приковали кандалы цепями к кольцам, вбитым в стену пещеры. Теперь археолога и Дванадесятого Дома разделяли метров десять, и они ничем не могли друг другу помочь.

Шлемы с напарников не снимали, руки и ноги не развязывали, и потому ходячий муравейник не мог вырваться из ска-

фандра и устроить головоастикам шурум-бурум. Манометры, измеряющие давление газовой смеси в баллонах, каждые десять минут сообщали ситуацию. Воздух кончится через три с половиной часа.

– Или они уверены, что успеют закончить свои дела, – произнес археолог по радиации, – или они решили нас угробить.

– Я мог бы попытаться прогрызть скафандр изнутри, но боюсь, что нас снова заставят плыть, – сказал Дом. – Стоит рискнуть?

– Сколько тебе нужно времени?

– Черт его знает... Никогда не пробовал.

– Тогда не стоит. Пусть нас сначала допросят...

Платон сел на пол, прислонившись спиной к стене, и закрыл глаза. Он не стал в очередной раз проклинать тот день и час, когда согласился участвовать в этой авантюре. Не молился он и о спасении – без толку. Его ангел-хранитель давным-давно слег от переутомления. А может, и вовсе помер.

Нет худа без добра. Выпавшие на долю Рассольникова испытания позволили на время отвлечься от той нескончаемой суеты, которую, по глубокому заблуждению, принято называть «жизнью». Сейчас он мог окинуть взором прожитое и попробовать разобраться в себе. «Зачем я живу? Год проходит за годом, я не молодею, все ближе закономерный финал – единственное, что роднит всех живущих в бренном мире. Но я стараюсь не задумываться о смысле жизни, с головой погружаясь в череду неотличимых друг от друга будней. Так

проще. Что я люблю, а что ненавижу? К чему стремлюсь? Чего достиг? И чего не обрету уже никогда? Я утратил веру в чудо, еще когда под стол пешком ходил. Я утратил детскую невинность в седьмом классе, когда мы готовились к экзаменам. Ее звали Миранда. Более подходящего имени не найти, ведь она открыла для меня целый мир. Мир, в котором я продолжаю жить. Мне хорошо в нем. Уютно, тепло и мягко. Разве я – преступник от того, что беспрестанно грешу? Грех – дело богоугодное. Да и что понимать под грехом?..

Чем-то я похож на Непейводу и Кребдюшина. Все трое – изгои, но муравейник при этом – часть целого, полукровка – сам по себе, а я... Мне душно среди людей, я постоянно стремлюсь вырваться за очерченные пределы, улетаю к черту на кулички, яростно копаюсь в чужих могилах, пока тяга к себе подобным не становится неудержимой. Тогда я возвращаюсь, чтобы вскоре снова затосковать. Я живу по принципу маятника – не худший вариант. Я похож на умного мотылька, который внезапно возникает из ночной тьмы, чтобы поплясать у раскаленной лампы, но никогда не обжигает крылья. А потом я снова исчезаю в ночи...

Я могу себя уважать за то, что никогда не обманывал женщин, не давал несбыточных обещаний. В наше бесчестное время, когда слово ничего не стоит, это не столь уж малое достоинство. Я делал для возлюбленных своих женщин все, что мог. Я дарил радость – пусть недолгую, зато от всего сердца. Тем, что привыкли получать от мужчин только удары и

оскорбления, содержать их, удовлетворять их поганые страстишки, ничего не получая взамен, я, наверное, кажусь сущим ангелом. Тем, которые не ждали от меня слишком много, я дал все и даже больше – часы настоящего счастья. Ну а те, что рассчитывали подчинить меня, были жестоко разочарованы – им оставалось лишь кусать локти или мстить... Я не чувствую своей вины.

Любая женщина для меня загадка, любая хранит в себе тайну, полна глубоко скрытых или явных прелестей. И если она была мною разгадана, не становилась от того менее интересной, менее любимой. Я слишком дорожу близостью с женщинами, чтобы беззастенчиво пользоваться ими. Хотя было их в моей жизни великое множество. Пора признаться хотя бы самому себе: я упиваюсь женщинами, только рядом с ними я дышу полной грудью и радуюсь жизни...»

Пленников продержали в пещере около часа. Их сторожил только один охранник. Головастик нырнул в воду и тихо плескался там, то уходя в глубину, то высовывая влажную макушку на поверхность. Кожа у него была буроватая, в темных крапинах. Если на суше он был похож на вставшую на задние лапы жабу, то в воде походил скорее на тритона.

В водной стихии охранник чувствовал себя превосходно – век бы не вылезал на берег. И археолог подумал: «Слишком хорошо приспособлены к океану. Они уже никогда его не покинут».

А потом из озерца дружно всплыли шестеро аборигенов.

Они расковали Платона и Непейводу и переправили в соседнюю пещеру – поменьше размером, зато поуютней. Она была освещена теплым зеленоватым светом, гладкие стены украшала мозаика с растительными сюжетами. Пол, окружающий центральное озерцо, был покрыт керамической плиткой.

Напарников снова втащили на бортик и поставили на ноги. Наконец-то с них сняли шлемы. Правда, развязывать не стали. За спиной встали охранники, уткнув пленникам в хребтину наконечники гарпунных ружей.

* * *

Двунадесятый Дом в любой момент мог выскочить из скафандра и муравьиной тучей наброситься на своего конвоира. Вот только Рассольникова при этом наверняка убьют.

А потом напарники обнаружили, что в озерце появился новый персонаж: крупный головастик с тонкими золотыми браслетами на лапах. Голова, грудь, спина и лапы у него были почти черного цвета, брюшко – голубоватое, а перепонки – красные. Глаза отливали насыщенной желтизной.

– С вами будет говорить Его Темнейшее Всплывательство, – проквокал на отвратительном космолингве один из аборигенов. Казалось, от напряжения он вот-вот лопнет.

Головастикова начальник и лягушек командир, раскинув перепончатые лапы, неподвижно лежал кверху брюхом на поверхности воды в центре озерца. К его шее крепился уни-

версальный транслятор. Так что с ним можно было разговаривать на любом из языков Лиги.

Выкатив и без того круглые, выпученные глаза, Его Темнейшее Всплывательство внимательно изучал пришельцев. Он не спешил открыть рот.

– Зачем вы напали на нас? – спросил археолог, прервав затянувшуюся паузу.

– Мы думали, что это отряд диверсантов, – на старом космолингве ответил головастик. У транслятора был чистый выговор. – Карантинщики давно собираются начать чистку океана, но денег им пока не дают... Нас загнали в воду, – продолжал вещать местный вождь и учитель. – И стоит сунуться на сушу, орбитальные крепости выжигают наш плацдарм. Для Галактики мы не существуем. Нет ни агрессии Лиги, ни нарушения прав гуманоидов, ни растоптанного суверенитета независимой планеты. Есть давным-давно побежденный вирус и вечный карантин, при котором дозволено все...

– Мы вдосталь нахлебались этим карантинном, – вкрадчиво заговорил Платон. – Нас несколько раз пытались убить...

– Зачем же вы с таким упорством лезете сюда, на смерть? – перебил его тиугальбец.

– Мы хотим вернуть подавшую к вашим предкам, собственность планеты ФФФукуараби. Только и всего, – вступил в разговор Непейвода. – Мы не собираемся мстить, мы не требуем контрибуцию, мы только хотим забрать свое имущество.

Его Темнейшее Всплывательство выразительно развел перепончатыми лапами. Мол, это ваша проблема. Но читалась в его жесте и угроза— дескать, не замай!..

— Почему вас так сильно не любит Лига? — поспешив уйти от щекотливой темы, спросил археолог. Ходячему муравейнику он скорчил рожу: думай, что болтаешь! — Есть множество рас, с которыми она вынуждена считаться. Некоторые она не переваривает, до вынуждена терпеть. Почему именно вы оказались вне закона? Плеснув водой, Его Темнейшее Всплывательство перевернулся на живот.

— Нашу цивилизацию несколько раз пытались поставить на колени. Но до создания Лиги это никому не удалось. Мы не хотели быть гегемонами Галактики, но и старались не допустить чьего-то лидерства. Все цивилизации должны быть равноправны, а их экспансия ограничена... тем или иным способом, — усмехнулся он, скривив жабий рот. — Слишком быстро, а значит, уродливо развивающиеся цивилизации нужно вовремя притормозить... для их же собственного блага. Галактике необходимо равновесие. Тиугальба никогда не подчинилась бы диктату и не согласилась с ролью расы второго сорта. И Лига это знала. Мы видели, как наше жизненное пространство, наши планеты со всех сторон окружают земные колонии, и знали, что конфликт неотвратим. Тиугальба изо всех сил готовилась к грядущей войне.

— Вы в одиночку хотели изменить ход развития Галактики. Не слишком ли большой груз взвалили на себя? — со сме-

сью восхищения и укоризны произнес Платон. – Поэтому и надорвались.

– Мы отбили первую атаку! – целиком высунув голову из воды, с гордостью воскликнул головастик начальник. – Первая Конкиста захлебнулась, колонисты... – замолк на мгновение, подбирая слова, – ...исчезли с трех десятков планет. И никто не смог обвинить Тиугальбу. Мы перевели дух и снова начали готовиться. Но на сей раз нас упредили. Бактериологическая атака уничтожила экосистему и почти все население метрополии. Остатки укрылись на дне, нам пришлось приспособливаться к водной среде...

– А мы-то думали: вирус был оружием вашей обороны и вырвался на свободу, – удивился археолог. – Тогда почему он до сих пор хранится среди инопланетных «сувениров»?

– Это умелая фальсификация. Мы никогда бы не потащили на родную планету нечто столь опасное, не имея под рукой противоядия. Лига специально захоронила на Тиугальбе десятки контейнеров для таких, как вы, настырных кладоискателей.

Платон Рассольников не поверил Его Темнейшему Всплывательству. Больно сложно для Лиги. Уж скорее, ее диверсанты выпустили Джина из бутылки, взорвав одно из хранилищ, созданных аборигенами на случай войны. А впрочем, кто знает?..

– В полной изоляции мы неудержимо деградируем. Не торгуя с другими цивилизациями, не имея доступа к совре-

менным технологиям, не имея связи с миром... — тиугальбец подавился словами и нырнул под воду.

* * *

Платон и Непейвода переглянулись. И тотчас острия гарпунов ткнулись им в тело. Прорезать мягкую, но прочную «змеиную кожу» скафандров они не могли, но было больно. Головастики начальник вынырнул, подплыл ближе и, положив голову на каменный берег озера, продолжал свою речь:

– Выходят из строя машины, доставшиеся нам от предков. Рано или поздно они ломаются, а мы уже не можем ни починить их, ни построить заново. Еще пара веков, и мы скатимся в каменный век, вернее, окончательно станем рыбами. Мы утратим остатки культуры, забудем свое великое прошлое и будем не способны к контакту. И тогда ни один, даже самый дотошный ксенолог не отличит нас от других морских животных.

Археолог знал, что полностью приспособленные к среде высокоразвитые существа самодостаточны и не имеют стимула к развитию. Как, например, земные дельфины. А головастики, похоже, слишком хорошо адаптировались к океану. Без техники их цивилизация и впрямь обречена. Когда-нибудь Карантин можно будет снять за полным отсутствием на Тиугальбе разума.

– Наша цивилизация тоже противостоит Лиге, – хмуро произнес Непейвода. – Но она слишком слаба, чтобы вступить с ней в схватку. Максимум, чего мы добились – смогли запретить любые посещения ФФФукуараби.

– Чуть не забыл вас предупредить... – произнес головастиков начальник. – Те сапиенсы, которые узнают о нашем существовании, долго не живут. Лига слишком боится утечки информации.

Тиугальбец замолк и, словно забыв о существовании пленников, начал снова и снова мерить озеро из конца в конец. Он уходил под воду, выныривал у противоположного берега, делал разворот и плыл обратно. На одну ходку уходило десять секунд – головастиков начальник носился как угорелый. Быть может, он хотел похудеть?..

– Простите, что отвлекаю! Ваше Темнейшее Всплывательство! – воскликнул Платон, когда голова местного начальника в очередной раз ненадолго показалась на поверхности. – Что вы собираетесь с нами делать?

Тиугальбец, словно в раздумье, беззвучно открывал и закрывал безобразный рот.

– Я знаю, что золотой горшок – у вас, – ни с того ни с сего: заявил Непейвода. – Вы отдадите нам? – И он был прав.

Головастиков начальник шлепнул по воде лапами, и поле-

тевшие брызги окропили скафандры напарников.

– При одном условии, – медленно заговорил тот. – Вы запустите нашу информационную бомбу в Сеть. Галактика должна узнать о преступлении Лиги, о судьбе Тиугальбы.

– Обещаем! – тотчас воскликнул Дванадесятый Дом. – Каких гарантий вы хотите?

– Честного слова будет достаточно, – великодушно произнес тиугальбец. – Конечно, если ваш командир останется у нас в заложниках.

– Командир? – переспросил Дом.

– Тот, кто руководил работами с лодки. Так будет надежнее всего... – развел лапами головастиков начальник. – Мы обеспечим ему достойные условия и будем с нетерпением ждать известий.

Значит, остававшегося на корабле разумного гриба, который не копался в иле, а только наблюдал за археологическими мучениями со стороны, тиугальбцы приняли за начальника. Вот уж действительно: не знаешь, где найдешь, где потеряешь!

– Но ведь он уплыл! – включился в игру Непейвода. Сейчас важно было соблюсти меру – не перемудрить, но и не проколоться, посчитав, что твой противник – круглый идиот.

– Ваша лодка совсем рядом. Свяжитесь с ней и позовите командира сюда.

– Он не такой дурак, – возразил тиугальбцу ходячий му-

равейник. – Надо показать ему горшок. В шлемах имеются видеокамеры. Можно передать изображение...

После недолгого молчания головастики начальник буркнул:

– Ваш холодильник сейчас принесут. Мы давным-давно слушаем ваши переговоры и заранее приготовили его.

Напарникам вернули шлемы. Острия гарпунов по-прежнему упирались им в хребет. Два головастика приволокли золотой горшок, который так долго и мучительно искали Дом и археолог. Бок тускло поблескивающего горшка имел небольшую вмятину, что не укрылось от муравьиного взора. Непейвода вздрогнул и едва сдержался, чтобы не броситься к холодильнику.

– Теперь вы довольны? – всплыл из глубины озерца Его Темнейшее Всплывательство.

– Мы должны убедиться, что личинки на месте и с ними все в порядке, – стальным голосом произнес Дванадцатый Дом и, не обращая внимания на предупреждающий крик Платона и булькающий вопль охранника, кинулся к горшку.

Абориген не стал стрелять – приказа не было. Он прошлепал по берегу, снова очутился позади пленника, который стоял на коленях, и приставил гарпунное ружье к его затылку.

– Ладно, – нехотя согласился Его Темнейшее Всплывательство-Только поживей.

Окошечко индикатора на боку золотого горшка помутне-

ло, и было не разобрать, какого цвета огонек там горит. Но даже если он зеленый, где гарантия, что внутри снова не окажутся бифштексы? Клеточки, образующие грудную клетку ходячего муравейника, начали проталкивать наверх, к горловине скафандра собственный индикатор, доселе хранимый в недрах его фальштела.

Приставленный к Непейводе охранник дрожал от напряжения. Ружье ходило в его руках, царапая наконечником гарпуна затылок пленника. А Дом тем временем совершал конвульсивные движения – будто кошка, срыгивающая птичий скелетик. И вот в голове его разверзлась дыра. На свет божий показалось нечто вроде небольшого амулета с тускло-серым камнем. Охранник забулькал в ужасе, а головастика начальник закричал:

– Прекрати! Будем стрелять!

– Что именно я должен прекратить? – усмехнулся Двенадесятый Дом. Испорченная голова ничуть не мешала ему говорить.

– Все! – рявкнул Его Темнейшее Всплывательство.

* * *

– Но вы же разрешили проверить содержимое горшка. Вот я и достал индикатор.

– У вас в теле... целый склад? – запинаясь, произнес головастика начальник.

– Только самое необходимое.

Потом он медленно поднял руку, демонстрируя мирные намерения, и вынул из головы амулет. Стоило ходячему муравейнику поднести его к золотому горшку, блеклый камушек вспыхнул ослепительным зеленым светом и запульсировал.

– А посмотреть разве не надо? – осведомился наученный горьким опытом Платон. – Давай вместе. – Ему было любопытно.

Поиграв желваками, Непейвода молча кивнул. Оставаясь на прицеле, археолог медленно подошел к напарнику.

У горшка не было электронного замка (он бы испортился за столько лет) – только механический. Отомкнув его с помощью специально обученных клеточек, муравейник откинул верхнюю крышку. Под ней виднелось заиндевелое окошечко. Дом протер рукой пластину горного хрусталя, и склонявшийся над горшком археолог увидел в глубине сосуда больше десятка желтовато-белых продолговатых штуковин. Замороженные личинки напоминали Платону легендарные блинчики с мясом, которыми питалось население Земли тысячу лет назад.

– Ты доволен? – спросил муравейник, плотно закупоривая золотой горшок.

– По крайней мере, теперь я уверен, что третий раз лететь сюда уже не придется.

– Утолите, пожалуйста, мое любопытство, – воспользовав-

шись паузой, произнес Его Темнейшее Всплывательство. – Скажите: зачем вам мороженые личинки? – Увидев, как изменилось лицо Дванадесятого Дома, как сжались его кулаки и напряглось тело, головастика начальник тотчас спохватился: – Простите, если обидел вас... Ну вылупятся они – дальше что? Эти Царицы безнадежно отстали от жизни. К тому же, они могут иметь самые разные отклонения, которые вызывает столь длительная гипотермия. Царицы в планетных масштабах начнут размножать больные гены и поставят под угрозу всю вашу цивилизацию.

Непейвода выцедил сквозь слепленные из клеточек зубы: – Это не ваше дело. – И все тут. Дипломат хренов!..

Муравейник снова надел шлем. Связь с бортом «Оболтуса» была так себе. Изображение, выводимое на лицевой щиток, искажали помехи, в нем мерцали красные искры, фигуры полукровки и разумного гриба шли зигзагами.

Изрядно потрепанный полукровка обрадовался, что напарники живы-здоровы. Особенно он повеселел, поняв, что нашелся золотой горшок. Когда Дом потребовал соединить его с грибом, Кребдюшин дважды переспросил, полагая, что ослышался.

К экрану подошел разумный гриб и каркающим голосом произнес: «Я слушаю». Археолог вдруг подумал, что спектакль непременно сорвется – не могут же головастики быть столь наивны. Тут какая-то ловушка...

Едва сдерживая смех, Непейвода поднял голову, глубоко

вдохнул и, сделав подобострастное лицо, бодро отрапортовал «командиру»:

– Докладываю: мы вступили в контакт с аборигенами. Они готовы передать объект лично вам в руки. Их единственное условие – мы должны участвовать в прорыве информационной блокады вокруг Тиугальбы.

– Я рад, – прокаркал гриб. – Я готов. Если хозяин разрешит. – Он глянул на Кребдюшина. Тот молча скреб обросший щетиной подбородок.

Платон вздрогнул, услышав последнюю фразу. Успех операции повис на волоске.

– Хозяин непременно разрешит, – поспешно заверил Двунадесятый Дом. Он надеялся, что головастики не поймут, о чем идет речь. Ведь у всякого командира может быть свой начальник.

– Мы выведем подводную лодку к шлюзу, – торжественно объявил Его Темнейшее Всплывательство.

И вдруг пещера дрогнула. Озерцо плеснуло волной на берег, окатив пленников по грудь. По каменным стенам извне пронесся гул. Он стих и, казалось, взрывов больше не будет. Но тут бережок снова качнулся под ногами. Под аккомпанемент накатывающегося грохота с потолка посыпалась пыль и осколки камня. Связь с «Оболтусом» пропала. На лицевом щитке шлема воцарилась серебристая метель помех.

Головастиков начальник, ни слова не говоря, нырнул и скрылся с глаз. Двое охранников не знали, что им делать.

Вода-спасительница неудержимо притягивала их, но приказ запрещал бросать пост. Она прошлепали к кромке озера, наставили ружья на Платона и Дома и присели на корточки. Теперь они были вылитые лягушки. В любой миг охранники могли последовать за своим начальником.

Ходячий муравейник прижал к груди драгоценный горшок. Напарники были готовы дать деру, но уж больно не хотелось напороться на гарпун.

В оглушительном грохоте и скрежете по стенам пещеры заструились трещины, мигнули и погасли светильники. Вода закипела от песчано-каменного дождя, и в облаке пыли, наполнившем пещеру, уже было не видать ни зги.

Тиугальбцы и напарники разом бросились в озеро. А вскоре в воду ухнули первые каменные глыбы. Пещерный свод рассыпался...

Глава 19

Без ног

«Регулярное космическое сражение – вещь в наше время довольно редкая и потому весьма показательная. Разучились наши непобедимые армады воевать по законам военного искусства. Привыкли к легким победам над ничего не подозревающими ксенами... Подкрасться незаметно к планете, прицелиться получше и завалить ее бомбами, так чтобы потом некому было жалобы писать. Когда-нибудь придется расплачиваться за эту пакостную тактику, которая уже давно стала стратегией Лиги. Не пытайтесь заткнуть мне рот! Я старый человек и больше ничего не боюсь.

Ваша Лига – сборище карьеристов, которые категорически не понимают и потому терпеть не могут профессионалов. Если поискать в захолустных крепостях., да в дальних конвоях, еще можно сыскать десяток-другой приличных флотоводцев. Зато в Главном Штабе их днем с огнем не найти. Гнилое племя – от гнилого семени...»

Документ 19 (из беседы отставного адмирала Шенграбена с корреспондентом «Си-Эн-Эн»)

Надувная лодка доставила Сандерсона к песчаной косе, глубоко вдающейся в залив Кабронес. Рация молчала. Вспотевшие от гребли охранники выволокли лодку на берег. Не

спрашивая разрешения, они стягивали с себя космические скафандры и оставались в нижнем спецбелье, которое было хоть выжимай. Белье последовало за «рыбьей кожей», и вот уже на пляже в чем мать родила топтались пятеро дюжих карантинщиков.

Комендант орбитальной крепости равнодушно следил за ними с лодочного сиденья. В нем что-то сломалось за последние часы. Сначала паршивые черные археологи взяли в заложники его, Бьерна Сандерсона – боевого офицера, прошедшего огонь, воду и департаментскую канцелярию. Потом собственные подчиненные пытались его убить. Затем эта безумная посадка. И вот теперь он ждет у моря погоды, не зная, как жить дальше, что будет с его карьерой, а значит, и судьбой.

– Купайтесь, если хотите, но только по очереди, – спохватившись, что слишком долго молчит, разрешил лейб-коммодор. Если события тебе не подвластны, то сделай вид, будто их контролируешь. – Пока есть время.

Но времени у них оставалось немного.

В тропиках полуденный зной невыносим. Чтобы понять это, не надо жить здесь годами – достаточно часок посидеть на солнцепеке. Вскоре Сандерсону надоело зажариваться живьем и, покинув раскаленную лодку, он сошел на косу. Гордость не позволяла ему последовать примеру подчиненных и раздеться. Он прел в своем командирском скафандре, и никакая принудительная вентиляция не спасала. Умные

вещи глупеют в самый неподходящий момент.

Комендант сел, прислонившись спиной к валуну, закрыл лицо рукой, защищая его от нещадно палящего солнца, и сквозь розовые колбасы пальцев смотрел, как охранники резвятся на мелководе, будто малые дети.

«А где мои дети? – вдруг подумал Сандерсон и удивился этому вопросу. – Разве у таких, как я, может быть потомство? Мы отдали себя делу – целиком, без остатка. И что получили взамен? Вот меня взяли в заложники – и что? Меня пытаются выручить? Отбить? Мстят за меня? Ха-ха...

У нас в Карантине не принято называть вещи своими именами. А по сути все мы – заложники службы. У нас нет семей, мы проводим свою жизнь вдали от родины, лучшие наши годы невозвратимы. Мы вернемся домой никому ненужными стариками или инвалидами. Прохожие будут шараться от нас, чувствуя несмываемый запах казармы. Соседи не станут здороваться с нами. Женщины... Вряд ли найдется такая дура... – мысли его стали сбиваться от жары. – Надо сначала хорошенько напоить... или выложить ей половину пенсии...»

Эти мысли появились у него впервые, хоть в них не было ничего странного. Лейб-коммодор не знал, что здесь, на Тигальбе, он впервые за долгое время оказался вне действия гипнотических излучателей, установленных на каждом боевом корабле и в каждой крепости. Поначалу на его сознание еще действовало остаточное излучение, но вот сейчас он

впервые стал свободен, абсолютно свободен!

– ...мендант! – вдруг на полуслове проснулся тахионный передатчик. Значит, сработало запрограммированное Непейводой реле времени. – Господин комендант! Ответьте мне!

– Я слушаю, – сказал Сандерсон и подал знак охранникам, чтоб вылезали из воды и одевались.

– Слава богу! – радостно воскликнул знакомый голос. – Пупыш на связи. Я думал, вы погибли. В крепости мятеж. Кто из наших поддержал мятежников, я не знаю. Я забаррикадировался на Командном Посту, но связаться с людьми не могу.

Комендант молчал. Лейб-перанг решил, что связь прервалась, и испугался:

– Вы слышите меня?!

– Слышу тебя хорошо. Продолжай...

– Я сообщил о случившемся Киндерглассу. Он сказал, что примет меры.

«Примет меры... – Сандерсон вдруг понял, что это значит. – Старик не любит выносить сор из избы. Во избежание огласки он может сжечь не только корабль или крепость, но и целую планету».

– Я должен вернуться в крепость, – в голосе коменданта появились стальные нотки. – Спускай катер.

– Катера захвачены...

– Свяжись с Санчесом. Пусть он вышлет помощь.

Лейб-коммодор Энрике Санчес командовал орбитальной крепостью «Запор-3». Считалось, что они с Бьерном – друзья. Но теперь Сандерсон не знал, так ли это.

И тут коменданта окатило холодом: «Если Пупыш контролирует Командный Пост, значит, и управление огнем в его руках. Тогда именно он пытался сжечь меня вместе с разрушителями и на его совести погибший глиссер! А сейчас он наводит по тахионному лучу ракету...»

– Слушаюсь, – глухо произнес Пупыш.

Сандерсону нестерпимо захотелось прервать связь и рвануть на лодке вдоль побережья. Но он не позволил своим желаниям возобладать над здравым смыслом: действовать надо с умом. Нельзя просто так оборвать связь – контрразведчик тотчас откроет огонь.

– Даю тебе десять минут. Мы будем готовить посадочную площадку. Тут много камней... Как понял?

– Так точно.

Сандерсон выключил рацию и крикнул охранникам, которые уже натянули на себя скафандры:

– Сваливаем! Быстро!

Карантинщики гребли, развив бешеный темп, но солдатским мускулам не тягаться с реактивными движками. Ракеты ударили по косе, когда надувная лодка была от нее всего в ста метрах. Взрывной волной лодку подхватило с низкого гребня волны и, перевернув в воздухе, швырнуло о воду. Удар был так силен, что двоим охранникам переломило

хребет, еще у одного хрустнула шея. Двое остальных были оглушены и пошли на дно.

Лейб-коммодора бог миловал. Прежде чем потерять сознание, он мертвой хваткой вцепился в канатик, опоясывающий лодку.

Первое, что увидел Сандерсон, было изумрудно-перламутровое, исходящее переливчатыми солнечными лучами небо. «Я уже в раю? – подумал он, и самому стало смешно. – Карантинщиков не берут в рай. Мы – великие грешники. Клеймо на нас ставить некуда». И он засмеялся от радости, что еще может смеяться.

Лейб-коммодор лежал на мельчайшем белом песке. Идеальное место для пляжа. Только кучи вынесенного волнами тростника и обрывки водорослей портили картину. Маленький крабик выскочил из-за обкатанного морем белесого корневища и стремглав пробежал мимо ступней коменданта. Наверняка этот плавник когда-то был могучим зверодревом.

Сандерсон глянул на часы и не поверил своим глазам. После залпа с орбиты прошло трое суток.

– Чертов будильник!

Управляющий часами процессор обиженно пискнул и подтвердил точное среднегалактическое время.

– Что со мной? – спросил лейб-коммодор вшитого под мышку. кибердиагноста. Эти умные и деятельные малютки положены всем старшим офицерам Карантина.

– Хрр-хх. Кх-хх... – долго откашливался и хрипел диа-

гност. Видно, ему тоже досталось. – Беда, хозяин. Позвоночник поврежден. Твои ноги не смогут ходить без регенерации нервной ткани. Ты ведь их не чувствуешь – признайся мне...

– Чушь! – выкрикнул Сандерсон. – Я ведь доплыл до берега!

– Тебя вынесло волной. Я заставлял твои руки грести, когда ты был без сознания.

– А теперь заставь ноги ходить!

– Я израсходовался, – начал оправдываться кибердиагност. – Без подзарядки я ни на что не годен.

Тогда, лежа на засыпанном ломаным камышом песке у воды, лейб-коммодор попробовал связаться с Санчесом. Конечно, Пупыш может снова врезать по точке передачи, но терять Сан-дерсону было нечего.

– Четвертый вызывает Третьего. Прием! Прием! Тахионная волна мгновенно перенесла его слова в орбитальную крепость «Запор-3».

– Третий на связи. Где ты пропал? Что за чертовщина у вас происходит?

– Долго рассказывать. Я на Тиугальбе. Подбери меня по засечке.

– Хорошо. Жди. – Санчес отключился.

Минуты тянулись, как старая сгущенка, и капали на обожженный солнцем лоб Сандерсона. Он смотрел на сияющее небо, выискивая взглядом темную точку челнока, пока у него не заболели глаза. Лейб-коммодор опустил веки, да-

вая им отдых, а когда снова глянул на небеса, бирюза и перламутр расцвели ослепительно-алыми вспышками. Это был метеоритный дождь или война.

Комендант снова запросил «Запор-3»:

– Четвертый вызывает Третьего! Прием!

В ответ ему было всего лишь три слова:

– На нас напали... —И связь оборвалась. Значит, на Карантин действительно напали.

Из глубин космоса, накатываясь волной синхронных гиперпрыжков, к Тиугальбе вынеслась эскадра термопсисов. Не отвечая на предупреждения и угрозы карантинщиков, она рвалась к планете. Десятки больших и малых кораблей пытались окружить ее, отрезав от остальной Галактики. Они решили атаковать войска Лиги до тех пор, пока оборона не лопнет по всем швам.

Это была совершеннейшая авантюра. Имперскую эскадру опознали. Нет в мире силы, которая могла бы перехватить тахионную депешу, посланную с крейсера в Департамент здравоохранения. Месть неотвратима. Лига Миров не прощает обид и не упустит случая, чтобы отшвырнуть молодую и агрессивную цивилизацию на несколько веков вспять.

Это была всего лишь авантюра, но четверем орбитальным крепостям, старому крейсеру и десятку глиссеров не стало легче. Сотни людей были обречены. Сдача в плен равна измене и карается смертью. Даже если безжалостные ксены решат брать в плен. Быть может, им нужны заложники... Для

бойцов Карантина есть только один путь: стоять до конца и погибнуть в бою.

Крейсер Карантина был уничтожен первым попаданием, не успев открыть огонь. Он не смог уклониться от начиненной антипротонами умной торпеды, а его защитные экраны были сметены лазерным шквалом. Начальник карантинного отряда погиб на мостике, погиб вместе со своим штабом.

У космокаторов были отчаянные экипажи. Каких фильмов насмотрелись они за долгие вечера на Базе, когда не напивается только умалишенный, а от одного слова «виртуальный секс» к горлу подступает желчь? Жертвуя собой, катерники нанесли повреждения двум корветам. Один из глиссеров ринулся в самоубийственную контратаку и, уже подбитый, врезался в ракетный фрегат. Оба они исчезли в багровом облаке взрыва.

Сандерсон лежал на песке и смотрел на небо, где одно за другим вспыхивали новые солнца. Он прекрасно знал, что это значит: взрываются термоядерные реакторы орбитальных крепостей, осыпая радиоактивными обломками верхние слои тиугальбской атмосферы.

Крепости поддерживали свои глиссеры огнем. На какое-то время им даже удалось рассеять эскадру вторжения. Но затем корабли противника сменили тактику. Они последовательно концентрировались около крепостей и подавляли их орудийные башни массированным огнем.

Итак, Империя Термопсис фактически объявила войну

Лиге Миров. И сейчас, когда на высоких орбитах над Тиугальбой идет бой, Совет Безопасности наверняка принимает судьбоносные решения, подписывая смертный приговор тысячам, а может, и миллионам разумных существ. Но для тех карантинщиков, кто сражается и гибнет в эту минуту, эти решения ничего не значат.

И вот карантинные войска полностью уничтожены, путь к Тиугальбе открыт. Что дальше? Фрегаты, корветы и катера термопсисов зависли над планетой, а десантные баржи одна за другой начали опускаться на побережье океана. Они полукольцом охватили залив Кабронес, на дне которого находился Новый Форт. Похоже, термопсисы точно знали, где и что искать.

Сандерсон видел, как в небесах вспыхнуло и погасло четвертое по счету – последнее солнце, а потом в изумрудной выси возникли черные точки и на глазах стали расти, назревая, как фурункулы. «Когда они вскроются, землю окропит гной разрушения, – подумал лейб-коммодор, последний уцелевший боец Карантина. – Я становлюсь библейским пророком. Если немного потренироваться, смогу читать проповеди с амвона. Что-нибудь в таком роде: и разверзнется небо, и сойдут на землю три всадника с сокровенным знанием во чреве. Заржут кони их трижды и втопчут нас копытами во прах...»

– Отдышался? – спросил он кибердиагноста и, не дождав-шись ответа, потребовал: – Помоги мне! Заставь ноги идти!

– Я – не господь бог, – ответил тот и закашлялся снова.

Комендант погибшей орбитальной крепости «Запор-4» стиснул зубы, оперся о принесенный волною плавник и попытался встать.

– Грехи мои тяжкие... – прохрипел он, грохнувшись на мокрый песок и едва не пропоров древесным суком себе грудную клетку.

«Пришло время воздать по заслугам...» Лейб-коммодор ухватился за тяжеленное корневище и повторил попытку. Полный рот песка...

Сандерсон решил сделать передышку. Он снова слушал эфир – перескакивал с волны на волну. Ни один человеческий голос не доносился до него. Лихорадочная переключка позывных, последние «прости» впавших в отчаяние или набравшихся яростной решимости экипажей, истошные вопли «Попал! Горит!» или «Мы падаем!» – все исчезло без следа.

Коменданту давным-давно надо было убраться с открытого места. В любой момент раскоряченную фигурку могут засечь с орбиты, и тогда не спасет ни ангел-хранитель, ни черт в ступе. Сандерсон пополз, опираясь на локти. Ноги бесполезно волоклись по песку.

На середине пляжа, на полпути к скалам у него кончились силы. Лейб-коммодор опустил животом на песок. Чтобы отвлечься от нестерпимой боли, комендант разговаривал сам с собой:

– Старик Киндергласс вершит судьбы миллиардов. Бро-

сает кости и двигает фишки флотов и планет по расстеленной на огромном дубовом столе трехмерной звездной карте. – Заскорузлые губы трескались, но он упрямо продолжал разговор. – Кряхтит и постанывает от удовольствия.

Сердце рвалось из груди, словно накрытый банкой мотылек. Сандерсон пластом лежал на песке. Ему казалось, что он мертвее трупа.

– Мировая стратегия – лучший заменитель секса. Дорвался в очередной раз. Теперь он в своем праве... – бормотал он еле различимо. – Любимое занятие безнадежно испорченного мальчика, успевшего постареть и нажать себе грыжу на казенным харчах...

Прошло пять минут, и было хорошо. Хотелось лежать так до окончания века. Вот только термопсисы могут здесь сесть в любой момент.

– Надо двигать или отходную читать придется, – увещевал себя комендант, но руки не желали упираться в песок. Его руки, верно прослужившие ему столько лет, взбунтовались. Значит, тоже пострадали при взрыве, только до сих пор он этого не замечал.

Сандерсон стиснул зубы и, мыча от боли, снова отправился в путь.

– Крыса себе нору найдет... – повторял лейб-коммодор. Ему нужно было убежище и он его нашел. Комендант втащил свои ноги в узкую, как щель, пещеру, вымытую в скале океанскими волнами, и потерял сознание.

«Время идет, а Лига не реагирует на вероломное нападение. Что это? Сговор?» – ломал голову Сандерсон. Он лежал в пещере на охалке высохшего тростника. Ночами выползал наружу – собрать себе подстилку и, главное, моллюсков на прокорм.

С берега вход в пещеру было не увидеть – только с воды. А термопсисы от рождения терпеть не могут эту жидкую субстанцию. Они не строят морских судов и не суются в море.

Трижды мимо его убежища проносились черные смерчи вражеских патрулей. Термопсисы прочесывали берег, они искали маленький кораблик и четырех его обитателей, а во все не дохлого коменданта – это Сандерсон знал с самого начала.

«Сколько шума из-за жалких мародеров, – думал он, пытаясь раскрыть створки принесенной прибоем раковины. Тиугальбские моллюски весьма напоминали земных устриц. – Неужто здесь на самом деле спрятано что-то стоящее? Или до того заврались, что все теперь гоняются за миражом? А-аа, черт с ними!» – И саданул по раковине каменюкой. В лицо полетели брызги и осколки.

«Новейшие крейсера Лиги делают до ста гиперпрыжков в час и могли бы за сутки домчать до Тиугальбы. И где они?» – высосав пяток безвкусных «устриц», думал комендант несуществующей крепости. У него не было лимонного сока, зато полным-полно ядовито-соленой океанской воды. Кроме этих самых моллюсков, ему нечем было утолить зверский голод и

изнурительную жажду. Выданные нарушителями НЗ утопли вместе с лодкой.

«Или Киндергласс ждет, когда термопсисы уничтожат нарушителей, а заодно с ними и аборигенов? В Департаменте привыкли загребать жар чужими руками. И в Совбезе – само собой. А уж потом Лига накажет Империю Термопсис за все преступления разом. Известный прием – планово запоздавшее, но неотвратимое возмездие.

Но если мне не помогут свои, придется просить нарушителей... – Вывод был прост и ясен. Он давно напрашивался, но Сандерсон до последнего отпихивал его, загонял в дальний угол сознания. Но теперь уже нельзя было спрятаться от правды. – Подаю сигнал «SOS». Даст бог, эта банда засечет его раньше, чем та...»

Лейб-коммодору стало смешно. Он хохотал, утирая слезы, и никак не мог остановиться. Это была истерика.

И тут над берегом мелькнули темные треугольные силуэты и умчались над пенистыми волнами в глубь залива. «Звено планетарных бомбардировщиков, – понял комендант. – Значит, их доставили на Тиугальбу в трюмах эскадры. Империя отлично подготовилась к операции, каждый шаг заранее продуман и технически обеспечен. Снимаю шляпу...»

Термопсисы сбросили в воду глубинные бомбы. Сотни подводных взрывов сотрясли океанскую толщу. На поверхности вздулись пенные шапки. Вслед за первым звеном про-

шло второе, третье, четвертое... Бомбовозы накатывались волнами и, казалось, нет им ни конца, ни краю. «Красиво идут, – с отчаянием наблюдал за операцией лейб-ком-модор. – И работают неплохо. Так будет ли мне кого просить?..»

Глава 20

Молчание муравьят

«...Геополитическое положение планеты ФФФукуараби представляется нам крайне шатким. Не имея естественных союзников, лишившись всех своих колоний, утратив после гибели института Цариц пассионарный вектор, цивилизация муравейников попала в изоляцию и оказалась на обочине галактических процессов. Сейчас Лига в состоянии нейтрализовать любое деяние Совета Домов Симбионтов одним лишь намеком, что одобрит политику, проводимую Империей Термопсис. В равной мере справедливо и обратное утверждение: чрезмерную активность и явную агрессию Империи до известных пределов можно тормозить, поддерживая усилия ФФФукуараби по укреплению военного флота...»

Документ 20 (выдержки из Аналитического доклада директору Департамента миротворческих сил Лиги Миров)

«Оболтус» спал не слишком долго. Кребдюшин Капоте и разумный гриб продряхли часа на три дольше. Но, проснувшись, кораблик все никак не мог прийти в себя. Он смотрел на мир мутными глазами, странные видения посещали его, и трудно было разделить сон и явь.

Вокруг до самого горизонта простиралось белое поле.

«Оболтус» был скован льдами, зажат, стиснут с боков. По ледяному панцирю змеились трещины, но кораблик, как ни напрягался, не мог освободиться. Он очень спешил, он знал, что в любой момент его могут заметить с орбиты и тогда...

Сердце «Оболтуса» усиленно прокачивало кровь через фильтры, очищая ее от скверны. Мысли его давным-давно должны были проясниться, но белое поле и ощущение скованности не хотело исчезать.

Кораблик понимал, что продолжает плыть, и лед ему только мерещится. Он круто развернулся и пошел обратным курсом. Надо было спасти своих.

* * *

Когда кораблик снова стал слушать эфир, желая знать, что сейчас происходит на орбите, он сначала не мог поверить своим ушам. Ни одного человеческого голоса больше не раздавалось над Тиугальбой. Только очереди скрипящих и шелкающих звуков непрерывно неслись с корабля на корабль. Пока «Оболтус» спал, власть над планетой непонятным образом поменялась.

Корабельный мозг заглянул в свою долговременную память и выяснил, что этот странный язык принадлежит смертельным врагам муравейников – термопсисам. Именно они пришли на смену Карантину. Хрен редьки не слаще.

Но кораблик не собирался впадать в панику. По большому

счету, и для него самого, и для его пассажиров и напарников мало что изменилось: по-прежнему их караулят до зубов вооруженные убийцы, а где-то в иле зарыт золотой горшок, без которого нельзя возвращаться.

«Оболтус» не спешил будить пассажиров. Не нравились они ему, хоть тресни. Плывая в глубинах чужого океана, окруженный со всех сторон врагами, лишившийся экипажа, кораблик думал вовсе не о предстоящей схватке. В полной тишине, ни на что не отвлекаясь, он мог предаваться мечтам. Кораблик был неисправим – он предвкушал сладостные минуты близости с Платоном.

«Оболтус» прекрасно сознавал: при любом раскладе он очень скоро расстанется с Платоном – экспедиция так или иначе подходит к концу. Расстанется навсегда. А потому главное сейчас – любой ценой сломать барьер и сблизиться с объектом страсти. И тогда можно будет жить сладостными воспоминаниями – уже без борьбы, без риска, безо всякого напряжения. Долговременная память биомехов позволяет снова и снова переживать давно минувшие события, полностью погружаться, казалось бы, в безвозвратно ушедшие чувства и ощущения. Эта память фиксирует все до малейшей подробности и хранит до тех пор, пока биомеха не отправят на бойню.

Однако же кораблик понятия не имел, как ему затащить Рассольникова в постель. И едва он начинал думать об этом, зуд охватывал сразу давным-давно вылеченные места мура-

вьиных укусов.

Когда «Оболтус» уловил сигналы маячков, вмонтированных в скафандры Платона и Непейводы, он едва не завопил от восторга. «Спешка хороша только при ловле блох», – сказал он себе и, совладав с волнением, начал действовать вдумчиво и хладнокровно.

Кораблик старался незамеченным подобраться к подводному городу тиугальбцев. Он не знал, что головастики отслеживают каждое его движение. Корабельный мозг рассчитывал повторить сценарий, с успехом использованный на астероиде Чиуауа. Он снова вырастит гомункулуса, отпочкует его и бросит в бой. Сметая все на своем пути, отросток прорвется к пленникам и освободит их от кандалов и цепей.

Когда Кребдюшин Капоте проснулся и узнал о случившемся с Платоном и Непейводой, он побледнел, схватился за голову, а потом спросил «Оболтуса»:

– Что ты задумал?

– Наведу-ка я им шорох...

Полукровка был против этой авантюры. Он вообще не хотел приближаться к месту нападения, боясь, что на сей раз тиугальбцы потопят корабль. «Оболтус» не обращал внимания на его крики, ведь полукровка был всего лишь пассажиром и не имел никаких прав.

– Ты – идиот! – бушевал Кребдюшин, мечась по тесной рубке и натыкаясь на стены. – Послушай умного сапиенса! Нет, ты послушай!.. Аборигены взяли их в заложники. Так

или не так?! – Полукровка саданул кулаком по пультау управления. Корабельный мозг не ответил. – Едва ты начнешь атаку, их убьют! – Он споткнулся о единственное кресло и врезался лбом в переборку. Это ничуть не умерило его пыл. – Ты-ыы!!! Животное!!! – вопил Кребдюшин. – Я при-иказываю тебе!!! – Голос его сорвался, и полукровка дал петуха.

Терпение «Оболтуса» лопнуло. Из переборки возникла рука и, ухватив Кребдюшина за шкирку, вышвырнула его в коридор. Размашистый бросок был приправлен мощным пинком под зад. Специально для этого кораблик отрастил могучую футбольную ножищу. Придав Кребдюшину дополнительное ускорение, «Оболтус» выстрелил им как из баллисты. Полукровка пролетел по короткому коридору, пока на его пути не возник люк грузового трюма. Удар был так силен, что мембрана люка лопнула, и Кребдюшин, попав внутрь, врезался в разобранный мини-экскаватор. И тут заработал тахионный передатчик.

– Иди сюда! – крикнул «Оболтус». – Непейвода хочет поговорить с твоим рабом.

Полукровка, потирая ушибленную голову, вывалился из трюма обратно в коридор. Войдя в рубку, он засыпал мурaveйника вопросами:

– Где вы? Кто они? Чего хотят?

– Некогда об этом. У них золотой горшок. Его отдадут только грибу. Тогда и нас выпустят.

– Сейчас все сделаем! – воскликнул Кребдюшин и побе-

жал в каюту.

Разумный гриб лежал на полу у переборки, тихо посапывая. Его глаза-щелки были закрыты.

– Соглашайся на все! – страшным голосом шептал полукровка в слуховые щели гриба, когда за шкирку волочил его в рубку. – Иначе нам не жить!

И раб Кребдюшина согласился. Его Темнейшее Всплывательство был удовлетворен. Кораблик, уже не скрываясь, полным ходом рванул к подводному городу.

А потом началась бомбардировка. В толще воды вокруг «Оболтуса» стали рваться глубинные бомбы. Ударные волны от сотен взрывов крепко трепали кораблик. Били его снизу и с боков, швыряя и мотая как щепку. Оба пассажира, как мячики, летали по рубке. Корабельный мозг выл и стонал, переборки скрипели и покрывались трещинами. Из них текла похожая на сукровицу жидкость.

Пол ходуном ходил под ногами. Полукровка то и дело падал от толчков и орал благим матом, требуя немедля отсюда убраться. В сущности, он был прав – в любой миг кораблик могли потопить, но «Оболтус» не имел права уйти ни с чем. Маячки напарников пищали все громче. Две зеленые точки показались на экране сонара, и кораблик ринулся им навстречу.

Когда на экране переднего обзора возникли две маленькие фигурки, Кребдюшин замолчал и, вцепившись в подлокотники кресла, стал следить за приближением напарников.

Нырнув с бережка пещеры в воду, они ринулись следом за удирающими головастиками. Изо всех сил напарники старались не отстать, да куда там... По крайней мере, Платон и Двенадесятый Дом выскочили в магистральный туннель. Стены его дрожали, вода была полна мути, вырывавшейся из боковых ответвлений, которые уже завалила обрушившаяся порода.

Туннель привел напарников к большой воде. И теперь Непейвода плыл, работая одними ногами. Он прижимал к груди какой-то округлый предмет.

Полукровка не поверил своим глазам. Подождал, когда пловцы приблизятся, пригляделся... «О, майн гот!» – мысленно вскричал он, всплеснув руками, и вылетел из кресла при очередном толчке.

Увидев в руках Дома заветный горшок, Кребдюшин тотчас забыл о своих страхах и принялся понукать «Оболтуса», который и без того выжимал из своего движка все, на что тот был способен. Полукровка до того надоел корабельному мозгу, что, будь его воля, прямо сейчас вышвырнул бы его за борт. Но ради Платоши приходится терпеть...

Когда до спасительного входного люка оставалось два-три гребка, очередной, самый близкий взрыв швырнул пловцов о нос кораблика. И без того оглушенные, полуживые, после этого удара они начали уходить в глубину. Тела напарников, пойманные лучом корабельного прожектора, лежали в воде кверху светлыми брюшками, словно огромные дохлые ля-

гушки. Илистое дно притягивало их в свои ласковые объятия. Муравейник даже сейчас не выпускал из рук золотой горшок.

* * *

От удара тысячи клеточек Дванадцятого Дома совсем очумели и перестали ему подчиняться. Фальштело распалось. «Мураши» аморфной массой наполнили скафандр. И только те, что составляли руки, продолжали стискивать драгоценный сосуд. Потом Непейвода, как всегда, овладел положением. Его спасала стальная воля. Минута беспорядочной кутерьмы в недрах скафандра – и перемешавшиеся было «мураши» снова заняли свое обычное положение. Тело заработало, с каждым движением восстанавливая былую силу.

С Рассольниковым дело обстояло гораздо хуже. Если бы не скафандр, он давно был бы мертв. Оглушенный взрывами, с лопнувшими барабанными перепонками, Платон плыл к «Оболтусу» на автомате. Ничего не соображая, он монотонно греб и греб, приближаясь к спасительному люку. И если бы не последний удар о корпус, он сумел бы дотянуть до кораблика.

– Сделай же что-нибудь! – визгливо крикнул Кребдюшин.

Растя из обшивки четыре длинные псевдоподии, кораблик тянул их к тонущим. Не дотянулся. Напарники шли ко дну быстрее, чем вытягивалась его гиперпластичная плоть.

– Тупая жестянка! – вопил полукровка. – Скорей, ты! Скорей!!!

Длины псевдоподий уже не хватало. Кораблик осторожно, чтобы не затянуть Платона и Непейводу в винт, подгрёб к парникам и снова попытался их подхватить. Плавающий муравейник вдруг зашевелился, заработал лапами, двинувшись навстречу. И вот уже похожие на пожарные шланги псевдоподии подхватили его за пояс и потащили к люку.

Бомбежка прекратилась. Кораблик этого даже не заметил. Рассольников лежал на спине, раскинув руки и ноги, и погружался во тьму. Забрав Непейводу, «Оболтус» нагнал тонущего археолога и, ухватив за лапы, подтянул к люку.

Полукровка и Двенадцатый Дом втащили Платона в каюту. Он не подавал признаков жизни. Когда Кребдюшин снял с него шлем, они увидели, что из носа и ушей Рассольникова течет кровь. Лицо было бордовое, глаза закатились.

– Состояние плачевное, – присосавшись к шее археолога, сообщил кибердиагност. – Жизненная функция – меньше десяти процентов и продолжает снижаться. Множественные кровоизлияния в головной мозг. Обширные очаги поражения. Надо штопать сосуды, рассасывать сгустки крови и регенерировать нервную ткань.

– Ну так рассасывай! – воскликнул Дом.

– Уже приступил, – ворчливо ответил кибердиагност. – Только не ждите, что через час он вскочит на ноги и спляшет качучу.

– Вас понял, сэр, – отчеканил Непейвода. Он продолжал нянчить на груди свой горшок, ласково его поглаживая.

Сообщение для Совета Домов Симбионтов ФФФукуараби было зашифровано личным кодом Непейводы. В сообщении говорилось о гибели карантинных войск Лиги Миров. Эту информацию нужно было тотчас разослать по всей Галактике.

Итак, шифрограмма была составлена и до предела сжата с помощью корабельного мозга. Все готово к передаче – к мгновенному выстрелу сверхплотным информационным пакетом. Теперь необходимо предельно точно нацелить передающую антенну. Для этого «Оболтус» поднялся на перископную глубину, сориентировался по звездам и, выставив над поверхностью океана кончик тахионной антенны, пальнул в зенит.

И сразу начал погружаться. Наполнив цистерны забортной водой, он клюнул носом и под углом сорок пять градусов стал проваливаться в глубину. А наверху, у поверхности воды уже рвались пущенные с орбиты ракеты типа «космос-земля».

Термопсисы засекли передачу по всплеску тахионного поля, но заглушить ее при столь сильном сжатии невозможно. На расстрел точки передачи они истратили боезапас двух ближайших фрегатов. По счастью, у них на борту не было умных торпед, которые могли бы преследовать «Оболтуса» в толще воды. А все глубинные бомбы они уже израсходовали.

Ударные волны от десятков мощных взрывов трепали кораблик, но нынешняя свистопляска не шла ни в какое сравнение с прежней. Еще рвались на поверхности залива ракеты, а Непейвода уже праздновал победу. Главное сделано, все самое трудное позади и теперь осталось дожидаться, когда эскадра термопсисов бросится в бегство, и можно будет стартовать с Тиугальбы.

Ответ с ФФФукуараби должен был прийти через считанные минуты – но его не было. Двенадесятый Дом и Кребдюшин торчали в командной рубке в ожидании передачи. Только гриб, как обычно, спал наяву, притулившись в уголке хозяйской каюты. Муравейник ни на минуту не расставался со своей драгоценностью. А полукровка был непривычно молчалив и временами бросал на него странные взгляды.

Спустя два с половиной часа с планеты муравейников пришел столь же хорошо упакованный и потому не подлежащий перехвату пакет из дюжины слов:

– Поняли тебя, – перевел для Кребдюшина Непейвода. – Все сделаем. Сам ничего не предпринимай. Затаись и жди подмоги.

– И долго нам предстоит ждать? – осведомился полукровка.

На его распухшей физиономии красовались два сизо-фиолетовых синяка плюс бордовая брюквина расквашенного носа. После рекордного полета в трюм он пострадал еще и при бомбежке: как следует приложился о край люка – хоро-

шо хоть, череп себе не раскроил.

– Думаю, да, – честно признался Дом. – Сначала должна последовать реакция Лиги. Термопсисов перебьют или прогонят. Тогда сюда приплетется наш тихоходный корвет и подберет нас за пару прыжков от Тиугальбы.

– Я не могу сидеть здесь месяцами! – набрав в грудь воздуха, завопил Кребдюшин. – У меня сорвется выгодное дело! И не одно!

Он напоминал пьянчужку, готового броситься в драку из-за пары пустых бутылок.

– Потерпишь! – со злостью прошипел Непейвода. – Никто тебя силком сюда не тащил...

«Оболтус» слышал каждое слово. Он понимал, что нервы у всех на пределе, и достаточно искры, чтобы рванул сухой порох. А потому он воскликнул:

– Брэк! Брэк, я сказал!

Крикуны замолкли, усталились на репродуктор, как ошестившиеся мартовские коты на приبلудного пса.

– Если будете препираться, я промою рубку забортной водой, – пригрозил корабль.

– Черт вас всех дери! – рявкнул Кребдюшин и отправился в свою каюту.

Время шло, а в мире ничего не менялось. Двенадесятый Дом часами просиживал в командной рубке, впустую слушал эфир. Ни на одной из тахионных частот ФФФукуараби не звучало ни слова о Тиугальбе и нападении термопсисов на

войска Карантина. Совет Домов Симбионтов онемел. Непей-вода нервничал все больше.

Подвыпивший Кребдюшин, пошатываясь, притопал в рубку и сказал:

– Похоже, муравейники нас кинули. Фраза повисла в гулкой, пугающей тишине.

– Что, если термопсисы смогли внести помехи и исказили смысл моей депеши? – вопрошал муравейник, словно уговаривая сам себя. – Надо повторить передачу. Чтоб быть абсолютно уверенными...

– Я против, – буркнул полукровка.

Он успел залечить лицо. Стоял перед экраном, как перед зеркалом, и вращал головой вправо-влево, пытаясь разглядеть свое отражение. Залечивая физиономию, Кребдюшин решил заодно слегка улучшить свою внешность. И сейчас он ощупывал классический римский нос, гладил ставший волевым подбородок. А еще полукровка малость перестроил связки. Поэтому он мог повторить глубоким, внушительным голосом:

– Я против. Никаких помех не было. Кто хотел, тот услышал. Проблема в другом... – Он не договорил, выдерживая драматическую паузу.

Поменяв облик, Кребдюшин как будто надеялся изменить и свою личность, став более мудрым, волевым, решительным.

«Горбатого могила исправит», – подумал муравейник, ба-

рабанивший по подлокотнику кресла, и спросил:

– В чем же?

– Они сговорились. За те самые два с половиной часа. Я что, вчера родился? – все сильнее распаялся полукровка. Новый облик ему не помог. – Я что, не знаю чиновные души? У них генетическое родство – где бы они ни родились. Единственная извилина и одна на всех мысль: давить такое быдло, как мы. Мы для них – ничто, пыль под ногами. И все их слова, все лозунги, увещевания – ложь. Они сотрясают воздух, чтобы дурачить исполнителей. Таких, как мы. Толкнуть речугу, поклясться родной мамой и повести радостных бычков на заклятие.

Муравейник его не перебивал, хоть злобны и горьки были слова Кребдюшина. Кое в чем полукровка, несомненно, был прав. «Оболтус» демонстративно поскрипывал переборками, ведь его мнение никто не спрашивал.

И тут в рубку, пошатываясь, прибрел Рассольников. Первые сутки напролет он проспал без задних ног, а на вторые решительно встал с койки вопреки протестам кибердиагнosta.

– Буду валяться – совсем раскисну. Подъемным краном не сдвинешь, – объявил археолог, войдя в дверь. Рухнул в кресло и долго не мог отдышаться.

Полукровка востепенелся и тотчас ему доложил:

– Муравьиный Совет получил нашу депешу, обещал все исполнить, и вот до сих пор ни ответа, ни привета. Они нас

предали.

Двунадесятый Дом внимательно оглядел напарника и произнес севшим, хриплым голосом:

– Если бы речь шла только о нашей судьбе – я бы поверил во что угодно. Но ведь горшок больше всего на свете нужен Совету... Надо повторить передачу.

– Когда мы были на ФФФукуараби, уже могли убедиться, что Царицы у вас нужны далеко не всем. Баталии там идут подковерные... – пробурчал себе под нос Платон. Почесал висок, размышляя. – Придется рискнуть. Вдруг депеша попала не к тем.

И вот «Оболтус» во второй раз вынырнул из океанских глубин, чтобы пульнуть в небеса тахионным посланием. Пульнул, и в тот же миг с орбиты рубанули лазерные лучи. Срезав верхушку антенны, они вскипятили воду слева от кораблика.

«Оболтус» заполнил цистерны и нырнул, погружаясь с максимальной скоростью. У термописов по-прежнему не было глубинных бомб, зато случилось самое худшее: один из корветов сбросил-таки умную торпеду, и она ринулась вдогон кораблику.

Длинное черное тело пронзило облачный слой. Раскрылся парашют, тормозя падение. Сигара с намалеванной на носу оскаленной пастью плавно опустилась на воду. К этому времени «Оболтус» был уже далеко от точки передачи. Но торпеда обладала трехкратным превосходством в скорости и

поистине дельфиним чутьем. Она догонит кораблик – можно не сомневаться.

– За нами хвост, – обнаружив погоню, объявил корабельный мозг. – Что будем делать?

– А отвязаться никак? – испуганно моргнув, вякнул Кребдюшин. Вся его внушительность враз куда-то подевалась.

– Я дал полный вперед, но через пять минут мы испаримся, – прояснил ситуацию «Оболтус». – Это «касатка». Там боеголовка серьезная. Ложными целями не обманешь, щитом не закроешься. Насквозь видит.

Непейвода молчал. Все его кибермушинные облака были давно израсходованы. А вот археолога осенило и он воскликнул:

– Надо делиться пополам! Немедля! Пусть торпеда клюнет на пустышку. В худшем случае наши шансы – пятьдесят на пятьдесят...

– Я не успею... – простонал корабельный мозг.

– Должен! – рявкнул Рассольников.

Слишком быстрая метаморфоза – штука очень болезненная. И все же не один биомех от боли еще не умирал.

– Не трусь! – поддержал напарника Дом. – Смерть все равно больней.

...Раскалившийся от колоссального выброса тепловой энергии, потерявший две трети скорости кораблик был похож на делящуюся амебу. Он ужасно спешил и все равно опаздывал. Перемычка между двумя «Оболтусами» утонча-

лась на глазах. Кораблик тужился и кряхтел, потом закрычал, как настоящая роженица. Половинки словно взрывом разбросало в стороны.

Настоящий «Оболтус», в отличие от пустышки, теперь все не походил на подлодку. Он должен был выглядеть жалким и ни на что не годным. Чтобы обмануть торпеду, слабый и медлительный «Оболтус» будет судорожно отгребать в сторону, а снабженная более ходким движком пустышка пойдет на глубину.

Торпеда вот-вот будет здесь. Сгрудившись в рубке, которая превратилась в тесную каморку, четверка ждала решения своей судьбы. Пустышка включила форсаж и рванула с места в карьер, быстро скрывшись из виду. На этой глубине вода была черного цвета. За бортом ни пятнышка света и никакой живности – рыбы, креветки или моллюска. Подходящее место, чтобы отдать богу душу.

За передвижениями торпеды можно было наблюдать на трехмерном экране сонара. Обнаружив, что цель разделилась пополам, «касатка» резко сбавила ход и замерла. Она оценивала ситуацию, а четверка сидела, затаив дыхание, словно торпеда могла ее услышать.

Платону представилось, как торпеда водит носом, принюхиваясь, и-и... не может выбрать цель. «А ведь у нее нет разделяющейся боеголовки! – сообразил он. На лбу выступила испарина. – А могла и быть...»

Археологу пришла в голову еще одна мысль, и он крикнул

корабельному мозгу:

– Дернись маленько! Сделай вид, что пытаешься удрать, а силенок не хватает.

Это было нетрудно. «Оболтус» дернулся самую малость, заработал винтом. Дескать, пустышка хочет показать, что она – не пустышка. «Сейчас торпеда все неправильно поймет, – подумал Рассольников, – и ка-ак вдарит...»

Торпеда водила носом считанные секунды, но они показались Платону вечностью. «Так ведь и поседеть можно», – успел подумать он, и тут «каساتка» приняла решение. Она плюнула на жалкий обрубок подлодки и ринулась за той половинкой, что полным ходом уходила на глубину.

Сто килограммов самой лучшей взрывчатки против дрожащего от ужаса куска мяса и кожи. Бамс! Взрыв разорвал пустышку на мелкие кусочки. Слабенький «Оболтус» ударила в днище круговая волна, качнула. И этот удар был самым счастливым ударом в их жизни.

– А-а-аа!!! – вопил Кребдюшин Капоте, обнимая Платона Рассольникова. – Ооо!!!

– Все-е-о!!! – вторил ему Платон. – Живе-ем!!!

– Юстус-хиусс! – восторженно сипел и ерзал на полу разумный гриб, намазывая на спинку кресла белесые пахучие нити. – Юссс!

И только Дванадесятый Дом молча сидел в кресле. Он вцепился в свою драгоценность с такой силой, будто золотой горшок пытались вырвать у него из рук.

Глава 21

Полная заморозка

«Что может быть приятней, чем обложиться кусками чистейшего полярного льда в лютую тропическую жару? Сменить адское пекло на живительную прохладу, а потное бикини на элегантную шубу из псевдонорки?

Покупайте кондиционеры компании „Норд Стар“, сделанные на основе новейших военных технологий! Они создадут благодатный оазис в любом уголке Галактики!»

Документ 21 (рекламный ролик)

На сей раз ответ с ФФФукуараби пришел гораздо быстрее. Текст его гласил:

– Повторяем строжайший приказ. Ничего не предпринимай. Затаись и жди подмоги, – перевел Непейвода.

– И ради чего мы рисковали жизнью? – воскликнул Платон. – Они предали тебя. Продали Лиге. С потрохами. – В очередной раз столкнувшись с вероломством власть имущих, он чувствовал бессилие и злость.

Кребдюшин размашисто кивал головой в такт его словам. В кои-то веки у него нашелся союзник. А Двенадесятый Дом сидел, понурился и очень по-человечески кусая губы. При этом хрустели и сыпались ему на грудь половинки рас-

кушенных «муравьишек».

Откуда было знать Дому, что Совет Безопасности Лиги перехватил их первую депешу и тотчас предупредил руководство ФФФукуараби, чтобы оно держало язык за зубами? Если его требования будут выполнены, Совбез обещал уничтожить эскадру термопсисов. Ни о каком задержании и суде речь не пойдет – полное и безоговорочное истребление. А значит, позиции планеты муравейников укрепятся. И сейчас с ближайшей базы военного флота Лиги к Тиугальбе скакала через подпространство ударная эскадра во главе с Большим Доктором. Сам по себе корабль «Николай Пирогов» был невелик – построен на базе серийного корвета, но он нес оружие Судного Дня – излучатель, вызывающий вырождение пространства. Зона полного вырождения превышала триллион кубических километров. Большой Доктор способен за доли секунды уничтожить любой космический флот, любую планету и даже любую звезду.

Гораздо чаще на флоте используют Малых Докторов. Это особый тип торпед – самоходные контейнеры с вырожденным пространством. Или же применяют вместилища покрупнее – корабли-брандеры.

Торпедами и брандерами управляет кибермозг или оператор, отдающий команды по тахионной связи. Их направляют на вражескую планету или в центр неприятельской эскадры, прикрывая шквальным огнем и нанося противнику отвлекающие удары. Если торпеды и брандеры добираются до цели

или их подбивают невдалеке от нее, контейнер открывается, и вырожденное пространство выплескивается наружу, на тысячи километров окрест меня мировые константы, уничтожая фундаментальные законы физики. Ничто не может уцелеть после такого удара. Материальные объекты тают и текут, как теплое мороженое, огромные массивы вещества испаряются, словно вода под палящими лучами солнца. А любые сложно организованные структуры распадаются даже на краю зоны вырождения.

Помолчав, археолог успокоился и изрек тоном, не терпящим возражений:

– Ты сказал: «Надо повторить передачу». Мы это сделали. Вопрос исчерпан. «Оболтус» отрастил себе новую антенну. Теперь мы сами сообщим Галактике о том, что здесь происходит. Мы, в конце концов, обещали головастикам!

– Я уверен: к горлу ФФФукуараби в который раз приставили нож, – медленно проговорил Непейвода. На него было жалко смотреть. Клеточки тряслись и дождем сыпались на колени и на пол. Он перестал держать тело. – Политика Лиги по отношению к нам – непрерывный шантаж и очень редкие компромиссы. Мы ничего и никогда не можем делать свободно. И сейчас бездействие Совета Домов Симбионтов наверняка вынужденное. Начни мы сейчас действовать на свой страх и риск, как пить дать сорвем хрупкую дипломатическую договоренность и принесем моей планете непоправимый вред.

Но кого интересовали его доводы?

– Ты хочешь, чтоб мы ждали у моря погоды и в конце концов были раздолбаны термопсисами! – брызгая слюной, крикнул Кребдюшин. Он побагровел, утратив остатки римского аристократизма и гордой осанки.

– Я не предлагаю сидеть сложа руки, но радировать нельзя, – ошетинился Дом. – Ждать помощи не приходится, надо выбираться отсюда самим. Мы должны выскочить с планеты тихо, как мышки.

– У тебя есть план? – спросил Платон.

– Нет, – глядя ему в глаза, ответил муравейник.

– Пока что мы проверяем, у кого крепче нервы, – раздумчиво заговорил археолог. – Кто кого пересидит. То ли мы психанем и сунемся под огонь, то ли эскадра не выдержит и даст деру. Время работает против нее – когда-нибудь Лиге Миров придется двинуть сюда корабли. Но и «Оболтусу» нельзя опоздать со взлетом – иначе мы сами на них напоремся. От флота Лиги пощады не жди. Все непрошенные свидетели будут уничтожены – еще скорей, чем сами виновники.

– Они ударят по эскадре термопсисов, а заодно сотрут в порошок Тиугальбу – вместе со всеми ее проблемами, – подхватил его мысль Непейвода. – Одним выстрелом – двух зайцев.

Замолчали. «Оболтус» воспользовался паузой. Было время обеда. По переборке пошли волны, в ней открылось окошко, и высунулись тонкие псевдоподии с подносами для

каждого из четверки.

Платон получил яичницу с ветчиной на огромной тарелке, помидорный салат со сметаной и пол-литровую банку джина с тоником. Кребдюшину достались его любимые корнишоны с трепангами и стакан самогонки. Непейвода ест всегда одно и то же. На сей раз личинки гусениц были слегка поджарены и похрустывали румяной корочкой. А гриб сосал через трубочку из здоровенной колбы какое-то мутное пойло. Наверняка, сок деревьев, на корнях которых поселяется мицелий.

Какое-то время все четверо сосредоточенно насыщались. Первым не выдержал полукровка и, не дожидаясь огурчик, воскликнул:

– Надо сваливать, а не жрать! Думайте скорей!

– Думай сам! – рявкнул Рассольников. Он терпеть не мог, когда ему мешают подкрепиться. – Каждый метр атмосферы просвечивается и простреливается.

– Даже если бы «Оболтус» мог отпочковать еще одного детеныша, – начал размышлять вслух Дванадесятый Дом, – термопсисы способны уничтожить разом сотню таких корабликов.

Народ дожевывал без прежнего удовольствия, с усилием ворочая мыслями. И мысли отчетливо шуршали в головах – особенно у Непейводы. Внезапно Платон понял, что одна из мыслей скребется о черепушку особенно громко и настойчиво. Наверное, она чувствовала свою правоту.

– «Оболтус» должен стать катером термопсисов, – брякнул археолог, и ходячий муравейник подавился личинками. А когда Дом откашлялся, он сжал руку в кулак и выставил большой палец. Рассольников продолжал: – Кораблик не может выныривать из воды или стартовать с суши. Он должен сразу очутиться среди зависших над Тиугальбой кораблей, как бы возникнув из ничего. Непростая задача... Надо сделать так, чтобы наше появление осталось незамеченным. Отвлечь внимание эскадры... – Платон примолк, потому что не знал, что дальше.

– О наимудрейший из мудрых, – вступил корабельный мозг. – Позволь спросить тебя, о выдающийся ум современности. – Древняя лесть, просуществовавшая на востоке Старой Земли тысячи лет, звучала издевкой.

– Валяй, – буркнул археолог. Сидеть в брюхе существа, которое имеет к тебе трэфовый интерес, принимать из его рук пищу и в придачу выслушивать издевательские советы – удовольствие ниже среднего.

«Оболтус» сменил тон и заговорил по-приятельски:

– Ты в курсе, что в радиусе ста километров от Нового Фор-та океанское дно уставлено странными штуковинами? Я заметил их перед бомбардировкой и на всякий случай прозондировал. Потом мне было не до них, и разобрался с результатами только сейчас. Это всего-навсего растения, но зато какие!..

– Какие же? – заинтересовался Платон.

– Это тысячи биологических пусковых установок – домашняя заготовка головастиков. А что, если пальнуть из них в небеса? Вдруг заморочим голову эскадре?

– Покажи-ка эти хреновины, – потребовал Непейвода.

На экране внешнего обзора луч прожектора разорвал черную воду, и возникло затянутое бурым илом дно залива Кабронес. Из него торчало нечто длинное, нацеленное вверх. Изображение приблизилось, и теперь штуковину можно было разглядеть в деталях: крепкий ствол, похожий на бамбук, а на конце – укутанный темными лепестками снаряд. Формой снаряд напоминал огромное семя подсолнечника.

Изображение замерло, зафиксировав пусковую установку. Ее прочертили зеленые линии, показывая внутреннее устройство, которое выявил инстраскоп: несколько небольших, покрытых шипами ядрышек и массивное круглое ядро, примыкающее к соплу в нижней части снаряда.

– И что там внутри? – спросил Кребдюшин, который ничего не смыслил ни в ракетах, ни в виртуальных схемах.

– Никакой электроники, только биологические структуры в режиме спячки, – ответил «Оболтус». – Похоже на семя на гиперпластичного растения, которое стремительно приспособливается к внешним условиям. Большой запас энергии и питательных веществ. Имеет что-то вроде реактивного движка. При попадании в почву начинает бешено развиваться...

– Значит, именно ему предназначено заселить сушу и под-

готовить ее к выходу аборигенов из океана. Как только исчезнет Карантин, настанет черед бродячих джунглей, – домыслил за него муравейник. – Должно быть, эти семена веками находились в полной готовности.

– Часть пусковых уничтожена глубинными бомбами, но наверняка уцелело достаточно для хорошего залпа, – добавил корабельный мозг.

– Если головастики выжили после бомбежки, они не скоро оправятся. Вряд ли они станут нам мешать, – произнес Дванадесятый Дом.

– А может, этим залпом мы им поможем – выполним за них работу? – предположил Платон. – Вдруг самое время? Впрочем, плевать... Главное: сумеем ли мы запустить снаряды?

– Там есть рецепторы, способные уловить и распознать мельчайшие дозы криптона, которого в океане нет, – успокоил его «Оболтус». – Похоже, это и есть ключ на старт. Стоит распылить на дне залива криптон – и-и-и...

– Дело за малым, – взбодрился полукровка.

– Не такая уж это простая работа.

Работа была трудная, но они ее сделали. Кораблику пришлось потерять еще осьмушку своего веса, вырабатывая в ядерном синтезаторе криптон и выращивая для него радиоуправляемые контейнеры. Их предстояло разбросать на большой площади. «Ракеты» нужно запустить все разом – только тогда есть шанс, что термпсисы запаникуют и могут

прозевать старт «Оболтуса».

Наступила ночь. Пуск назначили на утро, когда все будет хорошо видно.

Оставив напарника в рубке, Платон вернулся в каюту. Похлебал черепахового супчика из молодых доберманских панцырников и принялся за отбивную. Даже не стал спрашивать у «Оболтуса», из какого инопланетного зверя получили эту отличную телятину – не хотел портить аппетит. Запив отбивную парой бокалов вполне сносного аристейского «Каберне», археолог замурлыкал лекомысленную геянскую песенку. Настроение у него поднялось. Он принял душ, забрался в койку и включил «сонную машинку».

Платон терпеть не мог заказных сновидений, но сегодня решил задать тему: на волнах памяти его отнесло на «Эль-Гарду», в массажный салон. Стоило археологу закрыть глаза, как подушка и одеяло превратились в нежные объятия Зи-Зи. Девушка соскучилась по своему «пупсику» и не жалела усилий, чтобы доставить ему удовольствие. Археолог тоже старался как мог. А мог он почти все. Ночь была нескончаемой. Бурные ласки перемежались сладостным покоем, который был совсем недолог. И вот уже все начиналось сначала. Зи-Зи была просто ненасытна. Ее ласковые касания и требовательные поглаживания мертвого бы подняли из могилы. Ангел, а не хрупкая молоденькая девушка – с маленьким умишком, бурными чувствами, необъятным сердцем и поистине божественной фигуркой. Сущий ангел постели...

Да и просто ангел.

Когда Рассольников проснулся, рядом с ним лежала вполне вещественная, жаркая и совершенно неутомимая женщина, готовая любить его беспрерывно ночь и день, день и ночь. Она прижималась к нему восхитительной грудью и тихонько ласкала Платона, не забывая целовать ему шею, ухо и щеку.

Никакой это был не сон. «Оболтус» дождался подходящей минуты и подловил археолога, и тот добровольно шагнул в ловушку. Корабельный мозг воспользовался слабостью Платона, тоской и одиночеством, ослепившими его, и подменил собой, своим телом нереальную, морфейную красоту с «Эль-Гарды». А остальное Рассольников творил сам...

– Ты не станешь меня выдавать, – голоском невинной девочки произнесла «Зи-Зи».

Да, именно ее алые губки раскрылись, чтобы породить этот нежный, чарующий голосок. Еще час назад эти звуки пьянили археолога почище самых изощренных ласок, а сейчас он только замычал от обиды. «Просочился-таки, мерзавец! Овладел, подлюка! Самое святое испоганил!..»

С фактами не поспоришь: чудесная, несравненная, божественная Зи-Зи выросла из теплой, шерстистой стены космического корабля и сейчас соединялась с ней тоненькой розовой пуповиной. Девочка была такой, как в жизни. Отличная память, которой всегда гордился Платон, дала «Оболтусу» всю необходимую информацию. А где чего не хватило, корабельный мозг достал из богатых воспоминаний археоло-

га о других его любовных приключениях.

Память Рассольникова наполнилась прошедшей любовью, сотни чудных женщин поселились в ней навсегда. Порой – когда Платона предавали друзья или обворовывали партнеры – ему казалось, что именно память – его главное богатство. Как бы крепко ни ударила его жизнь, он черпал силы, вспоминая счастливые мгновения прошлого, и всякий раз поднимался на ноги.

– Я тебя ненавижу, – тихо произнес археолог. Вернее, исторгла его оплеванная душа. – Чтоб ты сдох!

Платон не знал, даже не мог догадываться, насколько действенным окажется его проклятие.

«Оболтус» ничего не ответил. Он молча стирал следы преступления. Девушка начала сморщиваться и вскоре превратилась в ссохшуюся старушку. Зи-Зи рассасывалась, стремительно уменьшалась в размерах, и скоро в постели останется один Рассольников. Снова один...

Сколько бы ни ярился археолог, ни разжигал в себе злость и отвращение, в глубине души ему было жаль терять чудесную любовницу. Быть может, лучшую в его жизни.

Утром все вышло не так, как ожидалось. У головастика был свой план и, хотя команду «пли!» сейчас отдали другие, он сработал, как эталонные атомные часы.

Кораблик дал сигнал. Разбросанные по дну контейнеры взорвались, словно детские хлопушки. Фонтаны, состоящие из пузырей криптона, устремились вверх. Рецепторы живых

ракет сработали. Дрожь прошла по «бамбуковым» трубам, они начали нагреваться. В их основании пошел какой-то процесс, и взбаламученный ил стал подниматься со дна, скрыв пусковые установки.

Из синих вод залива Кабронес вырывались в небо сотни снарядов. Висящие на орбите корабли термопсисов встретили неожиданную атаку шквальным огнем. Лучи лазерных пушек крошили таинственные снаряды, и они взрывались, разбрасывая во все стороны семена. Семена тотчас выбрасывали тонкие, но прочные крылышки, их подхватывали воздушные потоки и несли над океаном и материком.

Термопсисы слишком поздно поняли, что эти снаряды не несут им прямой угрозы – в отличие от оружия номер два, на которое они поначалу не обратили внимания.

После залпа семян в десятках точек на материке зашевелилась земля, раздвинулись бронированные крышки титанитовых колодцев. Грунт посыпался в открывающиеся люки, а навстречу, из глубин земли вырвались сизые фонтаны пахучего газа. Огромные баллоны под напором в двадцать атмосфер выбрасывали свое содержимое. Летучий газ поднимался ввысь, ветер разгонял его над сушей, помогая охватить огромное пространство.

Четверка и «Оболтус» знать не знали, что у аборигенов имелось в загашнике секретное оружие, которое они приберегали для реванша, – биологическая бомба, заставляющая плотоядных существ убивать друг друга. Волки пожрут вол-

ков, люди – людей...

На свою беду, термопсисы, неплохо приспособленные к агрессивным средам и уверенные в собственной неуязвимости, принципиально не использовали любого вида скафандры. «Мы —высшие существа, – говорили они, – и сами себе броня». Они пали жертвой собственного тщеславия.

Стремительно растворяясь в воздухе, газ захватил нижние слои атмосферы. Первыми его почуяли бродячие джунгли. Мозг хищника получал команду, и происходило мгновенное раздражение центра голода. Он подчинял себе остальные центры мозга, и функция питания подавляла все прочие функции и рефлексы.

Начинался чудовищный жор. Утратив инстинкт самосохранения и всякий контроль над собой, живые существа набрасывались на все, что движется. С бешеной скоростью они пожирали свои жертвы, ничуть не утоляя голода. Сожранное уходило как в прорву. Наиболее сильные и удачливые хищники первыми набивали себе брюхо настолько, что теряли подвижность и тут же сами становились жертвами.

Зверодревы уничтожали друг друга. Пошли в ход все их боевые органы и приспособления – когти, клыки, клешни, мощные лапы и копыта, ядовитые зубы и плевательные железы, внешние желудки, живые капканы и удавки. В смертельной схватке зачастую погибали оба участника. Порой на дерущихся набрасывались новые хищники, и вскоре в битве участвовали десятки убийц.

Высадившись на Тиугальбе, термопсисы прочесывали побережье, наблюдали за акваторией и выжигали скопления зверодрев, устремившихся к месту их посадки. Пока не пошел газ, бродячие джунгли, как обычно, пытались уничтожить чужаков.

Термопсисы тоже наглотались газа. Началась бойня и поголовное каннибальство. Киборги не хитрили, не выжидали, не подкарауливали – им не хватало ни ума, ни терпения. Они сразу накидывались друг на друга, расстреливая из бластеров и лупя «молотами» силовых полей. Равновеликие поля сталкивались, отбрасывая противников, словно одноименные полюса магнитов. Тогда термопсисы сбрасывали силовую «одежку» и, будто дикие звери, били врага ногами, рвали клешнями, грызли жвалами...

Командующий эскадры Великий Шлем, увидев, что творится внизу, приказал немедленно начать эвакуацию. Но взлетать с Тиугальбы оказалось некому. Бойцы либо были перебиты, либо умерли от обжорства. Опустевшие десантные модули, челноки и шлюпки замерли на посадочных площадках, чтобы уже никогда не подняться в воздух. Через час-полтора – в зависимости от силы ветра и наличия осадков – газ полностью распадется, не оставив следов своего присутствия, и только сотни трупов и чудовищные завалы мертвых зверодрев и всяческой хищной мелочи останутся гнить на просторах Тиугальбы... Чтобы не попасть под огонь, «Оболтус» немного задержался со стартом. Более подходящий мо-

мент наступил, югда эскадра заметалась над планетой, передатчики вопили и хрипели, приказывая, умоляя и грозя. Кораблик взлетал, а планету уже захлестнула ледяная буря.

Зрелище самоубийственной бойни, охватившей целый материк, было до того страшным, что командующий приказал сбросить на планету фризёрные бомбы. Великий Шлем был мудр, он прошел хорошую школу и знал, что делает. Он разом убивал двух зайцев: скрывал жуткие следы трагедии, которая могла деморализовать личный состав; и лишал черных археологов возможности вести раскопки на суше и прятаться в гуще бродячих джунглей.

Ковер, сотканный из сотен бомб, пронзал атмосферу, раскаляясь до цвета незрелых вишен. Заунывный свист падающих бомб и грохот взрывов слились воедино, породив полярную симфонию. Температура воздуха моментально упала на сто градусов, превращая воду в лёд, землю в камень, а живые тела в мраморные скульптуры.

Когда тысячи бомб рухнули на планету, сковывая её ледяным панцирем, погибли чудом выжившие в пандемии жора зверодревы. «Оболтус» к тому времени висел над Тиугальбой в рассеянном облаке эскадренных кораблей и время от времени отвечал на запрос «свой – чужой».

Четверка по-прежнему оставалась в командной рубке, буквально сидя друг у друга на голове. Радоваться было нечему. Они сделали невозможное – спаслись и на этот раз. Но какой ценой?..

«Из-за ничтожного горшка с личинками второй раз уничтожена полная жизни экосфера. Вот вам плата...» – думал Платон, глядя на экран, где проносились покрытые снегом, обледенелые пространства. Еще недавно они были зеленым адом, где пульсировали неутомимой жизнью, клокотали от переполнявшей их энергии бродячие джунгли.

Сделав виток и вновь пролетая над ледяным берегом залива Кабронес, кораблик вдруг поймал идущий с поверхности сигнал «SOS». Чья-то рация непрерывно передавала просьбу о помощи.

– Кто это может быть? – спросил Двенадесятый Дом.

– Какая разница?! – воскликнул Кребдюшин. – Наше дело – сваливать отсюда. Не спускаться же обратно – на верную смерть!

– Некому, кроме коменданта и его людей, – не обращая внимания на слова полукровки, ответил муравейнику археолог.

– Не вздумайте!-заорал Кребдюшин. – Мы едва вырвались!

– Заткнись! —рявкнул Платон, а потом выцедил сквозь зубы: – Трусливая шавка. – Колодец его терпения был переполнен.

– Не надо было этого говорить...– прошипел Кребдюшин. – жалкий обрубок.

На шее полукровки вздулись малиновые узлы, лицо задрожало от напряжения, на висках выступили капельки по-

та, кулаки сжались до белизны – то ли сейчас бросится на обидчика, то ли помрет.

Археолог с усмешкой смотрел на него. Он вдруг понял, чего ему хочется больше всего: подраться.

– Не ссорьтесь, – раздался голос корабельного мозга. «Оболтусу» нравилась роль всеобщего примирителя. – Мы спустим шлюпку.

– И где ее возьмем?

– Нам всяко нужно попасть на корабль термопсисов, – как о решенном деле, заговорил «Оболтус», хотя до сих пор об этом и речи не было. – Причин тому несколько. У меня нет сил на гиперпрыжки. Придется воспользоваться чужим движком. Это раз. Как только термопсисы очухаются и начнут готовиться к походу, нас раскроют. И тогда нам крышка. Это два. И, наконец, нам нужна шлюпка, чтобы забрать с планеты коменданта. Это три. С ним было невозможно спорить.

Глава 22

Вода дырочку найдет

«„Голод – не тетка. Выскочит – не поймаешь". Старинные поговорки – кладезь мировой мудрости. Убогий умишко нашего современника зачастую не в состоянии понять всю красоту этих афористичных высказываний. Порой ради того, чтобы понять смысл одного-единственного слова, приходится перевернуть тысячи файлов, залезть в сотни сайтов. И все напрасно. А потом, вдруг, словно искра вспыхивает в твоей натруженной, очугуневшей от бесплодных усилий голове. Вот оно! Вот!... Ты чувствуешь ни с чем не сравнимую радость открытия истины. На несколько мгновений ты – победитель, тебе подвластно все на свете. Ты хватаешься за новую строчку, впиваешься в нее глазами... Ни черта не понятно. Ты испытываешь шок, а потом все начинается сначала. Поиск, подлинная охота за словом...

„Голод – не тетка". При чем здесь это злобное наименование женщины? Физиологическое состояние сравнивается с социальным типом. Очень странно. „Выскочит – не поймаешь". Откуда выскочит? Почему? Кто его должен ловить? Судя по всему, это противопоставление означает только одно: в отличие от так называемой „тетки" голод данного рода неуловим,

а значит, и неистребим. Очевидно, речь идет об обжорстве. Или о пандемии жора. Страшная болезнь, очень долго считаться неизлечимой...»

Документ 22 (заметки на полях древней книги)

Как мало порой нужно сапиенсу, чтобы вновь обрести почву под ногами. Он насвистывал старинный военный марш и едва удерживался, чтобы не пуститься в пляс.

У Платона было совсем другое настроение. Сегодня он был в миноре. Его донимали нехорошие предчувствия. Снова и снова в глаза напарникам заглядывала мерзкая харя смерти, и всякий раз старуха убиралась восвояси, с ворчанием помахивая остро наточенной косой. Еще один, самый последний рывок – и золотой ключик в кармане. Был такой грандиозный миф – наряду с мифом о Гильгамеше. Миф об античном герое Буратино, который первым проложил дорогу в параллельные миры. Еще один рывок... И они расшибут лоб о каменную стену. На самом пороге счастья. Это слишком похоже на печальную историю его собственной жизни. Иначе Платон давным-давно жил бы на Старой Земле и хлебал текилу из золотого, с брильянтами бокала. – У тебя больше не осталось домашних заготовок? – с улыбкой осведомился Двенадесятый Дом и обнял Платона за плечи. Пальцевые «мураши» чуть слышно гудели хором.

«Что за телячьи нежности?» – подумал археолог и потянулся к своему саквоюжу. Там, на самом дне, среди милых сувенирчиков, предназначенных для смягчения неуступчи-

вых женских сердец, лежало нечто. Что-то вроде шпажной гарды – но более хитросплетенная, охватывающая всю кисть целиком. Гарда потускнела от времени, была покрыта медной патиной, патиной же она и пахла.

Платон достал шутовину, не без труда втиснул в нее кисть правой руки и, подняв руку на уровень глаз, вроде как прицелился. Тут главное – отдать верный приказ и сильно захотеть, чтобы желание сбылось. На шерстистой переборке кораблика возник темный кружок диаметром три сантиметра, и его плоть в этом месте начала стремительно истончаться.

– Ой-ей!!! – почувствовав боль, заорал «Оболтус». – Вы что там творите, ироды?!

– Секретное оружие испытываем, голуба моя. Извини, что не предупредил, – отведя руку, с кривой усмешкой отвечивал археолог.

– И в чем соль? – невинным голоском осведомился Дом. – Я что-то не усек.

«Его познания в старинном земном фольклоре просто поразительны, – в очередной раз восхитился Платон. – Что-то тут не так». Но сейчас разбираться было некогда.

Неужели Непейвода признается, что двести лет назад проголодавшиеся мураши скушали с потрохами знаменитого земного этнографа? При этом вся его мудрость была усвоена ими на клеточном уровне. Такой вот механизм познания. И теперь каждый Дом Симбионтов, предназначенный контак-

тировать с людьми, в свою очередь съедает порцию клеточек, содержащих нужную информацию.

– Эта штука словно бы рассасывает вещество. Беззвучно и без выброса тепла. Технологию я так и не понял. Однажды я сдуру проделал сквозную дырку в трех стенах фазенды. Пришлось вызывать мастеров. А они решили, что на меня покушались.

– Ты хочешь сказать: я смогу просочиться внутрь вражеского корабля?

– Если встроить в твой скафандр клапан, выдвижную трубку и насос, который перекачает тебя...

– Пошел раскурочивать «змеиную кожу», – бодро произнес Непейвода и вприпрыжку ускакал из каюты.

– Почему ты не использовал штуковину до сих пор? – спросил корабельный мозг. Он уже простил Платону его выходку. После ночи любви он стал на удивление отходчив. – Столько раз наша жизнь висела на волоске.

– Да вроде случая не было...

– А на «Запоре-4»?

– И верно... – Платон шумно чесал в затылке. Муравейник смог бы легко и быстро просочиться на Командный Пост. – Похоже, я боялся прежде времени истратить свой последний козырь.

– А по-моему, у тебя склероз... Ты хоть помнишь, что это?

– «Дырокол». У расы разумных китообразных с Нерюн-

гри вошло в моду вставлять в щеки пудовые золотые кольца. Они устали философствовать и решили познать всю гамму удовольствий. Такими «дыроколами» слуги-гуманоиды протыкали их могучую плоть.

– Главная трудность – незаметно подобраться к кораблю термопсисов, – объявил Дванадесятый Дом, копошившийся в тамбуре. Он слышал их разговор по трансляции. – Остальное – дело техники.

– Ты знаешь, как это сделать? – спросил Платон у корабельного мозга, уверенный, что получит утвердительный ответ. Ведь «Оболтус» был полон задора, когда говорил о нападении на термопсисов.

– Конечно, – с готовностью ответил тот. – Мы снаряжаем Непейводу – и-и-и... —Речь была завершена.

– Умирать так умирать, – махнул рукой муравейник.

– Ну, предположим: ты до них доберешься, – произнес Платон без малейшей уверенности. – И чем ты их собираешься замочить?

– Надо подумать... – буркнул Дванадесятый Дом.

Они выбрали ближайший корабль (из тех, что поменьше) – минный тральщик под названием «Поскребыш-112».

Жаль, у Непейводы больше не было «пугача». Впрочем, не просочился бы «пугач» в дырочку, которую просверлит «дырокол» в титани-товой обшивке тральщика. Для «дырокола» не важно, из какого материала сделана преграда, он пробьет любую, но зато не может быть полученное отверстие

шире трех сантиметров – хоть лопни.

Термопсисы немедля обнаружат разгерметизацию корабля, тральщик начнет бороться с утечкой воздуха, залепляя дырку герметизатором или заращая пластиком биомассой – это зависит от его конструкции. Значит, утечки воздуха быть не должно. Только тогда удастся обмануть корабль, если, конечно, он не биомех. Того не перехитришь – биомех неминуемо почувствует боль. Не впрыскивать же ему предварительно новокаин...

Не было у Дома под рукой и его верных помощников – кибермух. Последний рой погиб смертью храбрых еще при первом бегстве с Тиугальбы. Что мог противопоставить ходячий муравейник вооруженным до зубов киборгам – причудливым гибридам живых существ, машин и энергетических полей? Только тысячи маленьких жвал да личное оружие.

«Спрошу-ка я у полукровки, – подумал Непейвода. – Вдруг он таскает с собой какую-нибудь пакость?» И вошел в каюту Кребдюшина. Полукровка испуганно вскочил с койки.

– Что случилось?

– Послушай, нет ли у тебя в загашнике какой-нибудь смертоубийственной хреновины?

Побледнев, Кребдюшин воскликнул:

– С какой стати?! – Взял себя в руки и добавил спокойнее: – В отличие от Атлантиды, я не коллекционирую оружие.

– Ну извини... – пробормотал муравейник и вышел в ко-

ридор.

– А у меня чего не спросишь? – с обидой спросил «Оболтус». – Взлетая, я взял пробу тругальбского воздуха. Там оказался газ, вызывающий убийственный жор. Маленький титанитовый контейнер...

– Это, конечно, здорово... – протянул Непейвода, сообразив, о чем речь. – Но хватит ли его на экипаж тральщика? Сработает ли газ теперь?

– Насчет количества – не могу сказать... Зато я знаю, что газ распадается только под действием солнечных лучей и в кислородно-азотной среде. Взяв пробу, я сразу заменил кислород и азот тем же самым криптоном.

«Если газ не сработает, – думал Платон, – термопсисы размажут Непейводу по переборкам тральщика. Если газ сработает, мураши будут отравлены вместе с экипажем и пожрут друг друга. Значит, надо прилепиться к корпусу вражеского корабля, пустить внутрь газ, запечатать отверстие и ждать, пока газ не распадется. Потом снова раскупорить тральщик и отправить на разведку несколько „мурашей“. Если они вернуться, „Оболтусу“ можно будет безбоязненно подлететь к тральщику и пристыковаться. И тогда мы победоносно взойдем на борт».

– Итак, оружие имеется, план операции готов, – объявил Дванадесятый Дом. – Раздумывать нечего – время играет против нас.

Кораблик пожертвовал частью антирадарного экрана.

Платон придал ему форму сферы и хорошенько его отладил, снабдив автономным источником питания. Дом вполз в изуродованную переделкой «змеиную кожу». Из-за клювастого впрыскивателя его скафандр стал похож на древнюю статую бога Гора.

Археолог хлопнул Непейводу по плечу. Кребдюшин, высунув голову из каюты, помахал рукой. И даже разумный гриб проснулся, чтобы скрипнуть на прощание: – Доброй охоты, муравейник.

Непейвода нацепил сразу три антигравитационных пояса и, укрывшись за щитом, оттолкнулся от теплого борта «Оболтуса». Пояса заработали в синхронном режиме, и кораблик стал быстро удаляться. По идее щит должен был обеспечить муравейнику невидимость по всему спектру электромагнитного излучения, но подстраховаться не мешало: сделав маневр, Дом устремился к тральщику со стороны солнца. Выбранный ими тральщик висел над планетой, ослепительно блестя в лучах светила. Маленькое сияющее пятнышко в цепи таких же сияющих пятен и пятнышек. Словно рой светляков взмыл в небеса и, выстроившись один за одним, прочертил в вышине траекторию: неведомо откуда в неведомо куда.

Внизу зияли рваными ультрамариновыми ранами жемчужно-розовые поля облаков. Эти раны были частичками бескрайнего океана, полного древней жизни, которая пережила самые страшные войны. Под облаками лежит скован-

ный ледяным панцирем материк, откуда продолжает комариным писком доноситься: «Спасите наши души!» На шельфе лед уже сломали шторма, и белое крошево громоздится на песчаных пляжах и стремительно тает в теплой соленой воде. Эскадренные корабли сверкали впереди, будто крупницы огромного брильянтового ожерелья, рождая в глазах четырехлучевые звезды. Казалось, они не росли в размерах, а буквально засасывали, втягивали тебя внутрь. Делали тебя своей частью...

Восхитительное зрелище зачаровало Дванадесятый Дом, и ненадолго он перестал следить за окружающим его пространством. Это едва не стоило ему жизни. Перпендикулярным курсом, используя антигравитационную тягу, надвигался фрегат термопсисов. Он переходил с орбиты на орбиту, снижаясь по касательной к планете, и Непейвода неминуемо должен был врезаться в него.

Муравейник прозевал приближение фрегата. Когда черная тень надвинулась, затмив солнце, в последний миг Дом успел отпрянуть. Поле его поясов наложилось на поле, создаваемое корабельным антигравитатором, и Непейводу, как мячик, подбросило вверх. Потеряв управление, он пролетел мимо огневой башни фрегата, едва не задев ствол дезинтегратора.

Клеточки от испуга так крепко вцепились друг в друга, что фальштело Дванадесятого Дома за доли секунды сжалось, вдвое уменьшившись в размере. Муравейник прова-

лился внутрь скафандра, так что голова его опустилась на уровень груди, а маленькие ручки чуть не выпали из рукавов.

– Я вас!!!-рявкнул он на «мурашей», и они послушно расцепились, возвращаясь в исходное положение.

Когда Дом снова взглянул на лицевой щиток забрала, куда скафандр выводил необходимую информацию, его окатило холодом. На фрегате зафиксировали небольшой скачок гравитации и решили обыскать окрестное пространство. Лучи всеволновых радаров рыскали по небу. Тахионный щуп был самым опасным. Эти волны непредсказуемы: могут пронизать огромную массу, вовсе не заметив ее, и вдруг точнехонько засекут ничтожную пылинку.

Непейвода с замиранием сердца ждал решения своей судьбы. На щитке мелькали зеленые цифры, отсчитывая секунды. Какая из них станет последней?

Однако бог миловал – маленькая антирадарная скорлупка сберегла муравейник. Фрегат продолжал уходить вниз и вправо. Тральщик оставался на месте, как и остальная эскадра. Командование термопсисов чего-то ждало.

Двунадесятый Дом мысленно попросил помощи у нерожденных Цариц и направился к «Поскребышу-112». Подлетев к кораблю, Дом скользнул ему под брюхо и благодаря присоскам прилепился к титанитовой обшивке. Вывел на щиток шлема схему этого типа кораблей и убедился, что место выбрано правильно: именно здесь проходит вентиляционный канал.

Муравейник отстегнул от пояса «дырокол» и навел его на тральщик. Он хотел достаточно сильно, и «гарда» сработала. Титанитовая броня рассасывалась, словно водица. Металл истончался на глазах, и вот уже борт перед «дыроколом» имел толщину всего несколько молекул.

Непейвода отвел «дырокол», подсосался впрыскивателем, чтобы не было утечки воздуха, а потом легонько надавил на «клюв». Титанитовая пленка прогнулась и лопнула. «Клюв» впрыскивателя вошел в вентиляционный канал. Оставалось вдуть газ в вентиляцию. Дом тотчас сделал это. А вот хватит ли его на всех термопсисов?..

Выждав положенное время, муравейник отделил от фальштеля несколько сотен клеточек, разбил на группы и отправил на разведку. Прошло десять минут. Клеточки вернулись с разведки целые-невредимые, в трюме они обнаружили трупы термопсисов. Все же Двенадесятый Дом решил не рисковать и не дал «Оболтусу» команду подваливать. Решил удостовериться сам, что враг повержен.

Термопсисы, оказавшиеся в трюме, поубивали друг друга. Последний уцелевший слопал остальных, выбрался наружу и, добредя до кают-компания, умер от ожорства прямо на ее пороге. Трое сидевших там офицеров и десяток отдыхавших в кубрике матросов получили слишком слабую дозу. Они ринулись на камбуз и устроили драку из-за недоваренного обеда. Потом разорили запасы пищевых брикетов и хотели живьем зажарить кока, но тут началось торможение

центра голода. Опомнившись, термопсисы бросились на мостик и в корабельные рубки. Командир тральщика и все стоящие на вахте были мертвы. Корабельных мозгов на имперском флоте нет – термопсисы напрямую подключаются к системам управления. И «Поскребыш-112» на время стал бесполезной жестянкой.

Командир трального расчета, согласно уставу, принял на себя командование судном. Вот только сообщить о нападении командиру тральной группы он не успел.

Непейвода катился по коридору живым ковром, охватывающим сразу и пол, и потолок, и обе стены. И этот кольцевой ковер нес на себе четыре карманных бластера, подобранных в трюме. Бластеры били без промаха, срезая выскакивающих в коридор членов экипажа. От попаданий лазерного луча механические составляющие термопсисов взрывались, убивая большую часть клеточек. Уцелевшие «мураши» и не думали разбежаться, начиная самостоятельную жизнь, а кучами застывали на полу. Мгновенная смерть после гибели хозяина была запрограммирована им на генетическом уровне.

Паля в черные, размытые фигуры, Дванадесятый Дом как будто мстил за все беды и унижения ФФФукуараби. И каждый точный выстрел вновь и вновь доказывал, что смертельного врага можно победить. Охваченный безумным восторгом битвы, муравейник не сразу понял, что термопсисов больше не осталось. Все было кончено за несколько минут.

Переборки тральщика украсили жженые волдыри и рубцы. Когда Платон и компания взошли на борт, Непейвода сгружал останки экипажа в корабельный утилизатор. «Оболтус» не захотел лететь, прилипнув к корпусу захваченного корабля, а решил просочиться внутрь вслед за четверкой. Стал таким раскисшим на солнце пластилином и втек сквозь стыковочный узел в тамбур, а оттуда уже в трюм, заполнив его до отказа.

Взяв на себя управление тральщиком, корабельный мозг подключился ко всем его командным системам. Потом «Оболтус» проверил одну из двух спасательных шлюпок. Все было в порядке. Платон и Кребдюшин забрались в нее, задраили люк, и катапульта выбросила шлюпку со стартовой позиции.

Полукровка отнюдь не рвался на эту рискованную вылазку, но Рассольников был непреклонен: «Или ты летишь со мной, или ярываю контракт, и ты не получишь ни кредита. Это мое последнее слово». Кребдюшин страшно ругался, но в конце концов был вынужден сдаться.

Непейвода остался на корабле, опасаясь, что в пиковой ситуации «Оболтус» может психануть, его раскроют, и шлюпке уже некуда будет возвращаться. Муравейник был уверен, что сможет успешно переговариваться с термописами, чью психологию тщательно изучал каждый Дом Симбионтов. «Знать своего врага нужно лучше, чем самого себя», – повторял старый учитель Двенадцатому Дому, пока ученик не затвердил

это правило.

Отдыхать Непейводе не пришлось: посыпались запросы о сброшенной шлюпке. Дом решил следовать старинному правилу: говорить как можно больше правды – тогда поверят и в любую ложь. Муравейник с помощью «Оболтуса» синтезировал изображение покойного командира тральщика и вывел его на экран, а потом доложил командиру тральной группы, что поймал с поверхности сигнал «SOS» и решил проверить его источник.

Разговаривавший с ним по тахионной линии термпсис пришел в ярость. Он орал о самоуправстве, о превышении должностных полномочий. Непейвода спокойно отвечал ему, что идет война, и если согласовывать с начальством каждый чих, флот обречен. Командир тральной группы хрюкнул, словно подавившись воздухом, и замолк. Потом он выцедил сквозь жвалы:

– Не вздумай под меня копать, – и оборвал связь.

Тем временем спасательная шлюпка вошла в облачный слой.

Сандерсон выжил только чудом.

На песчаный пляж неподалеку от пещеры, где он лежал, в облаке багрового дыма опустился челнок термпсисов. Хоть враги и ненавидят море, они вполне могут барражировать над ним с помощью антигравитации. Комендант орбитальной крепости был уверен: рано или поздно его обнаружат и прикончат. А может, и не обнаружат, но на всякий случай

швырнут в подозрительную пещеру термитную гранату или пальнут из десинтора.

Сандерсон не знал, что в этот момент в атмосферу планеты вырвался биологический газ. Вылетевшие из челнока термопсисы на его глазах перестреляли и погрызли друг друга. Обезножившего коменданта тоже охватило безумие адского голода, однако сил наброситься на кого-нибудь у лейб-коммодора не было.

И все же он не мог оставаться в своем укрытии и медленно и мучительно пополз к челноку. Там была пища, корм, жратва.

Пища звала Сандерсона, набатными колоколами гудела в голове. Запредельная жажда насытиться, наестся, нажраться и подняла бы и со смертного одра. Бороздя парализованными ногами полосу мокрого песка, комендант метр за метр приближался к заветной цели.

Когда Сандерсон наконец оказался у груды трупов и распахнутого настежь люка, силы его окончательно иссякли. Раскалившийся центр голода мог сколько угодно отдавать приказы мышцам и жилам – они отказывались сокращаться и растягиваться. Лейб-коммодору был нужен отдых.

Фризерные бомбы обрушились на планету, когда комендант начал грызть мертвых «мурашей» ближайшего к нему термопсиса. Ослабленный голодом желудок очень скоро не выдержал бы этой пищи и убил своего хозяина. Но Сандерсон не успел переест.

Когда на океанский берег из глубины материка прикатилась волна цепящего холода, комендант еще мог передвигаться. Хоть он по-прежнему ничего не соображал, тело само устремилось к единственному источнику тепла. Инстинкт самосохранения все-таки оказался сильнее голода.

Забраться в челнок лейб-коммодору помог автоматический трап. Комендант даже не сумел закрыть за собой люк. Процессор челнока сделал это сам, подчиняясь стандартной программе терморегуляции. А когда за бортом температура упала на сто градусов, эта же программа включила обогрев корабельных помещений.

Комендант около часа пролежал в тамбуре, содрогаясь от желудочных болей, а когда они поутихли, пополз дальше. Он попал в кабину, но управлять челноком был не в состоянии. Сандерсон даже не мог сообразить, что неподалеку есть пища, которой он так жаждал, – неприкосновенный запас. Ведь клеточки, входящие в состав термопсисов, питаются, как и любые живые существа.

А потом центр голода начал тормозиться. Лейб-коммодора оставили силы, и он заснул, лежа на полу, – перед панелью управления. Там его и нашли Платон с Кребдюшином.

Спасательную шлюпку сбить не пытались, хотя корабли имперской эскадры внимательно следили за ее полетом. Археолог посадил шлюпку на краю образовавшегося шельфового ледника. Океанские шторма быстро доломают лед на заливе Кабронес, но на земле он пролежит гораздо дол-

ше. Альбеде Тиугальбы подскочило, и белоснежные равнины стали отражать большую часть солнечных лучей. Главный материк планеты теперь напоминал не тропическую Африку, а Антарктиду.

Сигнал «SOS» поступал из челнока термопсисов. Хотя, как сказал Цепейвода, термопсисы в форс-мажорных ситуациях пользуются совсем другими сигналами и, уж тем более, никогда не обращаются за помощью к инопланетянам. Такова официальная позиция Империи Термопсис, и рядовые бойцы не смеют ее нарушить. Выходит, есть шанс, что сигнал подадут люди – комендант и его охранники. (Ради муравьиных убийц археолог ни за что бы сюда не полетел.)

Платон попытался связаться с челноком по радио. В ответ молчание. Но двигатель челнока работал. Значит, внутри могли оставаться живые.

Берег был завален снегом метровой толщины, а под днищем челнока образовалась здоровенная проталина.

– Мы должны добираться туда по грудь в этой белой дряни? – проворчал Кребдюшин, который без устали давал понять, что эта авантюра ему не по душе.

Рассольникову хотелось выматериться, но он взял себя в руки и ответил миролюбиво:

– А пояса на что?

Антигравитационные пояса беззвучно перенесли археолога и Кребдюшина к челноку, и Платон с полукровкой зависли в воздухе напротив выходного люка. Под ногами была

лужа, вода быстро испарялась на морозе.

– Ну, и что теперь? – ворчливым голосом осведомился полковник.

Платон не ответил. Его передатчик выдал электромагнитный импульс строго определенной частоты – специальный сигнал, которому его научил Двенадцатый Дом. Пассажирский люк открылся.

– Другой разговор! – восторженно завопил Кребдюшин. Его настроение менялось моментально.

Страхуясь от неприятных неожиданностей, археолог, прежде чем зайти внутрь, послал в челнок струю сонного газа. А когда через двадцать секунд газ рассеялся, они с Кребдюшином вошли в кабину и обнаружили лежащего на полу человека в скафандре.

Платон не сразу признал в изможденном старике холеного коменданта крепости «Запор-4». Сигнал «SOS» подавал висящий у него на поясе тахионный передатчик. Они подхватили безвольное тело Сандерсона и потащили к шлюпке.

Очнулся комендант уже на тральщике. Он и здесь лежал на полу. Никакой мебели на кораблях имперской эскадры не было. Термопсисы использовали вместо нее силовые поля. Скафандр и мундир кто-то с него снял. Рядом находился Автомедик, который зондировал тело Сандерсона. Лейб-коммодор поднял голову, обвел глазами кают-компанию, куда его внесли, и зарычал. В дверях тотчас возник Непейвода.

– Все в порядке, – поспешил успокоить он раненого. – Те-

перь все будет хорошо.

* * *

Двунадесятый Дом наклонился над комендантом и, не ожидая нападения, прозевал бросок. Сандерсон схватил муравейника за кисть протянутой руки, подтащил ко рту и вцепился в нее зубами. Он глотал «муравьишек» не жуя, давился, кашлял, и вид у него был совершенно безумный.

Непейвода рванулся и, оставив сотни клеточек во рту коменданта, отскочил к двери. Лейб-коммодор бессильно обвалился на пол и закрыл глаза. Очухается и будет караулить. Вдруг кто-нибудь зазевается и подставит лицо или пальцы?

В дверном проеме показались Платон и Кребдюшин. Увидев, что Двунадесятый Дом держится за руку, полукровка злорадно вскричал:

– Я вас предупреждал! Вот вам его благодарность. – Кребдюшин с сожалением похлопал себя по ремню, где отсутствовала кобура. – Надо шлепнуть его, пока он не взорвал корабль.

Археологу больше всего на свете сейчас хотелось прихлопнуть самого полукровку. Но ему он ничего не сказал, зато набросился на Автомедика:

– Почему не лечишь раненого?!

– Как это не лечу? – обиделся тот. – Я начал с самого главного – со спинного мозга. А центр голода и сам постепенно

успокоится...

Глава 23

Время открывать карты

«Сволочная натура у этих ксенов – только и ждут, чтобы прищемить человечеству хвост. Но человечество большое, миллиардоголовое, его так просто не прищучить. А вот каждого отдельно взятого хомо сапиенс очень просто обмануть, подставить, укокошить. Сделал свое дело, закопал труп, смыл со щупалец кровь, огляделся: не видел ли кто, не слышал ли? Не мчится ли мстить за невинно убиенного военный флот, не тянется ли с Земли карающая десница? Нет, не мчится и не тянется. Судьба отдельной особи – ее личное дело. Каждый за себя, один бог – за всех. Значит, можно искать новую жертву. Охота продолжается. Масса удовольствия и минимум риска...»

Документ 23 (из Путевого дневника)

«Оболтус» начал подготовку к драпу, едва спасательная шлюпка отправилась к Тиугальбе. Нечего рассусоливать, когда золотой горшок на борту и термопсисы того гляди сообщат, что «Поскребыш-112» захвачен.

Пока археолог и Кребдюшин были в отлучке, корабельный мозг решил переговорить с Непейводой. С каждым из пассажиров «Оболтус» хотел побеседовать один на один и всякому сказать разное.

Двунадесятый Дом по-турецки сидел на полу в командной рубке тральщика и следил на экране за полетом шлюпки.

* * *

– Мой план прост: мы сообщаем командующему эскадры, что взяли языка, и сходим с орбиты – якобы для того, чтобы доставить его на флагман. Удалившись от планеты, делаем гиперпрыжок – и видали нас. Тральщик ходит быстро – должны уйти от погони.

– Слишком хорошо, чтобы быть правдой, – пробормотал Двунадесятый Дом. – Скажи-ка лучше, цукахарец хренов: какой сюрприз ты заготовил на потом? – Муравейник употребил Платоново выражение.

И «Оболтус», и Непейвода после долгого общения с археологом изрядно очеловечились. Таковы законы ксенопсихологии: если ты принял вид разумного существа иной расы и тесно общаешься с ним, твоя психика неизбежно приобретает черты сходства. Теперь Дому будет непросто вернуться в родную среду. На многое, по крайней мере первое время, он будет смотреть глазами Рассольникова – скептика и безбожника.

– О чем это ты? – У корабельного мозга был голос оскорбленной невинности.

– Уверен: ты знаешь, какая судьба тебе уготована. Тебе и Платону. И ты совсем не похож на жертвенного агнца. Я

хочу знать, что ты задумал.

– Ты хочешь мне что-то предложить? – совсем другим тоном осведомился корабельный мозг.

– Нам надо вовремя разойтись. Мы доберемся до назначенного места на тральщике. А дальше ты вместе с пассажирами можешь катиться на все четыре стороны,

– Ин-те-рес-ная мысль... – протянул «Оболтус». – Но я не смогу делать больше одного прыжка в час.

– Если очень захочешь, как-нибудь доползешь до ближайшей пересадочной станции.

Тут командира «Поскребыша-112» вызвал командир тральной группы. Разговор оборвался, но корабельный мозг отныне беспрестанно думал о словах, сказанных муравейником.

Все вышло так, как и планировал «Оболтус». Грубо нарушив субординацию, Двенадесятый Дом через голову начальства обратился к Величайшему Шлему 002:

– Нам удалось захватить уродца. – Так термопсисы называли Дома Симбионтов. – И его золотой холодильник.

Адмирал, конечно, решил, что строго накажет мерзавца, но это потом, потом... А сейчас его слишком интересовал пленный, который умудрился выжить в зеленом и белом аду. Пленный, который добыл личинок. Пленный, чья поимка позволит ему, Величайшему Шлему, сделать еще один шаг по служебной лестнице. Это был слишком лакомый кусок, и адмирал не мог не проглотить такую наживку.

Тральщик устремился на встречу с флагманом по крутой траектории. Термопсисы удивились, но терпеливо ждали, когда придурковатый командир «Посребыша-112» наконец приведет свою посудину к цели. У них еще будет возможность поставить на место зарвавшегося нахала, обломать ему жвалы и вывернуть разъемы.

Тральщик все больше удалялся от Тиугальбы. Если он хотел сделать особо эффектный кульбит, то время давно настало. И вдруг «Поскребыш-112» исчез с экранов. Будто и не было. Радары тоже его потеряли. И только тахионные щупы уловили всплеск тахионного поля Вселенной. Тральщик ушел в подпространство.

Итак, золотой горшок у Непейводы в руках. Условия контракта выполнены. Дванадцатому Дому остается доставить бесценный груз на ФФФукуараби и выплатить участникам экспедиции обещанное вознаграждение. Все оно так... если не считать маленького нюанса: первоначальный приказ Совета Домов Симбионтов по-прежнему в силе. А значит, ни один свидетель секретной операции не должен остаться в живых.

«Оболтус» снова и снова возвращался мыслями к предложению, сделанному муравейником. Еще несколько прыжков, и надо выгружаться из тральщика. Перераспределив остатки активной биомассы, кораблик опять помаленьку сможет скакать через подпространство. Правда, пассажиры... Они усложняют задачу. Слишком много полезной массы и драго-

ценной энергии уйдет на жизнеобеспечение этих гавриков. Но, как видно, придется перетерпеть и сдюжить – ведь не выкинешь же их в пустоту...

* * *

Если бы Кребдюшин попытался тайком пробраться из кубрика в кают-компанию, где поселились Платон и Непейвода, и взять оружие, «Оболтус» тотчас заметил бы это и предупредил напарников. Ведь корабельный мозг проник в систему слежения тральщика и подключился к десяткам видеокамер, развешенных по всему «Поскребышу-112». Как видно, у термописов командиры не доверяют своему экипажу.

Но у полукровки бластер являлся частью организма – был выращен из тканей правой руки. И до сих пор Кребдюшин ни разу не применял его – берег на самый крайний случай. Откуда археологу и Дому было знать о таком сюрпризе, если даже интроскоп карантинщиков не смог разглядеть его в теле мимикриста.

Если бы фффукуарабцы взяли за труд как следует прошерстить недавнее прошлое нового участника экспедиции и раскусили умело сочиненную легенду, то обнаружили бы следующее. Год назад Кребдюшин Капоте тайно посетил планету Осмос. Там он провел большеч месяца, в том числе неделю был погружен в растительный чан, где дышал и пи-

тался поверхностью тела.

Биологическая цивилизация Осмоса отнюдь не так безобидна, как пытается продемонстрировать Галактике. Ее генмастера могут вырастить смертельное оружие из каждого организма и создать вирус или грибок, способный уничтожить не только любое живое существо, но и все предметы, созданные химическим путем. То есть лишить противника скафандра, оружия и космического корабля.

Оставив разумного гриба в его всегдашней спячке, полукровка вышел из кубрика в коридор, нашел трюмную переборку, поводит раструбом сканнера, выращенного в его левой руке, затем навел бластер и отдал мысленный приказ. За считанные секунды бластер прожег в переборке дыру – как раз напротив того места, где сейчас размещался мозг «Оболтуса». Кораблик почувствовал боль от ожога, дернулся, пытаясь выползти из опасной зоны, – некуда. Тогда он начал стремительно рассасывать свою плоть, «убегая» из-под луча.

И тут из дырки с оплавленными краями вылетел фонтан мельчайших капель, оросив кожу «Оболтуса». Это Кребдюшин брызнул из распылителя. На тело кораблика попал смертоносный грибок. Токсины, вырабатываемые им, поразили мозг. «Оболтус» умер почти мгновенно, успев сделать только самое главное...

Полукровке стало плохо. Слишком много энергии он потратил на стрельбу и слишком силен оказался удар по нервным окончаниям – не так-то просто служить живым оружи-

ем. О такой реакции Кребдюшина никто не предупреждал.

Полукровка запылал от охватившего его жара, сполз по стене на пол, весь покрытый потом, и едва не потерял сознание. Он словно выгрузил за полминуты пять вагонов с углем. Сейчас с ним можно было справиться голыми руками, да вот только никто не собирался на него нападать. За происходящими на тральщике событиями больше никто не следил.

Теперь надо было покончить с муравейником. Полукровка ненавидел людей, и в первую очередь расправился бы с Платоном, но Непейвода гораздо опаснее – он более жизнестоек и силен. Часть его клеточек может уцелеть при расстреле или отравлении, попрячется по щелям, а потом соберется вновь и нанесет удар в спину.

А когда муравейника не станет, Кребдюшин без особых хлопот шлепнет придурковатого Атлантиду. Мерзкий гриб останется на закуску; этот шматок плесени и вовсе безопасен. Потом полукровка включит тахионный передатчик и отправит эскадре термопсисов условный сигнал. Ему останется только ждать, когда сквозь подпространство прилетит долгожданный куш.

Но сначала Непейвода... Это гнусное скопище кусачих существ. Мимикрист знал, что Двенадесятый Дом сидит на капитанском мостике. Погруженный в мучительные размышления, он уже который час оттуда не вылезает.

Цивилизация термопсисов страдала тяжелой формой аскетизма, который отражался и на убранстве помещений

тральщика. Голые стены и уродливо-функциональные приборы тральщика – тому свидетельство.

Непейвода вытек из полетного комбинезона и облепил пульт управления кораблем. «Мураши» копошились на его титанитовых панелях, непрерывно дотрагиваясь усиками, жвалами и лапками до соседей. Каждому хотелось «пообщаться» со всеми остальными.

Люк рубки открылся, и через порог шагнул Платон. Дом собрал из части клеточек человеческую голову. Она выросла на плоской клавиатуре тахионного передатчика и была похожа на ананас, лежащий на серебряном подносе.

– Ну что, приятель? – спросила голова. – Скоро будем дома?

Археолог скривил губы в странной улыбке и молча двинулся к муравейнику. Шел он неуверенно, слегка пошатываясь, и лицо у него было серое, дрябловатое.

– Ты что, перебрал? – снова задал вопрос Дванадесятый Дом. – Прими таблетку. Зачем зря страдать?..

Платон опять не ответил ему. Только покивал головой. Археолог сунул левую руку в оттопыренный карман комбинезона, и муравейник вдруг понял: сейчас он выстрелит. Черт! Непейвода дал мощнейший нервный импульс клеточкам, мгновенно подчинив их своей воле, и выстрелился навстречу напарнику.

Дом не намеревался его убивать. Он хотел сбить Платона с ног, обезоружить, а потом уж разбираться, что к чему.

Голова муравейника и часть прилегающих к ней клеточек, свернувшись в тугой шар, летели от пульта, целя в грудь Рассольникову.

Тот не успел отскочить – был слишком вял и заторможен. Не успел Платон и встретить опасность смертельной струей, хотя пульверизатор с антимуравьиной жидкостью уже был у него в левой руке.

Археолог попытался вскинуть правую руку, но опоздал. Луч бластера краем задел летевший в Рассольникова живой снаряд. Пятьсот «мурашей» испеклись на лету, и муравьиный шар ударил ему по ребрам и сшиб с ног. Остальная часть Непейводы собралась в некое подобие четырехлапого кошачьего тела и скакнула с пульта следом за авангардом.

Живой снаряд вцепился Платону в руки, чтобы не дать снова воспользоваться оружием. Однако археолог сумел-таки выстрелить. Лазерный луч встретил в воздухе летящее тело «кошки» и прожег в нем дыру. Пробил экран тахионного передатчика и стал плавить титанитовую броню корабельной обшивки. На мостике взревела сирена тревоги, по «сосудам», пронизывающим обшивку, стал нагнетаться герметизатор.

«Кошка» лопнула и осыпала Платона красно-бурым дождем. Тысячи клеточек, составлявших голову муравейника, яростно кусали археолога. Если от боли он выпустит оружие, исход схватки будет решен. Но Платон каким-то образом выдерживал нестерпимую боль и продолжал бороться.

Искусанные пальцы левой руки, сжимавшие смертоносный баллончик, превратились в багровые сардельки. Они уже не могли нажать на красную кнопку на головке баллона. Облепленная мурашами правая рука продолжала палить в божий свет, выжигая вензеля на потолке и стенах рубки. Преодолевая сопротивление наспех слепленной из клеточек муравьиной руки, рука Платона двигалась к баллончику, до которого оставался десяток сантиметров. Стоит ей дотянуться и пустить его в ход, с муравейником будет покончено через пару секунд.

В пылу борьбы, от бешеного напряжения контроль за телом ослаб, и лицо археолога начало меняться, утрачивая знакомые черты. И вот уже Непейвода облеплял Кребдюшина Капоте, который чуть было его не обманул, приняв облик археолога. Притворяться другими – врожденное умение микристов.

Однако это не мешало руке полукровки тянуться к баллончику. Дом не мог ее остановить. Россыпь «мурашей» слабее Кребдюшина, который превратил свою правую руку в мощный рычаг. Едва Непейвода начнет собираться в боеспособное фальштело, полукровка высвободит руку-бластер и сожжет львиную долю клеточек, безвозвратно уничтожив его личность.

Сгустки герметизатора выползали из переборки, образуя пенный вал вокруг уже залепленной пробойны. «Оболтус» не останавливал процесс и вообще не вмешивался в проис-

ходящее. Он давным-давно обязан был помочь Непейводе, но равнодушно взирал на происходящее. Муравейник не мог этого понять, но сейчас ему было не до раздумий.

Схватка продолжалась. Через две секунды Кребдюшин на жмет рычажок. Рычажок. Рычажок...

Что такое удар по голове огнетушителем? Круглым, красным, с толстой, широкой ручкой и коротким металлическим раструбом. Это нокаут. Как минимум. А можно и череп проломить. Платон бил без размаха – боялся раздавить «мурашей». Так что мимикрист получил всего лишь сотрясение мозга.

Двунадесятый Дом покипел, побурлил, сполз с груди поверженного мимикриста, быстро перетек к командирскому пульту связи и влился в сваленный на полу комбинезон. Археолог пощупал Кребдюшину пульс, сел на пол рядышком и вытер со лба пот.

– Ах-ха, – выдохнул Платон с облегчением.

И тут на мостике мигнул и погас свет, и разом выключились все экраны. Обрушившаяся на напарников темнота показалась археологу абсолютной – как будто ему на голову кто-то набросил черный мешок. Дураку понятно: с тральщиком дело не ладно.

– Оболтус! – закричал Платон. – Оболтус! Отвечай!

* * *

В ответ тишина.

– Я пойду в трюм, – сказал Рассольников, поднялся на ноги и сразу наткнулся на пульт. – О, черт!

– Пошли вместе, – произнес муравейник. – Я вижу в темноте.

Непейвода действительно обладал инфракрасным зрением и, в отличие от археолога, хорошо ориентировался на корабле. Платон шел, держась за его плечо, как слепой – за поводыря.

Из трюма, где находилось тело «Оболтуса», не доносилось ни звука. Едва напарники, вручную крутя колесо, открыли люк, в нос им шибануло запахом распада. К горлу археолога подступило.

– Го-о-тов... – ошеломленно протянул Дом.

Системы управления тральщика были подключены к центральной нервной системе «Оболтуса». После его смерти умер и «Поскребыш-112» – кроме нескольких автономных устройств аварийного назначения.

– Здесь есть реанимация?! – воскликнул Платон, зажимая нос.

– Поздно. Активную биомассу очень трудно убить, но если распад пошел, он необратим.

С грохотом напарники запечатали люк, словно похоронив

самого большого покойника, которого знал Рассольников. Запечатали, надеясь отрезать трупную вонь. И поплелись обратно, на мостик.

Археологу не верилось, что все замерло, окоченело в еще недавно таком живом, страдающем, полном желаний, воледеющем существе. Быть может, гораздо более живом, чем они, его бывшие обитатели.

На мостике Непейвода кинулся к умершему пульту тральщика, попытался активизировать его, переведя корабельные системы на ручное управление. Зажглось тусклое аварийное освещение, сделав мостик совершенно иным – теперь это было мрачное помещение, полное темных углов. Впрочем, оно казалось более уютным, чем ослепительно пустое, нечеловеческое местопребывание термописов.

Двунадесятый Дом один за другим тестировал процессоры «Поскребыша-И 2». Отказало почти все. Электроника, накоротко замкнутая на корабельный мозг «Оболтуса», сгорела вместе с ним. Работала только система пожаротушения, противометеоритная защита, автономный регенератор воздуха и аварийная связь.

Нахохлившись, Платон сидел на полу, следя за действиями напарника. Подножка в двух шагах от победы – и вот они опять летят кувырком, чтобы разбиться в лепешку. В этой экспедиции над ними довлеет злой рок.

Археолог тронул носком Кребдюшина, смиренно лежавшего у его ног. Если бы всех противников можно было так раз-

ложить на полу...

– Аварийный передатчик в порядке, – сообщил Непейвода. – Можно дать узконаправленный сигнал «SOS» на ФФ-Фукураби и ждать прилета корабля. Кислорода нам хватит, и есть месячный запас пищи и воды... Я не хочу принимать решение единолично. Пусть все проголосуют.

– Разве у нас есть выбор? – отозвался Платон.

– Похоже на то, – мрачным тоном ответил муравейник. – Месяц жизни или десять дней, если сюда придет наш корвет.

– Так вы нас приговорили... – протянул археолог. Он был ошарашен, хотя давно мог бы догадаться о такой перспективе, памятуя о встрече, которую оказали напарникам на ФФ-Фукураби. – Что ж ты раньше молчал?

– Не хотел портить тебе настроение. Сбивать рабочий настрой... – горько усмехнулся Дванадесятый Дом. – Я договорился с «Оболтусом». Он должен был вывезти вас четверых. А теперь... – Непейвода стукнул кулаком по ослепшему пульту.

Платон только покачал головой. В этой истории с золотым горшком его предавали снова и снова. Пора бы уже привыкнуть, сделать выводы и больше не верить никому и ничему. Но ведь так жить будет тошно...

– Давай допросим этого уroda, – сменил он тему. – Вдруг узнаем что-нибудь интересное.

– Может, ты и прав...

Муравейник вел допрос с пристрастием. Он не обладал

практическими навыками этой грязной работы, но зато теоретически был подкован. Первым делом— прежде, чем привести Кребдюшина в чувство, — Непейвода сделал ему укол. Отныне тело, за исключением гортани, челюстей, губ и языка, перестанет подчиняться полукровке, хотя его сознание будет ясным.

* * *

Двунадесятый Дом миллиметр за миллиметром просканировал тело Кребдюшина. Оно оказалось напичкано биологическими устройствами. Предосторожность была ненужной. Затем Непейвода от души отхлестал полукровку по щекам, так что голова его моталась из стороны в сторону — это лучший способ вернуть человекообразного в сознание.

— Кто заплатил за генетические операции? — был первый вопрос Двунадесятого Дома. — У тебя никогда не было столько денег.

— Мне сделали их бесплатно, потому что... — мимикристал замолк, облизнул пересохшие губы.

Муравейник решил: Кребдюшин еще не придумал, как соврать, и сказал:

— Помни одно, дружок: хоть ты и не можешь шевелить руками-ногами, боль чувствуешь, как и прежде. А я знаю тысячу способов разговорить молчуна. Нас обучили допрашивать ксенов — от эмбрионов до мертвецов.

– Не запугивай – я и так все расскажу. Все равно выхода нет.

– Удивительно покладистый мерзавец. Образцово-показательный, – с деланным восхищением произнес Непейвода. – Может, ему орден дать? – Интонация у него была нехорошая. Страшноватая интонация.

– За операции заплатили термопсисы. Я даже не знаю, сколько они стоили, – заспешил полукровка – и уже не закрывал рта целый час.

Кребдюшин Капоте был полукровкой и потому оказался чужим и мимикристам, и людям – его не принимали обе разумные расы. В результате он возненавидел тех и других и при каждом удобном случае старался отомстить своим обидчикам. Его не заботило, что непосредственные жертвы понятия не имели о его, Кребдюшина, существовании. Если ты человек или мимикрист – значит, достоин мучительной смерти, пыток или, на худой конец, облегчения кошелька.

В первую встречу с Рассольниковым полукровка залез в экспедиционную кассу, был бит и смылся, угнав единственный глайдер. Так что археологам пришлось пешком выходить к людям через выжженную пустыню, волоча на себе несколько тонн сокровищ.

Кребдюшин привык действовать в одиночку, полагаться только на себя самого. Он не гнушался никакой, даже самой поганой работы и никогда не чувствовал себя отомщенным – сжигающий его огонь ненависти был неутолим. Но по-

лукровка обладал одним немаловажным качеством— он был очень терпелив и, прежде чем нанести удар, мог выжидать месяцами.

Кребдюшин не вел счет своим жертвам, но их число наверняка перевалило за сотню. Случались периоды в его уже довольно долгом существовании, когда он вел законопослушный образ жизни и казался вполне благонамеренным сапиенсом. Но потом подворачивался удобный случай, и полукровка начинал действовать.

Кребдюшин никогда заранее не планировал акций возмездия, не вынашивал планов мести — он любил экспромты. Вот если кто случайно подвернется ему под руку — пощады не проси. Полукровка не знал слова «жалость», его смешили рассуждения о морали и этике. Он считал их выдумками бессильных мудрецов, занимающихся на старости лет оправданием собственной трусости.

Вся история с его участием в экспедиции на планету Тигуальба была шита белыми нитками. Случайная встреча на «Эль-Гарде», удачное стечение обстоятельств, древние карты, удивительным образом попавшие в цепкие руки черного археолога... Будь Рассольников менее доверчив, он наверняка заподозрил бы неладное. Будь Непейвода меньше зациклен на поисках царственных личинок, он, несомненно, раскусил бы полукровку. Увы...

Кребдюшин тотчас согласился на предложение термопсисов — еще бы! Он мог неплохо заработать, прищемив хвост

давнему сопернику, более удачливому и потому ненавистному черному археологу по кличке Атлантида. А это значило напакостить очередному представителю рода человеческого – о чем еще мечтать?.. Что же касается разумных муравьев, то полукровка с детства терпеть не мог насекомых. Настало время поставить их на место.

Термопсисы обещали ему два миллиона кредитов за горшок с живыми или мертвыми личинками и миллион за документальные свидетельства их уничтожения на месте.

– Имперская эскадра полным ходом несется сюда, совершая по десять прыжков в час. А вы, ребята, застряли в самом центре межзвездной ямы, и никакие фффукуарабские посудины не успеют вас спасти, – закончил свой рассказ Кребдюшин.

– Ты ему веришь? – спросил напарника Платон. Муравейник покачал головой.

– Мы узнаем, врет он или нет, только когда эскадра выскочит из последнего гиперпрыжка, – сказал археолог. – Тогда я своими руками перережу ему глотку, а потом взорву тральщик, чтобы не попадать к ним в плен.

Корабль наполнялся нестерпимой вонью, которая просачивалась из трюма в вентиляцию. Платон и Непейвода надели скафандры, опустили щитки шлемов и открыли трюм, чтобы выдуть за борт останки «Оболтуса». Печальная, но необходимая операция.

Ступая по колено в пенистой бурой жиже, напарники про-

двигались в глубь темного помещения, тесно заставленного стеллажами с гиперминами. Археологу пришла в голову неплохая мысль:

* * *

– Почему бы нам не разбросать эти «игрушки» вокруг тральщика? – предложил он. – Будем выходить на катере и вручную устанавливать по десятку. Заберем с собой в могилу несколько вражьих кораблей. Громко хлопнем дверью на прощанье...

– Я обязан доставить горшок на ФФФукуараби, – решительно проговорил муравейник. – Умирать будут другие.

Дом уверенно огибал стеллажи. Он вроде бы что-то искал, но Рассольникову о цели своих поисков не говорил.

– Здесь есть живое! – вдруг воскликнул Двенадесятый Дом.

– Термопсис?

– Нет. Биолокатор показывает нечто компактное, неподвижное. Оно в этой дряни. Надо достать.

– Слушаюсь, ваше муравейство, – без особого энтузиазма согласился Платон.

Они наклонились, нащупывая в пенном слое это самое живое. Нашупали, с трудом ухватили – выскальзывало из рук. Да и тяжеленькое оно было – килограммов на пятьдесят. Поволокли из трюма, оскальзываясь и чертыхаясь.

Когда найденную штуковину отмыли от мертвечины и рассмотрели как следует, оказалось, что по форме это яйцо – метр высотой. Нижний конец тупой, так что оно устойчиво стояло на земле. Поверхность упругая, резинистая, покрытая мельчайшими складочками. Звуков «яйцо» не издавало, двигаться не пыталось.

– Что это? – спросил археолог, осмотрев находку со всех сторон. Впрочем, он уже сам догадывался.

– Новый «Оболтус». Думаю, тебе следует взять его с собой. На ФФФукуараби ему делать нечего.

– На кой ляд?!-вскинулся Платон.

– Рано или поздно тебе понадобится маленький кораблик. Ты активизируешь зародыш и, когда он вырастет, воспитаешь должным образом, – усмехнулся Непейвода. – он будет считать тебя своим папой, любить и почитать...

«Спаси Космосе!» – мысленно содрогнулся археолог, но отказаться от такого подарка не смог. Богатый жизненный опыт говорил: «Не вздумай глупить. Он стоит не меньше миллиона кредитов. Другого случая не представится. Потом локти будешь кусать. Бери его – про запас. Своя ноша не тянет...»

Время шло. Эскадры термопсисов было не видать. Кребдюшин соврал – он не успел отправить тахиограмму.

Время от времени Платону почему-то вспоминались замороженные личинки. Они были довольно аппетитными. «Интересно, а какие они на вкус?» – родилась дурацкая

мысль и уже не отпускала. Уже неделю они питались исключительно армейскими рационами. Смотреть было тошно на сублимированные соевые бифштексы. А голод, как известно, не тетка – любого скрутит в бараний рог.

– Почему ты смотришь на горшок и облизываешься?! — поймав плотоядный взгляд напарника, с возмущением спросил Непейвода. – Я не требую, чтобы ты восторгался волшебной красотой личинок. Ты ничего не понимаешь в истинной красоте. Но облизываться не смей! Я тебе запрещаю!

Археолог почувствовал: еще немного, и ходячий муравейник потянется к бластеру. У обоих нервы на пределе. Поспешил успокоить напарника:

– Ты подозреваешь меня в людоедстве? Отродясь не ел насекомых! – Платон противоречил сам себе, но не замечал этого.

– Я понимаю: для тебя они – всего лишь порции животного белка и жира. Желанная пища. Но на самом деле эти беспомощные личинки способны превратиться в носителей величайшей мудрости и справедливейшей власти. Они спасут нашу планету и заставят задуматься многие разумные расы. Что есть сила, и что есть порядок? Каким путем должна идти эволюция, и стоит ли слишком много прав давать индивидууму? Как сохранить самобытность цивилизации перед лицом людской экспансии и защитить расу от ксеноцида?..

– И вся Галактика поймет преимущества концепции Роя и решит переселиться в муравейники, – усмехнулся археолог.

– Можешь сколько угодно издеваться, но когда-нибудь твоя Галактика... – Дванадесятый Дом не договорил – только досадливо махнул рукой.

– Слушай: а отчего мы до сих пор не посоветовались с комендантом? – удивился Платон, желая сменить тему разговора.

Непейвода почесал шебаршастый затылок, вынул из «волос» пару померших от старости клеточек, долго вертел их перед носом и наконец изрек солидным басом:

– Враг все-таки. А может, просто забыли.

Когда Сандерсону объяснили ситуацию, он первым делом спросил:

– Почему вы не попросите помощи у третьей силы? Вернее, у четвертой, если отместить Лигу, Империю Термописис и ФФФукуараби.

– Мы дадим сигнал «SOS», и первыми на него примчатся те же самые термописисы.

– Я могу предложить только такой вариант. Вы радируете на ближайший форпост Карантина. Это планетная система Гаммы Дракона. Мой приятель служит там командиром рейдера. Я сообщу ему о нападении термописисов и попрошу срочной помощи.

– И что будет с нами, когда сюда примчится рейдер?

– Понятия не имею. Могу обещать лишь одно: я скажу, что ваш корабль был тоже атакован и подбит термописисами, а потом вы спасли мне жизнь и помогли захватить вражеский,

тральщик. Эту версию мы успеем отработать до деталей... Хотел бы сказать, что вас с почестями доставят в ближайший звездный порт. Но, скорей всего, вами займется контрразведка. И тогда проверять будут до посинения – и вас, и меня. Сыворотка правды и ментос-копия нам гарантированы.

– А что будет с нашим имуществом? – Непейводу больше всего беспокоила судьба золотого горшка.

– Сначала его тщательно проверят, а потом... Вероятно, его – вместе с личными вещами, одеждой и пищей – решат на всякий случай уничтожить. Тут главное: никаких хлопот. У Карантина свои правила – никто не станет их обвинять.

– Вы предложили «отличный» вариант, – произнес Двунадесятый Дом, пытаясь насквозь проковырять ногтем корабельное сиденье.

– На всякий пожарный случай надо иметь под рукой знакомого репортера из самых прожженных, – изменившимся голосом произнес Сандерсон, почуяв, что над его головой сгущается туча. – Из тех, кто ради сенсации маму родную не пожалеют. Таких, что не побоятся раззвонить на всю Галактику самый главный военный секрет.

– Увы... – развел руками Платон. И тут его осенило. – А ведь был один проныра. Тигран Мазендарян. Едва не прибил его когда-то. Если он не сменил место...

Археолог с помощью Непейводы нацелил тахионную антенну в нужную точку звездного неба и радировал на Сведоруп – планету, знаменитую производством молекулярных

нитей. Там располагался корпункт информационной корпорации «Си-Эн-Эн». Гарантируя репортерам галактическую сенсацию, археолог просил выслать самый быстроходный корабль. Раньше у корпункта был неплохой космока-тер, делавший до пятидесяти гиперпрыжков в час.

Если передачу перехватят – всем пятерым конец. Если Мазендарян не поверит Рассольникову – всем пятерым конец. Если начальство не даст глиссер – всем пятерым конец... Археологу стало не по себе от таких мыслей, и он громкогласно объявил:

– Уверен: съемочная группа уже мчит в космопорт. – Уверенности не было ни малейшей.

Муравейник только покачал головой.

Теперь время работало на них, и надо было решать все отложенные на потом вопросы.

– Что будем делать с Кребдюшином? – осведомился Платон. – Предлагаю оставить его тут. Он сможет встретиться со своими нанимателями, и они заплатят ему по счетам. Щедро заплатят.

– Разумно, – согласился Непейвода. – Отведем полукровку в кают-компанию, а гриба позовем на мостик – ждать осталось недолго. Да и с комендантом надо решать. Пора.

Когда напарники вошли в кубрик, где содержались пленники, оказалось, что Кребдюшину плохо. Он обвис в эластичных путах, уронил голову на грудь. Сандерсон с опаской поглядывал на соседа. Их разделяли метров пять. Оба были

крепко привязаны к титанитовым скобам обшивки. И за ними внимательно следили датчики движения.

– Что с тобой? – спросил Платон полукровку, тронув за плечо. Голова пленного мотнулась. Он не ответил.

Двунадесятый Дом поднял ему веко и посмотрел зрачок, пощупал пульс и констатировал:

– Без сознания. Но скорее жив, чем мертв.

– Что с ним происходит? – спросил археолог лейб-коммодора.

– Корчился, мычал, требовал врача, а потом скис. Чем вы его накачали?

– Боюсь, он приболел... – раздумчиво произнес Дом, достал из стоящей на полу сумки кибердиагноста и пристроил на плече Креб-дюшина. Развязывать больного он не стал.

Пока Автомедик сканировал полукровку, Платон обратился к Сан-дерсону:

– А с тобой что прикажешь делать, комендант? Сам-то ты чего хочешь? Вернешься в Карантин? Или решил уйти в отставку?

– Вы меня отпустите? – подняв голову, спросил лейб-коммодор.

– За нами должок, – буркнул Непейвода.

На лице Сандерсона возникло мечтательное выражение.

– Я хотел бы сменить внешность, получить новые документы и начать другую жизнь.

Напарники были слегка озадачены таким поворотом. Они

переглянулись, затем муравейник сморщил лицо, будто жевал лимон, и процедил:

– Так и быть...

Бывший комендант пытался спрятать улыбку, а она упрямо вылезала на лицо. Полукровка тем временем очнулся, обвел мутным взором кубрик и застонал.

– Сильнейшая интоксикация, – мягким, врачебным голосом объявил кибердиагност. – Генезис пока не ясен – незнакомый тип организма. Придется очищать ткани, менять кровь. Дело долгое и кропотливое. Нужен стационар.

– Стационара не будет, – заявил Дванадесятый Дом. – Делай, что можешь.

– Делаю, – беспомощно ответил Автомедик. В дверях кубрика показался гриб, медленно перевалил порог. Шляпка покрылась множеством струпов, бахрама почернела и осклизла. На ножке возникли бурые узлы, из которых что-то сочило. За грибом по полу тянулись липкие нити. Похоже, срок жизни автономного плодового тела подходит к концу. Это мицелий живет тысячелетия, а его дети недолговечны.

– Что вы собираетесь с ним делать? – проскрипел гриб.

– Подлечим, а потом оставим здесь... Мы освобождаем тебя от всяких обязательств перед Кребдюшином, и можешь катиться на все четыре стороны. Хочешь, доставим тебя на родину?

– Вы должны отправить его домой, – прокаркал гриб и закашлялся, роняя на пол ошметки шляпочных пластинок.

– Мы никому ничего не должны! – разозлился Непейвода.

– Вы не понимаете, – упорствовал гриб. – Он уже был болен, когда напал на вас. А сейчас он умирает. Его надо отвезти домой. Там его вылечат... или похоронят.

– Да ты как будто нам грозишь, – пробормотал Платон. – А если мы не согласимся?

– Вы можете меня убить! – прокаркал гриб, выпрямившись во весь рост. По его шляпке от напряжения пошли трещины. – Я свое дело сделал. Пусть я погибну – Мицелий торжествует! Я могу уйти со спокойной совестью. Я – всего лишь плодовое тело, каких триллионы. Наша задача – нести споры по Галактике, распространять Великий Мицелий на новые миры. Наша жизнь сама по себе ничего не значит. В отличие от многих, я выполнил свое предназначение. Я доволен.

– Ты хочешь сказать, что... – археолог не договорил. Волосы у него встали дыбом.

Сандерсон, как видно, тоже сообразил, что к чему, и побледнел.

– Почему я так долго терпел это ничтожество? – скрипуче спросил гриб и сам же ответил: — Я выполнял свою миссию и ждал. Сейчас Кребдюшин превратился в ходячий инкубатор спор. Он больше не живет самостоятельно, эта споры живут в нем, заставляют его передвигать ноги, пить и есть.

– А мы?!

– Вы тоже кое-что впитали через дыхание. Кха-кха-кха!

Напарники впервые увидели, как гриб смеется. Дергаясь, он терял кусочки своего дряблого тела.

– Мы можем сжечь полукровку вместе с проросшими спорами, – решительно заговорил Дом. – А из себя попытаемся их вытравить. Есть множество способов лечения грибковых заболеваний.

– Наши споры трудно убить – они умеют защищаться. Я сам вылечу вас – прямо здесь, если вы дадите мне слово... – Гриб устал и говорил едва слышно. – Обещайте, что не будете уничтожать тело полукровки и доставите его по назначению, и я... – Он страшно закашлялся.

Платон подумал, что гриб в любую минуту сам может помереть.

– Мицелий должен прорасти... – поборов кашель, прокрипел гриб. – Любой ценой... Вы же хотите спасти личинки Цариц... Вы должны меня понять...

И Непейвода его понял.

Радары на тральщике не работали. В распоряжении напарников были только собственные глаза и прекрасный цейссовский фотоумножитель. Так что им приходилось болтаться в скафандре около «Поскребыша-113», привязавшись фалом к скобе обшивки. Дежурили по очереди.

От напряженного разглядывания пустоты у Рассольникова глаза саднило – словно туда песка сыпанули. Незадолго до конца вахты он обнаружил, что километрах в ста от тральщика возник корабль. Слишком большой для глиссера «Си-

Эн-Эн».

Платон прибавил увеличение. Корабль был военный, и он осторожно приближался к тральщику. Вскоре археолог уже мог разглядеть, что это фрегат, обросший огневыми башнями, как пароходное дно – ракушками. Фрегат «Грохотун-44» из ударной эскадры термопсисов. Он прочесывал вместе с другими кораблями эскадры ближайшие к Тиугальбе сектора Галактики и по случайности выскочил из подпространства неподалеку от «Поскребыша-112». Кто-то рано или поздно должен был обнаружить застрявший здесьдохлый тральщик.

– Твои «дружки» пожаловали, – по рации сообщил Платон Двунадесятому Дому. – Эх, надо было мин накидать!..

– Они предупредили, чтоб мы не дергались. Можем послать им навстречу шлюпку.

– У нас кому-то жить надоело?

– Гриб вызвался. Ему остался день или два. Об обещании нашем напомнил... Мину я загрузил, и гриб на борту. Сейчас передам этим, что отправляем парламентаров, и катапультирую посудину...

Видеть парламентаров термопсисы не пожелали. Как только спасательная шлюпка отделилась от тральщика на два километра, фрегат дал залп. Ослепительная вспышка, и суденышко испарилось вместе с умирающим разумным грибом.

В этот самый миг из подпространства километрах в десяти от тральщика выпрыгнул долгожданный глиссер. На его

бортах были намалеваны огромные буквы «CNN», а также слово «ПРЕССА», написанное на космолингве, – тут уж не ошибешься.

Глиссер тотчас рванул к «Поскребышу-112». Имперский фрегат по радиации запретил подходить к имперскому тральщику и дал предупредительный выстрел из носовой пушки. Но глиссер не думал менять курс. С фрегата передали, что открывают огонь на поражение, на что репортеры ответили: «Открывайте. Идет прямая трансляция». Тахионный канал действительно связывал глиссер со Свеодрупом, и картинки с камер шли прямо в студию.

Сжечь глиссер «Си-Эн-Эн» на глазах у всей Галактики фрегат не решился. Терпящих бедствие взяли на борт на глазах у термописов. Непейвода и Платон заволокли в глиссер мечущегося в бреду полукровку. Тигран Мазендарян с помощником притащили Сандерсона, который был малость подлечен, но все еще не стоял на своих ногах. Оператор снимал без остановки.

Попав из шлюза в пассажирский салон глиссера, напарники тотчас предупредили, что с Кребдюшина нельзя снимать скафандр – он заразный. А лейб-коммодора положили в медицинский отсек, где им тотчас занялся новейший Автомедик. Глиссер тем временем скакнул в подпространство, подальше от фрегата – береженого бог бережет.

Низенький, толстый, невероятно подвижный Мазендарян скинул скафандр и бегал по глиссеру, размахивая руками и

грозя обрушиться на термописисов общественный гнев всей Галактики. Он изрядно перепугался, увидев палящий из лазерных пушек фрегат, и теперь метал громы и молнии, постепенно приходя в себя.

Платон и Непейвода, не снимая скафандров, сидели в мягких человеческих креслах. Археологу не верилось, что смертельная опасность позади. Ему постоянно хотелось глянуть на экран заднего обзора – проверить, нет ли погони. Он терпел, сколько мог, а потом бросал быстрый взгляд, успокаивался на минуту, и все повторялось.

Помощник Мазендаряна вернулся из медицинского отсека и снял шлем. Рассольников охнул. Перед ним стоял Адриан Папаиоану – обритый наголо, но с длиннющими усами и бородкой клинышком. Он как ни в чем не бывало улыбнулся, обнажив белоснежные зубы, и сказал:

– Раздевайтесь скорей. Яичница с ветчиной перестоит. Глазунье нельзя завяливаться – совсем не тот вкус.

Это был четвертый по счету клон Папаиоану, которого натравили на Рассольникова. Всех качественно выращенных агентов производят на свет десятками и до поры-до времени держат копии в криосейфах.

– Что-о-о?! – проревел муравейник, выхватывая из кобуры бластер.

Археолог выхватил свой. И вот уже холодные стволы «магнумов» щекотали агенту кадык и загривок. Тигран от испуга подпрыгнул и, выпучив глаза, завопил:

– Па-пра-шу ни стрелять на маем карабле! А Папаиоану-4 побледнел, прижался к переборке и зачастил, пытаясь опередить лазерный луч:

– Я не клон! Не клон! Господи! Это с меня! С меня их ле-пили! Старая песня! Снова-здорово! Пару раз едва не при-кончили! Вот опять!

Когда страсти улеглись, и напарники засунули в кобу-ры свое оружие, выяснилось, что этот Адриан Папаиоану – единственный натуральный, и он тридцать лет работает в «Си-Эн-Эн». Именно его клетки были давным-давно похи-щены из клиники после удаления грыжи. С тех пор разведка Лиги вырастила из них целую роту клонов. С некоторыми из собственных клонов Адриану уже пришлось повстречаться. Сталкивался он и с теми, кто невзлюбил его двойников, чу-дом остался жив и от того еще сильнее возненавидел Лигу. Лучшего союзника Платону и Непейводе было не найти.

Глиссер бодро скакал через подпространство, божествен-ная (с отвычки) яичница переваривалась в желудках, и на-парники, прихлебывая из стаканов настоящую текилу, дава-ли бесконечное интервью «Си-Эн-Эн». Кто знает, пойдет ли оно в эфир?..

Эпилог

«Генеральный Пресс-секретарь Лиги Миров господин Чиа Увахемпата-старший так прокомментировал скандал, связанный с планетой Тиугальба: „Деструктивные силы Галактики по-прежнему пытаются внести раскол в дружные ряды союзных цивилизаций. Они используют любой удобный случай для совершения провокаций. Но я заверяю галактическое сообщество: никому не удастся столкнуть нас лбами. Наше нерушимое единство крепнет день ото дня.

Совет Безопасности Лиги Миров с радостью узнал о существовании автохтонных поселений на океанском дне этой многострадальной планеты. Однако превалирующие интересы безопасности тысяч разумных рас заставляют нас очень осторожно подходить к проблеме Kontakta с уцелевшими осколками некогда великой и трагически погибшей цивилизации. Систему строжайших карантинных мероприятий никто не отменял, ибо чудовищный вирус продолжает находиться в почве Тиугальбы и непрерывно мутирует. Что же касается нападения эскадры неизвестной принадлежности на карантинные войска Лиги Миров, оно лишний раз подтвердило необходимость уделять особое внимание укреплению

боеготовности...»

Документ 26 (из потока новостей «Си-Эн-Эн»)

Платон Рассольников и Дванадесятый Дом Симбионтов Непейвода так и не стали героями галактических новостей. Президенту «Си-Эн-Эн» Диме Таггерту позвонили из Совбеза Лиги Миров, и в результате в эфир пошло лишь короткое сообщение о находке фффукуарабского холодильника с личинками Цариц Роя и (через неделю) репортаж о планете Тиугальба. К тому времени на планетарных орбитах снова висели космокатера Карантина, а обломки сбитых судов Империи Термопсис были тщательно собраны и сожжены. Взволнованный рассказ Тиграна Мазендаряна о вероломном нападении неопознанных боевых кораблей на медицинских работников Лиги был растиражирован информационными каналами и прозвучал в триллионах домов, пещер, раковин и ульев Галактики Млечный Путь и Магеллановых Облаков. Он никого не оставил равнодушным. Был объявлен сбор пожертвований семьям погибших, и началось официальное расследование трагедии.

Новый виток отношений Империи Термопсис и Лиги Миров остался тайной для галактической общественности. Внимание прессы теперь было обращено к ФФФукуараби, где происходила коренная ломка социальных устоев. Ксенов по-прежнему не допускали на планету, и скопившиеся на пересадочной станции «Эль-Гарда» сотни репортеров питались исключительно слухами.

Ни Рассольников, ни Дванадесятый Дом, как ни старались, не смогли выполнить обещание, данное Его Темнейшему Всплывательству, и рассказать об агрессии Лиги против Тиугальбы. Оба они имели беседу с чрезвычайно вежливыми, улыбочными чиновниками из Службы расследований Департамента здравоохранения Лиги Миров. По окончании беседы каждый из напарников дал подписку о неразглашении «врачебной тайны», которая случайно стала им известной. Собственноручно поставив подпись под документом, Платон и Непей-вода сожгли за собой мосты. Эта часть их жизни больше не существовала, как и продолжающийся по сей день ксеноцид на Тиугальбе.

* * *

Получив обещанное вознаграждение, Платон стал весьма состоятельным сапиенсом. На Гее-Квадрус он мог бы купить приличный отель и навсегда бросить свои раскопки. Но тамошние пляжи с некоторых пор жгли ему пятки. Рассольников за бесценок продал остатки фазенды, выручил кое-какие деньги за участок на берегу моря, драматически попрощался с девочками из «Голубого трилобита» и сел на рейсовый трансгал.

Когда археолог прилетел на Старую Землю, оказалось, что здесь с его деньгами можно позволить себе лишь самое скромное существование. Да, особняк на побережье Лонг-

Айленда был не-528 плох, но его тут же пришлось продать. Земля под бывшим

Посольством ФФФукураби была подарена Генеральной Ассамблеей ООН муравьятам, а отнюдь не Платону, и платить за нее по расценкам муниципалитета он, конечно, не смог.

Археолог купил себе двухэтажный домик в не столь престижном районе Земли, обустроился на новом месте, перезнакомился с соседями, нашел уютный бар в ближайшем городке, где можно коротать вечера и подкарауливать милых барышень. Как только все необходимые мероприятия были выполнены, он понял, что ему скучно.

Самое время искать себе работу. Платон связался с Юджином Пеньковски из Гарварда. Археолог приготовился долго уговаривать своего старого приятеля, чтобы тот пошел на поклон к декану истфака и попросил за старого приятеля. Не понадобилось. Пеньковски был рад видеть Атлантиду в добром здравии и тут же сообщил, что контракт может быть возобновлен в любой момент. Все ждут не дождутся, когда Рассольников начнет читать виртуальный курс лекций «Археологические основы сравнительной истории колонизации обитаемых планет».

А потом с археологом связался профессор Биттнер из Оксфордского Галактического Университета. Старик узнал новый адрес Платона и сразу набрал номер. Он предложил «своему юному другу» малость поковыряться в земле, то

бишь заняться раскопками не где-нибудь на другом конце Ойкумены, а в самом сердце Тибета. «Шамбалу вы, конечно, не отыщете, зато древние бункера СС – наверняка, – сказал док с обворожительной улыбкой. – Хватит разлеживаться».

И Рассольников с головой окунулся в новую-старую жизнь.

* * *

Лейб-коммодор Бьерн Сандерсон исчез, едва глиссер «Си-Эн-Эн» оказался на Свеодрупе. Официально он считается погибшим вместе с остальными военнослужащими тигальбского Карантина. Могилу бывшего коменданта крепости «Запор-4» на Арлингтонском мемориальном кладбище украшает прекрасный бронзовый бюст работы Микакиса. Если Атлантида когда-нибудь туда попадет, непременно возложит к постаменту свежие цветы.

По возвращении золотого горшка на ФФФукуараби там действительно все переменилось. Разморозив личинки, Домам Симбионтов удалось вернуть к жизни только дюжину из них. Остальные за шесть веков, проведенных в криокамере, получили необратимые повреждения.

Из личинок вылупились полноценные Царицы Роя. Они поселились в заблаговременно построенных для них гигантских муравейниках. Начав размножаться, Царицы плодили здоровые клеточки – все происходило так же, как и тысячи,

миллионы лет фффукуарабской истории. Никакие рекомендации Совета Домов Симбионтов им были не нужны.

Царицы Роя руководили каждым шагом новорожденных «мурашей». Вскоре они захотели взять под жесткий контроль и те безмозглые клеточки, что входили в состав отдельных Домов. Встал вопрос о массовом уничтожении «ходячих муравейников».

Совет Домов Симбионтов, который формально продолжал руководить планетой и день ото дня утрачивал властные функции, раскололся надвое. Добровольные самоубийцы хотели утянуть за собой тех, кто как зеницей ока дорожил своей личностью.

Современное оружие все еще оставалось под контролем Совета. И когда началась гражданская война, в ход пошли лазерные пушки и дезинтеграторы. Три Царицы заживо сгорели вместе со своими муравейниками, десятки Домов утратили личность, погибли миллионы рядовых клеточек, а конфликт так и не был разрешен.

Смертельно перепуганные Царицы объединили на время свои мыслительные способности, образовав могучий коллективный разум. И тот принял соломоново решение – на другие он был не способен. Отныне на ФФФукуараби смогут сосуществовать и отдельные Дома, и всепла-нетный сверхцентрализованный муравейник. Он будет руководить внутренними делами, а все внешние функции – дипломатические, военные, торговые – будут выполнять сохранившиеся

Дома Симбионтов. Их, понятное дело, как можно скорей постараются спровадить с планеты.

Переменам на ФФФукураби никто не мешал. Совет Безопасности Лиги Миров после долгих колебаний решил, что происходящее там никоим образом не усилит цивилизацию – скорее, наоборот. Он смотрел на повальную «царицызацию» планеты сквозь пальцы. «Типичная негуманоидная дурь», – так определил ситуацию Генеральный президент ООН господин Као Синтай, а его голос имел большой вес в Совбезе.

А что же Непейвода? Он теперь – Чрезвычайный и Полномочный Посол ФФФукураби на Старой Земле. Его и без всяких Цариц не хотели пускать на планету – перестал он быть правоверным муравейником. И обратной дороги нет и быть не может – разве что разобрать его по клеточкам и соединить по-другому, образовав совершенно новую личность. Уж коли очеловечился до безобразия, теперь одна дорога – в дипломаты.

* * *

А с родины Кребдюшина Капоте, куда отправили умирающего полукровку, тревожных сообщений пока не поступало. Грибные споры растут так медленно...

Что касается Империи термопсис, то у нее возникли большие неприятности. Когда карательный флот Лиги Миров во

главе с Большим Доктором прибыл к Тиугальбе, эскадры термопсисов и след простыл. Тогда флот подошел к их главной планете и «строил небольшую демонстрацию силы, спалив несколько орбитальных станций. После чего начались долгие и трудные переговоры Совета Безопасности Лиги и „Старших сыновей Царственной Матери“.

Совбез так и не смог договориться с «Сыновьями», и на планетной системе Термопсиса был объявлен карантин со всеми вытекающими последствиями. Мегакоклюш, знаете ли... Любые полеты с Термопсиса и на него строго-настрого запрещены. Все финансовые средства, активы, ценные бумаги цивилизации заморожены. Установлены тахионные глушилки, подавляющие связь с другими мирами. Галактическая Сеть отключена. Военный, торговый и научный флот Термопсиса конфискован для погашения расходов Лиги на проведение карантинных мероприятий. Так что все его связи с Галактикой прекратились. Правда, на планете имеется несколько подпольных нуль-транспортёров, и за их безумно дорогие услуги можно расплачиваться, черпая средства из строго засекреченных авуаров.